

**Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского**

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ: ВЛИЯНИЕ
СФЕР ОБЩЕНИЯ НА ФАКТОРЫ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ**

Монография

Под редакцией О. Б. Сиротининой

Саратов
ООО Издательский Центр «Наука»
2021

УДК 808.2-085.5(082)

ББК, 81.2Р-7

Э94

Авторский коллектив:

С. В. Андреева, А. Н. Байкулова, Т. С. Боц, Е. Ю. Викторова,
И. А. Вороновская, А. А. Гвоздюк, А. В. Дегальцева, А. А. Кисельникова,
М. А. Кормилицына, Е. П. Макеева, А. И. Матяшевская, Т. А. Милёхина;
О. В. Мякшева, О. С. Незнаева, О. В. Никитина, О. Б. Сиротинина,
Н. Г. Тырникова, Е. В. Уздинская.

Э94 **Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения:** Монография /под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов: ООО Издательский Центр «Наука», 2021. – 256 с.

ISBN 978-5-9999-3511-3

Во второй коллективной монографии по исследованию эффективности коммуникации акцент сделан на роль сфер общения с их вариантами в зависимости от участников коммуникации, среды реальных и возможных адресатов, зависимости от формы общения (устная, письменная, Интернет-речь). Конечно, не все варианты – их количество неисчерпаемо, но в основном наиболее значимые для жизни людей. Однако эта монография без параграфов о художественной литературе, естественно, очень важной для развития языка, но настолько зависящей от авторства, что количество вариантов не охватить.

В работе принимали участие члены кафедры и ее бывшие докторанты, аспиранты (см. сведения об авторах) – все, относящие себя к Саратовской школе изучения функционирования русского языка. В параграфах каждого автора представлен не только материал из той или иной сферы общения, но и его исследование с разных точек зрения.

Монография рассчитана на широкий круг лингвистов, прежде всего русистов, может быть полезна вузовским, школьным преподавателям, а также всем, кто интересуется проблемами языка и общения.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Е. А. Елина**
доктор филологических наук, профессор **С. А. Рисинзон**

УДК 808.2-085.5(082)

ББК 81.2Р-7

ISBN 978-5-9999-3511-3

© Авторский коллектив, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (О. Б. Сиротинина)	5
Вспомогательные единицы общения как один из ведущих факторов эффективности / неэффективности коммуникации (С. В. Андреева)	7

РАЗДЕЛ 1. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ

Глава 1. Сфера СМИ

1.1. Вводная к главе (О. Б. Сиротинина)	21
1.2. Речь в сфере СМИ (М. А. Кормилицына)	21
1.3. Дискурсивы, указывающие на норму, как средство повышения эффективности медиатекста (на материале текстов современных газет) (Е. В. Уздинская)	42
1.4. Факторы достижения эффективности в работе телеведущих О. Галькевич и К. Чурикова программы «Отражение» (ОТР) (А. Н. Байкулова, А. А. Гвоздюк).....	52

Глава 2. Научная коммуникация

2.1. Вводная к главе – общие сведения о научной коммуникации (О. Б. Сиротинина)	62
2.2. Оценочный научный дискурс: роль дискурсивов в обеспечении его эффективности (Е. Ю. Викторова)	65
2.3. Пример оформления научной статьи по новым правилам (О. Б. Сиротинина)	79
2.4. Экспрессия как неотъемлемый компонент адресации в научно-популярных видео в Интернете (А. И. Матяшевская)	81
2.5. Из опыта преподавания РКИ китайским студентам: лингвокультурологические особенности употребления обращений (Н. Г. Тырникова)	91
2.6. Из опыта обучения русскому языку китайских студентов в консерватории с использованием художественных и музыкальных произведений тематической и профессиональной направленности (Е. П. Макеева)	98
2.7. Речевое поведение врача в режиме телемедицины (А. А. Кисельникова)	103

Глава 3. Деловое общение

3.1. Вводная к главе (О. Б. Сиротинина)	113
3.2. Эффективность речевой коммуникации в президентском медиадискурсе и фактор адресата (Т. С. Боц)	115
3.3. Корпоративная коммуникация: способы и средства формирования эффективности делового общения в крупных (особенно с участием зарубежных) и мелких российских бизнес-компаниях (Т. А. Милёхина)	124
3.4. Факторы, влияющие на эффективность сетевого делового общения (А. В. Дегальцева)	143
3.5. Баланс официальности / разговорности как критерий эффективности юридической консультации (О. В. Никитина)	156
3.6. Непонимание в речевом взаимодействии руководителей и подчиненных (И. А. Вороновская)	168
3.7. Конфликтогенные риски в официальном вертикальном общении (адресант – подчиненный) (И. А. Вороновская) ...	172
3.8. Изменения в повседневном общении, вызванные развитием новых средств связи: групповая виртуальная коммуникация и существующие риски (А. Н. Байкулова) ...	177

РАЗДЕЛ 2. НЕОФИЦИАЛЬНАЯ СФЕРА И ЕЕ РАЗНОВИДНОСТИ

Глава 1. Бытовая сфера и разновидности разговорной речи

1.1. Вводная к главе. (О. Б. Сиротинина)	189
1.2. Факторы эффективного использования прецедентных феноменов в студенческом общении (О. С. Незнаева)	189
1.3. Новое в семейно-родственной коммуникации (А. Н. Байкулова)	200

РАЗДЕЛ 3. СФЕРА ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Глава 1. Проблемы освоения речи детьми разного возраста

1.1. Вводная к главе (О. Б. Сиротинина)	206
1.2. Онтогенез детской речи: на пути к полноценному и эффективному общению (О. В. Мякшева)	206
Заключение (О. Б. Сиротинина)	230
Библиографический список	231
Сведения об авторах	251

ВВЕДЕНИЕ

Многолетние исследования возможностей русского языка при достижении эффективности коммуникации в рамках Саратовской лингвистической школы показали очень большую роль сфер общения и их разветвлений, что влияет и на изменения господствующих в каждой из сфер факторов, способствующих и затрудняющих эффективность.

В первой книге коллективной монографии основное внимание было сосредоточено на ролях участников общения (адресанта и адресата) и основных способах достижения эффективности [Эффективность ..., 2019].

В результате уже исследованного вторая книга коллективной монографии состоит из 3 разделов: Профессиональные сферы общения (главы: «Сфера СМИ» с параграфами об особенностях разных дискурсов; «Научная речь» с параграфами о научной речи с требованиями к ней в разных типах дискурсах; «Официально-деловая речь» с параграфами о законодательной, корпоративной речи внутри объединений разного типа); «Неофициальные дискурсы» разных типов и особый раздел – Детская речь.

Не всегда это деление строго соблюдено, т. к. возможны еще специальные разделы межкультурного общения и интернет-общения разных типов, чему посвящены отдельные параграфы в соответствующих главах, но, думается, что выбрано более логичное решение.

Если раньше в лингвистике прежде всего учитывались функционально-стилевые различия в использовании всего русского языка, а потом споры о выделении или невыделении религиозного стиля (так и остался спорным) и обращалось внимание на возможность выделения в разговорном стиле подстилей семейного и родственного общения, общения друзей, знакомых, соседей, а также рабочего общения – неофициального профессионального общения между сотрудниками, то теперь очень существенными стали различия не только различия устной и письменной речи, отмеченными еще А. С. Пушкиным, но и в той и другой теперь еще офлайн- и онлайн-общения. Важна по-прежнему замеченная еще в XX в. роль непосредственного (возможность видеть то, о чем идет речь) и опосредованного общения (при возможности только слышать радио, телефон или читать письмо, статью, документ).

Теперь все еще сохранилось до предела пока возможного: в профессиональном общении даже усилившиеся различия не только научной и официально-деловой речи, но и в каждой из них свои регламентированные особенности. Замечены очень существенные различия каждого из институциональных дискурсов: особых медицинских (общение врача с пациентом в условиях больничного или домашнего лечения, интернет-консультаций, рекламных советов и т. д.), финанси-

стов, специалистов в области космонавтики или цифровизации и т. д. В каждом из этих профессиональных дискурсов свои не только понятные лишь их участникам (и то не всегда) термины, но и свои выработанные практикой или навязанные начальством правила и требования, часто формально обязательны, но вряд ли действительно необходимые.

Конечно, учесть все многообразие современных дискурсов в рамках одной монографии немислимо. Поэтому в главах о профессиональных сферах общения будут представлены только некоторые (далеко не все уже исследованы, даже с привлечением специалистов из других вузов).

Во II книге по исследованию эффективной коммуникации в отличие от первой книги принят иной порядок размещения параграфов: в ней 1) выделены разделы на основе типа речи участников коммуникации (ее инициатора, других участников и среды): профессиональная речь, неофициальная речь, (фактически в этом году специально почти не исследовалась) и детская речь. В каждом разделе даны главы с учетом специфики речи участников коммуникации и форм речи в каждой из глав. Наиболее подробно даны параграфы об особенностях научной речи с ее разновидностями и деловой речи, фактически не представлена художественная речь из-за ее зависимости от слишком разнородных факторов.

В вошедших во вторую книгу параграфах в начале глав размещены наиболее типичные особенности, свойственные этой сфере общения, в конце главы гибридные с другими сферами общения (один тип речи у главного участника, другой у адресата и / или среды).

Каждой главе предшествует своеобразное «введение» в нее главного редактора. Разумеется, ни в одном параграфе всех вариантов коммуникации нет. Их необозримое множество. Представлены только наиболее значимые в жизни страны варианты современного общения людей или наоборот, не представлены параграфы о художественных текстах, очень важных для выявления современного развития русского языка, из-за их неисчерпаемости в лингвистике. После введения размещен параграф, дающий представление обо всех проблемах эффективности, рассмотренных в последующих главах.

Вспомогательные единицы общения как один из ведущих факторов эффективности / неэффективности коммуникации (С. В. Андреева)

В исследованиях структуры и функционирования дискурса приоритет долго оставался за полнозначными элементами, реализующими предметно-фактическую информацию. Только в конце прошлого столетия в отечественной науке стала обсуждаться идея о том, что речевое общение происходит как минимум на двух уровнях: информативном, основном, и коммуникативно-организующем, вспомогательном. Внимание к этой важнейшей закономерности коммуникации и самому вспомогательному уровню общения дало лингвистике исследования, значение которых трудно переоценить, поскольку именно **взаимодействие** средств указанных уровней коммуникации обеспечивает ее **эффективность**.

Как подчеркивают отечественные и зарубежные психологи и лингвисты, чтобы быть правильно понятым, адресанту нужно основательно потрудиться: учитывать параметры личности собеседника, его психофизические характеристики, проявлять внимание к его интересам, выражать симпатию, создавать «общую почву», ориентировать адресата в структуре дискурса и т. д. Все это обуславливает выбор определенных средств «вспомогательно-организующего» уровня коммуникации, что обеспечивает «грамотное» кодирование информации, ее упаковку, т. е. **эффективность посылы**. Со стороны адресата интеракция также предполагает не только декодирование поступившей информации, но и раскрытие авторских стратегий, учет фоновых знаний, ситуации общения и структуры дискурса, т. е. раскрытие «упаковочного материала», обеспечивающего **эффективность восприятия** информации.

Одна из важных задач коммуникации – установление взаимопонимания между собеседниками («Это счастье – когда тебя понимают!»). Тем не менее, строго говоря, реально возможно только так называемое «соглашение о понимании». Полноценному пониманию того, что говорит другой человек, «угрожают» самые разные факторы:

- особенности языкового сознания личности;
- возрастные, социальные, гендерные параметры;
- национально-культурная специфика;
- тип речевой культуры, уровень компетенций;
- различия в языковом сознании разных поколений и т. д. (см.

[Андреева 2019]).

Указанные факторы провоцируют несоответствие кодов, семантические барьеры, такие базовые искажения коммуникации, как допущение, обобщение, дополнение (домысливание) и т. д. Именно поэтому в речевом общении необходимы внимательность и осознанность, по

большому счету, постоянная «диагностика» коммуникативной системы, ведь «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется ...».

Если рассматривать коммуникацию как речевую форму управления адресатом, то управление адресатом **с заботой о нем** «возложено» на средства **вспомогательно-организующего уровня** общения. Вспомогательные единицы отражают взаимодействие между автором речи и её адресатом: передают информацию в оценочно-интерпретационном плане (*интересно, к сожалению, бесспорно*), в контакто-регулирующем плане (*представляет, вы знаете*). Кроме того, они направлены на организацию дискурса, его связность, на ориентацию в нём адресата для оптимального восприятия фактуальной информации (*во-первых, последнее, как известно*). Если основные единицы, несущие предметно-фактическую информацию, представляют собой «костяк» речевой коммуникации, то вспомогательные единицы, выполняющие регулятивные и структурирующие функции, привлекаются говорящим **факультативно**.

Использованное в наших исследованиях понятие «вспомогательно-организующего уровня» соотносимо с понятиями «метадискурса» как сферы предъявления коммуникативных смыслов речевого поступка и их интерпретации [Борисова 2009]; «коммуникативного уровня», системно-организующей единицей которого является коммуникативная установка [Безяева 2002]; «вспомогательной системы дискурса» [Викторова 2015].

К положению о вспомогательном уровне общения близка теория О. Б. Йокоямы о семи видах знания, в том числе метаинформационном, совершенно необходимом для успешного осуществления информационного дискурса [Йокояма 2005]. Для нас важно ее утверждение о том, что средства передачи метаинформационного знания (знание кода и дискурсивной ситуации) вырабатываются в каждом языке, следовательно, само это знание универсально для разных языковых систем и без него невозможен успешный прием фактуальной информации.

Вспомогательные единицы как номинативно малозначимые элементы до сих пор изучены явно недостаточно, хотя ученые признают их важную роль в речи. Несомненно, что «роль подобных слов в дискурсе очень велика, служебной ролью, подобно предлогам и вспомогательным глаголам, явно не ограничивается. И хотя ежегодно появляются все новые и новые публикации, связанные с этой проблемой (С. В. Андреева, В. Н. Шаронов, О. Б. Сиротина, Е. Ю. Викторова), специальные словари дискурсивных, служебных и структурных слов, больших сдвигов по решению этой проблемы все еще нет. А проблема касается всех языков, и ее решение не терпит отлагательства» [Сиротина 2010a: 299].

Исследование вспомогательных единиц коммуникации (без использования этого термина) началось в зарубежной лингвистике [Schiffrin 1982; Schourup 1985; Erman 1986]. Англоязычная научная

литература отражает интерес к разнообразным дискурсивным элементам: в фокусе внимания ученых находятся связки («connectives») [Rey 1997], дискурсивные элементы («discourse markers», «formulae») как монолога, так и диалога [Schiffrin 1987, 2006; Kim et al. 2000; Louwerse et al. 2003]. В англистике дискурсивные единицы («discourse markers», «inserts», «function words») получили освещение и в современных грамматиках [Longman 2000; A Comprehensive 2003].

Активному изучению вспомогательных единиц в отечественной лингвистике предшествовали исследования модальных и вводных слов, эти единицы рассматривались в разное время и в разных аспектах (см. [Викторова 2015: 21, 28]). В аспекте организации высказывания и дискурса в целом как дискурсивные, структурные элементы они начали рассматриваться в последнем десятилетии прошлого века [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Словарь ..., 1997; Дискурсивные ..., 1998, 2003 и др.].

В последнее время появилось немало работ саратовских лингвистов, посвященных определению семантических и структурных особенностей вспомогательных единиц, способам их классификации и систематизации. Исследования проводятся с разных позиций, и в соответствии с этим вспомогательные единицы по-разному обозначаются: «метатекстовые средства», «текстообразующие средства» [Харламова 2000], «рефлексивы» [Кормилицына 2000], «коммуникативы» [Колокольцева 2001], «вспомогательные единицы коммуникации» [Андреева 2004], «дискурсивные слова» [Сиротинина 2005], «этикетные составляющие общения» [Рисинзон 2010], «вспомогательные коммуникативные единицы» [Викторова 2015]. В последнее время все чаще используются термины «дискурсивы» и «дискурсивные единицы» (далее ДЕ).

Принципы и методика выделения единиц устного дискурса были обоснованы в нашей статье, опубликованной в журнале Российской академии наук «Вопросы языкознания» в 2004 г. Затем они развивались и были изложены в монографиях [Андреева 2005, 2012, 2018]. В нашем исследовании континуума речевой коммуникации осуществляется как классификационный, так и системный подход. Классификационный подход предполагает, прежде всего, определение дифференциальных признаков и на их основе разграничение единиц. Системный подход нацелен на определение интегральных признаков и выявление взаимосвязей между ними. Сочетание классификационного и системного подходов дает возможность не только вычленять вспомогательные единицы, но и раскрывать их внутренние связи, взаимодействия с основными единицами, закономерности функционирования на вспомогательно-организующем уровне общения.

Выявлен континуум единиц коммуникации, представленный функциональными зонами основных и вспомогательных единиц. Установлено, что комплекс зон имеет признаки полевой системности.

Так, наряду с монофункциональными вспомогательными единицами функционируют полифункциональные и синкретичные. Диффузность зон определяет и диффузность функций данных единиц. Синкретичные единицы относятся к пространствам наложения зон речевой коммуникации: в разных комбинациях они могут совмещать информативную, регулятивную и структурирующую функции. Функциональная специфика вспомогательных единиц демонстрирует дискретно-континуальную природу языка-речи.

Дискурсивы не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения не предметны, поэтому их можно изучать только через употребление. Это класс семантически и структурно разнородных единиц, имеющих в дискурсе «ситуативно-прагматическое содержание». По сути, это «функционально-прагматическая категория с набором скорее потенциальных, чем обязательных признаков» [Викторова 2015: 36]. Действительно, нужно признать, что исследователи вспомогательных единиц неизбежно сталкиваются с **проблемными вопросами**. И первый из них – **объем** исследуемого понятия и **его границы**. Лингвисты по-разному определяют объем класса этих слов. К тому же эта «особая система транскатегориальных единиц» (термин Е. Ю. Викторовой) постоянно пополняется новыми единицами посредством процессов десемантизации, прагматикализации и грамматикализации.

Тем не менее нам представляется возможным определить принципы (критерии) выделения единиц вспомогательно-организующего уровня на основе набора из 5 признаков:

- 1) вид информации (не фактуальная, а вспомогательная);
- 2) дискурсивная сущность (конкретный коммуникативный смысл приобретает только в дискурсе);
- 3) основная прагматическая роль – забота об адресате, организация общения;
- 4) не составляют синтаксический «костяк» дискурса, так как их функционирование ограничено конкретными регулятивными и организаторскими задачами и поэтому факультативно;
- 5) номинативные единицы подвергаются функционально-семантической трансформации (десемантизации, «выветриванию» категории предикативности вплоть до формальной).

В нашей работе к вспомогательным единицам в широком понимании этого термина относим не только отдельные слова разных частей речи, но и словосочетания и целые предложения: вводно-модальные слова и конструкции, модальные глаголы и предикативы, наречия-интенсификаторы, не включая служебные части речи и этикетные выражения.

Второй момент. Определенную сложность вызывает выявление и описание вспомогательных единиц, не специализированных на выполнении речеорганизующих функций. В реальной коммуникации частотны неспециализированные вспомогательные единицы, демон-

стрирующие **функционально-семантические трансформации** языковых единиц (*скажем, слышишь, смотри* и т. п.).

В ряде наших предшествующих работ было выявлено, что функционально-семантическая трансформация языковых единиц в речи (глагольных лексем и предикативных единиц) носит градуальный характер в зависимости от степени десемантизации, в том числе:

- модификации исходного лексического значения единицы вплоть до десемантизации;
- «отдаления» (абстрагированием) от соответствующего денотата;
- «выветривания» категории предикативности вплоть до формальной.

Следовательно, можно говорить о том, что в русском языке все еще идет процесс формирования функционального класса вспомогательных единиц, к которому относятся не только специализированные дискурсивные слова. Состав единиц вспомогательно-организующего уровня расширяется за счет неспециализированных для данного уровня единиц (предикативно оформленных, но с регулятивной или структурирующей направленностью). На пути «дискурсивизации» и «прагматизации» обнаруживаются единицы с разной степенью утраты номинативного содержания.

Как справедливо утверждает О. Б. Сиротина, при изучении реальной речевой коммуникации «одной из актуальных и сложных оказалась проблема классификации языковых единиц на основе их коммуникативной роли в конкретных дискурсах. Есть неотложные задачи внутри изучения речевой коммуникации и ее основного механизма – языка. Переход к исследованию конкретных дискурсов сразу же выявил "прорехи" традиционной лингвистики с ее довольно четким делением слов на знаменательные и служебные. Уже давно был установлен факт перехода ряда слов из одного разряда в другой. Но изучение конкретных дискурсов поставило задачу более сложного деления слов по выполняемым ими функциям в дискурсе (работы Л. Теньера, Г. В. Валимовой, И. И. Прибыток, В. Ю. Меликяна, С. В. Андреевой и др.)» [Сиротина 2010а: 298].

Таким образом, вопрос об объеме исследуемого понятия и составе единиц этого уровня коммуникации оказывается дискуссионным. Его решение – дело будущих исследований.

Фактор эффективности / неэффективности использования единиц вспомогательно-организующего уровня работает во всех сферах общения. Для сравнения мы исследовали устные дискурсы 3-х сфер общения: научной, разговорно-бытовой и массово-информационной.

Согласно нашей методике, представляется целесообразным обобщенно выделять 2 типа дискурсивов: регулятивной направленности и структурирующей направленности. Безусловно, такое деление является во многом условным. Тем не менее оно позволяет выявить

соотношение зон коммуникации, их основных и вспомогательных единиц, в виде своеобразных «векторов» (термин В. Г. Костомарова) общения в разных сферах.

Научный дискурс исследован на материале объемом 15000 словоупотреблений (выступления ученых перед студентами, на заседаниях и защитах диссертаций). Приведем пример анализа фрагмента монологической речи преподавателя вуза на лекции по синтаксису современного русского языка (лекция не читалась, а «говорила» при свободном использовании лектором плана-конспекта и подготовленных примеров).

*... Теперь записываем новую тему // Рядом с «Типами сказуемых» стоит тема / «Односоставные предложения» // **Первый вопрос** // Понятие об односоставных предложениях / и их типология // **Записали? Продолжаем** // Впервые на односоставные предложения / обратил внимание Шахматов // **Точнее говоря** / обратил внимание на явление односоставности // **К слову** / в «Грамматике-80» употребляются термины «однокомпонентные и двукомпонентные предложения» // **Итак** / природа главного члена такого предложения неодно ... оценивается неоднозначно // Уже Шахматов указывал на лишь формальное сходство / фактического нет / главного члена односоставного предложения / с подлежащим или сказуемым двусоставного // **Нужно заметить** / что в школьной грамматике / «Зима» / это назывное предложение / главный член которого / подлежащее // **Но дело в том что** / мм... главный член односоставного предложения совмещает значение субъекта и предиката / концентрируя в себе всё предикативное значение // Поэтому / большинство учёных не называют такой главный член ни подлежащим / ни сказуемым не считают // В научной грамматике иногда говорят о недифференцированном главном члене / **можно так его называть** //*

*Как классифицируют односоставные предложения? В научной грамматике при классификации односоставных предложений / учитываются следующие три признака // **Первый признак** // Формальная аналогия с двусоставным предложением // Этот признак лежит в основе деления на «бесподлежащие» / (обращаясь к студенту) «бесподлежащие» / через «эс» / и «бессказуемые» // **Следующий признак** // По морфологической природе главного члена / глагольные и именные // **И третий признак** // По отношению к лицу делятся на личные и безличные //*

В приведенном фрагменте нами выделены следующие дискурсивы регулятивной направленности, отражающие взаимодействие между лектором и слушающими.

Записали? Продолжаем // – посредством предикативных единиц с регулятивной функцией лектор поддерживает контакт со слушающими.

Поскольку для лектора важна терминологическая строгость, используются дискурсивы «самооценки речи» как метаязыковой комментарий: *Точнее говоря* / – указывается на необходимость исправления неточного обозначения факта, *так можно его называть* // – на допустимость определенной номинации.

Но дело в том что / – вводится разъяснение, уточнение научного положения. *Нужно заметить* / – акцентируется внимание слушателей на фрагменте дискурса.

Научный дискурс не обходится и без дискурсивов структурирующей направленности.

Первый вопрос // Первый признак // Следующий признак // И третий признак // – скрепы-фразы выполняют функцию сигнала перехода к новому положению, обнажая логику лекции.

К слову / – дает возможность вставить незапланированную мысль, ассоциативно связанную с предтекстом, не нарушая при этом логики речи. *Итак* / – в данном случае является не сигналом завершения рассуждения, а указанием на продолжение заявленной темы. *Теперь записываем новую тему* // – предикативные единицы выполняют как регулятивную функцию (подготовить слушателя, настроить на восприятие фактуальной информации), так и структурирующую (отграничить новую информацию от предшествующей, ориентировать адресата в структуре дискурса).

В результате функционального и количественного анализа выявлены особенности функционирования ДЕ в устных дискурсах 3-х сфер общения.

В научном дискурсе ДЕ активно используются для «конвоя» (термин Т. М. Николаевой) предметно-фактической информации (17,5%): 9,4% – ДЕ регулятивной направленности, 8,1% – структурирующей. Первые несколько превалируют, так как устная форма диктует необходимость регулирования общения с аудиторией.

Разговорно-бытовой дискурс характеризуется самым малым количеством дискурсивов – 3,4%. Большая часть из них – это единицы регулятивной направленности (2,7%). ДЕ структурирующей направленности здесь практически не представлены, так как они менее всего релевантны для разговорно-бытового дискурса, не ориентированного из-за наличия обширной общей апперцепционной базы коммуникантов на возможность множественности интерпретаций и в связи с этим на необходимость четкой организации дискурса.

В массово-информационном дискурсе удельный вес ДЕ значительно увеличен по сравнению с разговорно-бытовым (15,2%): 10,2% – единицы регулятивной направленности, 5,1% – структурирующей направленности. ДЕ дают возможность как для проявления личностного начала говорящего, так и для дискурсивных действий публицистического характера (сравнение, аргументирование, обобщение, объяснение).

Таким образом, можно говорить о том, что каждый тип устного дискурса в зависимости от сферы и среды общения характеризуется своим соотношением информативного, регулятивного и структурирующего «векторов», определяющим и соотношением в нем речевых единиц, что реализует тезис о языковом единстве и речевом варьировании сфер общения.

В фокусе нашего внимания не могла не оказаться интернет-коммуникация (та сфера существования языка, которая сейчас выходит едва ли не на первое место по числу пользователей Интернетом, причём чаще всего молодёжи). Как известно, с развитием Интернета и все усиливающимся его внедрением в повседневную жизнь становятся слабее различия письменной и устной форм речи. Ослабляется в письменной речи роль ее предварительной продуманности (иногда исчезает полностью) и, наоборот, усиливаются принципиальные различия выражения обозначаемого, возрастает индивидуальность употребления, что в свою очередь снижает эффективность понимания. В связи с этим в любом опосредованном общении, когда в поле зрения адресанта нет адресата, особенно важны выбор и использование определенных средств вспомогательно-организующего уровня, т. е. «эффективность посылки», а это не всегда осознается.

Стоит заметить, что в науке в настоящее время не существует общепринятой терминологической базы, описывающей специфику общения в сети Интернет. Существующий набор терминов до сих пор вызывает дискуссии среди исследователей и представляет собой сочетания существительного *коммуникация* или *дискурс* с прилагательными *электронный, сетевой, компьютерный, компьютерно-опосредованный*. Наш выбор в качестве базового термина *дискурс*, а не *коммуникация* обусловлен тем, что понятие *коммуникация* непосредственно связано с техническим каналом общения. Термин же *дискурс* вполне можно применять в тех случаях, когда речь идёт о конкретной сфере деятельности коммуникантов, что для нас и является важным. На наш взгляд, интернет-дискурс является составной частью интернет-коммуникации.

Популярными жанрами «устно-письменного дискурса» можно считать блоги и форумы. Форумы предназначены для коллективного обсуждения того или иного вопроса, в центре блогов – сама личность автора, проявляющаяся в дневниковых записях; «форумчане» пишут на интересующую «всех» тему, блогер же выбирает тему сам, а сообщество формируется вокруг интересов автора.

Материалом для наблюдений за использованием ДЕ послужили письменные интернет-дискурсы блогов и форумов (по 15000 словоупотреблений), посвящённые теме образования, воспитания детей, путешествий, кино и музыки и др. По результатам количественного анализа, на 15000 словоупотреблений в блогах приходится 7,0% ДЕ, а в форумах – 8,4%.

Дальнейший анализ показал, что в блогах, как и ожидалось, доминируют регулятивные дискурсивы – 5,2% от общего количества ДЕ. Нередко в сопровождении «графических помощников», параграфических элементов, они успешно выполняют усилительно-выделительные функции (1, 2). Графические дополнения к дискурсивам (👉 📌) воспринимаются пишущим и читающими как возможность самовыражения, самораскрытия в письменной форме, как привнесение в письменную речь интонаций и экспрессии речи устной. Орфографическое и пунктуационное оформление всех приведенных примеров соответствует источнику:

(1) ... мне до красивой цифры "10 тысяч" осталось набрать 300 подписчиков 😊 И я очень хочу на Новый год себе такой подарок 😊 👉 Дело, **в сущности**, не в красивой цифре, а в том, какие новые функции за неё мне подарит инстаграм.

(2) #LUNA3 подключается к приложению в смартфоне, где очень просто показано как и какое время чистить кожу и массировать. Никаких сомнений в правильности действий, **главное** повторять все как на видео 📺 Это очень удобно и экономит время, **а главное** это грамотный домашний уход, который, как оказалось, просто незаменим.

В (3) выделенные дискурсивы, явные «организаторы», также используются скорее для выделения и усиления, чем для перечисления:

(3) Это блог об этимологии и необычных словах, а в каждом посте – загадка в стиле ЧГК 😊 Вообще мне ближе более "личные" блоги, в которых не только есть информационный контент, а ещё и видно автора. Но этот паблик – исключение. **Во-первых**, в нем очень много интересной – и достоверной информации. **Во-вторых**, я знаю, что ведёт его один человек (а это очень нетипично для таких крупных пабликов) ...

Частотны здесь дискурсивы, выполняющие функции повышения категоричности, уверенности (4, 5):

(4) Второй сезон должен быть про Фукусиму. Там же идиотизма было гораздо больше чем у нас. И от правительства замалчивали обстановку не сутки, а больше недели. И понять ниче не могли. И смертников-добровольцев набирали. И сакэ, **наверняка**, трескали пока разбирались.

(5) Круизный отдых на лайнере того стоит **однозначно!** Кто хоть раз съездил, поедет обязательно снова!

В форумах несколько более высокочастотными оказались структурирующие ДЕ: их 4,5%, тогда как регулятивных – 3,9%. Структурирующие дискурсивы усиливают логичность и доказательность собственных рассуждений (1), уточняют источник информации

(2, 3), позволяют вставить незапланированную мысль, возникшую по ассоциации (4):

(1) *Назвать женщину словом, обозначающим человека мужского пола – значит унижить её и не признать её заслуги в профессии. Следовательно, предложения вроде «Какой писатель сочинил этот роман?» будут исключены из речевой практики.*

(2) *Ну, как мне в своё время говорили перед защитой диплома: "15 минут позора - и ты свободна, об этом и думай)))))".*

(3) *Дэнни Бойл отложил съёмки «Solomon Grundy», так как, по его словам, сюжеты обеих картин очень похожи друг на друга.*

(4) *... самый знаменитый и уникальный перекрёсток – Shibuya Crossing. Он является самым загруженным в мире! В день здесь проходят около 2 млн человек ☺ Секрет перекрестка в том, что зеленый свет включается для пешеходов во всех направлениях одновременно. И кстати, удивляет то, что в Японии абсолютно безопасно! Можно не переживать за оставленные вещи или карманы, их никто здесь не тронет. Токио признан одним из самых безопасных мегаполисов мира!* 🏙️

Как представляется, значительное преобладание регулятивных ДЕ в блогах можно объяснить стремлением к речевой самореализации, самопрезентации. Если собеседники не знакомы друг с другом, текст обезличивается полностью. Поэтому посредством ДЕ выражается отношение автора к событиям, оценка происходящего, выделяется главное, расставляются акценты. Проанализированный материал подтверждает «серьезные изменения в самом процессе речевой коммуникации, <...> которые привели к усилению личностного начала в русской речи. Активизируются многочисленные средства «зоны Я» [Степанов 1985: 56].

В форумах, напротив, больше структурирующих ДЕ, которые позволяют аргументировать авторский взгляд на обсуждаемые проблемы, выстраивать логику изложения и убеждения, указывать источник информации.

Итак, интернет-материал показал, что вспомогательные единицы выступают как средство самовыражения виртуальной коммуникативной личности, что особенно важно в технически опосредованном общении.

Важной частью исследования считаем рассмотрение аспекта изучения ДЕ в современной школе. В терминологии школьных учебников, вспомогательные единицы общения рассматриваются в разделе «Синтаксис» и именуются «вводными словами». Материалом исследования стали сочинения школьников, так как именно в сочинениях можно обнаружить демонстрацию языковых способностей, коммуникативных компетенций обучающихся. Проанализированы сочинения учащихся 8-х классов (56 работ) и 10-х классов (54 работы). Подсчеты показали,

что количество употребленных школьниками дискурсивов очень невелико: у восьмиклассников – 2,8%, у десятиклассников – 3,5%.

В сочинениях учащихся 8-х классов выявлено доминирование единиц регулятивной направленности, в частности субъективно-модальных, дискурсивов-эмотивов: *Девочки готовы унизить любого человека. А знаете за что? За всё, даже если ей не понравилось как ты посмотрел на неё, её подруг. К счастью, я не являюсь таким человеком.*

Частотность дискурсивов этой направленности объясняется тем, что подростки 13–14 лет эмоционально реагируют на реалии мира, им важно выражать своё отношение к происходящему и «быть услышанными».

В сочинениях десятиклассников доминируют ДЕ структурирующей направленности, в частности организационно-структурные: *В такие моменты я обожаю детей, они иногда такую несуразицу могут ляпнуть, с одной стороны, мне очень смешно становится, а с другой стороны «устаи младенца глаголет истина».*

Более значительный удельный вес структурирующих дискурсивов обусловлен, видимо, тем, что учащиеся 10-х классов стремятся к «весомости» своих суждений. В этом возрасте для них важно быть убедительными и логичными в коммуникации. Думается, что выявленные качественные различия в употреблении ДЕ учащимися 8-х и 10-х классов можно объяснить особенностями психо-эмоционального развития в определённом возрасте.

В рамках нашего исследования 30-ти учащимся 8-х классов был предложен своеобразный клоуз-тест – письменное задание «Восстанови вспомогательные единицы общения!». Из исходного текста, посвящённого русскому языку, было изъято 11 вводных слов (13 употреблений). Приведем небольшой фрагмент текста, из которого были изъяты вводные компоненты (в анкетах вместо выделенных слов стояло многоточие):

Известно, что слово «домик» – от «дом», «листик» – от «лист», и образовались они, несомненно, с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса ИК.

Следовательно, «зонтик» получился так же?

А вот и нет ...

В результате анализа клоуз-тестов восьмиклассников мы пришли к выводу, что редкие совпадения с оригиналом (синонимичные замены) обусловлены недостаточностью компетенций и навыков в употреблении вводных слов. Основная причина затруднений – в непроработанности такого аспекта, как функции и роли этих слов в «живом» общении. Это свидетельствует о том, что изучение вводных слов не дало учащимся полной картины их функционирования в речи как вспомогательных единиц общения.

Анализ темы «Вводные слова, словосочетания и предложения» в разных «линейках» школьных программ и современных учебников показал, что в них практически отсутствует внимание к **функциональному потенциалу** вводных слов и предложений, а, следовательно, – к **деятельностному подходу** в обучении, **формированию активной языковой личности**. Во время изучения темы восьмиклассники тренируют навыки выразительного чтения, расставляют знаки препинания в предложениях с вводными конструкциями, заменяют одни слова другими той же тематической группы. Этого, безусловно, недостаточно. Стоит разнообразить материал учебников заданиями, формирующими коммуникативные компетенции в разных речевых ситуациях, а также дидактическими текстами всех типов речи, с помощью которых будут усвоены как общие, так и ситуативные функции вводных слов.

Нельзя не отметить, что в сочинениях школьников встречались дискурсивы типа *на самом деле, короче, значит* и под., когда они были неуместны: *Короче, я начала рассказывать им (родителям) про переезд, и мама серьезно не отнеслась к моим планам.*

Как известно, такие «заполнители пауз» часто встречаются в непринужденной речи молодежи, нередко буквально «забитой» словами-паразитами. Излишнее употребление вспомогательных единиц, несомненно, снижает эффект коммуникации.

Таким образом, можно сказать, что степень разнообразия и активности использования ДЕ во многом зависит от уровня владения языком, коммуникативных компетенций личности. Как не вспомнить пример речи малокультурного человека из «Повести о капитане Копейкине» Н. В. Гоголя: «Ну, можете представить себе: эдакой какой-нибудь, то есть, капитан Копейкин и очутился вдруг в столице, которой подобно, так сказать, нет в мире ...».

При явных нарушениях экологии общения дискурсивы могут выполнять «терапевтическую функцию», реализуя «терапевтические ресурсы» вспомогательно-организующего уровня общения. Коммуникативно-экологическая функция ДЕ проявляется в предотвращении разного рода коммуникативных неудач и конфликтов, по сути, – «в оптимизации прагматики человеческого общения в широком смысле» [Шаховский, Солодовникова 2009: 7].

Перспективы изучения единиц вспомогательно-организующего уровня коммуникации мы связываем с решением проблемных вопросов о границах исследуемого явления, его системности, выявлением полевой структуры данного явления. Дальнейшее изучение предполагает уточнение семантики и прагматики, определение специфики использования рассматриваемых единиц в разных видах речи.

Использование вспомогательных единиц «обусловлено рядом факторов собственно лингвистического, социолингвистического, психолингвистического и культурного характера. Именно такой взгляд на

эти единицы позволяет вывести их из текстового уровня, в рамках которого они долгое время рассматривались (например, как метатекстовые конструкции), на дискурсивный и представить анализ их функционирования в совокупности указанных факторов» [Викторова 2015: 7]. Представляется перспективным выявление специфики функционирования вспомогательных единиц в разных этнокультурах, а также их роли в идиостиле писателей. Пристальное внимание к особенностям использования вспомогательных единиц говорящим (пишущим) необходимо и в экспертно-криминалистической практике.

Большой интерес представляет общение, опосредованное техническими устройствами: СМС-общение, интернет-речь, где минимум информации о собеседнике инициирует пристальное внимание к метатекстовым «подсказкам». В этих условиях вспомогательные единицы могут «проявлять» черты реальной языковой личности в виртуальном образе собеседника.

Результаты теоретического и практического изучения вспомогательных единиц могут использоваться и для повышения эффективности общения человека с «интеллектуальными» системами, в разработке компьютерно-лингвистических приложений при автоматической обработке естественного языка. Создатели «интеллектуальных» систем и лингвисты констатируют, что естественные тексты плохо поддаются формализации, и поэтому во многих действующих подходах преобладают эмпирические решения. Действительно, невозможно передать формальными средствами все языковые факты, особенно неоднозначные или транслирующие не фактуальную, а дискурсивную информацию. По результатам широкого лингвистического эксперимента делается попытка определить пределы возможного в машинном переводе и – шире – вообще в автоматической обработке естественного языка [Мельчук 1995; Языковая картина ..., 2006; Апресян, Богуславский, Йомдин, Санников 2010].

Единицы с разной информативностью можно представить в виде шкалы: основные – вспомогательные – информационный мусор. При автоматической обработке речи неизбежны потери части содержания («информационный сброс»). Учет закономерностей формирования и языкового выражения информационных, метаинформационных и «мусорных» компонентов позволит устранить избыточность текста за счет пропуска единиц с малым информационным весом.

С другой стороны, исследователи приходят к неожиданному и своевременному выводу о том, что «компьютерный анализ текстов является тем экспериментальным полигоном, на котором можно проверять не только отдельные грамматические правила, но и целостную лингвистическую модель языка, т. е. адекватность лингвистической теории» [Апресян, Богуславский, Йомдин, Санников 2010]. Ученые убедительно доказали, что в синтаксическом анализаторе системы машинного перевода неизбежно остаются белые пятна и лакуны.

Многие лингвистические факты, в том числе критически существенные для работы анализатора, никогда не попадали в поле зрения ученых просто потому, что они не имели возможности оперировать материалом неверного или неожиданного синтаксического разбора предложений. Именно такой материал поставляет система автоматической обработки текстов, а работа с ним позволяет выявить лакуны научного описания и устранить их. Представляется, что описание единиц вспомогательно-организующего уровня коммуникации может внести существенный вклад в процесс «взаимообогащения» лингвистической теории и «интеллектуальных» систем (см. [Андреева 2011]).

В заключение отметим, что исследование функционирования вспомогательных единиц может способствовать решению теоретических вопросов о том, как инвариантная система языка репрезентируется в разных типах речи, как в функционально синкретичных единицах проявляется дискретно-континуальная природа языка-речи. Изучение функционирования единиц вспомогательно-организующего уровня как средства повышения эффективности коммуникации можно считать актуальной теоретико-методологической проблемой лингвоэкологии. Можно утверждать также, что в практическом плане вспомогательные единицы общения являются одним из ведущих факторов эффективности / неэффективности диалогов «человек – человек» и «человек – машина».

РАЗДЕЛ 1. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ

ГЛАВА 1. СФЕРА СМИ

1.1. Вводная к главе (О. Б. Сиротина)

Современные СМИ в отличие от прошлого гораздо шире включают в передачи не только речь журналистов, которая в основе всё же остается профессиональной, но, как отмечает Н. И. Клушина в своей монографии [Клушина 2018], уже далека от публицистического функционального стиля литературного русского языка и названа медийной из-за регулярных отступлений от его норм. Поэтому современные СМИ обладают значительной гибридность не только с разговорным стилем, но даже с нелитературными разновидностями русского языка (говоры, жаргоны, просторечие) и самовыражениями, англицизмами без нужды в них и далеко не всем понятными. Именно этому посвящены размещенные в главе о речи СМИ параграфы.

К этой же главе мог бы быть отнесен параграф о речи Президента, широко транслируемой именно через СМИ, хотя, конечно, его речь – это не речь журналиста и с ещё большим основанием параграф о ней размещен в главе о деловой речи, как ее особой разновидности.

1.2. Речь в сфере СМИ (М. А. Кормилицына)

Мы живём во время слома книжной и нарождении цифровой эпохи, что не может не сказаться не только на сознании человека и речевом взаимодействии людей, но и, в конечном счёте, на самом литературном русском языке. Эти перемены часто называют цифровой революцией, которая изменяет человека и его мир быстрее, чем предыдущая промышленная революция. Интернет перестаёт быть только инструментом. «Он становится важным участником, игроком нашего мира глобальной лотереи, т. е. нескончаемого коммуникативно-информационного потока, в котором **все вещают без перерыва и без стеснения обо всём для всех**» [Гайда 2018: 24] (выделение наше – М. К.). Резко увеличивается и усложняется публичное коммуникативное пространство, и медиасфера становится влиятельнейшей сферой литературного языка. Можно согласиться с определением языка медиа как «усреднённого языка нации», потому что он «охватывает всю жизнь нации – всё то, что имеет общественный интерес» [Солганик 2017: 19]. Исследователи языка медиасферы отмечают, что сейчас фактически исчезает высокий стиль, наступает «низкое», сглаживаются и унифицируются индивидуальные стили. Процесс резкого расширения публичной сферы приводит к хаотичности и редуцированности

информации из-за её колоссального объема, к изменению авторитетов (ими становятся скандальные медийные личности) [Клушина 2018]. Резко увеличивается количество сигналов просторечно-разговорного стиля, который фактически является письменной фиксацией разговорного узуса и поэтому комфортен для пользователей русским языком. Об этом не раз писала Г. П. Нецименко, отмечая, что «число реальных *носителей* литературной нормы снижается по сравнению с возрастанием количества активных *участников* публичной коммуникации», уровень коммуникативной компетенции которых слишком низок для того, чтобы порождаемые ими тексты могли без ущерба для окружающих тиражироваться на массовую аудиторию» [Нецименко 2012: 306]. Н. И. Клушина отмечает, что теперь уже почти не осталось носителей литературного русского языка, все уже используют медийный язык [Клушина 2018]. В. Г. Костомаров даже считает, что в русском языке уже не соблюдается его функционально-стилевая дифференциация, а О. Б. Сиротинина считает такие виды коммуникации гибридными (см. Введение).

В этом разделе, посвящённом изучению влияния медийной сферы на эффективность коммуникации, представлены в редуцированном и систематизированном виде результаты наших многолетних (2000–2021 гг.) наблюдений над языком средств массовой коммуникации в России (Проблемы речевой коммуникации. Вып. 1–18). Основное внимание уделяется специфическим характеристикам современных медиа, процессам и тенденциям изменений, происходящих в медиасфере.

Важнейшими из этих характеристик мы считаем **интерактивность и подчёркнутую адресованность медиакommunikации**. Подробный анализ самих этих особенностей и средств их реализации дан в коллективной монографии «Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приёмы её достижения» [Эффективность ..., 2019]. Напомним только, что очень важно при анализе учитывать особенности разных форм медийного общения. В **устной форме** имеет место вовлеченность говорящего и адресата в ситуацию, что позволяет в большинстве ситуаций мгновенно реагировать на реакцию адресата и процесс понимания им сказанного, так как «в устной форме порождение и понимание происходит синхронизировано» [Кибрик 2009: 4]. В **устно-письменной форме (интернет-общении)** при отстраненности автора и адресата от передаваемой информации, благодаря техническим и технологическим возможностям Интернета, возможно установление мгновенного контакта с получателем, хотя этот контакт всё же остаётся опосредованным. Создаётся лишь «кажимость» живого общения, доверительной беседы с адресатом, сглаживаются различия устной и письменной формы взаимодействия. Тем не менее адресант часто не может использовать все возможности языка, например, богатый арсенал невербальных средств. Вовлекая адресата в совместную деятельность, а порой и принуждая

его к этому, он включает его «в структуру своих знаний, значений и смыслов». Принцип аудитории заставляет масс-медиа действовать как механизм «подгонки», «настройки» различных текстов под параметры аудитории [Полонский 2013: 193]. В **письменной коммуникации** адресант стремится преодолеть физическую разобщенность, дистантность получателя информации и старается хотя бы содержательно обеспечить личностный контакт, усилить эффект воздействия на адресата, установить обратную связь с ним. С этой целью используются самые разнообразные тактики гармонизации общения, реализующие так называемую «языковую солидарность», подчеркивающие равноправие всех участников коммуникации. Такой эффект достигается использованием целого ряда риторических категорий и речевых приёмов внутренней диалогизации, средствами выражения категории разговорности и др.

1. Интерактивность и адресованность медиакommunikации тесно связаны с ещё одной важнейшей категорией, обеспечивающей эффективность массмедиа. **Это приемлемость (восприимчивость, доходчивость)**. Медиа могут быть интересны только в том случае, если упомянутые в них факты изложены логично и доступно, а приведенные аргументы выглядят убедительными. Адресанту необходимо не только отобрать достоверную информацию, но и организовать и структурировать её таким образом, чтобы она стала удобной для восприятия, могла привлечь и удержать внимание адресата. Для этого ему приходится использовать разнообразные языковые приёмы, которые должны помочь адресату с легкостью следовать за мыслью автора сообщения, правильно трактовать замысел и идею материала. Заботиться о понимании адресатом сообщения становится едва ли не основной функцией медиа. Адресант основное внимание уделяет речевым способам и языковым средствам актуализации содержания медиа, помогающим адресату избежать непонимания содержания и интенций адресанта. Самое главное – достичь максимально эффективного воздействия на адресата. В случае сомнений в этом, приходится корректировать стратегию или находить другие средства её реализации. Это особенно сложно сделать из-за частой дистантности участников общения, ведь адресат разнороден не только психологически, но и по возрасту, социальному статусу, профессии, уровню образования [Леонтьев 1999] (см. об этом подробнее в [Рискогенность ..., 2015]). Всё сказанное ещё раз убеждает в том, как важна коммуникативная компетентность участников общения.

Для воздействия на получателя информации, нужно вызвать его интерес, желание общаться, убедить, что затронутая проблема касается его жизненных интересов. Поэтому умение заострить внимание на наиболее существенных социальных вопросах является очень важным. Выбор темы обсуждения должен иметь социальную направленность: отражать актуальные политические, социальные, философские

проблемы, активно обсуждаемые в обществе. Нужно убедить адресата в необходимости знакомства с предлагаемой информацией, а затем и в правильности предлагаемых путей решения проблемы. Именно это обстоятельство объясняет важность заголовочного комплекса, который становится, по образному выражению В. Г. Костомарова, «ловушкой внимания» адресата. Зная об этом, многие часто стараются использовать в нём различные эмоционально-экспрессивные выразительные средства. Однако излишняя загадочность заголовков может вступить в противоречие с требованием приемлемости и усложнить задачу понимания содержания сообщаемого из-за неопределённости, расплывчатости смысла, слабой связи (а иногда и полным её отсутствием) с сообщением. К сожалению, погоня за «броскостью» заголовка зачастую ведет к эффекту обманутого ожидания или, что еще хуже, к нежеланию знакомиться с так озаглавленным сообщением. Если в медиа часто появляются заголовки экспрессивные, но не соответствующие ожиданиям адресата, раздраженный получатель может вообще отказаться иметь дело с таким медиа.

Неудачные заголовки встречаются в современных медиа довольно часто [Уздинская 2007; Кормилицына 2010]. Погоня за экспрессивностью, «новизной» во что бы то ни стало при недостаточном уровне коммуникативной компетенции приводит к негативным результатам. Тем не менее недовольство в блогосфере вызывает и широкое, часто механическое, распространение запрета на использование выразительных средств в заголовках новостных материалов (использование так называемого «кликбейта», заголовка, который провоцирует читателей нажать на него). Из-за этого запрета удаляются из информационного пространства все названия, а затем и сами материалы, в которых присутствуют заголовки с различными экспрессивными выразительными средствами: они могут ввести читателя в заблуждение, если дальше следует текст, не оправдывающий их ожидания: *Шок! Посмотрите, что он делает с нами!*; *Шок! Посмотрите, что они творят! Вот это мы едим!* А. В. Николаева справедливо замечает, что механическое удаление материалов, содержащих выразительные средства, может привести к снижению читательской компетенции в целом. «Лишившись образных средств в газетах, журналах, на сайтах СМИ, читатель разучится распознавать их и в художественной литературе. <...> Представляется, что русскоязычная пресса многое потеряет в результате такой попытки слепого следования западным стандартам, поскольку публицистический стиль – это не только новостной регистр, это и очерковая проза, и авторские блоги, и журналистские расследования, интервью» [Николаева 2017: 147–151]. Безусловно, в Интернете при достаточном количестве коммуникативно компетентных авторов встречается немало удачных заголовочных комплексов с использованием экспрессивных средств: *Рано плясать на костях Обамы. Может быть, уже не в столь отдаленном будущем мы всплакнём вслед за ним*

(МК 18.01.2017). Если автором выбрана актуальная, социально значимая проблема, эффективнее, на наш взгляд, использовать ясные по содержанию и доступные для понимания прямые номинативные заголовочные комплексы: *Спрос на справедливость. Власть меняет приоритеты. В какую сторону сместятся акценты?* (АиФ 2017, № 32); *Суповой набор для народа. Как изменится расклад политических сил по итогам выборов в Госдуму?* (АиФ 2021, № 38).

Для реализации категории приемлемости важно владеть самыми разными способами актуализации содержания сообщения. Она понимается нами как использование адресантом системы способов и приемов облегчения понимания смысла публикации. Особенно важно, повторим ещё раз, учитывать прагматические ожидания массового адресата с позиций ценности / второстепенности передаваемой информации. Целесообразность использования разнообразных выразительных средств должна определяться тем, насколько они способствуют решению задач медиа, создают эффект новизны. Конечно, медиа сейчас находятся в ситуации конкуренции, что часто заставляет искать какие-то броские, необычные средства выражения своих мыслей, позволяющие выделиться, любой ценой заставить обратить на себя внимание. Но поиски необычного при недостаточном уровне коммуникативной компетенции приводят порой к неопределённости, неточности и даже недостоверности. Выразительность не может быть достигнута ценой разрушения коммуникативных норм, так как это может привести к разрушению традиций и целостности культуры.

Нужно быть очень осторожным, выбирая для медиа, например, такое выразительное средство, как прецедентные феномены, иначе все усилия, направленные на создание выразительного дискурса, воздействующего на адресата, пропадут даром. Вероятно, понимание этого привело к тому, что сейчас реже в качестве источника прецедентных феноменов выступают ситуации, отраженные в художественной, и, прежде всего, классической литературе. Возможно, это связано с тем, что в этом случае нужно хорошо знать культурный кругозор своих читателей, уровень знания ими классической литературы. Сейчас гораздо активнее в медиа используются ПФ, источниками которых являются высказывания и тексты масс-культуры. Все чаще появляются употребительные в неофициальном межличностном общении прецедентные феномены, представляющие собой слова и строчки из известных песен, кинофильмов, телепередач, анекдотов, рекламы, высказывания известных политиков. Они создают иллюзию партнёрских отношений, близости позиций коммуникантов, подчеркивают, что они входят «в общий круг». Этим же обусловлено большое количество пословиц и поговорок, которые в медиасфере иногда трансформируются: *Свежо предание, да верится с трудом* (АН 06.04.2017); *Часовых дел гангстер* (МК 08.08.2017).

Правда, даже коммуникативно компетентные адресанты не всегда оправданно полагаются на знания своего собеседника. Прецедентный феномен, особенно трансформированный, воспринимается часто просто как стремление к «новизне» во что бы то ни стало, к пустому «украшательству». Так же аккуратно нужно относиться и к такому средству экспрессивного синтаксиса в письменных медиа, как парцелированные конструкции (выделение какой-то части предложения как автономной конструкции). Конечно, с их помощью можно акцентировать внимание адресата на характере логических отношений между именуемыми ситуациями, уточнить, прокомментировать наиболее важные детали сообщаемой информации, дать оценку каких-либо фактов, но и здесь нужно проявлять чувство меры. Когда парцелляции подвергаются фактически любые отрезки предложения, это значительно снижает качество медиа. Вместо облегчения восприятия и понимания информации, такая парцелляция воспринимается как оригинальничание или просто как речевая ошибка, особенно в письменных медиа: *Судя по всему, нас ждёт очередной вал скандалов неслыханной силы. Потому что проблема обострилась донельзя* (АН 06.04.2017).

Повышают уровень воспринимаемости сообщения в любых формах медиа различные приёмы повтора, и лексико-семантического, и синтаксического, которыми охотно пользуются коммуниканты: *Ну а кто же правил этой удивительной страной? Кто был вынужден спешно бежать за границу? Вы думаете, это был какой-то кровавый сатран?* (МК 19.01.11).

Анализируя категорию приемлемости (воспринимаемости), нельзя обойтись без размышлений о степени эффективности использования некоторых лексических средств, например, сниженной лексики (просторечных слов, жаргонизмов), так называемых «модных» слов, многие из которых являются окказионализмами, ещё не вошедшими в словари, а поэтому их значение уточнить негде. Соклзбзн их использовать для демонстрации своей близости к адресату всегда есть. В начале нашего века бытовало мнение, что журналист, чтобы сделать свой текст понятным адресату, должен «отзеркаливать» его речь [Сиротинина 2013; Матяшевская 2014]. Но практика показала, что в таком случае медиа не смогут выполнять свою важную социальную функцию, просветительскую, функцию повышения культуры речи пользователей русским языком. К сожалению, сейчас мы порой сталкиваемся с перенасыщенными просторечными, часто грубыми словами, неуклюжими метафорами, жаргонизмами, пересыпанными штампами, канцеляризмами. Приведём пример подобного явления: **«Световой меч правительства»** (заголовок статьи о стратегии развития энергетики, которая может привести к ещё большему росту цен): *Так в РФ постепенно набирает силу пока ещё маломощное зелёное энергетическое лобби. Между тем поляна у всех по сути одна. По-*

сколько потребителю без разницы, каким именно способом сгенерированы купленные киловатты. <...> Пока лоббисты бодаются, не мешает отвлекаться от внутренних склок. <...> Стали копать, в чём причина. <...> Процесс может принять дурной оборот. Сейчас ни у населения, ни у промышленности нет средств, чтобы оплачивать чужой, к тому же очень дорогой энергетический банкет (АН 06.07.2017).

Мешает доступности понимания и экспансия заимствованных слов, в основном англицизмов, многие из которых вошли в число «модных» и очень любимых коммуникантами, которые почему-то считают, что всё население России уже хорошо овладело английским языком и такие слова можно использовать безо всяких объяснений их значения. Понятно, что для многих текст, насыщенный такими словами, становится неприемлемым [Сиротинина 2016]. То же можно сказать и о широко используемых терминах, слов из специальных языков, которые тоже очень редко объясняются.

До сих пор речь шла о средствах и речевых приемах, затрудняющих понимание медиа, причиной которых в основном являются недостатки профессиональной подготовки и недостаточная для создания эффективной коммуникации компетентность общающихся. Однако нельзя не обратить внимания и на использование средств намеренного затемнения смысла [Сиротинина 2016; Карасик 2017]. Целью такого затемнения, особенно в идеологических сообщениях, является манипуляция сознанием массового адресата, с помощью которой осуществляется скрытое воздействие на него. Для искажения, намеренного создания эффекта неопределённости, расплывчатости содержания текста существует много разнообразных речевых приёмов и речевых средств. Для манипулятора самое главное – обеспечить этими средствами невозможность проверить достоверность передаваемой информации.

Эффективным приёмом управления пониманием адресатом сообщаемого является и использование в медиа разнообразных метатекстовых конструкций (дискурсивов). Они отражают ход мыслей адресанта и логику его суждений, тем самым облегчая доступность восприятия. Они могут присоединять композиционные части текста к примерам и иллюстрациям (*например, скажем*), выводам (*итак, таким образом*), пояснениям (*то есть, иначе говоря*), обобщениям (*в общем*), частным явлениям (*в частности*), дополнениям, оговоркам или поправкам (*кроме того, к тому же*), итогам (*следовательно, таким образом*), важным тезисам (*прежде всего, главное, стоит отметить, следует подчеркнуть, хотелось бы обратить внимание*), контраргументам (*наоборот, напротив, вместе с тем*), ассоциациям (*кстати, к слову, между прочим*) [Ляпон 1986]. Метатекстовые выражения могут характеризовать средства и процесс общения для обоснования отступления от кодекса речевого поведения [Уздинская 2014: 63].

2. Ещё одна специфичная для медиа черта – **стилистическая контаминация**. Публицистический стиль, к которому традиционно относят медиа, принципиально отличается от других функциональных стилей «неизбежной социально-субъективной обусловленностью оценивания обнародованных событий и воздействием на массового адресата». Однако, границы между стилями в медийной сфере сейчас становятся особенно подвижными. Об этом пишет, например, известная польская исследовательница М. Войтак, которая использует для характеристики этого процесса термин *абсорбция*: «Его (медиадискурса – М. К.) важнейшей отличительной чертой я считаю абсорбционный характер. Во многих аспектах он открыт к другим дискурсам, и он эти дискурсы впитывает, делая их объектом презентации, значит, также источником тематики, форм передачи и языковых средств» [Войтак 2014: 11]. В медиасфере наблюдается смешение, некий сплав высокого и сниженного, старого и нового, разрешенного и запрещенного, официального и неофициального, публичного и обиходно-бытового, устного и письменного общения. Здесь активно функционируют книжные, разговорные, просторечные, жаргонные лексемы, используются стилистически разнородные синтаксические конструкции. Как справедливо отмечает в своей книге «Наш язык в действии» В. Г. Костомаров, все эти на первый взгляд несопоставимые явления органичны для медиа, потому что позволяют реализовать их генеральную стратегию – «любыми способами установить и продолжить устойчивую связь в среде общающихся, обеспечить протекание коммуникативного процесса» [Костомаров 2005: 189].

Особенно часто в медиа используются разнообразные конструкции неофициальной обиходно-бытовой речи. Так, например, широкое распространение в письменной форме медиа получили парцеллированные конструкции, стилизующие разговорные добавления. Но если в «живой» устной речи этот процесс связан со стремлением говорящего подавать информацию порциями, квантами, соответствующими оперативной памяти адресата, то в других формах медиасферы это уже специальный риторический прием, используемый для очень важного в медиа выделения, акцентирования наиболее значимой информации. Чаще всего парцелляции подвергаются сложные предложения, передающие самые разные логические отношения между ситуациями: причинно-следственные, условные, причинные, уступительные, целевые. Этот же процесс наблюдается и в предложениях с пояснительными, уточняющими конструкциями для привлечения к ним особого внимания читателей: *Зачем? Неизвестно. Ответа нет. Чтоб не задавали вопросов. Вот, наверно, зачем* (МК 27.06.2014); *Ровно так было на юбилее «Маяка». По-теплому. По-настоящему. Без формальности, но с любовью* (РГ 10.11.2014). Назовем еще некоторые сигналы неофициального разговорного общения, распространенные в разных формах медиа. Это и короткие, неполные предложения, реже

прерванные конструкции; и характерный только для разговорной речи порядок слов; и использование в качестве средств, организующих дискурс, разговорных частиц и стереотипных разговорных клише-реакций, «разговорных» метафор. Вот несколько примеров подобных конструкций в прессе: *Сегодня почти все социальные «гостинцы» пообкусала инфляция* (АиФ 2014, № 50); *Телеканалы нас от столь острых блюд отвадили, приучая к мысли, что всё в стране делается грамотно и если бы не падение цен на нефть да происки врагов ...* (Поиск 10.07.2015). В последнем примере используется довольно редкая для официальной письменной речи прерванная конструкция. Используются в медиа и «разговорные», поэтому особенно экспрессивные, развёрнутые метафоры: *Дело в том, что университетский преподаватель – это человек, забивающий гвозди в стену. С 90-х годов этих гвоздей нужно было всё больше и больше. Но сейчас проблема простейшая: нет стены, её нужно возводить заново. Правда, пока построишь – студент уже заканчивает бакалавриат и мы с ним прощаемся* (РГ 09.12.2014).

О сближении с обиходно-бытовой речью свидетельствует и широкое проникновение в медиасферу некоторых жанров устной неофициальной речи. Речь идет прежде всего о жанре «слухи». На это явление обращал свое внимание и В. Г. Костомаров: «Характер вида массовой коммуникации приобрели «закулисные» разговоры, распространяющие правдивые или злостные слухи и сплетни: отнюдь не только в шутку их принимают за законный вид массовой коммуникации, даже за один из самых оперативных и действенных каналов массового распространения информации» [Костомаров 2005: 190]. В прессе, например, есть регулярные рубрики «Слухи, сенсации», «Говорят, что ...» и даже в таких серьезных изданиях, как «Известия», «Российская газета», «Литературная газета» время от времени появляются подобные жанры. Поэтому степень доверия в обществе к публикуемым слухам увеличилась. Когда в руки автора каких-либо сообщений попадает сенсационная, но непроверенная информация, которую очень хочется опубликовать, но нет времени проверить её достоверность, он оформляет ее как жанр слухов. Медиа приняли на себя даже функцию продуцирования слухов, превратились фактически в орган, фабрикующий, распространяющий и культивирующий их, не соблюдая «Закон о СМИ». Номинации *слухи, сплетни, молва*, модное словечко *слухмейкеры* помещаются в авторизирующие конструкции, предназначенные для точного указания на источник информации. В «Московском комсомольце» в рубрике «Рейтинг слухов» вся информация предваряется конструкциями типа: *Слухмейкеры утверждают ...; Такая сумма, как судачат слухмейкеры, потребуется для того, чтобы ...; Другие слухи гласят ...* И в популярной газете «Аргументы и факты» открыли подобную рубрику. В некоторых выпусках АиФ эта рубрика переместилась в раздел «Главное», где публикуются обычно самые

значимые новости. Все сообщения здесь строятся по единой модели: запрос информации – ответ-комментарий. Используется стереотипная конструкция *говорят*, типичная в бытовой речи, где она служит для передачи всяческих сплетен: **Говорят, что бюджет на следующий год урежут на 10%**; **Говорят, что Россия может отправить человека в полёт вокруг Солнца**; **Говорят, что антикризисная колбаса из рыбы скоро будет продаваться в магазинах страны** (АиФ 2014, № 50).

Сейчас в медиасфере чаще встречаются не клишированные модели слухов, а сообщения без точного указания на источник и способ её получения, т. е. по сути своей это тоже *слухи*, хотя и в форме информационного сообщения или ленты новостей. С этой целью используется особенно модное сейчас словечко *эксперты*: *В марте, прогнозируют эксперты «РГ», подорожание может ускориться; Эксперты «РГ» напоминают, что в марте начнётся поставка в розничную торговлю товаров, договоры на которые были заключены в ноябре прошлого года; Правда, эксперты уверяют, что нарастающего тренда ожидать не стоит. Цены поднимут один раз, и торговля будет стараться держать их* (РГ 09.12.2014). Что это за эксперты и можно ли им доверять, неизвестно.

3. Ещё одна особенность языка современных медиа всех форм, которая ещё недостаточно исследована, хотя и отмечается в некоторых работах [Николаева 2013]. **Несмотря на возрастание объема информации, функция информирования оказывается недостаточной.** «Денотативное пространство материала становится вторичным по отношению к его эмотивной составляющей. Эмоциональность, интересная интерпретация – главные критерии успешности текста» [Николаева 2013: 110]. Подобное явление наблюдается и в РР [Кормилицына, Сиротинина 2001], в которой часто главной коммуникативной целью общения становится не передача какой-то вещественной информации, а выражение эмоций говорящих по поводу события. Конечно, этот прием сознательно используется для экспрессивизации медиа, для создания эффекта повышенной эмоциональной напряженности, усиливающей выразительность медиадискурса. Авторы прямо обращаются к чувствам адресата, пытаются вызвать ответную реакцию, аналогичную своей, призывая его быть солидарным с авторской точкой зрения: *Ну в самом деле – кто эти люди, что не боятся забивать болт на распоряжения Путина? Ведь никак нельзя поверить, что Владимир Владимирович все распоряжения отдаёт понарошку, для отвода глаз, чтобы просто народ слышал. Это же белиберда какая-то!* (МК РРЕ, 28 июля – 3 августа 2021).

4. Условия информационной перенасыщенности, в которых живёт современный человек, делает особенно важным не только умение выбрать наиболее значимую информацию, но и передать её самыми экономными, целесообразными и допустимыми языковыми средствами и речевыми приёмами. Понятно, что возникает **необходимость**

знания и владения способами конденсации информации. Ведь адресанту в условиях ограниченного времени, а порой и в ситуации спонтанного общения приходится отбирать самое необходимое и заботиться о том, чтобы его информация была максимально быстро, легко (с первого предъявления, а в письменной речи с первого прочтения) и правильно понята. Суть конденсации заключается в том, что при передаче информации о событиях и фактах окружающего мира некоторые элементы отображаемого события не получают вербального выражения. Русский язык предоставляет такую возможность своим пользователям: в нём существуют многочисленные разнообразные средства конденсации, которые при их умелом использовании не только экономно передают информацию, но и во многих случаях делают общение более экспрессивным, выразительным, а значит, усиливают его воздействие на адресата, что является одним из важных показателей эффективности коммуникации. Понятно, что исследование и систематизация основных способов конденсации информации, которые помогают реализовать такие коммуникативные качества хорошей речи, как точность, ясность, логичность, адресованность и др., становится очень актуальной задачей [Головин 1980; Хорошая речь 2015].

Выбор механизмов компрессии информации зависит от многих факторов, важнейшими из которых, на наш взгляд, являются сфера общения и форма общения (устная, письменная или «третья форма» в интернет-общении). Конденсация информации может осуществляться на уровне отдельных лексем, простых и сложных предложений, связного текста. Мы основное внимание в этом разделе уделим механизмам конденсации информации в простом предложении в результате двух семантико-синтаксических процессов - номинализации и атрибутизации. «Эти процессы позволяют ввести в предложение на правах одного из его компонентов, помимо уже актуализованной базовой пропозиции, вторичные, дополнительные, не имеющие самостоятельного актуализационного механизма и не способные быть самостоятельными коммуникативными единицами» [Кормилицына 2019: 309]. Понятие простоты применимо только к формальной организации подобных предложений. Это действительно монопредикативные (структурно простые предложения), в которых «в единый синтаксический ряд слиты две (или более) пропозитивных номинации, обслуживаемые общим механизмом актуализации» [Общее языкознание, 1972: 319]. Конденсированные конструкции, возникающие вследствие названных семантико-синтаксических процессов, являются сигналами скрытой предикации и занимают актантные и сирконстантные позиции в семантической структуре формально простых предложений, усложняя их смысл. Об этом писал Д. Н. Шмелёв в своей книге «Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке»: «Возможность включения в высказывание единиц скрытой предикации является одной из самых существенных особенностей языка, обеспечи-

вающей его способность разнообразно и адекватно отражать самые различные события и ситуации» [Шмелёв 1976: 71]. Наиболее эксплицитным способом сжатой передачи сложной, полисобытийной информации являются номинализованные конструкции, ядром которых являются лексемы с пропозитивными смыслами – имена действия (девербативы), имена качества (деадъективы), событийные имена и некоторые др., обладающие способностью называть некоторое «положение дел», характеризующееся временными параметрами. Простые с точки зрения формальной организации предложения превращаются в полипропозитивные, т. е. семантически сложные предложения: *В рамках такой стратегии опасной является и слишком низкая явка (угроза легитимности выборов), и слишком высокая (угроза наплыва недружественных избирателей)* (МК РРЕ23–28 сентября 2021 года).

Существуют и другие, более дискуссионные и меньше по этой причине изученные способы конденсации передаваемой информации в структуре простого предложения. Речь идёт о предложениях, образованных путём семантико-синтаксического процесса атрибутизации. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда значимыми для смысла передаваемой информации оказываются актуализирующиеся в конкретном высказывании потенциальные «предикативные способности» прилагательных, которые многими исследователями считаются их органической чертой (см., например, работы по разговорной речи Саратовских учёных Г. Г. Полищук, Э. А. Столяровой, В. С. Юрченко). Назначение высказывания не просто в номинации ситуации, а в том, чтобы представить эту ситуацию в актуальном аспекте, т. е. это ситуация с определённой коммуникативной установкой. Каждый раз человек, определяя свою задачу в общении с собеседником, комбинирует семантический материал в зависимости от своей коммуникативной цели, которая может заключаться в рематизации того или иного элемента, в его подчёркивании, выделении. Прилагательное в этом случае включается в отношения с другими компонентами семантической структуры высказывания таким образом, что осуществляет семантическую адекватность предложения тому, о чём сообщается. Усилившееся влияние разговорной речи на язык современных массмедиа обуславливает активность использования подобных конденсированных атрибутивных конструкций. Эти экономные конструкции к тому же создают непривычные, экспрессивные, часто метафорические высказывания, усиливающие воздействие на читателя: *Кого ждут здоровые объятия Морфея?* (АиФ 2018, № 9); *Мы участвуем в работе медкомиссий, ставим вопросы по конкретным людям, выходим с душевными инициативами* (МК в Саратове, 24–31 января 2018). Довольно часто этот семантико-синтаксический процесс благодаря особой экспрессивности подобных сжатых конструкций реализуется в заголовках публикаций, основная функция которых, прежде всего, рекламная – привлечь внимание читателя, заинтересовать его: *Тайна*

смертельного люка (МК в Саратове 14–21 марта 2018); *Туманное будущее РАН* (АН 22.03.2018); *Семь рекордов «железной бабушки»* (АиФ 2018, № 12). При выборе из синонимического ряда языковых средств передачи одной и той же информации предпочтение отдаётся самому простому по форме, редуцированному экспрессивному средству. Часто именно экономные средства помогают создавать воздействующие на адресата лаконичные эффективные дискурсы. Приведём пример, подтверждающий эффективность использования экономных конденсированных конструкций в заметке, содержание которой – медицинские советы читателям: *Есть, безусловно, откровенно болезненные состояния, которые требуют вмешательства специалистов. Перед сном лучше забыть о дневной суете, волнениях и переживаниях. Не стоит напрягать голову ни чтением, ни просмотром телепередач, ни интенсивными физическими нагрузками. Не стоит перед отходом ко сну пить кофе. В дни отдыха время подъёма и отхода ко сну не должно разниться аналогичным в рабочие дни больше, чем на 2 часа. После пробуждения в постели лучше не валяться более четверти часа* (АиФ 2018, № 9). Здесь именно умелым использованием различных способов конденсации информации обеспечивается чёткость, ясность, логичность и – в результате – лёгкость понимания содержания медиа.

5. Преобладающим приёмом освещения событий, специфичным именно для медийной сферы, становится **использование безагентивных предложений**, в которых отсутствует или не замещена позиция субъекта – активного производителя действия. В сообщениях о событиях, фактах, происшествиях часто используются безличные предложения с субъектом в форме дательного падежа. Они предназначены для описания состояния окружающей среды, состояния человека в обществе, не зависящих от воли человека обстоятельств, происшествий и др., т. е. для выражения тех смыслов, без которых зачастую нельзя описать событие. Эти конструкции позволяют эксплицитно выразить неактивность субъекта, чего не могут сделать предложения с субъектом в форме именительного падежа. Они подчеркивают, что человек, даже если он занимает в ситуации центральную позицию, не может быть над ней властен. Его способность контролировать событие ограничена, он вынужден ему покориться. И если при описании общественно значимых ситуаций и процессов используются в основном безагентивные предложения, то тем самым адресату фактически внушается мысль, что мир представляет собой сущность непознаваемую и полную загадок, а истинные причины событий неясны и непостижимы и не могут зависеть от него. Наши наблюдения показывают, что именно такой ракурс сообщений о событиях общественной жизни России часто выбирают медиа. Кроме безличных, распространены предложения с пассивными конструкциями, в которых тоже отсутствует позиция активного субъекта: *Едва ли следует ожидать*

*обильных усилий по росту «народного благосостояния». Все обещания и подарки были розданы накануне выборов и уже успели обнулиться из-за дороговизны почти по всем параметрам народной жизни (АиФ 2021, № 38). В медиа, где даются оценки событий, решений власти, частотны безличные конструкции с предикатами субъективной модальности. Эти высказывания активно используются в распространенных в этих статьях жанрах совета, рекомендации, прогноза, угрозы-предостережения: *Впрочем, хорошо件нятно, что отменить американские санкции значительно труднее, чем ввести. Возможно, сделать это не в силах уже никакой президент Америки (АН 22.09.2021, № 37).**

Обычно подобные конструкции появляются в тех фрагментах текста, где актуализируется фигура говорящего, в метатекстовых отрезках публикаций: *Мне нередко приходится общаться с этими людьми и довелось убедиться: они – люди «отполированные», не тягощающие себя лишними проблемами (ЛГ 2008, № 10).* Та же картина наблюдается в сообщениях о постановлениях, распоряжениях, законопроектах, где в соответствии с нормами официально-делового стиля используются только пассивные конструкции с предикатами – краткими страдательными причастиями, в которых позиции активного субъекта заняты компонентами с объектно-адресатным значением или чаще всего номинализированными конструкциями: *Утверждены Соглашения ...; Принято решение о создании ...; В государственную Думу внесен проект федерального закона ... (МК 31.10.2008).* В таких конструкциях находит отражение узаконенная еще в советские времена традиция коллективной ответственности (точнее безответственности) за принимаемые решения.

Известно, что многие лингвокультурологи видят в распространенности безличных и, шире, безагентивных высказываний в русском языке выражение мифологизированности, пассивности и иррациональности сознания русского народа [Вежбицкая 1993: 33; Тер-Минасова 2000; Чернявская 2013 и др.]. Они считают, что русский язык отражает и всячески поощряет тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся человеческому контролю. Близко к этому и рассуждение Н. Д. Арутюновой, что русская грамматика отражает своеобразие национального характера русского народа, демонстрирует «пространственно-предметный, а не темпорально-фактивный, скорее статический, чем динамический, живописный, а не кинематографический подход к миру жизни» [Арутюнова 1999: 793–794].

Наблюдения над выбором в медиа безагентивных конструкций позволяют говорить о том, что их не следует рассматривать как простое отражение менталитета русского народа. С их помощью адресант-журналист решает свои задачи или проводит политику того медиа, которое он представляет. Кроме того, с помощью пассивных безагентивных конструкций (пассивные конструкции вообще относятся к

числу наиболее распространенных в медиа безагентивных предложений) он получает возможность не указывать главное действующее лицо события или по незнанию, или из-за неуверенности в достоверности имеющихся у него сведений о деятеле, или потому, что по каким-то причинам не хочет его называть, или считает его просто несущественным при описании события, коммуникативно избыточным. Автор представляет деятеля или как обобщенное лицо (власть вообще и люди вокруг нее, власть и ее свита), или как неведомую силу, назвать которую не представляется возможным, «олицетворенное нечто». На наш взгляд, обилие безагентивных конструкций в медиа объясняется тем, что общественно-политические процессы подаются как не зависящие от воли человека, помимовольные. Указание на агенса в этих случаях считается коммуникативно незначимым: *Одиночке невозможно сдвинуть общество ни в сторону ухудшения, ни в сторону улучшения. <...> Так что по всем рациональным соображениям ладить с существующим порядком вещей всегда выгоднее, чем восставать против него* (ЛГ 2008, № 10).

б. Процесс выбора безагентивных предложений в современных медиа можно объяснить и процессом **активизации так называемого «новояза»**. Наше общение, особенно официальное, нередко всё больше напоминает ушедший «канцелярит», новояз советской эпохи с его неопределенностью, обилием неясных высказываний и канцеляризов, размытостью смысла. Клишированная речь различных чиновников, регулярно тиражируемая журналистами, не может не влиять на общение людей. Вот показательные примеры из региональной прессы: *Приоритетными остаются меры соцподдержки и те направления, которые обозначены в указах президента и нацелены на повышение благосостояния граждан, – сказал Радаев («Московский комсомолец в Саратове» 20–27.11.2019); Главной целью месячника стало повышение конкурентоспособности и информированности граждан с инвалидностью, обеспечение их занятости, оказание социальной и психологической поддержки, а также расширение взаимодействия службы занятости населения со структурами, занимающимися проблемами инвалидов* (Саратовская областная газета от 21.11.13). Процесс «бюрократизации языка» мешает пониманию, затемняет смысл сказанного или прочитанного, а иногда даже приводит к его «обесмысливанию».

Исследователи «новояза» советской эпохи называли такие его лингвистические характеристики, как «высокая степень клишированности, эвфемистичности, нарушение основных постулатов общения, применяемое с целью лингвистического манипулирования, ритуализованное использование языка, десемантизация не только отдельных слов, но и больших отрезков дискурса. Клише новояза, как правило, ориентированы либо на абстрактный, условный референт, либо на референт, отсутствующий в действительности» [Земская 1996: 31]. Го-

ворили об обилии опасных «идеологических фантомов», слов-призраков, за которыми в реальной жизни ничего не стояло [Норман 1994]. Отмечали характерную для языка СМИ того периода тенденцию к обобщенности, неопределенности, безличности субъекта [Купина 1995]. Ту же тенденцию мы отмечаем и в современных медиа. Например, в сообщении о падении курса рубля мы видим в основном только метоминические и номинализованные конструкции: *В ближайшее время динамику рубля будут определять цены на «черное золото», геополитика, а также действия Федрезерва. Итоги последнего заседания оказывают давление на доллар. Комментарии ФРС заметно смягчились. Если раньше Федрезерв говорил о продолжении роста экономики США умеренными темпами, то теперь он увидел замедление экономического роста в конце прошлого года* (МК 02.02.2016). И это не единичный, а скорее типичный для медиа случай выбора именно такого ракурса описания событий: *За последние годы развалено всё, что можно развалить. Нового же не создаётся. Инновационное развитие страны намертво заклинено, его механизм умело поломан. Так что от российской «машины» остался только кузов. Но и его пытаются отправить в металлолом* (АН 30.01.14). Здесь явные признаки «новояза»: субъект описанных ситуаций не назван, а значит, истинные причины случившегося невозможно определить и постичь, а сами события подаются как не зависящие от действий и воли человека. Та же картина наблюдается и в сообщениях прессы о постановлениях, распоряжениях, законопроектах, где в соответствии с нормами официально-делового стиля используются только пассивные конструкции с предикатами – краткими страдательными причастиями, в которых позиции активного субъекта заняты чаще всего компонентами с объектно-адресатным значением.

В подобного рода конструкциях отражается, по справедливому замечанию С. Г. Тер-Минасовой, нежелание «брать на себя и действие, и ответственность за него». Они фактически безличны, «индивидуум растворен в коллективе, в стихии, в неизвестных, необозначенных силах» [Тер-Минасова 2000: 214]. В бесчисленных номинализациях, где исчезает субъект, все процессы приобретают безличный облик. Журналистов не останавливает даже тот факт, что предложения с длинными цепочками номинализаций утяжеляют текст, затрудняют его восприятие с первого прочтения, т. е. нарушается один из важнейших принципов текстопорождения и восприятия текстов СМИ, который заключается в том, что они должны быть рассчитаны на однократное прочтение: *В результате реализации незаконной схемы использования недвижимости, находящейся в собственности Коми, компания по управлению имуществом получила от сдачи имущества в субаренду 978 миллионов рублей* (РГ 15.03.2016).

Чаще всего предложения с номинализованными конструкциями привнесены в текст извне, из других идеологических текстов. Об этом

писал в своих работах, посвященных анализу советского политического дискурса, П. Серियो. Он отмечал, что в бесчисленных номинализациях исчезает агент того, о чем говорится. Субъект устранен, и возможны дальнейшие уже чисто идеологические манипуляции с поименованными сущностями [Серियो 1999]. В современных медиа многие номинализованные конструкции представляют собой устойчивые терминоподобные идеологические или экономические штампы, которые «ходят» из медиа в медиа. Они часто используются автором не в предметно-логической составляющей медиадискурса, для передачи вещественной информации, а в субъективной, метатекстовой. Таким способом журналист актуализирует свои субъективные оценки, дает советы, рекомендации, комментирует информацию.

7. **Основные изменения в современных медиа** происходят, прежде всего, в содержательно-смысловой составляющей медиадискурса. Её организуют субъективные смыслы, выражение мнения адресанта, его субъективной позиции. Сами объективные факты, информирующие о событиях реальной действительности, служат лишь для выражения эмоциональной оценки, мнения адресанта, для аргументации справедливости выражаемой им позиции. Недаром многие исследователи всё чаще подчеркивают, что основной функцией такого дискурса становится не столько информация о происходящем, сколько его интерпретация, которая внушается адресату. Характерная особенность субъективных смыслов, как и прежде, заключается в том, что они распределены по всему дискурсу, часто удалены друг от друга и включаются отдельными, точечными, изолированными элементами, как бы разрывая линейную структуру дискурса [Баженова 2001]. Изменения заключаются в том, что денотативные смыслы не просто расщеплены, но и размыты. Отсюда и современное многословие, часто даже пустословие, когда через частокороб общих слов и открыто выраженных субъективных эмоций невозможно пробиться к основной мысли автора. Нередко общение начинается с объёмных размышлений “по поводу ...”. Одним из примеров такого начала дискурса, характеризующегося повышенной эмоциональностью, порой переходящей в агрессивность, может служить опубликованная в газете «Аргументы недели» статья её главного редактора А. Угланова «Кто пустил мироедов в колхозный амбар?». Начало статьи графически (жирным шрифтом) отделено автором от остального текста. Вот небольшой отрывок из этого фрагмента: *Такой образ приходит на ум после того, как на наших глазах кучка российских банков, словно ненасытные Молох, скупают на валютной бирже доллары и евро на многие десятки или даже сотни миллиардов российских рублей. Забыв о предназначении кредитовать экономику, они, словно пьянь, в компании ЦБ валят курс рубля ...* (АН 18–24.12.14).

Нередко адресант рассказывает о действиях, предпринимаемых им в поисках истины, или о событиях, участником которых он являл-

ся, рассказывает о своей деятельности, которую он осуществляет здесь и сейчас, изучая ту или иную проблему. Это как бы «сюжет в сюжете» с ведущей «я»-темой. И тогда я-тема организует весь дискурс, а не только отдельные его отрезки: *Еду в Берлин. Хочу с фотокамерой пройтись по тем местам, где двадцать пять лет назад стояла стена, разделившая тысячи немецких семей на правых и виноватых. <...> Я не первый раз прилетаю в Берлин. Но вот то, что происходит нынче, – раньше со мной не случилось.* И далее идет подробное, шаг за шагом, описание того, как таможенники на границе недоброжелательно, настороженно ведут себя по отношению к нему. Такое подробное репортажное описание эпизода на границе понадобилось журналисту, чтобы сделать в заключении вывод об изменившемся отношении к прибывающим из России людям: *И в конце концов понял, что самые прочные и высокие разделительные стены в мире вырастают из зерен бессилия и лжи* (РГ 10.11.2014).

В последнее время само понятие «личное мнение» претерпело значительные изменения. К сожалению, сейчас адресант в медиа, как правило, выражает сугубо свою, личную позицию. Чаще всего конструкции, выражающие личное мнение, сопровождаются постоянным подчёркиванием, что это мнение лично адресанта, субъекта социального взаимодействия. Он называется предельно конкретно: *Это / предполагаю я / Андрей Караулов / ...; Это моё личное мнение.*

Средства актуализации личностного мнения становятся не столь многообразными. В исследуемых нами материалах последних лет начинают преобладать авторизирующие конструкции «Я + имя и фамилия адресанта», фактически исчезают «мы»-высказывания, с помощью которых адресант подчеркивал, что выражает не личное мнение, а мнение большинства членов общества. Как нам представляется, это можно объяснить ужесточением законов о СМИ. В конструкциях, выражающих субъективные смыслы, используются глаголы говорения и сообщения, суждения и мышления, памяти и знаний, мнения, эмоционального переживания, оценочного суждения, волеизъявления и побуждения и др. **Наиболее частыми являются глаголы мнения.** Журналисту законом разрешается выражать мнения, а критиковать наблюдаемые факты, если они недостаточно точно проверены, не разрешается законом. Это может грозить уголовной ответственностью.

С помощью авторизирующих конструкций адресант не просто называет источник того или иного сообщения, но и указывает на способ получения информации, даёт ее оценку, говорит о своих чувствах, выражает свою уверенность и убежденность (*конечно, убежден*), сомнение (*может быть, наверное*), категоричность (*несомненно, безусловно*) или проблематичность (*вероятно, кажется*). Как видно из примеров, для выражения этих смыслов используются многочисленные вводные слова. В эту же группу входят конструкции, помогающие выделить, обратить внимание на наиболее важные суждения адресанта:

Главный результат – стимулирование бизнеса вкладывать получаемые доходы в развитие экономики (МК 07.10.2020). Чтобы привлечь внимание на главную мысль, нередко в печатных СМИ и в устно-письменной форме интернет-коммуникации, используется графическое выделение. Систематизировать информацию помогает инфографика.

Рассматриваемые конструкции выполняют и такую важную функцию, как логическая организация мыслей адресанта, указывая на последовательность композиционных частей, начало или завершение той или иной микротемы. В конечном счете, эти средства не только помогают адресанту логически упорядочить собственные суждения, но и позволяют пользователю следить за ходом рассуждений автора, помогая лучше понять его позицию, делят информацию на порции, обобщают сказанное. Как мы уже отмечали выше, с помощью таких дискурсивных (метатекстовых) средств можно заявить о коммуникативной цели, которая становится понятной, очевидной для адресата, акцентировать её с помощью дискурсивов *кстати, кстати говоря, между прочим* и др., которые создают иллюзию ассоциативного, спонтанного рождения мысли. Конструкции такого типа, представляющие собой прямые призывы-апелляции к интеллектуальной или эмоциональной «общности» с адресатом, как мы уже отмечали, служат эффективным средством привлечения внимания адресата. Это могут быть призывы к умственной и эмоциональной солидарности (*знаете, понимаете, подумайте, слушайте, согласитесь, представьте, вообразите, можете себе представить*); проявление желания адресанта вызвать доверие, убедить (*поймите меня правильно, поверьте мне*); стремление активизировать внимание (*заметьте*).

Обилие подобных средств усиливает оценочность, эмоциональность, экспрессивность, подчеркнутую адресованность медиа, становясь важным приёмом убеждения адресата в важности, существенности передаваемой информации, которая должна быть понятной и доступной. Акцентируя наиболее важные ее элементы, адресант фактически формирует отношение адресата к информации. Недаром одним из параметров эффективности дискурса в Сети становится параметр «глубина просмотра» – как долго адресат задержался на конкретном тексте: «Скользящее чтение вместо вдумчивого погружения в мир традиционной культуры» в Интернете частое явление [Клушина 2018: 30]. Однако, на наш взгляд, всё сказанное пока не проясняет, приводит ли всё это к существенным языковым, а не только к речевым изменениям. Думается, что они лишь усиливают общую тенденцию сближения современного медийного дискурса с межличностным. Повторим: медиа характеризуются более открытой демонстрацией личностной (именно личностной, а не просто авторской) позиции, откровенностью выражаемых мнений, оценок и эмоций. И, как результат, сокращается, фактически исчезает высокий стиль, наблюдается так называемая «усредненность» языка, наступление «низкого» в речи, т. е. усилива-

ется, как отмечают все исследователи медиа, **тенденция к дальнейшей так называемой «демократизации языка», а на самом деле к примитивизации медиа.** В результате широко распространяются неcodифицированные разговорные средства, язык улицы, язык среднестатистической семьи. Все эти изменения связаны с процессом резкого расширения публичной сферы.

К сожалению, как мы говорили выше, современное общение испытывает всё большее давление и процесса, противоположного усилению влияния разговорно-просторечной стихии в речевом взаимодействии. Медийное общение, особенно официальное, всё больше напоминает ушедший «канцелярит», новояз советской эпохи с его неопределенностью и размытостью смысла.

Исследователи медиа отмечают ещё один парадоксальный процесс: несмотря на постоянное присутствие человека комментирующего в публичном институциональном пространстве, само понятие «личное мнение», как мы уже отмечали выше, претерпело изменения и стало весьма относительным. Даже в радио- и телепрограммах, т. е. в официальном общении, наблюдается абсолютная раскованность участников общения, можно сказать, даже речевая распушенность и полное неприятие каких-либо этических норм [Клушина 2018; Кормилицына 2017].

Изменения коснулись и самих приемов и средств выражения оценки. Они нередко бездоказательны. Участники общения активно пользуются манипулятивными тактиками и приёмами, такими, например, как «навешивание ярлыков», демагогия, неавторизованность информации, причем, нередко они при этом не особенно заботятся о соблюдении этических норм. Этим объясняется возросшая речевая агрессия, поток сниженной лексики, откровенный эпатаж. Вот, к примеру, как даёт журналистом оценка деятельности канала ОТР и его руководителя: *Очень скромный канал. Не нагнетает, не будоражит, не гонит волну. Борется с отдельными недостатками: «если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет». Мудрый начальник ОТР Анатолий Лысенко, обжегшись во «Взгляде», теперь поспешает медленно. Он не хочет разрушений. Да, во всём надо находить позитив. И это правильно! Ведь иначе с тобой могут поступить как с «Дождём». Нам это надо?* (МК 02.11.2019).

Сейчас, благодаря Интернету, любой человек может создавать и размещать свои тексты в публичном коммуникативном пространстве. И это обстоятельство, а также анонимность определяют неограниченную свободу самовыражения, самопрезентации, увеличивают возможность пренебрегать языковыми нормами даже в том случае, когда автор их знает. Довольно часто нормы нарушаются осознанно: в этом видят проявление творческого начала, ложно понимаемой креативности человека. А учитывая реальные тенденции к огрублению речи, доминированию сниженного, разговорно-просторечного стиля, по-

нятно, что эти изменения в речевом общении современного человека не могут не оказывать влияния и на литературный язык, и на речевую культуру общества.

Приобретение Интернетом, который сейчас занимает огромный сегмент коммуникативного пространства нашего общества и оперативно транслирует громадные потоки разнообразной информации, статуса средства массовой информации накладывает на всех участников коммуникации в медийной сфере ответственность за чистоту родного языка, за уровень речевой культуры в целом [Сиротинина 2016]. Именно это обуславливает необходимость предъявления достаточно высоких требований к работникам СМИ. Если журналист, как мы уже отмечали, является человеком высокой речевой культуры, если он успешно справляется со своими задачами, постоянно совершенствует свою речевую культуру, поддерживает и обновляет свои лингвистические знания, то он профессионально компетентен. В качественных СМИ журналист, являющийся инициатором обсуждения значимых проблем общества, старается в своих текстах соблюдать основные принципы кооперативного общения, показывает умение избегать конфликтных ситуаций. Хороший журналист демонстрирует умение и желание учитывать интересы адресата, уровень его культуры, знаний, социальный статус и другие качества. Создаваемая такими представителями журналистской профессии продукция учит любого участника коммуникации преодолевать риски профессионального, социального и личностного взаимодействия, т. е. делает общение эффективным. Качественные СМИ нередко предлагают читателю образцовые с точки зрения соблюдения коммуникативных норм общения тексты и тем самым пропагандируют культуру речевого общения, демонстрируя ее продуктивность.

1.3. Дискурсивы, указывающие на норму, как средство повышения эффективности медиатекста (на материале текстов современных газет) (Е. В. Уздинская)

Эффективность коммуникации в сфере СМИ определяется основной целью медиадискурса – «активно воздействовать на процесс восприятия и воспроизведения действительности» [Володина 2011: 12]. Воздействие в текстах массовой коммуникации осуществляется при помощи самых разных средств – как вербальных, так и невербальных. Среди этих средств особую роль играют единицы, которые в последние годы обозначают термином дискурсивные слова или дискурсивы. К ним относят частицы, предлоги, модальные слова, т. е. слова, которые не обладают пропозициональным значением, но являются тем не менее важным фактором успешной коммуникации: они обеспечивают связность текста и процесс взаимопонимания между говорящим и слушающим [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993: 7]. Мы рассматриваем в составе дискурсивов также и союзы, поскольку, во-первых, не всегда возможно четко определить разницу между частицей и союзом, а во-вторых, союзы являются не только показателем логических отношений; они способны выражать разнообразные прагматические смыслы, важные для успеха коммуникации.

В некоторых сферах общения использование дискурсивов, в том числе маркирующих норму, играет особенно важную роль. Одной из таких сфер является медиадискурс. Исследование текстов СМИ показало, что дискурсивы используются в них очень активно и выполняют различные функции [Викторова 2015].

Наше внимание привлекли дискурсивы, в семантике которых содержится представление о норме, дискурсивы подобного рода уже рассматривались нами [Уздинская 2020]. В данной параграфе, используя новый материал, мы продолжаем обсуждение указанных единиц. Понятие нормы является одним из основополагающих в жизни человека. Оно «относится практически ко всем (или почти ко всем) аспектам картины мира». Важность представления о норме проявляется в многообразных способах ее выражения в языке при помощи общесобытийных имен, «вычленяющих "кванты" из потока происходящего (*событие, случай, происшествие* и т. п.), различных словообразовательных средств: аффиксов, создающих имена "некомплектных" объектов (*безносый, беспалый, безрассудный*) либо обозначающих гипертрофию признака (*лобастый, носатый, глазастый, волосатый* и т. п.), сложных прилагательных, использующихся для обозначения аномального или броского отличительного признака (*длинноносый, косолапый, толстоузый*)» [Арутюнова 1999: 55] и др.

Понятие о норме содержится и в семантике довольно большого количества дискурсивов. Что привлекает в подобных единицах авторов медиатекстов? Какие функциональные возможности дискурсивов

указанного типа заставляют обращаться к ним при создании текста? Всегда ли воздействие на адресата высказываний с подобными словами оказывается именно таким, какое планировал автор? Данные вопросы мы рассматриваем на материале текстов современных газет «Аргументы и факты» (АиФ), «Аргументы недели» (АН), «Литературная газета» (ЛГ), «Комсомольская правда» (КП), «Завтра», «Родной город» (РГ), «Провинциальный телеграф», «Версия».

Характеризуя возможности высказываний с дискурсивами, выражающими отношение к норме, следует обратить внимание на сложность определения понятия нормы. Н. Д. Арутюнова обозначает данным термином «все виды и формы порядка, имея в виду и естественные нормы природы, и созданные человеком правила и законы» [Арутюнова 1999: 65]. Выделяя виды норм, исследователи основываются на различных признаках. Так, в зависимости от характера возможного отклонения от нормы Э. Лайзи различает видовую норму, норму пропорции, норму ожидания, ситуативную норму, или норму пригодности (цит. по: [Арутюнова 1999: 55]).

Рассматривая концепт нормы безотносительно к характеру отклонений, Н. Д. Арутюнова выделяет его разновидности в зависимости от 1) возможности / невозможности отклонений (абсолютность / относительность норм), 2) социальности / естественности («рукотворные» / «нерукотворные» нормы), 3) позитивности / негативности (рекомендательные / запрещающие правила) и др. [Арутюнова 1999: 61]. В зависимости от предмета оценки, по мнению Ю. Д. Апресяна, можно говорить «о физической (объективной) норме, с одной стороны, и утилитарной, этической, эстетической, логической, социальной, религиозной и других нормах – с другой» [Апресян 2003: XXXIII–XXXIV].

При всем многообразии группировок, в составе норм наиболее явно противопоставляются два типа: норма как обычное, «не отклоняющееся от среднего положение вещей и норма как такое положение вещей, которое воспринимается как должное, так что его отсутствие идет вразрез с ожиданиями потенциальных участников ситуации» [Апресян 1995: XXXIII]. В первом случае нормальным признается обычный, повседневный, не привлекающий к себе внимания порядок вещей; во втором – узаконенный, требуемый (в частности, обществом) [Родионова 2005: 153].

Указанный принцип лежит и в основе типологии Т. М. Николаевой, выделяющей в понятии нормы три компонента: «1) отношение к заведенному порядку вещей (алетические факты): *Еще не наступил вечер, а в воздухе уже почувствовалась сырость*; 2) отношение к понятию должного (деонтические нормы, связанные с прескрипциями): *Мы много гуляем, даже иногда по два часа в день*; 3) отношение к системе ценностей: *В свои 37 лет она еще хочет нравиться*» [Николаева 1985: 90–91]. Алетические нормы, по мнению Е. В. Поповой, близки к поня-

тию стереотипа, стандарта и относятся к любым классам явлений – как к природе, так и к человеческому обществу. Нормы деонтические, представляющие что-либо как должное, относятся только к деятельности людей [Попова 2013: 109–111]. Границы между нормами того и другого типа нечетки, поскольку многие из них имеют двойственный, дескриптивно-прескриптивный характер [Ивин 1997: 146].

Все эти нормы можно выявить в высказываниях с дискурсивами. Способность подобных единиц указывать на норму основана на том, что многие из них обладают свойством передавать скрытую, но понятную для всех носителей языка семантику [Николаева 1985: 80]: (пример Т. М. Николаевой) *Уже через минуту он крепко спал <Крепкий сон так быстро не наступает>* (Знак <...> исследователь использует для выражения скрытого смысла, связанного с высказыванием).

При этом выражаемое дискурсивами отношение к норме может быть различным. Так, Т. М. Николаева выделяет в высказываниях с частицами три вида отношения ситуации к норме: 1) демонстрация неизбежности нормативно происходящих событий (*Еще аллея не сумрачен приют* (т. е. он будет сумрачным)); 2) несоблюдение нормы (*Он шел, уже задыхаясь*); 3) несоответствие норме, ее опрокидывание (*Он даже не знает, сколько стоит килограмм сахара* (а это должны знать все)) [Николаева 1985: 91].

Итак, каковы функциональные возможности высказываний с дискурсивами, выражающими отношение к норме, в газетном тексте? Каким образом они позволяют сделать коммуникацию более эффективной?

Анализ материалов современных газет показывает, что способность дискурсивов указывать на тот или иной тип нормы оказывается очень востребованной для реализации задач автора публикации

Выделяется, например, группа дискурсивов, выражающих, в соответствии с типологией Т. М. Николаевой, представление о норме как неизбежности (среди них основное место занимают слова, традиционно обозначаемые как частицы): *еще, уже, пока, наконец* и др. Так, значение дискурсива *еще* в «Словаре служебных слов русского языка» в одном из значений толкуется следующим образом: ‘Говорящий сообщает, что ситуация существовала до описываемого времени и продолжает существовать, хотя ожидается ее изменение (прекращение)’ [СССРЯ, 2001: 23 и др.]. Дискурсивы указанного типа, характеризующие изменение ситуации как движение к неизбежному, ожидаемому положению вещей, позволяют представить ход событий в том аспекте, который нужен автору.

Так, слова с отмеченным выше значением (*еще, все еще, пока* и т. п.) способны характеризовать положение дел как неустойчивое. Это позволяет автору, оценивая ситуацию критически, показать шаткость, ненадежность того положительного, что в ней есть: (Рассматриваемый дискурсив выделяется нами в примере полужирным шрифтом) *Если*

рядовые россияне всё ещё радуют социологов оценками нынешнего и будущего счастья, то государственные мужи, ещё недавно лучившиеся оптимизмом, как-то приутихли и даже помрачнели (АиФ 2015, № 48). Дискурсив *все еще* подводит читателя к мысли, что некоторые позитивные моменты происходящего (*рядовые россияне радуют социологов оценками нынешнего и будущего счастья*) – явление временное, и дела ухудшаются. С другой стороны, желание автора выразить положительную оценку ситуации подчеркивается указанием на временный, преходящий характер как раз тех негативных моментов, которые в ней присутствуют: *Сам город Симферополь ещё носит следы почти 25-летнего «жительства» в составе Украины: дороги и придомные территории в отдалении от центра города оставляют желать лучшего* (ЛГ 2015, № 38). Благодаря слову *еще* читатель приходит к выводу, что негативные черты в облике Симферополя обязательно исчезнут, и его жителей ждет лучшее будущее.

Подобным же образом функционирует дискурсив *уже*. Характеризуя положение дел как ожидаемое, неизбежное, слово *уже* позволяет представить то или иное явление как результат планомерного движения к нему. При этом любой позитивный факт выглядит как закономерный итог правильного поведения, правильной политики: *За это время произошли обновление и модернизация нашего оборонно-промышленного комплекса. Он уже в состоянии строить суперсамолеты и супероружие* (ЛГ 2015, № 39) (очевиден вывод о том, что обновление и модернизация оборонного комплекса – правильная стратегия правительства). Если же дискурсив используется при обозначении негативных явлений, это усиливает критическую направленность материала (неблагоприятный результат был ожидаем, но движение к нему не было остановлено): *Длительность кризиса будет зависеть в том числе и от долготерпения населения. Его негативное воздействие уже видно: снижаются доходы. Растет скрытая безработица.* (АиФ 2015, № 41) (Ситуацию можно было предвидеть и, следовательно, предотвратить, но этого не было сделано). Таким образом, дискурсивы подобного рода существенно влияют на восприятие читателем ситуации, и эффективность этого влияния в значительной степени определяется его неявным, незаметным характером, связанным со способностью указанных единиц передавать скрытую, но понятную для всех носителей языка семантику [Николаева 1985: 80].

Помимо демонстрации неизбежности нормы, дискурсивы, как отмечалось, могут указывать на несоблюдение нормы и на несоответствие норме [Николаева 1985: 91]. Граница между двумя указанными типами отношения к норме является, на наш взгляд, не вполне четкой. При этом в обоих случаях используется очень близкий набор дискурсивов: *только, лишь, даже, хоть, уж (уже)* и т. п. К этой же группе, как нам кажется, относятся дискурсивы, характеризующиеся обычно как противительно-уступительные союзы и союзные аналоги: *но, однако,*

между тем, вместе с тем, хотя и т. д., а также предлоги с противительно-уступительным значением *несмотря на*, *вопреки* и др. Все дискурсивы отмеченного типа, указывая на те или иные отступления от нормы, содержат представление о нарушении нормы ожидания. Именно эта особенность определяет, на наш взгляд, широкое использование подобных слов в газетном дискурсе, поскольку нарушение ожидания является, по замечанию В. И. Шаховского, «эмоциогенным фактором» [Шаховский 2003], определяющим интерес читателя к материалу.

Так, представление о несоответствии норме содержится в семантике противительно-уступительных союзов, союзных аналогов и предлогов. По мнению В. З. Санникова, в конструкциях с противительными союзными средствами следует видеть нарушение нормального хода событий [Санников 2008: 251], а Е. В. Урысон считает, что подобные слова содержат указание на «обманутое ожидание» [Урысон 2011: 190]. Ср. пример из нашего материала: *Так бы и оставался Фийон фаворитом предвыборной гонки, но неожиданно разгорелся скандал* («Версия» 2017, № 6) (ожидалось, что Фийон останется фаворитом предвыборной гонки).

Привлекательность подобных конструкций для медиадискурса объясняется тем, что они отражают необычное, нестандартное течение событий в самых разных сферах жизни. Именно такие события интересны адресату, обращают на себя его внимание, заставляют прочитать материал. «Человек замечает прежде всего аномальные явления, аномалия заставляет думать и действовать» и, таким образом, она «творит мысль и жизнь» [Арутюнова 1999: 75]. Ср.: *Предполагалось, что для обеспечения безопасности российских границ на авиабазе под Бобруйском будет размещен серьезный контингент <...> Однако ... Лукашенко вопреки договоренностям отказался размещать на белорусской территории авиабазу ВКС* (Версия 13.12–19.012.2017). *Экономического потенциала СССР хватило бы еще на 15 лет! Но мы поддались на уговоры Запада и пошли путем саморазрушения* (АиФ 2019, № 32).

Установка на необычность, сенсационность определяется функцией воздействия на читателя как важнейшей для СМИ. В газете «текст заинтересован в читателе, читатель же в тексте не заинтересован» [Коньков 2010: 50]. При этом возможности противительно-уступительных дискурсивов часто используются не просто для того, чтобы привлечь внимание к материалу, а для того, чтобы выразить оценку того, о чем в нем говорится. Если положение дел вызывает у автора негативное отношение, то конструкции с подобными дискурсивами позволяют усилить критическую направленность текста: *Предлагаемые методы позволяют выявить изменения в организме в доклинической стадии. Однако в настоящее время и эти разработки остаются лишь на бумаге* (Завтра 2019, № 6). Противоречие между ожиданиями и невозможностью их реализовать усиливает разочаро-

вание читателя и вызывает его возмущение таким положением дел. Ср. аналогичные примеры: *Появятся ли в таких деревнях мусоровозы? Должны, но ...* (ЛГ 2019, № 6). *Ещё в 1826 г. председатель Вольного экономического общества России Николай Мордвинов писал: «Необходимо переменить вывоз из России хлебного зерна, вывозить мукой, крупой и макаронами в бочках». Но наша страна до сих пор продолжает вывозить зерно* (АиФ 2019, № 4). *В Санкт-Петербурге врач одного из крупнейших медицинских центров написал открытое письмо президенту, в котором сообщил, что в его родном городе майские указы не исполняются. Но руководство центра в ответ не прибавило ему зарплату, а, напротив, понизило в должности* (АиФ 2019, № 32).

С другой стороны, противительно-уступительные дискурсивы могут усилить впечатление и позитивного положения дел. В подобных случаях противительная конструкция позволяет подчеркнуть успехи персонажа (коллектива, государства) и т. п., показав, что эти успехи достигнуты путем преодоления каких-либо препятствий – погодных условий, материальных проблем, физических недостатков и т. п., которые в норме должны были бы привести к другому результату: *Надо улучшить атмосферу и качество двусторонних отношений, вернуть их на траекторию поступательного развития. Добиться этого непросто. Но, как подчеркнул президент Путин, мы готовы пройти свою часть пути* (АиФ 2017, № 13); *Год был очень влажный, однако наш агроном предусмотрел этот риск* (АиФ 2016, № 43); *В этом году нас заливало водой, но, несмотря на непогоду, удалось собрать по 60 центнеров с гектара озимых* (АиФ 2017, № 8).

Помимо союзов и предлогов с противительно-уступительным значением, представление о несоблюдении нормы и несоответствии ей свойственно целому ряду частиц, которые называют акцентирующими (*даже, и, аж, только, лишь, всего, хоть, уж* и т. п.) [Стародумова 1988]. Слова подобного рода могут представлять выделяемый компонент как член некоторого ряда. При этом в имплицитном содержании высказывания возникает ряд дополнительных смыслов, или, по выражению Т. М. Николаевой, «теневых» высказываний [Николаева 1985: 60], характер которых зависит от специфики семантики частицы. Так, частица *даже* характеризует выделяемый компонент как наименее способный обладать данным признаком, последний в ряду тех, у которых этот признак мог бы быть ожидаем [Богуславский 1996: 88, 123; Крейдлин 1975: 103–108]: (в наших примерах знак <...> используется так же, как у Т. М. Николаевой – для обозначения «теневых» фраз, связанных с высказываниями, в которых используется дискурсив) *Даже летом здесь холодно* – <*в остальное время тоже холодно*>, <*лето – время года, когда менее всего ожидается холод*>. Частица *только* характеризует выделяемый компонент как единственный из множества, который обладает данным признаком, или как не-

существенную часть множества [Богуславский 1996: 88, 123; Крейдлин 1975: 103–108]. Ср. наш пример: *Из студентов только Сережа прочитал всю программу* (<Другие прочитали меньше> <Сережа – незначительная часть всех студентов> т. е. существенно меньше, чем можно было ожидать). Содержание подобных «теневых» фраз входит в пресуппозитивную часть высказывания и понятно всем представителям социума [Николаева 1985: 58–59].

Способность акцентирующих частиц указывать на те или иные характеристики компонента создает дополнительные возможности для выражения в них представлений о нормах. Ср.: *Из студентов только Сережа прочитал всю программу* – <Другие прочитали меньше>; <Сережа – незначительная часть всех студентов>. – <**Программу должны читать все студенты, один прочитавший – это недостаточно**>. Последнее высказывание отражает представление о норме, которое выводится из содержания высказывания с частицей *только*.

Активное использование дискурсивов подобного рода в газетных текстах можно объяснить, как и в предыдущих случаях, их способностью указывать на отклонение от нормы, нарушение ожидания, что побуждает читателя обратить внимание на важный факт, воспринять его обостренно, эмоционально, а значит – лучше понять мысль автора и осознать происходящее в нужном автору аспекте: *Кроме того, закончились пробирки для анализа. Не хватает даже медицинских масок* (АН 2020, № 10). Отсутствие в медучреждении медицинских масок – это крайняя степень несоответствия норме. Частица, создавая представление о необычности, странности данного факта, позволяет автору в полной мере передать читателю свое возмущение и беспокойство в связи с состоянием медицины. Ср. рассказ фермера: *Если производишь рожь, пшеницу, масличные культуры, то **лишь** на сертификацию нужно потратить 100 тысяч* (АиФ 2021, № 39). Частица *лишь* помогает представить сертификацию как незначительную часть затрат фермера и осознать, что его общие расходы выше обычных, средних, «нормальных», т. е. требуют сверхусилий (чего не должно быть). *В огромном количестве медучреждений по стране не хватает специалистов. Так, Каслинская районная больница в той же Челябинской обл. укомплектована врачами **лишь** на 45%* (АиФ 2019, № 32). Частица *лишь* показывает, что 45% укомплектованности больницы врачами – это недопустимо меньше нормы; *Бытовые, социальные и культурные потребности старшего поколения настолько упали, что люди **даже** не стремятся увеличить свои доходы* (АиФ 2015, № 41) Частица *даже* подчеркивает степень «ухода от нормы», глубину падения уровня жизни: стремление увеличить доходы – это минимум того, что должно быть свойственно людям.

Все приведенные выше примеры показывают, что использование частиц, указывающих на норму, усиливает аргументацию автора,

придает его высказываниям особую убедительность и неопровержимость.

При этом сама эта норма, представляясь объективной, не всегда является таковой. Как отмечает Т. М. Николаева, норма в некоторых случаях может быть «преднамеренно или непреднамеренно искажена автором» [Николаева 1985: 91]. Ср.: *России объявлена война. Информационная пока, она ведется на нашей территории и в обороне ТВ играет огромную роль* (ЛГ 2016, № 25–26). Дискурсив *пока* заставляет читателя прийти к выводу, что информационная война, объявленная, по мнению автора, России, неизбежно перерастет в другую, реальную. Но действительно ли это так? Ср.: *Кто же скажет президенту, что его министры – это загадочные темные существа? Даже Трамп, Борис Джонсон и всякая мировая экономическая мелкота, уже не стесняясь, говорит в открытую, что не боятся нас.* (АН 2020, № 1). Частица *даже*, характеризую Трампа и Джонсона как последних, от кого можно было ожидать такого отношения к нам, побуждает читателя в еще большей степени возмутиться их поведением и почувствовать к ним неприязнь. Здесь же используется и частица *уже* (*уже не стесняясь*), т. е. все неизбежно идет к тому, что *мировая политическая мелкота* добьется своей цели и будет выражать превосходство над нами. Но все ли подобные истины объективны и могут быть разделены всеми читателями?

В подобных случаях можно говорить, на наш взгляд, уже не только об убеждении, но и о внушении и манипуляции читательскими взглядами. Здесь, кроме того, важна еще и ориентация на адресата: автор издания рассчитывает (и не без основания) на «своего» читателя, который готов к такому же восприятию событий и персонажей.

Во всех рассматриваемых нами примерах дискурсивы маркируют нормы различного типа: как алетические (нормы как сущее, обычный порядок вещей), так и деонтические (прескрипционные – отношение к понятию должного). В обоих случаях указание на норму создает особый воздействующий эффект, основанный на характере отношения к норме и на самом факте ее неоспоримости, общепринятости: *В этом году число желающих стать специалистами в точных и естественных науках заметно возросло. Даже на коммерческую форму обучения на мехмате уже есть заявки* (АиФ 2013, № 32). Частица *даже* в данном случае напоминает об алетической норме – обычном порядке вещей: обычно на коммерческую форму заявок значительно меньше. Это позволяет автору показать особое стремление абитуриентов к точным и естественным наукам. В высказывании же *Не хватает даже медицинских масок* содержится представление о деонтических нормах: маски – это минимум того, что должно быть в больнице. Это, как уже отмечалось, позволяет подчеркнуть бедственное положение медицины. Указывая на отступление от норм должного, дискурсивы придают тексту особую критическую силу и социаль-

ную остроту. При этом во многих случаях норма, о которой напоминает дискурсив, одновременно может быть квалифицирована и как алетическая, и как деонтическая: во втором примере наличие масок в больнице – обычное явление, привычный порядок вещей; с другой стороны – это предписание, обязанность медучреждения, т. е. это норма как должное.

Такое совпадение деонтических норм с алетическими – очень распространенное явление. Однако иногда отмечаются случаи, когда в высказывании содержится представление о таких алетических нормах, которые не совпадают с представлением о должном. В подобных случаях у автора появляются некоторые дополнительные возможности воздействия на читателя: *У нас вроде все как у людей: есть частная собственность, конвертируемый рубль, валюта, миллиардеры, зарубежные счета, яхты, дома в Лондоне и Париже. Иногда нам даже пытаются объяснить, что у нас происходит* (АиФ 2016, № 12). Частица *даже* создает представление о привычном положении вещей (алетических нормах): обычно нам ничего не объясняют, объяснение – это редкое, необычное явление. При этом автор предполагает, что у читателя в сознании есть представление о норме как предписываемом, должном: власть должна быть близка к народу, должна уметь объяснять ему свои действия. В подобном случае отступление от норм привычного (но неправильного) представлено как движение к лучшему, к правильному (но непривычному), что могло бы показать высокую оценку автором происходящего (*Иногда нам даже пытаются объяснить, что у нас происходит*). Однако в данном случае это движение является таким незначительным (лишь *пытаются объяснить*), а частица *даже* при этом настолько явно представляет его как удивительное, редкое явление, что подобное «одобрение» невозможно расценить иначе как иронию, только подчеркивающую глубину расхождения между сущим и должным. Примеры такого рода отмечаются обычно в материалах опытных публицистов, способных к тонкому и глубокому анализу происходящего (В. Костикова, Л. Радзиховского, А. Минкина и др.).

С учетом последних примеров обращают на себя внимание случаи как будто бы очень близкие, но, тем не менее, имеющие некоторые особенности: *Губернатор действительно часто выходит в люди: на ярмарках пробует местные продукты, в наводок выезжает в затопленные районы в больших сапогах, а однажды даже проехал в автобусе по мосту Саратов – Энгельс!* (РГ 2015, № 13). В данном случае, как и в предыдущем, дискурсив обнаруживает расхождение между нормами привычного порядка вещей (губернатор не ездит в общественном транспорте, это – необычное, удивительное явление) и нормами должного (власть должна демонстрировать демократизм; проезд губернатора в автобусе не должен поражать людей). Как и в предыдущем примере, здесь нарушение норм обычного положения

вещей тоже связано с движением к должному, к идеалу, и это определяет высокую оценку действий героя публикации. Эмоция удивления, связанная с использованием частицы *даже*, также не вполне соответствуют незначительности, обыденности события. Однако в данном случае не чувствуется никакой иронии: автор искренне восхищается поступком персонажа. Ср. аналогичные случаи: *Для учащихся в здании школы оборудованы даже туалетные комнаты* (Провинциальный телеграфъ 20.08.2012). Очевидно, что появление туалетных комнат в помещении школы не просто одобряется автором, но вызывает искреннее удивление, чуть ли не восторг). *Столичная ГИБДД предупредила, что лучше «воспользоваться общественным транспортом». Он, кстати, развивается. Большие станции метро, большие комфортных, годных даже для инвалидов автобусов, трамваев, троллейбусов* (ЛГ 2013, № 17). Для автора нормой является невозможность для инвалидов пользоваться автобусами; появление же удобных автобусов, годных для людей с ограниченными возможностями, воспринимается как необыкновенное достижение.

Еще один пример: (Об успехах в работе Балаковской АЭС) *С учетом того, что современные технологии изначально рассчитаны на эксплуатацию энергоблоков в течение 60 лет, сроки работы атомных станций увеличиваются в разы. Однако столь высокие производственные показатели Балаковской АЭС были достигнуты отнюдь не в ущерб безопасности, в том числе и экологической* (КП 24.02.–2.03. 2016). Создается впечатление, что привычным и чуть ли не нормальным является такое положение вещей, когда безопасность людей приносится в жертву высоким производственным показателям.

Примеры такого рода могут свидетельствовать, на наш взгляд, о несколько смещенном понятии должного: оно либо не воспринимается отчетливо, либо не является достаточно сформированным. Конечно, многие из негативных явлений настолько привычны для читателя, что их «ненормальность», неприемлемость не вполне замечается им. На наш взгляд, роль автора в подобных случаях – отметить указанное расхождение и критически оценить его. Но, как нам кажется, в приведенных примерах автор не просто ретранслирует представления и поведение аудитории [Сурикова 2012: 208], он сам разделяет эти представления и не подвергает их критике.

Следует заметить, что, при всей привычности для читателя представленных в высказываниях с дискурсивами норм, сами эти высказывания воспринимаются все-таки как не вполне идеальные: как ни смещены в сознании людей представления о нормах должного, они все-таки имеются, что создает впечатление какого-то диссонанса и все-таки мешает адресату разделять чувства автора.

Таким образом, активное использование в текстах СМИ дискурсивов, указывающих на норму, не случайно. Оно связано с основными функциями СМИ – не просто информировать, но и воздействовать на

общественное сознание. Напоминая о норме (а нередко внушая представление о ней), указывая на отклонение от нормы, дискурсивы заставляют читателя увидеть события в нужном автору ракурсе, обратить внимание на нужные ему аспекты явлений и прийти в результате к желательному для автора выводу. «Эмоциогенный» эффект (термин В. И. Шаховского), свойственный словам с семантикой нарушения ожидания, побуждает читателя воспринимать материал активно, не упуская ничего и следуя за мыслью автора. Воздействие подобного материала усиливается благодаря тому, что высказывания с дискурсивами опираются на объективные, бесспорные истины (или истины, представленные как объективные), что повышает убедительность речи и доверие читателя автору. При этом дискурсивы позволяют составить представление о том наборе норм, который связан, с одной стороны, со стереотипами современной жизни, с привычными ее проявлениями; с другой стороны, – с представлениями современного общества о должном, предписываемом. В целом этот набор достаточно устойчив и отражает общечеловеческие нормы и ценности. Однако ряд примеров свидетельствует о не очень четком представлении о некоторых социальных нормах. Это подтверждает мысль Т. И. Суриковой о том, что СМИ «выполняют роль языкового индикатора этического состояния общества» [Сурикова 2012: 206]. При этом важно, что смещенность норм не является предметом критики, она отражает представления самого автора и не всегда осознается им, что может снижать впечатление о тексте или вызывать несогласие с автором.

1.4. Факторы достижения эффективности в работе телеведущих О. Галькевич и К. Чурикова программы «Отражение» (ОТР) (А. Н. Байкулова, А. А. Гвоздюк)

Внимание многих современных исследователей (см.: [Нагибина, Огаркова 2014; Воеводин 2016; Лабутина 2019] и др.) направлено на изучение языковой личности тележурналистов, так как именно ведущие телевизионных программ формируют общественное мнение, оказывают речевое воздействие на широкую аудиторию и в определенной степени влияют на развитие языка. Речь ведущего воспринимается адресатом в неразрывной связи с его личностью, статусом, популярностью: от этого воздействие на аудиторию усиливается или, наоборот, уменьшается [Телевизионная ..., 2002].

Большую роль в работе телеведущих играет позитивная коммуникация и создание образа позитивной личности, что способствует эффективности интерактивного взаимодействия ведущих программ и телезрителей.

Конститутивные и структурные признаки позитивной коммуникации, механизмы ее реализации, средства выражения в дискурсе рассмотрены авторами коллективной монографии под ред. О. А. Леонтович [Позитивная ..., 2020]. Предисловие к монографии начинается словами: «Обещание научить позитивной коммуникации – столь же невыполнимая задача, как и обещание сделать всех людей счастливыми» [Позитивная ..., 2020: 5]. Однако представителям любых профессий, в том числе и коммуникативных (учителям, врачам, представителям СМИ и др.), необходимы знания о приемах создания образа позитивной личности и средствах, с помощью которых коммуникация приобретает позитивные качества.

Объектом наших наблюдений стала речь ведущих программы «Отражение» (телеканал ОТР) Оксаны Галькевич и Константина Чурикова: проанализировано более 180 выпусков программы за период с 2018 по 2021 гг. Особенность передачи в том, что события, получившие резонанс, обсуждаются онлайн. Эксперты и ведущие выслушивают разные мнения, анализируют и интерпретируют факты, чтобы детально разобраться в ситуации и дать возможность зрителям не только прояснить картину произошедшего, но и задать вопросы, высказать свою точку зрения. «В живом обсуждении выявляются скрытые причины событий и их отдаленные последствия для простых граждан и всей страны» (см.: <https://otr-online.ru/programmy/segodnyav-rossii/>). Слоган программы «Отражение» – «Нам важно, что вы думаете! Мы хотим услышать ваши мнения, вопросы и комментарии» раскрывает главную задачу программы – интерактивное общение с телезрителем (массовой аудиторией).

Гостями студии информационной программы становятся политики, экономисты, общественные деятели, а также специалисты узких направлений. Например, частые гости программы – доцент Департамента прикладной экономики ВШЭ Владимир Карачаровский, психолог Игорь Романов, директор Центра конъюнктурных исследований ВШЭ Георгий Остапкович, политолог Сергей Михеев и эксперт в сфере ЖКХ Татьяна Овчаренко и др. Принять участие в обсуждении темы эфира может любой телезритель. Общение происходит в реальном времени, что позволяет быстро получить ответ на интересующий вопрос. Зрители могут задать свои вопросы по телефону, sms-сообщению, в Skype и по электронной почте. Данная программа служит примером проявления интерактивности на телевидении. Здесь аудитория и представители средства массовой информации являются партнерами, между которыми происходит обмен актуальной информацией.

Заместитель директора отдела информационного радиовещания и одна из создателей программы «Отражение» Ю. В. Ермилова в интервью для электронного журнала «Broadcasting» рассказала о том, что ежедневно в программу поступает более 5 тысяч СМС и 15 тысяч звонков. Вместо обычного наблюдателя зритель является участником,

от которого зависит тема эфира. «Мы стираем рамки между теми, кто делает передачи, и зрителями, которые эти передачи смотрят. Будущее программы видится нам в увеличении интерактива. Мы – телевидение для зрителей, которое делается вместе со зрителями» [Вареник 2017]. По данным телеканала ОТР, в день на телефонный номер программы «Отражение» поступает более шестидесяти тысяч звонков от зрителей (данные за 2020 г.).

Бегущая строка также является формой интерактивной связи с телезрителями. На ней во время выпуска отображаются их sms-сообщения. Важно отметить, что сообщения не редактируются, а наоборот, орфография и пунктуация телезрителей сохраняются, что позволяет считывать настроение и эмоции пишущих через экран.

Рабочее место ведущих оборудовано техникой, на столах стоят компьютеры. Это позволяет ведущим следить за ситуацией на портале, куда приходят сообщения, зачитывать интересные sms и принимать звонки в Skype.

В некоторых выпусках ведущие проводят sms-опросы на различные темы, например «Вы бы пошли работать за МРОТ?», «Опасность коронавируса преувеличена?», «Лучше уж каникулы, чем дистанционное обучение?» и т. п. На протяжении всего выпуска мы можем наблюдать на экране меняющиеся результаты опроса, которые официально объявляют в конце программы. Опрос позволяет узнать общественное мнение и составить общую картину того, как аудитория относится к данному вопросу или ситуации.

Ведущие программы «Отражение» работают в эфире парами: Петр Кузнецов и Марина Калинина, Ольга Арсланова и Александр Денисов, Иван Князев и Тамара Шорникова, Оксана Галькевич и Константин Чуриков, Денис Чижов и Дарья Шулик, Елена Медовникова и Александр Денисов. Существует специальная рубрика «Темы дня с Сергеем Лесковым», которая начинается в 19:30 по МСК и длится около 35–40 минут. Обозреватель канала ОТР разбирается в сути главных событий за прошедший день.

Оксана Галькевич и Константин Чуриков работают в программе «Отражение» со дня ее основания.

Наблюдения показывают, что характер и манера общения у них не одинаковы.

Выбор ведущих обусловлен их популярностью: на официальном сайте телеканала ОТР зрители благодарят О. Галькевич за искренность, эмоциональность, остроумие и неравнодушие к чужим проблемам, отмечают ее чувство юмора, считают мастером троллинга, без которого эфиры становятся скучными. В отзывах о К. Чурикове отмечается его сдержанность, проницательность, умение говорить о сложных злободневных проблемах.

Конституирующими характеристиками позитивной личности, по мнению авторов монографии «Позитивная коммуникация», явля-

ются: внимательное и доброжелательное отношение к людям, оптимизм, активность, проявление лидерских качеств, неординарность, гармония с собой, интеллект (см.: [Позитивная ..., 2020]). Наличие этих черт можно наблюдать у О. Галькевич и К. Чурикова, которые работают в программе «Отражение» со дня ее основания.

Доброжелательность ведущих по отношению друг к другу и к массовому адресату проявляется, например, в следующем фрагменте передачи: Чуриков (далее – Ч.). *Всё как есть вам сегодня и сейчас расскажет Оксана Галькевич / наконец-то ты вернулась / долго мы все тебя ждали!* – Галькевич (далее – Г.). *Спасибо // Я надеюсь / что наш доклад в прямом эфире вы / уважаемые зрители / дополните своей искренней реакцией и откровенными мнениями;* – Г. *Ждем вас / уважаемые телезрители / присоединяйтесь к нашему обсуждению // Это программа «Отражение» / в студии с вами сегодня Константин Чуриков / – Ч. И / конечно / прекрасная Оксана Галькевич //;* – Ч. *Я по этому поводу вспомнил частушку грустную / «Привезли в село клеенку / Синюю в горошину» // – Г. Тихо // – Ч. «Уходи-ка все плохое / Приходи хорошее» // Ну просто / чтобы разрядить обстановку.* Сигналами, создающими атмосферу дружеского диалога, становятся: выражение чувства радости К. Чурикова по поводу возвращения О. Галькевич (*наконец-то ты вернулась / долго мы все тебя ждали!*); экспликация положительного образа зрителя (*уважаемые зрители*), который априори наделяется качествами, необходимыми для конструктивного общения: *искренняя реакция, откровенные мнения*; создание позитивного настроения, для чего используется прецедентный текст – частушка. Даже частица *просто* употребляется «для указания на то, что причина чего-либо является более безобидной и естественной, чем можно было бы предположить или чем кто-либо предполагает» [БУС Р.Я., 2016: 944]. В других фрагментах: *Я просто решил поддержать разговор о меняющемся мире; Ну просто чтобы разрядить обстановку.*

На протяжении передачи ведущие прибегают к комплиентам (Г. *Константин Чуриков как всегда самый неравнодушный человек;* – Ч. *Ты вообще молодая девчонка;* – Г. *Ну ты молодец / Константин у нас запасливый!*), используют лексику, содержащую положительную оценку (*Все будет хорошо*), пословицы и поговорки (*Итак / вернёмся к нашим баранам; Ну и правильно / с глаз долой / из сердца вон; И швец / и чтец / и жнец / в общем / вы всё вместе*) и частушки (см. пример выше). В ходе общения ведущие шутливо дополняют и достраивают фразы друг друга, каламбурят: *Ну а сейчас посмотрим в воображаемые тарелки и подумаем / какая у нас еда / родная или чужая?; Ну можно / кстати / не только в тарелки / можно в авоськи / корзинки заглянуть // В бутылку тоже можно;* – Г. *Мы с вами согласны / но не по два месяца безвыходно / понимаете / в этих четырех стенах мы сидели в 1980-е / 1990-е и прочие годы / это были другие*

условия совсем // Мне кажется / что вот хочется уже просто выйти куда-то // – Ч. Скоро выйдешь / Оксана / час остался.

В конце шуточной фразы ведущие нередко употребляют частицу *да*, которая служит для побуждения собеседника к ответной реакции (*Подставит / так сказать плечо / да?*). Часто О. Галькевич и К. Чуриков используют прием иронии, в том числе и самоиронии: *Ну тут пишут // «Какие вы тупые» / наверное / нам с тобой Константин; А-а-а / ну это нам точно; – Ч. Подожди / я посчитал / 11 тысяч долларов в год / курс 80 // – Г. Ты налоги не заплатил // – Ч. А / я налоги не заплатил! Но я обычно плачу // – Г. Слушай / Костя / ты так плохо считаешь / давай с тобой на деньги во что-нибудь сыграем? – Ч. Я налоги не таю / просто за нас работодатель платит налоги (смеется).*

Позитивный настрой распространяется и на общение с телезрителями. Чувство юмора позволяет снизить градус напряжения в обсуждении сложных жизненных проблем: (телезритель – далее ТЗ.). *И еще я хочу узнать / где наши накопительные пенсии / которые заморозили? – Ч. В морозильнике //; – Ч. Зритель пишет / «Я только не пойму / откуда у футболистов такая большая зарплата»? Мы все не пойдем // – Г. У них это по калориям считается // Сколько набегал / сколько съел; – Ч. Вологодская область пишет / «Не могу понять / откуда у вас информация / что люди плохо работают» // Мы такого не говорили // Мы в домике; – ТЗ. Ну как можно 20 лет носить одни и те же вещи? Чушь! – Ч. Ну бывает / что вещь хорошая / добротная / любимая // Бывает же такое? Бывает // – Г. Как Костины джинсы 15 лет // – Ч. Я Плюшкин / да.*

Ведущие внимательны к зрителю и проявляют к нему уважительно-доброжелательное отношение: ТЗ. *Полностью согласен вот // Слышите меня / да? – Г. Да-да / слышим и слушаем внимательно; – Ч. Я за то / чтобы все жили хорошо; – Г. Главное / что она / Костя / в хорошем настроении / это важно; – Ч. Я за то / чтобы все получали / достойную зарплату / чтобы никого не унижали и не обманывали / чтобы всё у всех было хорошо.* Гармоничная атмосфера в студии создается с помощью положительных оценочных наречий (*хорошо, важно* и др.).

В нашем материале встречаются примеры, когда ведущие стараются успокоить телезрителей, выражают сочувствие и поддержку, готовность прийти на помощь: ТЗ. *Почтальоны у нас не получают даже эту зарплату // – Г. Катастрофа!; – Ч. Пусть поправляется ваша дочка // – Г. Здоровья вашей дочери; – ТЗ. Я не знаю / что мне делать с этой бедой // – Ч. Найдите / пожалуйста / в Интернете «Павел Медведев / омбудсмен» и ему обязательно напишите / он / я думаю / сделает все возможное / чтобы рассмотрит ваш случай // – Г. На самом деле чудовищная история; – Г. На самом деле вы не переживайте раньше времени; – ТЗ. Работаю двенадцать часов в*

день / два выходных // – Ч. **Кошмар!**; – ТЗ. *И так и не нашли его ...* – Г. **Боже / какой ужас!**

Для того чтобы ободрить зрителей, О. Галькевич и К. Чуриков применяют императивы со значением выражения эмоционального состояния человека (*не переживайте раньше времени*) и глаголы некатегоричной модальности (*Найдите пожалуйста в Интернете «Павел Медведев – омбудсмен» / и ему обязательно напишите*). Ведущие внимательно относятся к проблемам зрителей, именно поэтому, проявляя сочувствие и заботу, они используют пожелания здоровья: *Пусть поправляется ваша дочка; Здоровья вашей дочери*. Неравнодушное отношение к тому, о чем говорят телезрители, в речи О. Галькевич и К. Чурикова выражается с помощью оценочной лексики и интонационной окраски высказываний (*Какой ужас!*; *Катастрофа!*; *Чудовищная ситуация!*; *Кошмар!*).

Важными чертами позитивной личности являются вежливость и тактичность. Ведущие с осторожностью задают зрителям вопросы, не настаивают на немедленном ответе, проявляя сдержанность: Г. *Антонина / прошу прощения / можно одно уточнение?*; – ТЗ. *Спасибо за принятый звонок / долго я ждала / хотела поговорить на эту тему //* – Г. *Спасибо за ожидание / Надежда //* – Ч. *Давайте уж сейчас как поговорим // Пожалуйста / давайте узнаем;* – Ч. *Дмитрий / извините / а можно ваш первый постулат мы превратим в вопрос?*; – Г. *Ангелина / поделитесь с нами / пожалуйста / историей / если можно / про обман этой самой компанией;* – Ч. *А что значит «болтаются»? Просто без дела сидят на корточках? Я на всякий случай уточняю / Любовь / проясните для нас / пожалуйста.*

В данном фрагменте речи О. Галькевич и К. Чуриков используют синтаксические модели, служащие для выражения вежливой просьбы: *Прошу прощения / можно одно уточнение?*; *извините / а можно;* *поделитесь с нами / пожалуйста / историей / если можно*. Актуализатор вежливости *пожалуйста* очень часто употребляется в речи ведущих. С помощью глаголов 2 лица множественного числа со значением совместного действия (*Давайте уж сейчас как поговорим*) ведущие обращают внимание и зрителей, и экспертов в студии на звонящего. Нередко для того, чтобы дозвониться в эфир, телезрителям приходится долго ждать на линии, за что О. Галькевич и К. Чуриков их благодарят (*Спасибо за ожидание, Надежда; Спасибо, что дождались, Игорь*).

Активность ведущих программы «Отражение» проявляется через актуализацию вопросов, которые они задают дозвонившемуся телезрителю, а также через реакцию на саму проблему. О. Галькевич и К. Чуриков внимательно следят за развитием темы, держат постоянный контакт со зрителем. На наш взгляд, они добиваются поставленной цели, которая включает задачу сделать программу интерактивной и заслуживающей внимания телезрителей – любимой программой. Об

этом свидетельствуют положительные отзывы телезрителей: *Очень вас люблю / очень вы мне нравитесь; Уважаемые ведущие / большое спасибо // И ваши эксперты / и вы говорите абсолютно правильно; ... дорогие / любимые Оксаночка и Константин; на вас действительно как ведущих очень приятно смотреть и слушать; Я вашу давно смотрю передачу / вы мне очень нравитесь как ведущие / вообще молодцы / очень хорошие специалисты.*

Такая оценка работы телеведущих программы «Отражение» говорит о том, что зрителей привлекает манера речевого поведения О. Галькевич и К. Чурикова, которые создают образы позитивных личностей, настроенных на понимание адресата и внимательное отношение к нему.

Одним из важнейших факторов, способствующих эффективности коммуникации ведущих с телезрителями в этой программе, становятся приемы интерактивного взаимодействия. Без интерактивной связи на телевидении трудно определить интересы зрителей, их отношение к телепрограммам и выбранным темам. Выделяется три вида интерактивности: прямая, когда аудитория в студии реагирует на реплики ведущего и героев (звонки в студию во время эфира, прямое включение с места событий); косвенная (письма, сообщения, рейтинги и опросы общественного мнения до эфира, мнение представителей аудитории в записи) и скрытая, проявляющаяся в постоянном обращении к аудитории во время передачи [Шестерина 2005]. Интерактивная связь требует от ведущих особых коммуникативных умений, выбора эффективных стратегий и тактик.

Анализ выпусков программы «Отражение» показал, что ведущие в общении с телезрителями используют **открытую диалогическую стратегию**. Эта стратегия нацелена на откровенное выражение собственной точки зрения и, вместе с тем, готовность учитывать позицию собеседника. При диалогическом общении каждый воспринимает другого как человека, имеющего право на собственное мнение, хотя это не означает полного согласия общающихся. Диалог позволяет обсуждать острые насущные проблемы и предлагать пути их решения. Данная стратегия реализуется с помощью **тактики установления контакта**: Ч. *Давайте послушаем Виктора из Петербурга // Виктор / здравствуйте // – ТЗ. Здравствуйте // Огромное спасибо за то / что вы услышали меня //*; – Ч. *Ещё одной зрительнице давайте дадим слово / это Татьяна из города Иваново // Здравствуйте / Татьяна //*; – ТЗ. *Здравствуйте / уважаемые ведущие //*; – Ч. *Давайте выслушаем Татьяну / она нам звонит из Карелии // Татьяна / здравствуйте //*; – ТЗ. *Здравствуйте //*; – Г. *Игорь из Тулы / давайте с ним побеседуем // Игорь / здравствуйте //*; – ТЗ. *Добрый вечер.* Ведущие используют глаголы 2 лица множественного числа со значением совместного действия: *Давайте послушаем (выслушаем, побеседуем, дадим слово)* для того, чтобы привлечь зрителей и гостей студии к вни-

матерному слушанию (это важно, поскольку качество связи не всегда бывает хорошим).

С целью выяснения важных деталей, необходимых для того, чтобы обсуждение было понятным всей аудитории, прояснения позиции дозвонившегося в студию, ведущие используют **информационную стратегию**, которая проявляется в вопросительной тактике: Ч. *Что можете сказать о доступности препаратов / лекарств / масок в ваших аптеках?*; – Г. *Что думаете / нужно ли сокращать водоохранную зону?*; – Ч. *Как вы думаете / что нужно дальше делать? Какая ваша стратегия личная?*; – Ч. *А у нас бы такой референдум был / как вы думаете / что бы люди ответили?*; Для того, чтобы вопрос был услышан и не было переспроса, ведущие вводят в свою речь предваряющие конструкции *что можете сказать, что думаете, как по-вашему, как вы думаете* и др.

Для развития общения чрезвычайно важна **гармонизирующая стратегия**, которую телеведущие реализуют с помощью тактики благодарности, пожелания и комплимента: Г. *Алексей / спасибо на самом деле вам за ваш звонок //*; – Г. *Спасибо / Лидия / и вам здоровья //*; – Ч. *Вашему оптимизму можно только позавидовать // Спасибо //*; – Ч. *Спасибо вам / Вера / за звонок / за ваше доброе сердце //*; – Ч. *Татьяна / я вам просто внутри себя громко аплодирую / вы молодец //* *Спасибо большое //*; – Г. *Спасибо / Анатолий / всего вам доброго //* *Спасибо за ваше мнение;* – Ч. *Браво / отлично / Владимир!;* – Г. *Ну здорово //* *Спасибо / Владимир;* – Г. *Какая вы молодец / Галина! – Ч. Будьте здоровы! Как замечательно! – Г. Спасибо за звонок // Сколько действительно уникальных звонков мы сегодня получили.*

Для того чтобы расположить к себе зрителей, ведущие применяют **модальную стратегию** (выражение личного мнения, оценок, эмоций): ТЗ. *Вы знаете / дело в том / что наукой могут заниматься не все //*; – Г. *Да / абсолютно очевидно //*; – Г. *Человек сказал / что не может себе за 200 тысяч имплант поставить / и это правда / там же космические цены //*; – Ч. *Юрий / вы произнесли ключевое слово увлекаться / вот увлекаться работой / втягиваться в это и увлекаться / это очень важно действительно;* – ТЗ. *Я работаю шеф-поваром //*; – Ч. *Это / кстати / очень интересно;* – Ч. *Интересная мысль / и правда // Спасибо / Андрей.* В данных примерах тактика оценки выражается с помощью положительных оценочных наречий (*абсолютно, очень важно, очень интересно*), кратких прилагательных (*очевидно*), оценочных существительных (*правда*), метафор (*космические цены, ключевое слово*).

Проявлению интерактивности способствуют ирония и легкий юмор: Ч. *Ну да / уже население готово / как в фильме «Любовь и голуби» / «Давайте / грабьте меня как липку / обдирайте» //*; – ТЗ. *Мы живем в капиталистическом обществе / и кризис / это неотъемлемая часть капитализма //*; – Ч. *Да / «пировали / веселились / подсчитали /*

прослезились» //; – ТЗ. Если мы будем вводить фиксированные цены и заставлять продавать по фиксированным ценам / получим дефицит / дальше доброе утро...; – Ч. Да / товаровед / завсклад / «Пусть все будет / но пусть чего-то не хватает» / да / как у Райкина.

На завершающем этапе общения с телезрителями К. Чуриков и О. Галькевич нередко используют тактику обобщения: ТЗ. Человек / взяв кредит / ему не легче становится жить / ему становится жить труднее / потом он не может отдавать этот кредит / идет в микрофинансовую организацию / чтобы как-то перекрыться / **и в итоге он еще больше / больше и больше заходит в долги** //; – Галькевич. Такое тоже кстати бывает // **Это без конца повторяется**; – Ч. То / о чём вы сейчас рассказали / **это классический приём** //; – Г. **Такое было / есть и будет** // **Это жизнь / всё повторяется**. Таким образом, ведущие подкрепляют общее мнение, соглашаются с тем, что описанная зрителем ситуация типична.

Для того чтобы зрители во время короткого общения в эфире не отклонялись от заданной темы, ведущие применяют **регулятивную стратегию**, которая обычно осуществляется с помощью тактики, которую условно можно было бы назвать тактикой приближения или возвращения к обсуждаемой теме. Например: Ч. Алексей / **давайте формулировать вопрос / просто время идет** //; – ТЗ. Вот что хотел бы я узнать //; – Ч. Все-таки мы хотим услышать по поводу экономической составляющей / которая влияет на мировоззрение людей // **Давайте об этом** //; – Г. **Давайте / друзья / просто по существу / по сути** // **Вопрос поставлен / мы обсуждаем его**; – Ч. Анатолий / **давайте ближе к теме** // У вас ещё вопросы?; – Г. **Две минуты осталось / давайте коротко / Валентина** // **Хотим всё-таки услышать ваше мнение по поводу повышения пенсионного возраста**. Наречия *по существу, по сути* настраивают зрителя на четкость и краткость в выражении мысли, частица *всё-таки* служит сигналом настойчивости ведущих в их стремлении вернуть звонящего к ответу на поставленный вопрос, а *давайте* – своеобразный интенсификатор действий, она придает динамизм разговору, побуждает к развитию диалога в нужном направлении. Положительная коннотация обращения *друзья* способствует гармонизации коммуникативной ситуации.

Из-за помех канала связи или волнения зрители иногда допускают ошибки в именах гостей студии. В таких ситуациях ведущие используют тактику исправления: ТЗ. Я хотел бы обратиться к *Илье Кричевскому* //; – Ч. *К Никите* //; – ТЗ. Ещё мне нравится выступление *вашего гостя Ивана Бородина* / да //; – Г. *Ивана Родионова*; – ТЗ. У меня вопрос к эксперту / *Игорю Лишицу* //; – Ч. *К Липицу* только.

На звонки ТЗ в «Отражении» отводится ограниченное время, поэтому для завершения разговора ведущие применяют тактику замыкания контакта: ТЗ. Там надо обязательно это делать / чтобы половину или 100 процентов / чтобы молодые семьи получали ее бес-

платно //; – Галькевич. Алексей / спасибо //; – ТЗ. А у нас / по-моему / только одно вранье идет / больше ничего // – Чуриков. Спасибо // Это Игорь из Тулы //; – ТЗ. Я не какой-то ненавистник других наций / но русских сейчас не берут на работу // Дешевле взять мигрантов / узбеков или таджиков //; – Чуриков. Поняли вас // Спасибо / Сергей; – ТЗ. Я увольняла работников каждую неделю //; – Галькевич. Спасибо / Марина. Эта тактика реализуется с помощью этикетных формул. Следует отметить, что ведущие уважительно относятся к телезрителям, не перебивают их, дают возможность закончить мысль и только потом размыкают контакт.

Анализ материала позволил нам выявить различные стратегии и тактики, которые применяют ведущие во время общения со зрителями: важную роль играет диалогическая стратегия. Она позволяет совместно обсуждать проблемы и предлагать пути их решения. Стратегия включает в себя тактику установления контакта, которая выражается глаголами 2 лица множественного числа со значением совместного действия. Использование информационной стратегии и вопросительной тактики говорит о заинтересованности ведущих в более полном раскрытии обсуждаемой темы.

Гармонизирующая и модальная стратегии помогают ведущим наладить контакт со зрителями, расположить их к себе. Регулятивную стратегию и относящиеся к ней тактики ведущие применяют тогда, когда хотят сфокусировать внимание массовой аудитории на теме разговора или исправить ошибки. Для завершения общения ведущие используют тактику размыкания контакта, которая сопровождается этикетными формулами.

В результате можно сделать вывод, что образ позитивной личности помогает ведущим успешно строить диалог, завоевывать доверие зрителей, вызывать интерес к передаче и настраивать людей на доброжелательную тональность в обсуждении трудных жизненных проблем. Интерактивная связь в ОТР – эффективный способ понять настроения массовой аудитории, её отношение к актуальным проблемам. Телезрители программы «Отражение» становятся ее участниками, поскольку активно вовлекаются в обсуждение тем.

ГЛАВА 2. НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

2.1. Вводная к главе – общие сведения о научной коммуникации (О. Б. Сиротинина)

Научная речь – одна из наиболее типичных для профессионального общения. Она состоит из двух основных разновидностей: собственно научная и учебная (но есть и другие) [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008; Купина, Матвеева 2013]. Каждая из них может быть в письменной и устной форме речи, а теперь еще и как интернет-общение [Интернет-коммуникация, 2016]. Но самая типичная – письменная, в том числе и через Интернет. Как и вся речь любого языка, научная речь XXI в. очень изменилась. Эти изменения не только результат накопления знаний о мире, в том числе о языке и речи, но в этой сфере общения огромную роль сыграла возможность знакомства (через Интернет прежде всего) с результатами научных исследований всех стран и ужесточение требований к публикациям всех достижений.

Как всегда, результат этого двойки: положительный – стало легче публиковаться в сборниках, журналах и в Интернете, но есть и негативное следствие – обзреть все опубликованное физически невозможно (необозримое множество). Отсюда необходимость: 1) учитывать актуальность публикации (многое и далеко не только древнее уже устарело, например, *атом* как неделимая мельчайшая единица чего-либо); 2) возможность публикации разных взглядов на одно и то же явление, с одной стороны, создает новые основы для развития науки. Например, введение понятия *детерминантов* в отличие от второстепенных членов предложений (определений, прямых и косвенных дополнений, обстоятельств), введенных как особые члены предложения в академическую грамматику русского языка под ред. Н. Ю. Шведовой (1970 г.).

Но опять-таки наличие разных подходов и в результате разной квалификации одних и тех же явлений русской речи имеет две стороны, как и введение требований к публикациям (обязательных аннотаций и ключевых слов с их переводом на английский язык), что, с одной стороны, облегчает поиск нужной литературы, причем не только в своей стране, но, с другой стороны, создает приоритет публикаций на английском языке даже в российских изданиях трудов российских ученых, грозит превращением русского языка из богатейшего в мире в беднейший, а вместе с ним обеднением и самой российской науки (опасения президента РАН А. М. Сергеева).

Научной речи посвящены многие работы редактора, исследована она и в многочисленных работах Саратовской школы, в том числе посвященных вообще изменениям в русской речи и самом языке.

Для эффективности научной коммуникации на русском языке (как и на любом другом) очень опасны терминологические разногла-

сия: одни и те же фразы считаются одними лингвистами односоставными, другими – неполными, в формулировании одних и тех же звучаний используется акустическая или (другими) артикуляционная их квалификация и т. д. Все это затрудняет понимание адресатом как письменного, так и устного текста (доклада или лекции) в любой разновидности научной коммуникации. Нередко к тому же приводит использование более принятых (пока общепринятых еще нет) или заимствованных терминов (*фрикативный* при русском *целевой*, *мгновенный* или *взрывной*) и т. д. (см. об этом в ряде статей Пермской и Саратовской школ изучения научной речи). И касается это не только терминов, но и вообще употребления русских слов или заимствований (чаще всего из английского языка).

Более жесткие требования к терминологии предъявляются в медицине, так как от этого может зависеть даже жизнь человека, а не просто плохое или неправильное понимание. Там принято решение международной организации здравоохранения (ВОЗ) обязательности при наличии разных торговых наименований лекарств (например, вместо или кроме привычного для россиян употребления *аспирин* использовать утвержденное ВОЗ – *ацетилсалициловая кислота*) и такой же обязательности в использовании названий болезней, симптомов, органов.

В лингвистике была попытка выработать хотя бы единую славянскую терминологию, но сформированная на одном из съездов славистов группа в результате семилетней работы сумела издать только словарь терминологических соответствий 7 славянских языков, единую так и не удалось создать.

А сейчас в России для очень важной для успеха коммуникации в любой из существующих сфер общения используются разные термины: *эффективная*, *эффективность* в Саратовской школе лингвистики, *позитивная* – в Волгоградской, *успешная* в ряде других. И даже разные авторы одной школы тоже предпочитают разные термины (*дискурсивы* у О. Б. Сиротининой, Е. Ю. Викторовой, Е. В. Уздинской и *метатекстовые средства* у М. А. Кормилициной и т. д.).

Аналогично обстоят дела с требованиями к публикациям в разных лингвистических журналах, сборниках и монографиях даже одного и того же вуза, издательства. Так, в Саратовском университете издаются два ВАКовских журнала, но в одном (Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика) вместо обычного «Списка использованной литературы» требуются «Примечания», в тексте, например, *аспект*², а в конце статьи размещение в порядке их следования. В другом («Жанры речи») «Список литературы» тоже в порядке следования, но, в тексте [3: 15–17]; в сборниках – «Список использованной литературы» в конце статьи и ссылка в тексте типа [Фамилия, год], если цитата, с указанием страниц.

Требования обязательной рубрикации пока более или менее соблюдается, но только в авторефератах диссертаций. Не уверена, что ее введение в статьи увеличивает их эффективность. А вот вместо еще практикуемых укороченных ссылок в квадратных скобках без приведения полного их списка в современных авторефератах вместо постраничного ссылочного аппарата явно эффективность авторефератов не повышает.

Соблюдение требования в патентной разновидности научной речи избегать свойственного только данному языку оборотов и давать суть фиксируемого новшества (изобретения или выработанного утверждения какого-то научного факта, явления) действительно необходимо, но это больше относится к точным наукам, технологиям и маловероятно в отношении к лингвистике. Сейчас развиваются совершенно новые отрасли науки, связанные с достижениями в космонавтике и сверхдальней связи, а также с интернет-общением и с работой мозга. Но это уже вне моей компетенции.

В первой книге коллективной монографии по эффективности общения довольно подробно была представлена вузовская разновидность научной речи (анализ учебников, учебных пособий), в журнале «Русский язык в школе» специально публикуются статьи о школьном преподавании русского языка. Адаптация к возможностям понимания учащихся разных классов здесь особенно важна. Новым явлением стала возможность выбора учебника из официально признанных годными к использованию, но принципиально различных по отношению к квалификации тех или иных проявлений речи, о чем уже упоминалось.

В отличие от разновидностей, в которых адресат в значительной степени известен адресанту (специалист определенной отрасли науки, школьник того или иного класса), в научно-популярной разновидности адресат – любой, кого может заинтересовать данный текст, поэтому адаптация к такому адресату особенно затруднена и потому требования к ней не выработаны.

Рождаются и все больше набирают популярность гибридные образования речи через Интернет: разные варианты группового общения, новые формы общения через Интернет в научно-популярной разновидности и даже семейного общения находящихся в одной комнате людей, как это ни дико, оно нередко в некоторых семьях осуществляется в рамках неофициального общения (параграфы о них помещены в конце главы).

Параграф Е. В. Викторовой о новом взгляде на исследование научной речи через необходимую для нее эффективность с расширенным взглядом на понимание дискурсивов помещен в главе первым. Вторым идет параграф О. Б. Сиротининой с конкретным разбором одной из статей из журнала «Жанры речи» с учетом новых требований к научным публикациям. Этот наглядный пример демонстрирует эффективность и неэффективность следования новым требованиям, ко-

которые далеко не всеми редакциями журналов и сборников соблюдаются. В настоящее время некоторые попытки все же делаются, но они не носят и не могут носить (как и раньше в работах Г. Г. Полищук, так и теперь в работах А. И. Матяшевской) обязывающего характера. В качестве примера можно привести ее работы научно-популярной сферы взаимодействия со слушателями через Интернет в том числе ее параграф в I книге «Эффективность ...», 2019», статья в «Жанрах речи» и параграф в главе о научной речи во II книге (см. параграф 1.2.2.4.).

Совершенно особая сфера общения – межкультурные коммуникации с учетом ее проблем особый вариант учебной разновидности научной речи – обучение русскому языку иностранцев (в какой-то степени и россиян, для которых русский язык не родной) (см. параграфы Н. Г. Тырниковой и Е. П. Макеевой).

В последнее время набирают популярность гибридные в сфере общения интернет-консультации, в них сочетаются элементы собственно-научного медицинского дискурса и элементы неофициального общения (см. параграф А. А. Кисельниковой).

Конечно, это далеко не все возможные варианты научной сферы общения.

2.2. Оценочность научного дискурса и роль дискурсивов в ее осуществлении (Е.Ю. Викторова)

Оценочный научный дискурс является очень важной частью современной научной жизни. Оценочность так или иначе пронизывает всю научную деятельность и сопровождает все ее проявления. Прежде всего, это обусловлено публичным характером научной деятельности: любые результаты научной работы публикуются в виде статей, монографий, диссертаций или доносятся до научной общественности в устной форме в виде докладов на конференциях и участия авторов в каких-либо научных дискуссиях, то есть они открыты для обсуждения и для критики. Благодаря Интернету возможности открытой научной дискуссии, а значит, и потенциального критического отклика являются поистине безграничными. Сегодня очень многие публикации находятся в открытом доступе на сайтах научных журналов. Все диссертации обязательно публикуются на сайтах университетов, и любой ученый может дать свою оценку этим трудам в виде официального отзыва или публикацию рецензии. Посредством Интернета многие конференции транслируются для широкого круга ученых, что облегчает возможность научной полемики и открытого выражения своей оценки.

Без оценки со стороны научного сообщества полноценная научная работа вообще невозможна. С нормативной точки зрения ни одна статья, книга или диссертация не может быть опубликована без одобрения рецензентом или оппонентом. Без отзыва научного руководите-

ля и рецензента ни одна курсовая или выпускная работа бакалавра или магистра к защите допущена быть не может.

Оценочность в научной деятельности связана и с самой ее организацией. Научная работа является неотъемлемой частью системы образования, которое оценочно по своей сути. Уже на этапе бакалавриата или даже школы студенты или школьники начинают свои научные исследования вместе с научным руководителем, получают оценки за свои первые научные сочинения. Система аспирантуры, сдача экзаменов и защита диссертаций подразумевают постоянную оценочную деятельность со стороны научного руководителя, преподавателей, экзаменационных комиссий и позже диссертационного совета. Так оценочность проявляется на внешнем уровне, когда статус ученого выступает объектом оценки.

Но каждый ученый выступает не только объектом оценочной деятельности, но и ее субъектом, когда он сам выполняет роль рецензента. Внутренняя оценочность научной деятельности видится в следующем. Ни одно научное открытие не совершается на пустом месте: большинство ученых так или иначе опираются на своих предшественников, продолжают исследования в рамках той или иной научной школы. Как правило, опора на уже имеющийся научный опыт подразумевает его критическое осмысление с выявлением сильных и слабых сторон: развитие идей, теорий и концепций других исследователей прошлого и современности, применение подходов, определений, классификаций, моделей свидетельствующие о положительной оценке, о признании их ценности и значимости для науки, или их критика.

При этом не исключается выявление в этих теориях и слабых мест, как и попытки преодоления ошибок или несоответствий. Таково нормальное течение научной деятельности – с постоянным, концентрированным проявлением или хотя бы вызовом ощущением оценочности. Любой исследователь оценивает чужие работы и тут же сам подвергается оценке.

Кроме того, в процессе научной работы настоящему ученому не чужда и самооценка. Ему практически постоянно приходится переосмысливать, изменять, дополнять свои подходы, взгляды, классификации, от чего-то отказываться. Без здоровой самокритики не может быть развития настоящей науки и познания вообще.

Сейчас в контексте изменений в образовании и воспитании все чаще говорят о развитии у школьников и студентов критического мышления, которое тоже подразумевает интенсивную оценочную деятельность, а именно способность выносить обоснованные оценки, ставить под сомнение поступающую информацию и собственные убеждения. В вузовском образовании важно подчеркивать необходимость критического мышления в науке и любой профессиональной деятельности, уровень которых в последние годы снижается, что, например, проявляется, во все более безоценочном характере научного изложе-

ния во многих статьях и диссертациях, отсутствии в них критики, полемики, дискуссии и фактическом превращении такого изложения в констатирующее описание, что, строго говоря, является не совсем научной процедурой.

В определении оценки в научной речи согласимся с Н. В. Данилевской, утверждающей, что оценка в научной речи – это «мыслительная операция, направленная на оценивание в широком смысле», в ходе которой познающий субъект проясняет «связи или их отсутствие определенного объекта действительности с другими подобными (или противоположными), т. е. выступает одним из компонентовсамого познания» [Данилевская 2009: 28].

Специфика реализации оценки в научной речи и оценочный научный дискурс в последнее время все чаще становятся объектом лингвистических исследований [Данилевская 2005, 2009, 2013; Котюрова, Баженова 2018]. Исследуются жанры оценочного научного дискурса: отзыва на диссертацию [Аникин, Пойзнер 2017; Баканова 2019; Баканова, Григорьева, Родионова 2019; Петренко 2020], рецензии [Гришечкина 2004; Никитина, Малышкин 2015], анонимной (слепой) рецензии [Ларина 2019], электронной рецензии [Прибыткова 2004].

Оценочный научный дискурс может быть реализован как в неформальной форме (например, в виде пожеланий и замечаний при обсуждении научного доклада, личного разговора или в форме личного электронного письма), так и в сугубо формализованной, задокументированной форме рецензии или отзыва на дипломную работу, статью, монографию, диссертацию. Данное исследование посвящено **жанру официального отзыва на диссертацию**, который, с одной стороны, является письменным аналитическим научным жанром, а с другой стороны, официальным документом, который должен быть правильно и грамотно оформлен, должен содержать обязательные формулировки и без которого невозможна ни сама защита диссертации, ни последующее рассмотрение этой диссертации в ВАК. Таким образом, отзыв на диссертацию – это гибридный жанр, сочетающий признаки научного, официально-делового, а также публицистического функционального стиля речи, поскольку отзыв реализует еще и воздействующую функцию.

Доля научного и официально-делового компонентов в разных отзывах не одинакова и зависит от сферы науки. Например, в отзывах диссертаций, выдвинутых на соискание степени кандидата и доктора медицинских наук, официально-деловая, т. е. формальная, стандартизированная сторона проявлена намного сильнее, чем во всех других исследованных отзывах, поскольку их написание подчиняется жесткому регламенту, отсутствующему в других науках. Почти все проанализированные нами медицинские отзывы отличаются предельной краткостью, они разбиты на разделы («Актуальность темы», «Новизна исследования и полученных результатов», «Теоретическая и практи-

ческая значимость работы», «Личный вклад автора», «Оценка содержания диссертации и ее завершенности» и т. д.), в них практически отсутствуют рассуждения, критический анализ диссертации представлен в стандартной обезличенной форме, крайне редко выявляются замечания и содержится минимальное количество вопросов (чаще всего не более двух). В целом личностное начало здесь предельно сглажено, а свобода выражения у автора практически отсутствует. Можно сказать, что медицинские отзывы написаны сугубо формальным языком согласно четко установленной форме и поэтому в полной мере производят впечатление текста-документа.

Материал исследования. Всего в рамках данного исследования было проанализировано 64 русскоязычных отзыва на кандидатские и докторские диссертации, представленных к защите по различным специальностям в таких науках, как лингвистика, литературоведение, история, физика, химия и медицина, т. е. в материале представлены в равной степени гуманитарные и естественно-научные дисциплины. Поскольку одним из аспектов нашего исследования является гендерный аспект, то были отобраны отзывы, написанные учеными-мужчинами и учеными-женщинами приблизительно в равном объеме. Преимущественно в качестве источника материала были использованы страницы диссертационных советов сайтов Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского <https://www.sgu.ru/research/dissertation-council> и Саратовского медицинского университета им. В. И. Разумовского <http://www.sgmu.ru/sci/dissov/>. Общий объем исследованного материала – более 90 000 словоупотреблений.

Цель исследования – выявить роль дискурсивов в обеспечении эффективности речевого жанра отзыва на диссертацию в зависимости от сферы науки и гендерной принадлежности автора.

Отзыв на диссертацию представляет собой вторичный письменный речевой жанр, созданный как реакция на другой речевой жанр – диссертацию [Петренко 2020]. Отзыв на диссертацию дают официальные оппоненты и ведущая организация. В отличие от отзыва официального оппонента, обладающего единоличным авторством, отзыв ведущей организации может быть написан как одним лицом, так и коллективом авторов. Преимущественно были исследованы отзывы официальных оппонентов, а отзывы ведущей организации рассматривались только если в них указана фамилия того, кто этот отзыв подготовил, и лишь в случае единоличного авторства.

Все отзывы, как и сама диссертация, включены в одно сложное речевое событие – защиту диссертации интердискурсивной природы, состоящее из множества взаимосвязанных устных и письменных речевых жанров. Помимо отзывов оппонентов, ведущей организации, самой диссертации это еще и различные нормативные документы (заявления, представления, экспертное заключение, заключение диссовета, протокол счетной комиссии), а также выступление соискателя, во-

просы членов диссовета и ответы на них, выступление ученого секретаря и научного руководителя, ответы соискателя на замечания и вопросы оппонентов, отзывы на автореферат и т. д. При этом одна часть жанров опирается на другие, некоторые из них реализуются последовательно друг за другом (например, вопросы членов диссовета – ответы на них или диссертация – отзыв – ответы на замечания в отзыве), часть письменных текстов обязательно зачитывается вслух, т. е. все составляющие этого события находятся в тесном и сложном взаимодействии друг с другом, правила которого являются строго регламентированными.

С содержательной точки зрения отзыв на диссертацию подразумевает критический анализ с выявлением ее сильных и слабых сторон и вывод о том, отвечает ли она необходимым требованиям «Положения о присуждении ученых степеней» и заслуживает ли ее автор присуждения искомой степени. Автором отзыва является оппонент – доктор и кандидат наук в той научной области, по которой диссертация написана. Адресатом отзыва являются сразу несколько лиц и институциональных фигур (органов). Основным адресатом отзыва, по видимому, следует считать диссовет, потому что именно с учетом содержащихся в отзыве выводов официальных оппонентов и ведущей организации члены диссовета в итоге принимают решение о присуждении ученой степени. Вслед за диссоветом отзывы читают эксперты ВАК и учитывают мнения оппонентов при принятии решения, а значит, ВАК тоже является адресатом отзыва. Самого автора диссертации (как и его научного руководителя или консультанта) также следует признать адресатом отзыва хотя бы потому, что в отзывах часто можно обнаружить прямые обращения к автору с просьбой разъяснить те или иные моменты (*Попрошу уважаемого автора объяснить алгоритм представления материала*), а также *вы*-конструкции и вопросы, обращенные к автору (*Почему это является принципиальным для Вас?; Как Вы полагаете, были ли какие-то принципиальные, текстово-категориальные отличия дискурса исполнительной власти СССР, обусловившие принципиальные отличия его системы жанров?*). Можно посмотреть на адресата отзыва еще шире и включить в него всех заинтересованных лиц и всю научную общественность в целом, поскольку все отзывы, как и диссертация, находятся в открытом доступе на сайте вузов, т. е. адресат отзыва является множественным и публичным.

Все упомянутые выше стороны, вовлеченные в процесс защиты диссертации, являются участниками некоего полилога, поочередно принимая на себя роль то текстопорождающую, то текстовоспринимающую и реагирующую. Этот полилог довольно продолжителен по времени – с момента представления диссертации в диссовет до получения автором диплома о присуждении ученой степени. Как и практически все остальные жанры научного дискурса, жанр отзыва на диссертацию является интерактивным по своей сути, отражая взаимодей-

ствие соискателя, оппонента и потенциального адресата отзыва. Таким образом, отзыв на диссертацию можно назвать полисубъектным жанром, а также жанровым посредником защиты.

Интерактивность научной речи, проявляющаяся в ее диалогичности и полемичности, связана с экстралингвистическими основами и ее задачами. Научная речь рассчитана на взаимодействие автора и читателя (или слушателя): автор не только излагает свои научные идеи, но и оказывает на читателя воздействие, разъясняет свою точку зрения и убеждает в своей правоте. Диалогичность при этом понимается широко: учитывается взаимодействие как смысловых позиций автора и читателя (внешняя полемика), так и нескольких позиций самого автора (внутренняя полемика) [Кожина 1986, 2003].

Представляется, что интерактивность – это одна из категорий, посредством которой обеспечивается эффективность жанра отзыва на диссертацию. На наш взгляд, эффективным можно считать тот отзыв, автор которого достигает своих целей: 1) информирует потенциальных адресатов о диссертации; 2) выражает свое отношение через положительную, отрицательную оценку диссертации и ее результатов; 3) оказывает необходимое воздействие на адресатов, т. е. аргументированно убеждает их в правильности своих доводов. В идеале в отзыве должен соблюдаться баланс нормативного и личного, поскольку отзыв, как и диссертация – это творческое произведение, за которым стоит личность автора. Эффективным является отзыв, в котором наряду с объективной и справедливой оценкой труда соискателя соблюдаются нормы научной этики, а именно: оппонент действует в соответствии с критериями и идеалами научности, соблюдает принципы научной экспертизы, не допускает категоричных, запелляционных суждений, выражает солидарность с автором диссертации [Аникин, Пойзнер 2017].

Чтобы научные идеи были полно и адекватно восприняты научным сообществом, они должны не только представлять собой научную ценность с точки зрения их содержания, но также должны быть надлежащим образом оформлены. Кроме фактуального содержания любой текст обладает дискурсивно-прагматическим содержанием, ориентированным на передачу дискурсивно-прагматической информации: об организации дискурса с точки зрения его композиции, внутренней, логичной связности, акцентированности, о взаимодействии автора и адресата, об авторском мнении, отношениях и оценках. Единицы, выполняющие данные функции и образующие своего рода дискурсивно-прагматический каркас текста, в последнее время изучаются как дискурсивные слова или дискурсивы. На наш взгляд, дискурсивы входят в так называемую вспомогательную систему дискурса, поскольку образуют речеорганизующий план коммуникации, вторичный по сравнению с основным, передающим фактуальную информацию [Андреева 2005; Викторова 2015]. По своей роли в речи выде-

ляем две группы дискурсивов: регулятивы и организаторы. Организаторы выполняют логико-связующую функцию, ориентированы на создание цельного и связного текста, как с позиции его общей композиции, так и с точки зрения внутренней связности между предложениями или их частями. Регулятивы ориентированы на отражение взаимодействия автора и адресата и на авторское самовыражение, саморефлексию.

Использование дискурсивов – это важное условие создания научного текста, именно при активном участии дискурсивов проявляются его доминантные стилевые черты: подчеркнутая логичность, точность, ясность, а также последовательность, оценочность, некатегоричность изложения [Кожина 2003].

Среди конкретных дискурсивов, которые ориентированы на реализацию интерактивности речи, по нашему мнению, можно выделить обращения к читателю, использование средств собственно диалога и императивов. Однако в исследованных нами отзывах таких конструкций не зафиксировано, поскольку, повторимся, отзыв – это не только научный, но и официально-деловой жанр. Поэтому главными эксплицитными средствами интерактивности здесь выступают косвенные способы привлечения внимания адресата и авторского самовыражения, среди которых авторизирующие конструкции самоупоминания, средства связи, сигналы понижения и повышения категоричности, акцентивы и многие другие языковые средства. Большая часть этих единиц изучается нами в составе дискурсивов.

Приведем примеры использования дискурсивов из исследованных отзывов по лингвистике: *Можно утверждать, что диссертация <...> своевременна и актуальна как в отношении предмета, поставленной цели и решаемых задач, так и научной новизны решения ее главных вопросов; Думается, что теоретическое осмысление некоторых вопросов и аспектов, непосредственно связанных с темой исследования, должно быть более значительным и системным. Так, вызывает удивление, что в диссертации не уделено внимание представлению собственного взгляда на изучаемые единицы; Автор совершенно справедливо указывает на терминологический разнобой в области лингвистики, связанной с изучением дискурсивных маркеров; Однако данные признаки характерны лишь для некоторых дискурсивных маркеров. Морфологическую невариативность, действительно, можно смело приписать английским маркерам в виду практически полного отсутствия в английском языке возможностей морфологической вариативности вообще, а не только в отношении дискурсивных маркеров. Некоторым маркерам русского языка (например, глагольного происхождения) морфологическая вариативность не чужда; Таким образом, в виду многообразия класса дискурсивных маркеров выделять какие-то признаки, свойственные всем дискурсивным маркерам, с моей точки зрения, не представляется*

возможным за исключением общей для всех них функции; **Позволю себе не согласиться** с рядом формулировок, предложенных автором; **Использование дискурсивных маркеров отличается не только несомненной рефлексией (осознанностью), но и рефлексорностью (неосознанностью, автоматизмом); Поспорю с автором и в отношении многократно упоминаемой в работе многозначности дискурсивных маркеров при наличии однозначного употребления. На самом деле, речь идет не о многозначности самого маркера, а о разном использовании самой словоформы; К сожалению, в перечне словарей не обнаружено специальных словарей дискурсивной лексики; Хотелось бы узнать мнение автора о месте исследованных дискурсивных маркеров в пределах этого поля; Хотелось бы услышать, что помешало автору собрать количественно равноценный материал, а также узнать, почему автор сделал выбор в пользу материалов американского варианта английского языка.**

Представленные фрагменты отзыва на диссертацию, посвященной дискурсивам, содержат большое количество дискурсивов разного типа. Среди зафиксированных здесь дискурсивов-организаторов отметим сигналы: логические *однако, а также*; вывода *таким образом*; приведения примеров *например, так*. Однако большинство дискурсивов в этих фрагментах относятся к регулятивному типу: акцентивы (*на самом деле, совершенно, действительно, только, лишь, как ... так и, не только ... но и*); сигналы (повышения категоричности *должно*; понижения категоричности *можно; практически*, авторизующие конструкции самоупоминания *поспорю, позволю себе не согласиться, с моей точки зрения*; оценочные *вызывает удивление, к сожалению*; ментальные перформативы *хотелось бы узнать, хотелось бы услышать, думается, можно утверждать*).

Проанализируем наиболее общие аспекты использования дискурсивов в исследованных отзывах. Остановимся на специфике использования дискурсивов в разных научных областях. Проведенный количественный анализ употребления дискурсивов показал, что в отзывах, написанных представителями разных наук, дискурсивы встречаются с разной частотой. Самыми частотными оказались дискурсивы в отзывах литературоведов, где в среднем на 1000 словоупотреблений приходится 50 дискурсивов, в отзывах историков – 47 и лингвистов – 45. В отзывах химиков и физиков дискурсивы употребляются в полтора раза реже – 33, а в отзывах медиков они наиболее редкие – 19. На основе этих данных можно констатировать, что в речи гуманитариев дискурсивно-вспомогательная сторона выражена гораздо более эксплицитно: как с точки зрения организации речи, так и с точки зрения взаимодействия автора и адресата и авторского самовыражения, такая речь производит впечатление более интерактивной и личностно-окрашенной, а также более связной и логически оформленной.

По употреблению типов дискурсивов – регулятивов и организаторов – можно отметить, что у гуманитариев регулятивы (56%) преобладают над организаторами (44%), в отзывах химиков и физиков их примерно поровну, а у медиков регулятивы (40%) встречаются реже организаторов (60%). Эти данные свидетельствуют о том, что сторона речи, направленная на взаимодействие автора и адресата и на авторское самовыражение, в гуманитарных науках, как и ожидалось, проявлена несколько сильнее, а в чрезвычайно формализованных отзывах медиков это взаимодействие выражено слабее всего. Наибольшая разница между гуманитарными и естественными науками проявляется в показателях частотности таких дискурсивов, как авторизирующие конструкции самоупоминания, сигналы повышения категоричности, акцентивы и рефлексивы. Можно сказать, что убедительность, выразительность и личностная ориентированность речи в отзывах гуманитариев достигается во многом благодаря уместному, частому и разнообразному использованию соответствующих дискурсивов. Можно также предположить, что убедительность естественнонаучных отзывов в большей степени может достигаться через сообщение фактов, т. е. с помощью основных, а не вспомогательных единиц коммуникации.

Самыми частотными организаторами являются логические сигналы *тоже; а также; также; в частности; в том числе; при этом; поскольку; причем; поэтому; кроме того; вместе с тем*. Среди регулятивов чаще всего встречаются акцентивы *не только ..., но и ...; как ..., так и ...; чрезвычайно; именно; прежде всего; весьма; вполне; даже; очень; лишь; только*, сигналы понижения категоричности *можно; мочь; так или иначе; видимо; возможно*, а также употребление форм сослагательного наклонения с частицей *бы* (*хотелось бы; хорошо было бы; следовало бы*). Довольно частотны и авторизирующие конструкции самоупоминания *на мой взгляд; с нашей точки зрения; отметим; обратим внимание; мы считаем*.

Приведем примеры из отзывов по литературоведению: *Определение «философская» было бы в терминологическом отношении точнее и строже, хотя и могло бы показаться излишне рассудочным. Вообще в этой главе можно было бы сократить сам историко-литературный материал и тем избежать некоторых невольных повторов (например, рассмотрение «образных вариаций», «тем и вариаций» и других типов лирических единств здесь и в четвертой главе); Кстати, может быть, стоило бы четче развести эти дефиниции, чтобы слово «вариации» в них не повторялось; Впрочем, все это – не столько замечания, сколько попутные размышления и пожелания. Они несколько не влияют на общую высокую оценку диссертации; Можно подобрать особый индивидуальный ключ, подходящий только к этой конкретной двери. А можно применить «универсальный ключ», приложимый не только к творчеству конкретного поэта, но и любым другим поэтическим ойкуменам, и он тоже приоткроет*

нам многие тайны и смыслы; Хотелось бы добавить несколько соображений и фактов.

При сравнении частоты употребления дискурсивов в отзывах на диссертацию и научных статьях выявлено, что в отзывах дискурсивы встречаются в среднем в два раза реже. Эти данные были получены при сравнении жанров отзыва и статьи на материалах по лингвистике, физике и медицине. При этом, что касается статей, то учитывались результаты предыдущих исследований [Викторова 2015; Эффективность ..., 2019]. Интересно, что в два раза бóльшая частотность дискурсивов в статьях проявилась во всех трех исследованных научных дисциплинах. Вероятно, это связано с большей свободой авторского выражения в статьях, при этом имеется в виду свобода как в отношении содержания, так и в отношении стиля и оформления. Свободное самовыражение прямо коррелирует с частотностью дискурсивов. Конечно, к публикации статей тоже предъявляются определенные требования, которые в последние годы в ряде научных изданий становятся все строже, но, тем не менее, автор статьи в гораздо меньшей степени скован обязательными требованиями и руководствуется при выражении своих идей главным образом своими научными интенциями, а не необходимостью осветить регламентированный ряд вопросов, которые положено упоминать в отзыве. Более того, нормативность отзыва отражается не только на его четкой структуре, но и на его объеме: отзывы в отличие от статей намного лаконичнее. Есть различия выделения или невыделения дискурсивов запятыми, что во многих случаях вообще не установлено даже лингвистами.

Показательно, что в научных статьях дискурсивы-организаторы встречаются несколько чаще, чем дискурсивы-регулятивы, в отзывах, наоборот, более частотны регулятивы. Вероятно, так проявляется бóльшая интерактивность отзыва как ответного (реактивного) жанра. В тех, отзывах, которые имеют четкую структуру с делением на разделы, функцию организаторов часто выполняют подзаголовки, т. е. у автора нет необходимости использовать связочные конструкции, поясняющие те или иные логические ходы, переходы или этапы анализа диссертации.

Что касается влияния гендерного фактора на употребление дискурсивов, то выявлено, что в пяти из шести исследованных наук дискурсивы в речи ученых-мужчин используются чаще, чем в речи ученых-женщин, а в отзывах физиков дискурсивы у мужчин и женщин показывают одинаковую частотность (ниже указано количество дискурсивов на 1000 словоупотреблений):

- отзывы по литературоведению: мужчины – 55, женщины – 45;
- отзывы по истории: мужчины – 56, женщины – 37;
- отзывы по лингвистике: мужчины – 58, женщины – 38;
- отзывы по физике: мужчины – 33, женщины – 33;
- отзывы по химии: мужчины – 38, женщины – 27;
- отзывы по медицине: мужчины – 24, женщины – 15.

Есть мнение, что, поскольку женщины более эмоциональны и более нацелены на построение коммуникативной общности с собеседником, в их речи по сравнению с речью мужчин содержится больше единиц, ориентированных на выражение субъективно-модальных значений и на регулирование речевого контакта. Однако, как можно видеть, наше исследование на материале письменной научной речи (как и ряд предыдущих, выполненных на материале других научных жанров [Викторова 2011, 2019, 2020; Эффективность ..., 2019]) данное мнение опровергает: в речи мужчин дискурсивы более частотны, причем и в гуманитарных, и в естественных науках более частотными у мужчин оказались как дискурсивы-регулятивы, так и дискурсивы-организаторы. Но показатели частотности организаторов у мужчин и женщин различаются меньше, чем показатели частотности регулятивов, т. е. в логико-структурном оформлении речи оба пола показывают больше общего, чем в выражении субъективно-модальных, усилительных значений, в выражении своей позиции. Мужчины чаще, чем женщины, прибегают к акцентирующим средствам, сигналам повышения / понижения категоричности, используют дискурсивы со значением степени, эксплицитно обозначают свои ментальные или речевые действия в ходе изложения, а также в той или иной форме упоминают себя.

Приведем примеры дискурсивов из «мужского» отзыва по истории (авторская орфография и пунктуация сохранены): ***В то же время некоторые важные положения работы требуют корректировки. Например, автор делает вывод, что <...>. Думается, взят слишком широкий отрезок, да и сомнительно, что греческое мореплавание в первые два века империи с их сравнительно успешным экономическим развитием уступало тому, каким оно было в VIII-VII вв. Хорошо было бы сформулировать внятные критерии, в соответствии с которыми делается такой вывод. Довольно странно выглядит и утверждение, будто в диссертации <...>. Можно говорить лишь о том, что в других работах такой анализ менее всеохватен, но уж точно присутствует. Следует указать и на некоторые неточности, связанные с работой с источниками. Например, на с. 125 диссертант пишет: <...>. Между тем, у Геродота речь вовсе не о якорях кораблей, а о своего рода брелке, который носил афинский воин Софан на поясе или на щите. На с. 35 читаем: <...>. Однако у Плутарха прямо не сказано, что это были финикийцы (такое предположение вполне правдоподобно, но его следует и подавать именно так, а не как бесспорный факт).***

В данном фрагменте, представляющем сплошной отрывок из текста отзыва (опущены лишь цитаты из диссертации), дискурсивы, как можно видеть, не только довольно многочисленны, но и разнообразны. Это и дискурсивы организаторы: логические *в то же время; между тем; однако*, примеров *например*, и регулятивы: *акцентивы (вовсе;*

лишь; именно; уж; слишком); сигналы (снижения категоричности *можно говорить; своего рода; сравнительно*; повышения категоричности *следует указать* – синкретично выполняющий функции ментального перформатива; оценки *будто; довольно странно; сомнительно; хорошо было бы*; ментальные перформативы *думается; читаем*).

При изучении влияния гендерного фактора в научном дискурсе лингвисты отмечают его андроцентризм и гендерную асимметрию [Сеченова 2009], говорят об отождествлении научного мышления с мужским началом, видимо, потому, что стереотипное представление о типичных чертах мужской речи практически полностью совпадает с характеристиками научного стиля – точностью, логичностью, ясностью и т. п. На наш взгляд, использование большинства видов дискурсивов помогает автору выразиться более уверенно, авторитетно и ярко. Женщины свою уверенность и авторитетность проявляют более сдержанно и скромно либо не в форме кратких, лаконичных и емких по своему значению дискурсивов. Мужчины, напротив, более свободны в демонстрации индивидуально-авторской модальности. Выражение личностной позиции – это еще и способ самовыражения, самоутверждения и самопрезентации автора, поддержание его профессионального статуса, а известно, что именно статусные характеристики для мужской психологии являются определяющими.

Наиболее ярко личностное начало в использовании дискурсивов проявляется в употреблении авторизирующих конструкций самоупоминания, содержащих личные и притяжательные местоимения 1 л. ед. и мн. ч. *мы, нам, наш, я, мне, меня, мой*. Условно такие дискурсивы принято называть *мы-конструкциями* и *я-конструкциями*. Часть этих конструкций используются для экспликации своего мнения (*на наш / мой взгляд, с нашей точки зрения, думаю, считаю / считаем, полагаю / полагаем*). Другие выполняют функции перформативов: они предворяют или сопровождают ментальное или речевое действие автора (*отметим; обратим внимание; подчеркнем; попросим автора; выскажу несколько замечаний; дадим положительную характеристику*). Думается, что большинство конструкций самоупоминания синкретично выполняют еще и функцию акцентива, привлекая внимание адресата к тому или иному фрагменту текста. В то же время, эти же конструкции смягчают категоричность сказанного. Обозначая что-либо не как объективную истину, а лишь как свое мнение, которому можно противопоставить другое мнение, автор снижает степень достоверности сказанного, а также степень своей ответственности.

В 75% случаев авторизирующие конструкции являются конструкциями множественного числа, хотя само местоимение встречается лишь в одной четверти от всех *мы-конструкций*: *мы находим; мы допускаем; мы считаем*. Большая часть таких дискурсивов является односоставными (*подчеркнем; согласимся; заметим; констатируем, что ...*). В «Русской грамматике» предложения с глаголом в настоящем и будущем времени и опущенным местоимением относят к дву-

составным в силу эксплицитно выраженных в нем всех предикативных категорий – лица, времени, наклонения [<http://www.rusgram.narod.ru/1952-1959.html>]. Тем не менее, многие русисты традиционно называют такие предложения определенно-личными односоставными [Лекант 2010; Кустова 2019]. Большинство *мы*-конструкций инклюзивны по своему значению; в них субъектом ментальных рассуждений является не только автор, но и адресат, который вслед за автором отзыва повторяет его логические шаги. Использование этих конструкций даёт адресату понимание, что он не просто знакомится с суждениями оппонента, но и разделяет его мнение. С помощью таких дискурсивов создается ощущение общности, близости и солидарности автора с адресатом.

Что касается *я*-конструкций, то они составляют лишь в 25% от всех авторизирующих дискурсивов. При этом местоимение *я* встретилось в исследованных отзывах лишь однажды – в отзыве, написанном физиком-мужчиной: *я бы рекомендовал*. Все другие *я*-конструкции самого *я* не содержат: *подчеркну; считаю; полагаю; попрошу уважаемого автора; отмечу*. Изредка используются косвенные формы местоимения (*мне; меня*) или притяжательные местоимения (*мой*): *как мне кажется; у меня замечание; на мой взгляд*. *Я*-конструкции чаще встречаются в речи женщин. Однако в целом авторизирующие конструкции в отзывах мужчин и женщин показывают практически одинаковую частотность, ср.: 100 употреблений в отзывах мужчин и 94 в отзывах женщин.

Конструкции самоупоминания характерны главным образом для гуманитарной сферы: в отзывах гуманитариев их зарегистрировано почти в шесть раз больше (165 употреблений), чем в отзывах у представителей естественных наук (29). При этом чаще всего они встречаются в отзывах лингвистов и литературоведов. У них же эти конструкции являются самыми разнообразными. Данные различия, естественно, объясняются самой природой гуманитарных и естественных наук: в гуманитарных гораздо выше доля личного, индивидуального, субъективного, неточного, возможного, необязательного, непостоянного. Здесь гораздо чаще суждения оппонента представляются как мнения, а не как факты, при этом мнения в большинстве случаев выражаются в некатегоричной, смягченной форме. Важно заметить, что наибольшая концентрация средств некатегоричности, в том числе и в форме авторизирующих конструкций, наблюдается во фрагментах отзывов, где излагаются критические замечания и выражается отрицательная оценка.

Примеры использования авторизирующих конструкций самоупоминания из отзывов по литературоведению: *При всей убедительности работы в целом, отдельные положения и наблюдения в ней представляются нам дискуссионными; Мы вправе задать вопрос: можно ли их считать в таком случае авторскими циклами?; Отметим, что вообще мифопоэтика, являющаяся одним из краеугольных*

камней художественного мира Мандельштама, постоянно находится в поле внимания автора диссертации; **Нам думается**, что диссертантке стоило бы оговорить это во введении к работе; Потому диссертанткой и выбран, **как мы понимаем**, термин «лирическое единство», что он – шире понятия «цикл»; **Вызывает наше согласие** предложенное ею понимание лирического сюжета; **На наш взгляд**, достаточно только первого тезиса. Два остальных – это уже детали методологии; Таким образом, перед **нами** полные «алфавиты» всех зооморфных, фитоморфных и вещественных кодов в их единстве и взаимосвязи; **Согласимся**, что такой мир далек от благостного всеединства; **Соглашаясь с этим в принципе, хотим все-таки уточнить**, что это двусоставное художественное высказывание несколько проясняется, если учесть, что Мандельштам в нем говорит о веке русских революций.

В заключение отметим, что, безусловно, авторизирующие конструкции самоупоминания используются не обязательно с целью повысить авторитарность речи, лишний раз заявить о себе. Прежде всего, употребление этих единиц является нормой для научной речи, в том числе и для оценочных ее жанров. А нормой они стали именно благодаря своим весьма важным, востребованным в научной речи функциям. Упоминая себя и свои действия, обозначая суждения как свои мнения, ученый тем самым привносит в речь личностную субъективно-модальную окраску, организует ее и структурирует, снижает ее категоричность. Когда речевые и ментальные ходы автором эксплицируются, то за таким ходом мысли адресату легче следить, все объяснения становятся более понятными. Да и для самого автора во время создания научного текста эти и подобные дискурсивы являются своего рода опорами, позволяющими создать стройный, целостный, связный и убедительный текст, который способен оказать необходимое воздействие на адресата, другими словами, будет эффективным. Еще важно, что, сопровождая критические замечания, авторизирующие дискурсивы помогают «сгладить острые углы», смягчить негативное восприятие критики. В целом можно сказать, что употребление дискурсивов способствует созданию так называемой позитивной коммуникации [Позитивная ..., 2019], когда автор учитывает потребности адресата, помогает ему адекватно и правильно воспринимать полученную речь и оказывает ему социальную поддержку. Дискурсивы действительно создают взаимодействие автора и адресата и способствуют его гармонизации.

2.3. Пример оформления научной статьи по новым правилам (О. Б. Сиротинина)

Для примера возьмем статью профессора Южно-уральского университета доктора филологических наук Н. Н. Кошкарновой «Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра» в ВАКовском журнале «Жанры речи» № 3 [Кошкарнова 2020] Саратовского университета, прошедшую редактирование редакциями журнала и Издательства СГУ.

В статье соблюдены все современные требования: большая аннотация с параллельным размещением ее перевода на английском языке как и ключевых слов, а также сведения об авторе, жесткая рубрикация всего содержания, внутренние ссылки в виде порядковых номеров в квадратных скобках и их полного списка в конце.

Однако уже в *Ключевых словах* встречаем термин без его разъяснения, хотя он малоупотребителен (мне незнаком) и вряд ли понятен вероятным читателям, под которыми автор статьи подразумевает постоянных читателей журнала: *«речевой жанр, публичное извинение, диахрония, синхрония, аксиогенная ситуация, эмоции, когнитивно-дискурсивные особенности, жанроведческий подход»* (непонятные слова выделены нами. – О. С.).

Во введении даны фамилии предшественников в исследовании жанра публичного извинения, в том числе и автора статьи, но все они только с указанием фамилии и цифрой в [...], но без какого-либо сообщения о взгляде каждого из них и наличия каких-либо различий во взглядах. Для эффективности статьи этого явно не хватает. Указано внимательное отношение к структуре этого жанра во французской и английской лингвистике на материале их кросс-культурного рассмотрения, но опять-таки без раскрытия этих различий.

Такое введение нужно для формального соблюдения новых требований, но мало что дает адресату, хотя именно адаптация к нему, его интересам и возможностям понимания рассчитана эффективная, т. е. успешная коммуникация, тем более это важно для позитивной (в терминологии О. А. Леонтович) научной статьи.

После «Введения» идет рубрика «Материал и методы исследования». При характеристике материала перечисляются художественная литература, правовая сфера, (судебный и шире – официальный дискурс), масс-медийный дискурс и интернет-коммуникация, но опять-таки без единой конкретизации, хотя она очень нужна, и автор справедливо признает важную роль для исследования аспектов и типов дискурса. В этой рубрике указано, что *«... публичное извинение вполне правомерно трактовать как аксиогенную ситуацию (термин В. И. Карасика [10]), так как основное содержание анализируемого жанра – это всегда раскаяние за поступки, находящиеся на отрицательном полюсе вектора «порок-добродетель»»*.

Метод дискурс-анализа не только назван, но и указана его необходимость для анализа эмпирического материала с указанием, что дает дискурсивный анализ, а что контекстуальный как его дополнение, социолингвистический для советской эпохи, статусный (от имени государства или индивидуальное от имени одного человека). Такой перечень дает представление о том, что будет в статье, это уже не формальное исполнение требований.

Следующая рубрика уже по сути исследования с названием «Извинение: чувства или приказание?», видимо, имеется в виду исполнение приказания. Как и все следующие рубрики, она раскрывает именно жанровую суть исследуемого явления в отличие от ставшими уже привычными выражениями *извините, простите*, но не имеющими к жанру извинения фактически никакого отношения.

Рубрика «Диахронический аспект публичного извинения», как и последующие, также уже не формальна, а служит созданию эффективности статьи. В рубрике «Публичное извинение судебного дискурса» (случай был в судебном дискурсе – О. С.) опять встречается не общепринятое, но, вероятно, уже типичное для интернет-общения обозначение *селебрити* без разъяснения его значения в контексте, видимо, позволяющем догадаться, что речь идет о старшем поколении: *«На наш взгляд, одним из нормативно обусловленных жанров судебного дискурса, выходящим за рамки юридического общения и функционирующим в массмедийном пространстве, является жанр публичного извинения. Одна из причин такой взаимообусловленности дискурсов видится нам в том, что нередко на скамье подсудимых оказываются селебрити, ищущие славу через скандальные истории и становящиеся героями криминальных сводок».*

Приводя тексты публичных извинений А. Кокорина и П. Мамаева, автор подробно анализирует их тактики и высказывает убеждение в неискренности их раскаяния.

В рубрике «Как извиняются государства и их лидеры» рассмотрены их отличия в использовании жанра публичного извинения. Следующая рубрика «Как людей заставляют извиняться публично». В ней анализируется интернет-общение: извинения высших официальных лиц за неудачные, иногда даже оскорбительные высказывания своих подчиненных в адрес жителей или прошлого, как и извинения самих жителей. Приводится мнение людей (*говорят*), что только тексты с подобными вынужденными извинениями набирают в официальных СМИ и соцсетях популярность, видимо, автор с этим согласен.

В «Заключении» подводятся итоги исследования с утверждением, что все больше распространяются в речи эмоции и чувствительность к ним, однако в самой статье доказательств этого не было. Рождается ощущение, что, казалось бы, и очень помогающая читателю рубрикация, и соблюдение всех требований к публикациям, в том числе максимум адаптации к интересам и возможностям адресата

([Позитивная ..., 2020]), в статье осуществляются, как и цифровые ссылки с размещением в «Списке литературы» не в алфавитном порядке, а в порядке следования. И это далеко не худший, а даже **очень содержательный** и полезный для исследователей в области жанроведения вариант осуществления новых требований. К сожалению, часто, как было сказано в предыдущих абзацах, формальное соблюдение или, наоборот, несоблюдение современных требований к публикациям лишь затрудняет восприятие статьи читателем, особенно если он не является специалистом в этой научной отрасли.

А теперь обратимся к новым номенклатурным спискам научных специальностей. Они, с точки зрения многих ученых, неправомерно расширены: *Русский язык и языки народов России, Русская литература и литература народов России*, что очень затруднит понимание, а следовательно, и оценку качества диссертаций и авторефератов, т. е. произойдет снижение эффективности научных публикаций и диссертаций.

2.4. Экспрессия как неотъемлемый компонент адресации в научно-популярных видео в Интернете (А. И. Матяшевская).

Данный параграф посвящён экспрессивности некоторых элементов устного научно-популярного дискурса, под которой понимается их «свойство выражать эмоционально-оценочное состояние автора и его небезразличное отношение к означаемому, речевому партнёру, коммуникативному событию в целом, себе самому» [Полный ..., 2010: 539]. Успешное речевое воздействие на адресата благодаря «коммуникативной адаптации» к нему в настоящее время признаётся учёными важной составляющей позитивной коммуникации [Позитивная ..., 2020: 20]. В многочисленных лингвистических исследованиях по проблемам эффективности коммуникации [Сиротинина 2018а, 2019в; Эффективность ..., 2019] было доказано, что в современных условиях активного распространения научного знания через Интернет успешность передачи и конечного восприятия этой информации во многом зависит от точности прогнозирования обширного спектра ожиданий и интересов массового молодёжного адресата [Антошинцева 2010; Нечаева 2016; Щипицына 2019; Матяшевская 2020]. Воздействие на адресата, в свою очередь, неразрывно связано с экспрессией научного дискурса [Скрипак 2008; Хохловская 2013], при этом некоторые лингвисты [Данилевская 2010, 2018] заявляют о его своеобразной интеллектуальной экспрессии, в рамках которой выразительные средства и способы воздействия гарантируют доказательность и ясность рассуждений учёного для прогнозируемого адресата.

Проследим за познавательными возможностями экспрессивных средств в интернет-сфере на примере научно-популярных роликов с

известных каналов молодых учёных-видеоблогеров на платформе Youtube: Чуть-чуть о науке, Real Scientists, Топлес, Общество скептиков, 99 мыслей, Мудрёныч, Познаём общаясь, Прогресс-Школа, Set Up. Далее для удобства каждое проанализированное видео будет обозначено соответствующей буквой: Может ли Человек-паук существовать в реальности? (далее – А); Хочу как Аквамен: 3 способа дышать под водой (далее – В); Всё, что наука знает про грипп и ОРВИ (далее – С); Непустая пустота. Эффект Казимира (далее – D); Человек разумный? Природа нашего иррационального мышления (далее – E); Мозг Шрёдингера: квантовые процессы в основе нашего мышления (далее – F); Суперсимметрия vs. Мультивселенная. Большой андронный коллайдер (далее – G); На что способно кибероружие? (далее – H); Что скрыто у нас под ногами? (далее – I); О мёртвом и мёртвых. Рассказ о смерти (далее – J); Кто и зачем выдумывает новости? (далее – K); Виртуальная реальность съест ваш мозг или спасает человечество? (далее – L); Механика квантовой механики (далее – M); Когнитивная модель психотерапии (далее – N); Вторая мировая война на пальцах (далее – O); Сливочное материаловедение (далее – Q); Беспозвоночные супергерои (далее – R). В приведённых ниже примерах жирным шрифтом отметим те средства воздействия на массового адресата, которые сразу обращают на себя его внимание, и попытаемся определить основные функции этих высказываний.

Проведённый анализ расшифровок позволяет утверждать, что в случае с научно-популярными видео молодёжный адресат становится определяющим фактором отбора используемых выразительных средств, при этом их создатели прекрасно понимают, что степень владения специальной информацией у YouTube-аудитории неизбежно будет весьма разнородной: *Когнитивно-поведенческая или её называют когнитивно-бихевиоральной терапией. <...> Почему стоит об этом говорить? Во-первых, конечно же, в рамках психологического просвещения данную запись будут смотреть не только профессионалы, но и обычные люди, которые хотят, скажем так, структурировать свое сознание и понимание самого себя* (N). В то же время возрастной состав аудитории определяется довольно однозначно, о чём свидетельствует, например, следующее сравнение: *Там же разрабатывается защита для заводов от таких вирусов: специальный алгоритм, который, как бабка у подъезда, наблюдает за производством и видит, когда происходят аномалии, например, где-то повысилась давление или центрифуги слишком быстро крутятся* (H). Таким образом, учёный-видеоблогер должен сделать всё возможное, чтобы не утомить зрителей сухими научными фактами, иначе они прервут эту коммуникацию задолго до окончания видео: *Если я буду говорить совсем строго, вы совсем уснете, потому что ввести понятие вектора – это бы лекцию заняло целую, поэтому я заранее прошу прощения перед профессиональными математиками, я буду*

сильно сокращать время (M); Но прежде, чем мы перейдем к конкретным кейсам, конкретным направлениям работы, мы немножко поговорим о каких-то общих терминах, чтобы мы говорили на одном языке (L).

Вот почему для пояснения сути научных явлений в увлекательной и доступной для молодых зрителей форме во многих случаях привлекаются заимствования из массовой культуры, в первую очередь, параллели с невероятно популярными кинофильмами о супергероях вселенной Marvel. Например, в рассмотренном материале находим шутливо-забавные разоблачения возможности реального существования Человека-паука: *Чтобы человек так же ловко смог перемещаться по стенам, ему придется иметь очень большие ладони и ступни и, говоря очень большие, я имею ввиду реально огромные. Ученые подсчитали, что это минимум сто сорок пятый размер ноги, а согласитесь, с такими лапами за преступниками-то не побегаешь и по городу особо не летаешь, так как это все будет болтаться на ветру как уши слона <...> Чтобы Человеку-пауку проделывать все свои чудесные спасения и перемещения по городу, ему придется делать паутину толщиной с хороший электрический кабель и теперь вопрос: каких размеров должны быть железки, чтобы этот канат из паутины очень быстро плести? Ответ, я думаю, вы сами понимаете. Так что теперь к огромным ступням и ладошкам добавляются еще и железки, которые, видимо, должны располагаться где-то на руках. <...> В итоге, чисто принципиально, Человек-паук существовать может, но, скорее всего, он будет похож на какого-то неуклюжего уродца с огромными ступнями и ладонями и где-то еще приделанными научными железками – короче, жесть полная и вряд ли какая Мери Джейн на такого посмотрит (A).*

При этом подчеркнём, что упоминание сверхспособностей популярных персонажей того или иного блокбастера становится лишь поводом для расширения кругозора зрителей и их вовлечения в активную познавательную деятельность: *Этот фильм еще на стадии трейлера не мог не вызвать у нас некоторые вопросы: например, как боевые белые акулы, не обладающие плавательным пузырем, умудряются держаться на одном месте без движения и при этом не тонуть и не задыхаться от недостатка кислорода. Но больше всего нас здесь интересует самый базовый вопрос: как атланты дышат под водой и вообще какие способы подводного дыхания изобрела природа и можем ли мы их использовать для себя, в конце концов, существуют ли уже сейчас технологии, которые позволили бы нам вдоволь порезвиться под водой? (B); То есть, на языке физиков, я – это 6 квинтиллионов Джоулей или 70 кг. 69 кг и 265 гр из этого – энергия, которая связывает частицы в моем теле, не давая им разлететься и рассыпаться, как в последних «Мстителях», а вот остальные 735 гр – это и есть частицы (G); Теперь осталось ска-*

затя только о нескольких очень-очень красивых персонажах, которые существуют только в нашей жизни, но не в комиксах, и которые тоже будут обладать суперспособностями, но довольно специфическими и, наверное, вряд ли кто-то захочет вдохновляться ими для того, чтобы эти суперспособности перенести на героев. В-первых, это голотурии, конечно, как их ещё называют, морские огурцы – они, возможно, действительно, настоящие супер-герои для кого-то в морской жизни, потому что, как вы видите вот здесь, они служат домом для многих животных, но их интересная суперспособность в том, что когда на них нападает хищник, они выбрасывают часть своей кишки (R).

Другим источником аналогий в рассмотренных нами научно-популярных видео в Интернете становятся привычные молодёжные лакомства: например, причины извержения вулкана становятся более очевидными благодаря сравнению с добавленными в газировку конфетами Ментос, мороженое становится неожиданной завязкой для лекции по материаловедению, а любимые экзотические фрукты помогают лучше понять процесс появления квантовых частиц: *Но это ещё не всё: тонущая плита плавится внизу и принимается мстить в виде горячей магмы. Вода и газы выходят из неё, давление повышается, и гора становится похожей на бутылку газировки, в которую добавили Ментос (I); Но я хотел бы рассказать ещё о том, чем я занимаюсь, потому что я занимаюсь не мороженым – это просто чтобы воодушевить вас изучать больше про какие-то привычные вещи, потому что если задаться вопросом, почему мороженое такое, почему какое-то блюдо готовится таким образом, вот такого рода вопросы абсолютно про обычные вещи открывают очень богатый, интересный мир, потому что сейчас вот в такой достаточно поверхностной лекции мы затронули массу вопросов из физики и химии (Q); Дело в том, что на квантовом уровне происходит нечто странное: внутри при такой энергии появляются частицы, которых не было изначально. Представьте, что вы сталкиваете два арбуза, а получаете апельсины, яблоки и даже фейхоа. В этом и есть суть квантовой механики (G).*

Более того, иногда YouTube-блогер делает сравнения еще более наглядными для аудитории, сопровождая свои объяснения показом подходящих продуктов питания – например, строение земной коры поясняется при помощи шоколада Сникерс и яблочной или картофельной кожуры: *Толщина коры разная – от 5 км под океанами до 70 км под материками. Это очень тонкий слой, как кожура у яблока. Только я яблоко не нашёл дома – нашёл картофель. Вот, примерно, то же самое. <...> Сама мантия состоит из двух прослоек. Верхняя – похожа на нугу в Сникерсе, вот на вот эту вот. Что-то среднее между твёрдым и жидким состоянием (I).*

В другом примере известный из квантовой механики мысленный эксперимент Эрвина Шрёдингера намеренно трансформируется учёным: вместо гипотетического запёртого в ящике кота, судьба которого решается в зависимости от распада радиоактивного вещества, свойства волновой функции переносятся на реального домашнего любимца и знакомые каждому повадки животного при кормлении; при этом довольно сложные физико-математические уравнения в объяснении остаются неизменными: *Понятие состояния – это очень трудно определяемое понятие: это когда мы о системе хотим что-то сказать, но система-то об этом, скорее всего, не знает. Вот, например, кошка может находиться в двух состояниях: честный кот и кот вороватый – мы-то это понимаем, но кошка этого не знает, она находится в своем состоянии. <...> В результате, вот такое скалярное произведение оказывается равным амплитуде «найти кота в состоянии честный», и вот такая величина называется амплитудой <...> После этого вы придумали некоторый оператор дрессировки, он состоит в следующем: это некоторое действие над котом. Если вы подглядываете в замочную скважину и видите, что он ведет себя честно, вы сразу же присваиваете ему звание «честный кот» и при этом начинаете его кормить из миски, вы его любите. <...> Если вы, подглядывая за котом, увидели, что он что-то своровал, вы на него обиделись и перестали ему вообще класть еду в миску. Что тогда кот будет делать? Обязательно воровать, у него другого выхода нет. <...> Точно так же, как мы говорили, что реальный кот есть суперпозиция состояний из двух котов – вороватого кота и кота честного – это полная аналогия: как он был в двух состояниях, так и электрон может находиться в двух спиновых состояниях (P).*

Другим очевидным средством воздействия оказывается максимальное сокращение дистанции между блогером и аудиторией его YouTube-канала. В рассмотренном материале присутствуют многочисленные обращения к зрителям, призывы к получению обратной связи при помощи лайков и комментариев, а также ссылки на источники информации для более глубокого изучения той или иной темы: *Друзья, есть ещё кое-что более удивительное: это динамический эффект Казимира! <...> Не подумайте, у меня все нормально с головой: на самом деле, с этими зеркалами может произойти кое-что крайне удивительное (D); Как ни странно, квантовое мышление как раз требует меньше вычислительной нагрузки – да, вы не ослышались! Квантовое мышление – это вообще удивительная теория, но она достойна отдельного ролика, поэтому, если вам интересно, пишите об этом в комментариях и ставьте лайки, и мы посвятим этой теме отдельный ролик (E); Предвкушая скептиков в комментариях, хочется сразу ответить на один вопрос: как Бозон Хиггса может быть полезен человечеству? (G); Тема очень интересная, но,*

и вправду, непростая, поэтому о некоторых исследованиях будем упоминать в общих словах, но, как всегда, в описании есть ссылки на все статьи на случай, если у вас есть желание погрузиться с головой в квантовую теорию и пара лет свободного времени (F). Кроме того, во время объяснения научных явлений блогеры охотно делятся личными впечатлениями и воспоминаниями, что укрепляет симпатию и доброжелательный настрой аудитории: **В детстве мне постоянно говорили, что при болезни нужно много-много пить – наука на этот счет четкого ответа не дает: на сегодняшний день нет убедительных доказательств как за, так и против обильного питья (С); Это меня удивляет. Но почему железо и никель внутри? Почему не наоборот? Ходим мы по земле, а не по железу, почему? Обожаю сам себе задавать глупые вопросы. Железо и никель тяжёлые, поэтому они провалились глубже всех на этапе зарождения планеты (I); Я буду посматривать в шпаргалку периодически, может быть, даже лажать, в общем, не обращайтесь внимания. <...> Я окончательно запуталась в своих шпаргалках, поэтому будет импровизация (K).**

Активная, деятельная роль зрителей подкрепляется предложением самим поучаствовать в предельно простом, но весьма наглядном опыте: **Сейчас мы с вами займёмся кое-чем интересным. Зажми-жайте глаза, зажмуривайте. Да, вот так вот, как я. А теперь берём пальцы и надавливаем на глаза. Да? Только не выдавливаем, они вам ещё пригодятся, этот выпуск будет зрелищным. Просто надавливаем, слегка. Вот так. Она! Она-она-она! Что вы сейчас видите? Если перед вами мелькают такие огоньки, то поздравляю! Вы смотрите те же мультфильмы, что и космонавты. Вот только у них это происходит по другой причине. Лучи с высокой энергией, которые родились в далёких Галактиках очень давно, летят прямо к ним в сетчатку, создавая вспышки. И их видят не только люди, но и телескопы (I).**

В другом научно-популярном видео блогер сначала провоцирует исследовательский интерес аудитории, а затем в шутку предупреждает зрителей о возможных последствиях такого эксперимента: **А вам тоже интересно, что произойдёт, если засунуть туда голову и встретиться с таким пучком энергии? Ууух! Благодаря одному случаю, мы знаем что! Это У-70, крупнейший в СССР ускоритель частиц. Сорок лет назад физик Анатолий Бугорский случайно засунул туда голову! Пучок частиц попал ему в затылок, прошёл через мозг и среднее ухо и вышел через нос. Учёный оглох на левое ухо и начал страдать от эпилепсии, однако интеллект не пострадал. Он до сих пор жив и работает на русском ускорителе. Здесь, в большом адронном коллайдере, энергии в 200 раз больше! Так что голову просто разнесёт в пыль и все, шапка больше не понадобится. Окей, не будем экспериментировать с головой (G).**

Вполне ожидаемо, что в научно-популярных видео активно используются модные молодёжные слова и выражения (например, *взорвать мозг* – поразить, *сто пудов* – безусловно), обычно в составе различных средств диалогичности: *Но эта пустота оказалась не пустой – осознание этого просто взрывает мне мозг: каждый момент времени в этой пустоте рождаются виртуальные пары частиц и античастиц (D); Но давайте представим, что мы сможем добраться до центра Земли. И вот какая нам машина понадобится для этого? Ведь нам придётся преодолевать твёрдое, вязкое, жидкое и супертвёрдое вещество. Как вам такое, корабль-амфибия? Мне кажется, доберёмся, сто пудов доберёмся!* (I). Более того, иногда всё объяснение целенаправленно строится на основе молодёжного сленга, например, следующая трактовка событий Второй мировой войны: *Молодой парень по имени Бенито Муссолини переезжает из Италии в Швейцарию, чтобы откосить от армии. <...> Коллегам-социалистам не понравилась его новая позиция и они выгнали его из партии, тогда он решил: «Знаете что, меня достал социализм, нам нужно что-то новое!» <...> Затем западные державы навязали кучу неравных договоров, Япония была разорена, также у них не было природных ресурсов, поэтому они решили намутить немного и пошли воевать с Китаем, чтобы усилить свое влияние на Корею, а заодно прибрать к рукам китайское добро. <...> Муссолини тоже захотел поучаствовать – он подумал: «Может, где-нибудь есть еще народ, который будет защищаться от наших танков стрелами и копьями? О, есть! Ништяк, я это беру!»* (O). Однако, считаем, что подобное чрезмерное упрощение, как и замена полноценной экспрессии грубыми выражениями в следующем примере, являются факторами рискогенности коммуникации [Рискогенность ..., 2015], которых следует всячески избегать, чтобы не оттолкнуть думающих зрителей: *Начать стоит со связи между нашими психоэмоциональными процессами и внешними объективными ситуациями или, другими словами, как возможна субъективная реакция на объективный мир или, если совсем просто: почему, когда все хреново, нам хреново, а не охренительно и даже порой охренительно хреново, и что это за хрен такой, с которым постоянно случается какая-то хрень, из-за которой он всякий раз охреневаает?* (N).

Чтобы не допустить перехода по какой-то другой ссылке, многие научно-популярные видео интригуют зрителя перечислением всех увлекательных вопросов, на который будет получен ответ, с самых первых секунд просмотра: *В этом видео вы станете свидетелем увлекательного эксперимента, а также узнаете, как принципы квантовой физики могут объяснить ошибки нашего мышления и не пора ли считать наш мозг первым квантовым компьютером* (F); *Итак, важно держать у себя в голове, что этот выпуск – большое погружение в мир квантовой физики. Это реальность, в которой*

мы живем. И она похожа на магию. <...> Сейчас вы узнаете: какой код у всего на свете? Сможем ли мы открыть новые частицы? Единственная ли наша Вселенная или мы живем в Мультивселенной? Зачем ученые изобретают новую физику? Как сфотографировать Большой взрыв? Чем опасна антиматерия? И как поймать то, чего нет? (G); В этом выпуске сегодня вы узнаете: какая самая трудолюбивая хакерская группировка в мире, сколько готовы заплатить за голову хакера и ещё кучу всего интересного и, конечно же, урок киберграмотности и как защитить себя прямо сейчас (H). При этом блогеры стараются привлечь зрительское внимание к тому, что выгодно отличает их научно-популярный канал от конкурентов: На Youtube есть много каналов, которые рассказывают кучу всего: что такое сознание, квантовое бессмертие, как устроена звезда в какой-то соседней галактике и прочее, прочее, прочее. Да, это все очень интересно и занимательно, но, согласитесь, не хватает какой-то реальной практической пользы. Поэтому я решил: все, стоп, хватит! Давайте мы возьмем какой-нибудь актуальный бытовой вопрос, с которым сталкивается каждый из нас, и раскопаем все, что про это знает современная наука (C).

Кроме того, огромное значение для эффективности подобной коммуникации имеют ирония и юмор. Например, ироничные комментарии, разбавляющие научное объяснение, помогают зрителям немного расслабиться, чтобы затем вновь сосредоточиться на главном: *В общем, исходя из современных физических представлений, квантовые процессы вряд ли могут лежать в основе нашего мышления, а ведь нашим видео уже начали интересоваться на РЕН ТВ (F); Здесь произошло самое главное событие в физике элементарных частиц – открытие бозона Хиггса и объявление его массы. Физики занимали очередь заранее, с ночи, как за новым айфоном (G); Сегодня проверим, насколько мы действительно имеем право называть себя Sapiens, то есть самыми разумными существами на Земле. В связи с этим просим отойти от экранов особо впечатлительных людей с неустойчивой психикой (E).*

В свою очередь, юмор упрощает первичное усвоение специальной информации, а в дальнейшем становится своеобразным якорем для нашей памяти: *Эти рептилии способны часами находиться под водой. В чём же их секрет, спросите вы? Если в данный момент вы занимаете энергетический минимум, разложившись на диване, то вы уже обладаете крокодильим секретом! Все дело в неподвижном образе жизни и замедленном метаболизме, благодаря чему рептилии попросту не тратят лишнюю энергию и кислород (B); Мы склонны оценивать вероятность событий по тому, насколько легко в нашей памяти всплывают их примеры. <...> Например, террористические атаки мы воспринимаем как большую опасность, уносящую много жизней, однако, согласно статистике США, вероятность умереть*

от рук террористов в 20 раз меньше, чем вероятность быть убитым коровой. Серьезно, это официальная статистика: согласитесь, после такого вы будете смотреть на рекламу шоколада Milka (логотипом которой является корова – А. М.) совсем другими глазами (Е); А все легкие элементы, по которым вы ходите, и то, чем вы дышите, поднялись наверх. Как апельсиновый ликер, который в коктейле Б-52 всплывает наверх, точно так же. Неплохая аналогия, да? Те, кто ходит по барам, теперь вы можете блистать вот такими вот знаниями (I); Вместо бомбардировки королевские военно-воздушные силы Великобритании сбрасывали пропагандистские листовки на немецкие города, тем самым обеспечивая континент туалетной бумагой на протяжении войны (O).

Помимо указанных общих стратегий повышения выразительности содержания, в проанализированном материале также обнаружены отдельные экспрессивные средства, среди них эпитеты: *Нейтринно образуются на Солнце. А вот остальные – прелестные, странные, очаровательные кварки, мюоны и тау – были материей только в момент зарождения Вселенной. Сейчас их нет, но их можно получить в коллайдерах (G)*; акцентивы и эмотивы: *Вот здесь появляется первое серьезное различие между гриппом и простудой, потому что самым эффективным способом предотвратить заболевание гриппом является вакцинация, а вот от простуды, к сожалению, вакцины пока нет (C)*; *Я не думаю, что кто-нибудь когда-нибудь стрелял растолченным в пыль магнитом в этом приборе, но я вам голову даю на отсечение, что так получится, потому что классическая электродинамика проверялась в 1000 экспериментов, но не в этом конкретном случае, в другом – и дает такой результат (P)*; параллельные конструкции: *Фермионы, бозоны и прочие элементарные частицы вообще нельзя представить, нельзя унюхать, нельзя потрогать, нельзя увидеть, ничего нельзя сделать (G)*; метафоры и олицетворения: *Пучки в трубе летят в противоположные стороны, чтобы потом сойтись в одной точке и разбиться, устроив мощнейшее ДТП со времен Большого взрыва (G)*; *Однако полностью определить все свойства частицы так и не выйдет: ее изюминка, как и у любой представительницы прекрасного пола, в непредсказуемости – стоит вам определить скорость, как вы тут же потеряете из виду её местонахождение, и наоборот – это принцип неопределенности (F)*; языковая игра: *Смерть – естественная часть человеческого бытия, до смерти естественная вещь, с которой мы сталкиваемся постоянно, смерть – это то, от чего особо никуда не денешься, что лежит в основе всего (J)*. Однако указанные средства выразительности не всегда используются блогерами верно; например, в следующем отрывке наблюдается наложение двух устойчивых выражений (тычутся как слепые котята и искать чёрную кошку в тёмной комнате): *В этом еще тоже актуальность нашего с вами занятия – хотя я и дол-*

го очень подводил к ней: смысл в том, что в рамках когнитивно-поведенческого подхода от меня требуется, чтобы я клиентам это объяснил, иначе **они будут как слепые котята просто в темной комнате ничего не понимать** (N).

Следует отметить тот факт, что экспрессия в рассмотренных нами видеозаписях неизменно подкрепляется логически выстроенными рассуждениями и убедительными доводами: **Если сопоставить в голове все вот эти вот факты: что, с одной стороны, ОРВИ протекает легко, без осложнений, и, с другой стороны, что нужно делать вакцины от огромного количества видов вирусов, и при этом каждый год еще от всех этих видов вирусов эти вакцины ставить, то легко прийти к выводу, что у нас есть проблемы-то посерьезнее, чем делать вакцину от огромного количества вирусов. Другое дело – грипп: один вид вируса, очень опасное и тяжелое заболевание, которое может вызывать огромное количество самых разных осложнений и, плюс, от него нет надежного и эффективного лекарства. Вывод ясен: нужно делать вакцину, поэтому вакцина от гриппа есть, а от других вирусов ОРВИ ее нет** (С); **Самое интересное, если во время эксперимента увеличить мыслительную нагрузку испытуемых, то их поведение станет более рациональным – эффект Флеминга ослабнет. Звучит логично, но как заставить человека думать сильнее, не прибегая к угрозе отчисления или расправы над близкими? Оказывается, для этого достаточно попросить испытуемых думать, как ученый, или задать условия на иностранном языке – в этом случае когнитивная нагрузка увеличится, и рациональность возобладает. Получается, стоит немного включить мозги, и ошибка будет исправлена** (Е).

Проведённый анализ позволяет прийти к заключению, что высокая содержательная информативность и экспрессивность выражения являются двумя взаимодополняющими признаками научно-популярных видео в Интернете. Создателями подобных роликов обычно становятся увлечённые любимым делом молодые учёные, которые прекрасно понимают и разделяют основные потребности аудитории своего YouTube-канала: получение новых знаний в Интернете должно стать максимально удобным и необременительным для адресата, вызывать у него исключительно положительные эмоции, чтобы в дальнейшем вдохновить его на глубокое и всестороннее изучение той или иной научной проблемы и, более того, вызвать у каждого зрителя искреннее желание самому стать активным участником невероятно интересного и захватывающего процесса научного познания. В результате, адресованность, являющаяся основным прагматическим свойством научно-популярного дискурса и достигающая максимума в рассчитанных на молодёжную аудиторию познавательных видео, предопределяет своеобразие и эффективность используемых в них разноуровневых экспрессивных средств.

2.5. Из опыта преподавания РКИ китайским студентам: лингвокультурологические особенности употребления обращений (Н. Г. Тырникова)

Процессы глобализации и рост международных контактов оказали значительное влияние на коммуникацию. В связи с этим в фокусе внимания лингвистов оказался вопрос о том, что делает коммуникацию позитивной, т. е. позволяющей, с одной стороны, донести информацию от адресанта к адресату, а с другой, оставить приятное впечатление от самого процесса общения у всех его участников. Значительную роль в создании эффективной коммуникации играет коммуникативная аттракция собеседников, сочетающая физические, социальные, психологические, а также вербальные и невербальные факторы [Позитивная ..., 2020: 5]. Необходимо отметить также, что «позитивная коммуникация в межкультурном контексте может быть достигнута лишь при учете различий в проявлении аттракции и особенностей использования стратегий самопрезентации представителями разных лингвокультурных сообществ» [Позитивная ..., 2020: 5].

Важнейшим вербальным средством создания коммуникативной аттракции является речевой этикет, под которым понимают «социально заданные и национально-специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [Формановская 1998: 240]. В данном определении отражены такие основные черты системы речевого этикета как социальная обусловленность, зависимость выбора этикетных средств от характера взаимоотношения коммуникантов, связь с особыми коммуникативными ситуациями, а также национальная специфика. «Речевой этикет обладает рядом универсальных черт, общих для различных народов. К универсальным чертам речевого этикета разных стран можно отнести, прежде всего, сами принципы этикетного общения, лежащие в основе конкретного национального речевого этикета: сдержанность, вежливость, использование стандартных речевых формул в ситуациях общения, позитивное отношение к собеседнику. Однако само конкретное речевое воплощение этих и других принципов в каждой отдельной лингвокультурной общности имеет свою специфику, свое конкретное речевое и поведенческое выражение» [Стернин 1996: 13]. Необходимо отметить, однако, что и сами принципы этикетного общения тоже могут различаться. Одним из ярких примеров этого является этикетные правила общения с женщинами. Так во многих мусульманских странах не приняты не только европейские одежды женщин, в некоторых женщины даже не могут появляться на улице без мужчины, и во всем мусульманском мире неприлично спрашивать о женах, передавать им привет. Так, во время пребывания в доме

коллег в Баку, О. Б. Сиротинина удивилась, что почти ежедневно приходивший к ним коллега и друг (азербайджанец), никогда ничего не говорил о жене, и они никогда о его жене не спрашивали и привет ей не передавали. О. Б. поинтересовалась *Почему?* и в ответ услышала: у них категорически не положено.

Среди средств речевого этикета особое место занимают обращения. Традиционно обращение определяется как «слово или сочетание слов, называющее лицо, к которому обращена речь» [Розенталь, Голуб, Теленкова 1994: 465]. Н. И. Формановская предлагает определение обращения, учитывающее, прежде всего, его функции в процессе коммуникации: «Обращение – единица установления контакта с собеседником, привлечения его внимания, при ориентации на социальный статус и роль адресата в соответствии с собственными признаками говорящего» [Формановская 1998: 261]. Таким образом, адаптация к адресату, являющаяся одним из основных признаков эффективной коммуникации, начинается с выбора адекватной формы обращения. Адресант не просто называет адресата речи, но и выражает свое отношение к нему. Кроме того, выбор формы обращения несет информацию и о самом говорящем, о его воспитании, и социальном положении.

В отличие от других этикетных средств обращение не привязано к определенной этикетной ситуации и может употребляться на протяжении всего общения, способствуя поддержанию контакта, делая общение комфортным для собеседников, а значит и более эффективным.

Как и все средства речевого этикета, система обращений имеет выраженную национальную специфику, которая определяется как лексико-грамматическими особенностями национального языка, так и культурой и традициями каждого народа. Национальная специфика проявляется уже в преобладании в этикете тех или иных типов обращений.

Согласно классификации В. Е. Гольдина основными типами обращений являются регулятивы, обращения-индексы и имена собственные [Гольдин 2009: 45]. Регулятивы (*браток, голубчик* и др.) необходимы для регулирования отношений с теми, к кому мы обращаемся. Обращения-индексы (*сосед, мама, доктор, профессор, Officer, Professor, Daddy* и др.) обозначают адресата речи, их восприятие как вежливого или невежливого зависит в основном от ситуации употребления. Имена собственные могут употребляться как для именованного адресата, так и для самоименования в некоторых случаях.

В статье, посвященной сравнительному анализу русских и китайских обращений, профессор Лю Сумэй отмечает, что среди китайских обращений-индексов гораздо шире, чем в русском языке, используются термины родства и обращения по профессии или должности. Он объясняет это тем, что «китайцы по традиции обращают большое внимание на родственные отношения, поэтому в китайском

языке функционирует гораздо более сложная и разветвленная система обращений родства, строго разграничивающая, в частности, наименования родственников со стороны отца и со стороны матери и различающая их по старшинству» [Лю Сумэй 2014: 104]. Кроме того, «китайцы уделяют большее внимание и социальной иерархии, социальному положению собеседника. Для китайского этикета характерно обращение по признаку профессии, должности, положения» [Лю Сумэй 2014: 104].

Эта особенность отчетливо проявляется на первых же занятиях в китайских группах: студенты используют в качестве обращения слово *педагог* или *учитель*.

Эмоциональная сдержанность китайцев, стремление «сохранить лицо» привело к тому, что китайцы практически не используют регулятивы, ласкательные обращения, соответствующие русским *дорогой, радость моя, лапочка, солнышко, красавица* и др.

Наиболее ярко лингвокультурологические особенности обращений проявляются в использовании личных имен. В любой культуре имя человека выступает как социально-культурный знак. Система личных имен каждого языка отражает национальное самосознание народа и включается в национальную картину мира. Личные имена содержат многоплановый национально-культурный компонент, по которому можно судить о возрасте человека, его корнях, происхождении имени, степени употребительности, внутренней форме, ассоциативности и др. [Верещагин, Костомаров 1976: 97–99].

Национальную специфику имеет и сам выбор имени для новорожденного. В православной России родители часто называют детей в честь христианских святых или в честь особо любимых и уважаемых членов семьи. В китайской этикетной традиции нельзя назвать ребенка в честь родственника, это считается плохим знаком. Поэтому китайские студенты были удивлены, узнав, что известные композиторы Прокофьев и Шостакович были названы в честь своих отцов. В Китае нет фиксированного списка имен. В качестве имени родители могут выбрать практически любое слово из словарного запаса китайского языка, обращая внимание лишь на то, чтобы оно не имело негативного подтекста, красиво звучало и выглядело при написании, а также фонетически и визуально сочеталось с фамилией. Китайские студенты, которые начинают изучать русский язык в Китае, там обязательно должны выбрать себе русское имя, при этом основным критерием выбора обычно становится простота произношения имени. Поэтому было немного неожиданно, что в первой группе китайцев, приехавших в Саратовскую консерваторию, были *Артём, Сергей, Юрий, Лариса, Виктор*, т. е. имена студентов содержали очень трудный для их произнесения звук [р]. Практика показывает, что студенты, приезжающие в Россию изучать русский язык с нуля, не спешат взять себе русское

имя и обычно выбирают его по значению, а не по благозвучности, например *Лев, Вера, Анжелика*.

В русском и европейских языках существует четкое разделение имен на мужские и женские. В китайском языке имя, обозначаемое одним и тем же иероглифом и имеющее одинаковое произношение, может быть и мужским, и женским, например имя *Джи*. Зачастую сами китайцы не могут точно определить, принадлежит ли то или иное сочетание китайской фамилии и имени к мужчине или женщине.

В русском языке полные имена можно достаточно просто разделить на мужские и женские по чисто формальным признакам (мужские заканчиваются на согласный *Степан, Максим, Сергей*, женские – на *-а* или *-я* – *Светлана, Мария, Ольга*), хотя большинство кратких форм и мужских, и женских имен заканчиваются на *-а* или *-я* как женские имена: *Лена, Витя, Маша*; мужские: *Вася, Саша, Валя*. Последнее и от Валентин, и от Валентина. Иностранцам, особенно на начальном этапе изучения русского языка, трудно запомнить соответствия полного и краткого имени, отсюда возникают ошибки в употреблении рода прилагательных типа *добрая Витя, красивая Сережа* и т. п.

В большинстве европейских и азиатских языков полное имя состоит из имени и фамилии. Причем в европейских языках в полном имени сначала указывается имя, а затем фамилия. Такой порядок даже закрепился в английских выражениях *first name* (имя) и *last name* (фамилия). В китайском языке на первом месте обязательно идет фамилия. Это объясняется тем, что «китайская этика "лица" исключала жизнь индивида для себя и личностное "Я" оказывалось под постоянным прессом должного благонравия. Являясь членом семейного клана, человек сознавал себя включенным в единую социальную цепь и приобретал соответствующий статус. Поэтому в Поднебесной сначала называют свою фамилию, а лишь затем имя, что подчеркивает ответственность принадлежности к определенному семейному клану» [Владимирова 2018: 41]. Незнание данной особенности китайских имен приводит к многочисленным ошибкам в их написании, например, при составлении списка использованной литературы, в протоколах спортивных соревнований и т. п. Китайцы снисходительно относятся к подобным ошибкам, однако всегда их исправляют.

В современном русском языке в отличие от китайского и европейских языков нет строго закрепленного порядка компонентов полного имени, имя может стоять как перед фамилией, так и после неё. Но в официально-деловой сфере имя и отчество (чаще только их инициалы) всегда должны быть после фамилии. Незнание этой особенности русского речевого этикета также может привести к ошибкам в межкультурной коммуникации. Например, в деловой переписке с английской фирмой менеджер подписался *Смирнов Анатолий Александрович*. Ответное письмо иностранных партнеров начиналось с обра-

щения *Dear Mr. Aleksandrovich*. Отчество было понято как фамилия, тем более что подобные фамилии у русских возможны.

Примечательно, что китайка, вступая в брак, традиционно сохраняет свою фамилию, т. е. формально сохраняет принадлежность своему семейному клану. В отличие от китайской, в русской и других европейских этикетных традициях после свадьбы женщина оставляет свою семью, переходит в семью мужа, меняя в знак этого свою фамилию. В упражнении, предлагаемом студентам на раннем этапе изучения РКИ, были такие задания:

1. *Моя фамилия Смирнова, фамилия моего папы ...*
2. *Фамилия мужа Иванов, фамилия жены ...*

Студенты-китайцы достаточно легко справились с № 1, а № 2 вызвал большое недоумение: *Как мы можем знать её фамилию?*

Больше всего сложностей у иностранцев вызывают русские отчества. Эти сложности связаны как с их формой, так и с употреблением. Прежде всего, отчества, как и другие многосложные русские слова, трудны для произношения. Кроме того, многие отчества похожи на образованную от имени фамилию, например *Антонова – Антоновна, Сергеева – Сергеевна*, а также бывают фамилии по форме совпадающие с отчествами (*Кузьмич, АнтонОвич* – иное только ударение), что создает дополнительные трудности. Также китайским студентам требуется время, чтобы запомнить, что отчество в литературном языке (в отличие от диалектной речи) не употребляется отдельно и всегда следует за полной формой имени.

Сложности употребления отчеств объясняются, во-первых, тем, что отчество отсутствует в других языках. Иностранцев удивляет то, что для того, чтобы быть вежливым, надо знать имя отца собеседника. Во-вторых, непривычно то, что форма имени, которую используют при обращении к русскому человеку, зависит от его возраста. Обращение по имени-отчеству в русской этикетной традиции является свидетельством определенной степени уважения к взрослому человеку. Такая форма обращения входит в употребление по достижении человеком социальной зрелости, скорее всего, при начале самостоятельной работы. Однако китайцы слышат современную русскую речь, в которой уже широко представлены обращения и упоминания фамилий людей с именем, но без отчества (даже *Владимир Путин*).

Кроме того, большие сложности связаны с выбором коммуникативной ситуации, в которой необходимо употреблять обращение по имени и отчеству. «В китайском социальном узусе вообще нет такой унифицированной вежливой формы обращения к взрослому адресату, как "имя-отчество" в русском языке. Для китайского этикета характерно обращение по признаку профессии, должности, положения. В официально-деловой обстановке данная формула является одной из самых адекватных» [Лю Сюзэй 2014: 104] «Для русского общения обращение по имени-отчеству, на "Вы" – это традиционный способ

обращения к взрослым, людям в нейтрально-вежливом регистре. Так обращаются в официальных и неофициальных, а также в полуофициальных ситуациях к малознакомым, к коллегам, с которыми нет особенно дружеских отношений, к начальнику, к вышестоящему, к старшему по возрасту, к взрослому». [Стернин 1996: 51], но как уже сказано выше, однако сейчас приехавшие в Россию китайцы слышат и читают в газетах уже «европейские» обращения (без отчества).

Исследователи отмечают, что особое место в русском речевом этикете занимает выбор адекватной формы обращения к собеседнику на *-ты* или на *-Вы*. Во многих европейских языках есть форма вежливого *Вы*, которое используется в тех же коммуникативных ситуациях, что и в русском языке. Для носителей этих языков трудность заключается только в выборе правильной формы имени, тогда как китайцы и носители английского языка испытывают сложности как с выбором ситуации *Вы*-общения, так и с выбором формы имени.

Необходимо отметить, что речевой этикет представляет собой живую, изменяющуюся систему, чутко реагирующую на изменения в обществе. Примечательно, что сходные социально-политические изменения XX столетия в России и Китае привели к изменениям речевого этикета. В русском речевом этикете «перемены» коснулись, прежде всего, средств адресации, а точнее регулятивов. Это проявилось сначала в вытеснении регулятивом *товарищ* таких форм обращений как *милостивый государь, ваше благородие, барин, барышня, ваше высокоблагородие*. Позже резкое изменение отношения к регулятиву *товарищ* после перестройки и распада СССР привело к тому, что *товарищ* остался только в армии, а в современном русском речевом этикете общепринятая, стилистически нейтральная форма обращения к незнакомым людям отсутствует, что в значительной степени затрудняет коммуникацию [Тырникова 2002: 186]. «В 1950-е гг. в Китае обращение *тунчжи (товарищ)* стало общеупотребительным, заменив такие обращения, как *сяоцзе (барышня), сяньшен (господин), тайтай (госпожа)* и др. В 1960–1970-х гг., во время «культурной революции» обращение *тунчжи (товарищ)* приобрело яркую политическую окраску, став маркером «врагов» и «своих». Не зная классовой позиции собеседника, невозможно было употребить по отношению к нему *тунчжи*. В настоящее время *тунчжи* употребляется все реже, со свойственным ему официальным оттенком» [Лю Сьюэй, 2014: 103]. Кроме того, общее снижение этикетных норм в послереволюционной России привело к тому, что дети перестали обращаться на *-Вы* к своим родителям. Исчезло также обращение на *-Вы* и по имени-отчеству между супругами, которое было принято по крайней мере при посторонних. О. Б. Сиротина вспоминает, что так общались ее родители, а также Татьяна Михайловна Акимова и ее муж Валерий Петрович Воробьев – (коллеги О. Б.), у которых она часто бывала в гостях. Теперь на *-ты*

обращаются многие преподаватели вузов к студентам и коллегам, если они не их руководители.

Еще одним социальным фактором, вызывающим изменения в речевом этикете, является взаимодействие этикетных традиций разных народов и культур. Сегодня наиболее осязаемое воздействие на русский речевой этикет оказывают английская и американская этикетная культура. Проявлением такого рода воздействия является, например, тенденция к сужению сферы использования сочетания имени и отчества. Интересное взаимодействие русской и английской этикетных систем можно наблюдать в ряде телевизионных, радио программ и даже газет. Когда гостем студии является известный политик, актер, писатель и т. п., ведущий обращается к нему или к ней по имени-отчеству, однако, представляя и называя в речи, обращенной к публике, использует имя без отчества, правда с фамилией: *Сегодня гость нашей передачи – известная и всеми любимая актриса Алиса Фрейндлих. Алиса Бруновна, ответьте, пожалуйста, на такой вопрос ...*

Следуя старой русской этикетной традиции, в подобной ситуации собеседника необходимо было представлять, используя отчество.

Зачастую имена китайцев, живущих за пределами Китая, пытаются ассимилировать к правилам речевого этикета этих стран. Например, имена известных китайских пианистов *Ван Юйджа* и *Ли Юнди* превращаются в *Юйджа Ван* и *Юнди Ли*. Русские преподаватели зачастую обращаются к китайским студентам по имени, как это допустимо в русском речевом этикете. Однако, такая форма обращение нежелательна, так как она означает для китайцев более близкие личные отношения, чем отношения педагога и студента. Педагог должен обращаться к китайскому студенту по фамилии и имени. Обращение по имени возможно только с разрешения самого студента. Иногда студенты разрешают называть себя по фамилии, если она легче для произношения русскоязычным людям, например фамилия *Чэнь* гораздо проще, чем полное имя *Чэнь Чжисхе*.

Необходимо помнить, что по правилам русского языка китайские фамилии не склоняются. Склоняются только китайские мужские имена, заканчивающиеся на согласную или -ь, например, *Ин Чжэнвей* – у *Ин Чжэнвея*, *Шу Цзифань* – к *Шу Цзифаню* и др. Женские имена (*Ли Голи*, *Сунь Цзунь*, *Джан Джси*) и мужские имена, заканчивающиеся на гласную, (*Ню Цзиньтао*, *Чэнь Чжисхе*) не изменяются. Часто преподаватели некоторых дисциплин начинают изменять имена своих китайских студентов по правилам русского словообразования, например *Юэ* – *Юэшка*, *Сонг Тиньтинь* – *Сонг Тиньтинька*, *Сунь Цзунь* – *Сунь Цзуня*, *Ян Тэн* – *Ян Тэнчик* и др. Обычно эти формы используются не в качестве прямых обращений, а при обсуждении студентов с коллегами, но все же это нежелательно общение со студентами на *-ты*, что тоже бывает.

И. А. Стернин справедливо отмечает, что «правильный выбор формы обращения, а также формы обращения на *-ты* или на *-Вы* – это, первый, базовый уровень речевого этикета обращения» [Стернин 1996: 39] Ошибка в форме обращения в любом языке может привести к недопониманию коммуникантов, сделать общение неэффективным или даже полностью расстроить коммуникацию. Поэтому этим теоретическим аспектам изучения лингвокультурологических особенностей обращений и практическому применению результатов их изучения в преподавании иностранных языков должно уделяться пристальное внимание.

2.6. Из опыта обучения русскому языку китайских студентов в консерватории с использованием художественных и музыкальных произведений тематической и профессиональной направленности (Е. П. Макеева)

Вспомним учение В. Гумбольта о процессе понимания речи: «Никто не принимает слов совершенно в одном и том же смысле. Поэтому взаимное разумение между разговаривающими в то время есть недоразумение, и согласие в мыслях и чувствах – в то же время и разногласие» [Гумбольдт 1859: 62)]. Идею о разнице смыслов сказанного и услышанного, а также написанного и прочитанного развивали и совершенствовали многие выдающиеся лингвисты: А. А. Потебня, Р. Ингарден, Ю. М. Лотман и др. [Белянин 2000: 232].

А теперь посмотрим на процесс понимания речи с точки зрения иностранца, который не знает языка, на котором происходит общение. Мало того, звуки, которые он слышит, являются зачастую чуждыми для него звуками.

Я хочу затронуть такой важный момент, как акцентирование внимания на фонетических особенностях изучаемого языка для начинающих студентов-иностранцев, а именно: подход к обучению с точки зрения восприятия речи слушающими и соответствия между произнесенными и услышанными звуками (перцептивная фонетика). При освоении русского языка у людей разной национальности возникают разные трудности. Приведу пример коммуникаций с арабским студентом. Обсуждалась тема урока: «продукты питания». На вопрос преподавателя: «Что ты ешь на завтрак?», студент ответил: *муд*. Пришлось долго выяснять значение слова «муд», конечно, это был «мед», но проблема в том, что для иностранного студента русские гласные: «У» и «Ё» различались с трудом.

Еще один пример, связанный с освоением иностранцами фонетических особенностей русского языка. В группе китайских студентов пришлось несколько уроков подряд работать над произношением звука «Р», выяснилось, что этот звук представляет особую сложность у

большинства китайских студентов – трудно адаптировать работу речевого аппарата (правильное положение языка с образованием небной преграды). Вместе с этим, если я просила перевести для всей группы русское слово на китайский, то воспроизведение этого слова с правильной интонацией, артикуляцией и ударением, понятными для китайцев, представляло практически невыполнимую задачу для русскоговорящего преподавателя. И это понятно: параметры акустической классификации (вокальность-невокальность, консонантность-неконсонантность и т. д.) речевого аппарата (органов речи) каждого индивидуума, а тем более представителя нации отличаются друг от друга кардинальным образом. Трудности в коммуникации обусловлены еще и тем фактором, что русский и китайский языки относятся к различным языковым типам: индоевропейский и китайско-тибетский, что соответственно создает дополнительные трудности в обучении студентов, привычный речевой аппарат которых не адаптирован под выполнение разных задач. А распознавание единиц языка особенно важно в данном случае, так как одной из особенностей системы русского языка является, например, флексийное разграничение глаголов и существительных [Сиротина 2013б: 9].

Именно поэтому, на мой взгляд, на первоначальном этапе обучения важно обратить внимание на адаптацию органов речи к требованиям изучаемого языка с точки зрения акустической классификации речевых звуков (вокальность-невокальность, консонантность-неконсонантность, тональность, диффузность-компактность и т. д.).

Подход к обучению с точки зрения адаптации речевого аппарата к звуковым особенностям изучаемого языка подтверждает мысль о том, что знание других языков помогает освоению языка за счет появления новых навыков и возможностей речевого аппарата к другим требованиям и задачам [Войтович 2012: 100–101].

В этой связи хотелось бы обратить внимание на артикуляционный аспект воспроизводства звуков, а точнее – на артикуляционную классификацию согласных. На мой взгляд, на первоначальном этапе обучения задача состоит в достижении правильного воспроизведения звуков изучаемого языка, что в свою очередь способствует повышению качества произношения. Это особенно актуально при обучении студентов, профессиональная специализация которых требует определенного уровня овладения языком, сопоставимого с уровнем носителей языка, это, например, люди таких профессий, как артисты, певцы и т. д. Для решения этой задачи следует объяснить правильное положение и работу всего речевого аппарата русскоязычных людей.

Так, например, в группе китайских студентов пришлось много внимания уделить работе с зубно-язычными (н, л) и небно-язычными согласными.

В первом случае студентка не могла понять различия в положении языка при воспроизведении согласных «Л» и «Н», а во втором

случае пришлось долго упражняться, чтобы добиться от студентов правильного положения языка при воспроизведении согласного «Р», что неудивительно, так как картавость часто свойственна и русской дикции.

Еще раз вернусь к обратной параллели. Я часто на занятиях прошу студентов перевести с русского на китайский новые слова и понимаю, что воспроизвести произношение носителя чужого языка без искажения звучания на первых порах задача крайне трудная вследствие их разных адаптационных способностей речевого аппарата.

В данном случае артикуляционно-акустический эталон (звукотип), присущий студентам кардинально отличается от звукотипа преподавателя. Иными словами, речевой аппарат любого представителя определенной этнической группы приспособлен (адаптирован) к работе на воспроизведение конкретного фонетического задания, свойственного этой группе. Здесь, на мой взгляд, следует уделить особое внимание работе с сегментными единицами фонетики (звуками речи) и добиться от студентов качественного воспроизведения звуков русского языка с умением распознавания фонем. Как правило, осложнения возникают с освоением йотированных фонем. Вернусь к примеру со словом: «мед» или с использованием «ь», например, при спряжении глагола «пить» результат выглядел следующим образом: «я пю, ты пишь, он пьет, мы пим, вы пите, они пят», т. е. в данном случае следует обратить внимание студентов именно на разделительную функцию мягкого знака.

Продолжая тему воспроизведения фонем, приведу еще один пример: Отвечая на вопросы: «когда вы встаете?» и «что Вы едите на завтрак?» студент на слух перепутал слова «встаете» и «завтрак». При детальном разборе выяснилось, что он услышал лишь часть слова «вт», пропустив «с» в первом слове и «за» во-втором, в результате чего слова для него слились.

Здесь уместно привести пример из жизни моей подруги, которая более 15 лет живет за границей и на сегодняшний день владеет иностранным языком почти на уровне его носителей. На вопрос *Как ты выучила иностранный язык на таком хорошем уровне*, она ответила, что этот процесс у нее проходил очень постепенно: этап за этапом. Первый: иностранная речь сливалась в один сплошной поток, в котором невозможно было вычленить ни единого слова; второй: стали различаться слова без понимания смысла сказанного; третий: отдельные слова удавалось переводить, но общий смысл контекста не улавливался – пришлось пополнять лексический материал в каждой тематической области знаний; четвертый: улавливался смысл сказанного даже, если встречались отдельные незнакомые слова.

Следует сказать и о таком аспекте любого учебного процесса, как мотивационный интерес. Например, для полноценной жизни в чужой стране знание языка является важным и необходимым навы-

ком, и это, в свою очередь, может послужить хорошим стимулом для освоения новых языковых компетенций.

Если говорить о процессе изучения иностранного языка в условиях проживания в чужой стране, то можно говорить скорее о вынужденной необходимой мотивации, а если посмотреть на этот аспект с точки зрения национально-культурных традиций и ценностей, то можно обратиться к понятию «прецедентный феномен» [Красных 1997: 9], который в условиях обучения работает в неменьшей степени.

При всем разнообразии и неповторимости традиций разных национальностей всегда найдутся, присущие любым этническим группам общечеловеческие ценности, объединяющие человечество как биологический эволюционный вид: любовь, доброта, красота мира и природы, другие обязательные атрибуты существования национально-культурного сообщества. Наиболее полно эти категории отражены в художественно-литературных и музыкально-поэтических произведениях, которыми и следует пользоваться.

Вспомним лингвистическую теорию прецедентности, воспользовавшись определением В. В. Красных, согласно которому к прецедентным феноменам относятся:

«1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества ("имеющие сверличностный характер"); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных 1997: 9].

Если рассмотреть художественно-литературные произведения общепризнанного мирового уровня («Евгений Онегин» Пушкина, «Шагреневая кожа» Бальзака, «Анна Каренина», «Война и мир» Л. Толстого, «Сто лет одиночества» Габриэль Гарсиа Маркеса и т. д.), то можно говорить об условно-апперцепционной базе межкультурных коммуникаций, которая понятна обширному сообществу людей с разными национально-культурными традициями. Использование литературно-художественных и музыкальных произведений при обучении иностранных студентов позволяет одновременно решать ряд задач:

1) мотивационная – общепризнанные в любом социуме произведения пробуждают интерес с точки зрения понимания феномена гениальности идей и их воплощений, затрагивающих важные аспекты существования общества;

2) объединяющая – общепризнанность произведений искусства облегчает коммуникативное взаимодействие, основанное на наличии общей апперцепционной базы;

3) познавательная – благодаря неисчерпаемому запасу мировых культурных и художественных ценностей появляется возможность расширять сферу своих компетенций с применением исследовательских способностей.

Дополнительным бонусом к вышеперечисленному при включении в программу обучения отдельных литературно-художественных блоков между основными дисциплинарными темами занятий можно считать небольшой отдых для студентов и преподавателя за счет переключения с одного вида деятельности на другой за счет творческой направленности тематики.

Возвращаясь к определению прецедентного феномена, отметим, что для представителей одного национально-культурного сообщества существует общее, обязательное для всех носителей этого сообщества представление о прецедентном феномене [Красных 1997: 9]. Логично предположить, что один и тот же прецедентный феномен для другого сообщества будет нести другое смысловое представление [Царева 2021: 24], поэтому художественные произведения надо выбирать, чтобы не затронуть иные национальные традиции.

Особенности национально-культурных традиций Китая хорошо видны на примере празднования Нового года. Например, если в России провожают год, вспоминая различные события уходящего года, то в Китае не принято говорить о прошедшем годе, все мысли должны быть о будущем. В первые дни празднования Нового года в Китае не принято пользоваться ножницами, ножами и другими острыми предметами; не принято мыть голову в дни новогодних праздников, так как это несет угрозу для счастья и т. д. (<http://amurprogress.ru/stati/kak-kitajtsy-prazdnuyut-svoj-novuj-god>). Эти моменты следует учитывать при выборе учебного материала и при планировании уроков.

Успешная коммуникация предполагает адаптацию к адресату [Позитивная ..., 2020: 20], что, в свою очередь помогает освоению нового материала студентами.

Если вернуться к разговору об использовании в учебном процессе общепризнанных произведений культуры и искусства с точки зрения мотивационной составляющей, то стоит варьировать тематику, проблематику и формы подачи материала с учетом сферы профессиональных интересов обучающихся.

Например, использование шедевров музыкальной культуры на уроках языка будет понятным и объединяющим моментом для студентов музыкальной сферы. На одном из уроков мы со студентами работали со стихотворением А. С. Пушкина: «Я Вас любил: любовь еще, быть может ...», а потом прослушали романс на эти стихи. Работа с небольшим текстом позволила решить комплекс задач, поставленных перед студентами: отработка навыков чтения и произношения, работа с глаголами прошедшего времени, повторение окончаний падежных форм и т. д. Вместе с тем, мы затронули имя всемирно известного поэта и писателя, произведения которого являются классикой мирового культурного наследия. На последующих уроках мы работали с более масштабными произведениями: с романом в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и одноименной оперой П. И. Чайковского. Чтение

фрагментов литературного произведения, а затем прослушивание вокальных партий позволило дополнительно отработать фонетические навыки студентов. Общемировая известность выбранных произведений обеспечили наличие минимальной апперцепционной базы для работы студентов и преподавателя, что положительно сказалось на эффективности урока. Это позволило расширить сферу коммуникативных взаимодействий преподавателя и студентов, что в дальнейшем привело к обсуждению темы достижений китайского художника Цай Гоцяна, выставка, которого была представлена в музее им. А. С. Пушкина в Москве в 2017 году.

При обучении студентов с технической направленностью обучения, можно использовать произведения литературно-художественного наследия, которые мотивируют обучающихся на развитие в точных областях наук.

Подход к обучению студентов-иностранцев с использованием мировых общепризнанных произведений культуры и искусства позволяет в процессе овладения иными лексическими и грамматическими категориями совершенствовать уровень речевых навыков с учетом мотивационной составляющей обучения, что в свою очередь повышает уровень компетенций в освоении изучаемого языка.

2.7. Речевое поведение врача в режиме телемедицины (А. А. Кисельникова)

Являясь особой разновидностью профессионального общения, речевое общение врача и пациента – важный объект лингвистических исследований. Многомерность этого общения отражается в специфике медицинского дискурса, его структурных и тонально-жанровых характеристиках. Конститутивными признаками медицинского дискурса как институционального, специализированного статусно-ориентированного общения, соответствующего нормам данного социального института [Карасик 2002: 195], являются наличие глобальной цели общения (оказание медицинской помощи), официальность, жесткая заданность тематики, статусно-ролевая функция участников, клишированность речи.

Коммуникативная диада врач – пациент относится к классическому типу институционального дискурса, в котором выявляются отношения агент – клиент института. Участники общения отличаются институциональным и коммуникативным неравенством, при котором один коммуникант – это представитель института, носитель профессионального знания, а второй – человек, обращающийся в этот институт для решения какой-либо проблемы [Бейлинсон 2001: 6]. Такое положение коммуникантов проявляется в асимметричности их общения: врач наделен большей коммуникативной властью, а пациент в диалоге принимает свое зависимое положение.

Среди моделей взаимодействия врача и пациента выделяют две наиболее сложившиеся: авторитарную и коллегиальную. Первая модель утверждает абсолютную власть врача в процессе консультации и вопросах лечения, вторая – реализует право пациента на совместное принятие решений, врачом должны учитываться опыт болезни, полученный пациентом, его опасения, ожидания, уровень информированности. Если авторитарная модель строится на принципе доминирования врача над пациентом, то коллегиальная основана на партнерских отношениях и равенстве. При этом иницилирующая коммуникативная роль в каждой модели должна принадлежать врачу, по-своему реализующего основные стратегии медицинского дискурса: диагностическую, лечущую и рекомендующую [Бейлинсон 2001: 7–8]. Изучая стратегии и тактики устного медицинского дискурса, С. В. Майборода приходит к выводу, что в современной медицинской практике используется гибридная модель коммуникации, которая представляет собой синтез авторитарной и коллегиальной модели и отличается варьированием параметров речи [Майборода 2021: 8].

В современных условиях формы общения врача и пациента расширяются, выходя за привычные рамки. Использование компьютерных и телекоммуникационных технологий для обмена медицинской информацией принято называть телемедициной или дистанционной медициной. Актуальными становятся онлайн-консультации, при которых диалог врача и пациента происходит посредством видео или аудиозвонков и сообщений. Появляются интернет-сервисы, позволяющие получить квалифицированный совет врача, не обращаясь в больницу. Согласно федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» дистанционно врач может провести консультацию в целях профилактики заболевания и мониторинга состояния здоровья пациента, оценить эффективность лечебно-диагностических мероприятий, осуществить или рекомендовать запись на очный прием к врачу [Об основах ..., 2011].

В ситуации опосредованного общения речь врача является единственным доступным инструментом клинической помощи. При этом эффективность профессиональной деятельности напрямую зависит от эффективности коммуникации. Попробуем определить особенности речевого поведения врача с позиции его влияния на пациента на материале расшифрованных записей онлайн-консультаций в формате аудиозвонков, проводимых терапевтами сервиса «СберЗдоровье», а также анкетирования пациентов для выявления их оценок эффективности своего диалога с врачом.

Телефонный разговор вне медицинского дискурса является привычной повседневной формой коммуникации, в XXI в. вошедшей в нашу жизнь и обслуживающей как ситуации личного общения, так и делового. Особенностью телефонной коммуникации является то, что ее участники разобщены, а возникающее пространство взаимо-

действия гораздо беднее, чем при живой беседе. С. П. Щербакова отмечает также, что в ситуации телефонного разговора снижается степень эмоциональной вовлеченности [Щербакова 2016: 141]. Критикуя такое общение, Е. И. Жук даже ставит вопрос, возможна ли передача смысла и существование подлинного разговора в телефонной коммуникации [Жук 2018: 44].

Отсутствие зрительного канала определяет главенствующее значение характера речевого звучания и выбираемых языковых средств в организации устного опосредованного общения. Мы предполагаем, что вербальный характер телефонной коммуникации должен обусловить некоторые изменения в организации речевого поведения врача, усилить вербализацию ситуации медицинской консультации, профессионального внимания и эмоциональной вовлеченности консультирующего специалиста.

Говоря о связи между областью человеческой деятельности и формой использования языка, М. М. Бахтин писал, что в каждой сфере деятельности формируется целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся, растущий и усложняющийся по мере ее развития [Бахтин 1997: 97]. В наших записях общение участников медицинского институционального дискурса организуется сложившимися речевыми жанрами. Для собранных нами диалогов характерна следующая жанровая цепочка речи врача: жанр приветствия / знакомства → жанр сбора анамнеза → жанр постановки диагноза → жанр рекомендации → жанр прощания. Проанализируем речевое поведение врачей в рамках выявленных жанров.

Выражения приветствия устанавливают речевой контакт и задают тон всему последующему общению. Все анализируемые нами аудиоконсультации были первым обращением пациентов к сервису, поэтому должны были включать и жанр знакомства. Наиболее успешные, по мнению пациентов, диалоги начинались нейтральными выражениями речевого жанра: *Здравствуйте, дежурный терапевт СберЗдоровья; Здравствуйте / я Любовь Михайловна / врач-терапевт / чем могу вам помочь?*

Нам представляется важным условием установления контакта правильное начало диалога. Врач должен представиться и назвать свою должность. Это послужит подтверждением внимательного, доброжелательного отношения, станет сигналом начала коммуникативного события в рамках статусно-ролевой модели врач – пациент. Когда врачу доступны исключительно устные вербальные сигналы, рамочные жанры должны способствовать доверительному общению и поэтому обычно фиксируются.

Недопустимо игнорирование выражений приветствия и знакомства, что подтверждается неудачей консультации, начавшейся с пренебрежения врача к этим речевым жанрам: П. *Здравствуйте / меня зовут*

Анна – В. Ага / Хорошо меня слышно? – П. Да / я вас хорошо слышу / а вы меня? – В. Да / тоже // Так / слушаю вас / чем могу помочь?

Если знакомство не произошло, пациент с малой вероятностью станет обращаться к врачу по имени-отчеству, хотя Интернет-сервис и сообщает пользователю фамилию, имя, отчество консультирующего врача. Именное обращение является не только этическим правилом, но и средством суггестивного воздействия, которое в данной коммуникативной ситуации предполагает стремление суггестора (врача) ввести суггестируемого (пациента) в определенное психоэмоциональное состояние и побудить к желаемым действиям [Гончаренко 2008: 12]. Обращаясь к врачу по имени-отчеству, пациент актуализирует свое восприятие диалога, как общения со знакомым собеседником, а степень доверия знакомому человеку, безусловно, выше. Использование именного обращения к пациенту врачом служит для выражения эмпатии. Этот простой прием позволяет успешнее вести кооперативный диалог, который направлен на становление и продолжение позитивного взаимодействия.

Единственным методом диагностики и сбора анамнеза при аудиоконсультации становится расспрос больного. Обычно врачи ведут расспрос, двигаясь от открытых вопросов к более закрытым. Примеры открытых вопросов: *Чем могу помочь?; Скажите / пожалуйста / что-нибудь еще беспокоит?* Альтернативные вопросы: *Уточните / пожалуйста / вот этот насморк / он проявляется заложенностью носа / или из него течет слизь?; Скажите / пожалуйста / боль в голове по характеру колющая / режущая / давящая / тянущая или какая-нибудь еще?; Боли постоянные или возникают периодически?* Закрытые вопросы: *Анализы не сдавали?; Так / в настоящий момент не беременны, да?; Ааа вы делали ЭКГ?*

Во время аудиоконсультации врачу следует вербально показывать свое внимание, вдумчивое отношение к каждому ответу пациента. Такими вербальными реакциями могут стать междометия (*угу, ага, да*), указательное *так*, наречие *хорошо*, выражения подтверждения понимания *Понял вас; Я поняла; Понял-понял*. Высказывания, повторяющие реплики пациента, также являются формой подтверждения внимания и помогают резюмировать речевое высказывание пациента, вычленив главную проблему: *П. И я / так сказать / подседа на сосудосуживающие средства для носа // У меня был заложен нос / было / наверно / какое-то воспаление // Вот // И я // Мне ничего не помогало // Но к аллергологу я не обращалась // И начала пользоваться сосудосуживающими / и теперь вроде аллергии нет / но трудно дышать / без них – В. Без них трудно.*

Обобщают речевое высказывание пациента и уточняющие вопросы врача: *Больше в височной области / да?; То есть вы утром кашляете обычно / да?; Цветная / то есть она не прозрачная / да?* Уточняющие вопросы выполняют не только диагностическую функ-

цию, но и работают на создание доверительных отношений, показывая пациенту внимание врача ко всем деталям его проблемы: *А в виде чего / не уточните / насморка или?; А после чего это началось / не припомните? Может быть / переболели какой-нибудь вирусной инфекцией / какой-нибудь простудой?*

Ответом на жалобу или на описание симптома могут стать утешающие реплики: *Конечно / проконсультируем / подскажем; Сейчас разберемся.*

Формулы вежливости выполняют этикетную функцию и демонстрируют внимательное отношение врача. Но избыточное употребление одной конструкции может сыграть противоположную роль, сформировать у пациента чувство механической работы специалиста, собственной обезличенности в сознании консультирующего врача, тем самым снизив уровень доверия к нему. В одном из записанных нами диалогов врач практически каждый вопрос начинал одной формулой: *Скажите / пожалуйста / боль куда-нибудь отдает?; Скажите / пожалуйста / головные боли локализуются в какой области головы?; Скажите / пожалуйста / по интенсивности головная боль от 1 до 10 / как можете оценить?; Скажите / пожалуйста / боли постоянные или возникают периодически?* Такое большое количество вопросов, заданных механически, способно вызвать раздражение пациента, особенно, если он не понимает логику вопросов, считает их не связанными с его проблемой.

Негативно оценивались и долгие паузы в речи врача. Когда отсутствуют невербальные средства общения, только речь может создавать и сохранять контакт. Следует также избегать протяжных звуков: *Нуу / такие препараты / которые содержат кофеин в своем составе / цитрамон / тот же самый; Просто / ааа / такие симптомы могут быть как при неврологической патологии / так и могут быть вызваны тем / что у вас сначала повышается давление / а затем уже появляется головная боль; Эмм / лучше / для того чтобы безопасно понизить давление / это соблюдать покой / ммм / проветрить помещение / то есть открыть доступ к свежему воздуху.* Подобная речь расценивается пациентами как речь недостаточно квалифицированного специалиста.

Жанр постановки диагноза в онлайн-консультациях редуцирован: *Вот / ну / это у вас называется медикаментозный ринит.* Часто врачу не хватает методов диагностики заболевания у невидимого ему пациента, чтобы с большей уверенностью определить проблему. Специалист может назвать несколько возможных причин, объясняющих симптомы: *Просто / ааа / такие симптомы могут быть как при неврологической патологии / так и могут быть наоборот вызваны тем / что у вас сначала повышается давление / а затем уже появляется головная боль // То есть если у вас есть внутричерепное давление; Смотрите / вот для выяснения причины этого может быть исследо-*

вано / во-первых / рентгенологическое исследование проведено пазух носа и перегородки носовой // Она после перелома могла получить искривление / и это могло вызвать вот такое нарушение оттока слизи и вследствие этого вот такие неприятные ощущения по утрам // Это первый момент // Второй момент / иногда бывает так / что вот такая утренняя заложенность / она сохраняется после длительного использования каких-то средств от насморка // И еще вот / такая длительная заложенность носа / она может быть связана с / скажем так / неоптимальными условиями сна. И предлагает записаться на очный прием к врачу нужной специальности: Периодически измерять давление / я бы посоветовала / а также проконсультроваться с неврологом; То есть здесь алгоритм такой // Обращаетесь к ЛОР-врачу.

Установив проблему, врачи сразу переходят к рекомендациям: Появление надувания вен и головной боли / ну / их сочетания // Первая причина / самая частая / это артериальная гипертензия // Учитывая мужской пол и возраст 35 лет / вам необходимо сейчас начать вести дневник давления / хотя бы в течение недели – двух // Если вы будете замечать цифру около 150 / выше 140 / это уже серьезно / вам нужно будет обратиться к врачу кардиологу / пройти обследование / и врач назначит вам постоянную терапию артериальной гипертензии // Это / скорее всего / будет один препарат / самый легкий / тот же ингибитор АПФ // Вы будете его принимать / и данные жалобы уйдут.

В записанных нами консультациях специалисты крайне редко используют привычную для речи врача императивную форму. В заочных консультациях врач обычно более осторожен **Попробуйте** промывать вот этим раствором. Вместо повелительного наклонения используются глаголы 2-го лица множественного числа настоящего времени: обращаетесь к лор-врачу; описываете все вот то же самое; промываете вот таким раствором нос и дальше смотрите / как он себя будет вести в течение дня / и как он будет вести себя на следующий день; перестаете ими пользоваться. Самыми частотными стали инфинитивные конструкции с предшествующими словами: необходимо; можете; можно; нужно; лучше; я бы посоветовала; можно посоветовать; рекомендуется; стоит; будет нелишнее; главное вам; придется. На наш взгляд, такое выражение врачебного совета отражает тенденцию к выстраиванию партнерских отношений между врачом и пациентом, при которых статусное и коммуникативное неравноправие сглаживается. Эксплицировать врачебный совет помогают выражения организации мысли: здесь такой алгоритм; во-первых; во-вторых; сначала; затем; номер один; смотрите / что еще здесь необходимо; еще можно посоветовать; вот это вот самое полезное.

Двигаясь от жанра рекомендации к жанру прощания, врач может уточнить наличие нерешенных вопросов, непроработанных жалоб, лакун в восприятии речи врача пациентом: Вопросы какие-то у

вас остались?; Я могу чем-нибудь ещё помочь?; Больше вопросов нет? Первые два примера представляются нам более удачными, так как эти вопросы являются открытыми и побуждают пациента вспомнить, что еще он хотел обсудить на консультации. Последний вопрос носит закрытый характер, призывает к отрицательному ответу. Важно отметить, что приведенные примеры соответствуют логике развития консультации, указывают на ее завершение. Приведем другой пример, в котором врач после постановки диагноза и рекомендации возвращается к жанру расспроса: *На постоянной основе какие-то лекарства принимаете?; А вредные привычки у вас есть?* Подобные вопросы, нарушая жанровую цепочку, могут вызвать недоверие пациента к уже полученным рекомендациям.

Прощание – важная этикетная часть общения. Завершая разговор, врач должен оказать пациенту эмоциональную коммуникативную поддержку, настроить на скорейшее выздоровление. Жанр прощания реализуется дискурсивной формулой: *До свидания / будьте здоровы.* И ее вариантами: *Здоровья вам / до свидания; Ладно / тогда всего доброго / до свидания.* Пожелание здоровья в данной коммуникативной ситуации играет не только этикетную роль, а в большей степени выполняет суггестивную функцию.

В записанных диалогах кроме аутентичных речевых жанров медицинского дискурса нами были обнаружены и комплементарные, дополняющие данный институциональный дискурс, но не составляющие ядро обязательных жанров [Пономаренко 2019: 107], такие как похвала (*хорошо / что вы хотя бы вспоминаете об этом и делаете*), утешение (*ничего особенно страшного в этом нет*), убеждение (*К сожалению / самый оптимальный вариант / это промывание по-прежнему соляными растворами // Единственное / что если вы раньше промывали растворами / ну / скажем / нормальными / то вы можете вот на этот раз попробовать растворы сделать чуть покрепче; П. Скажите вот доктор / а почему тогда вот когда просто просыпался ночью / вены надувались / это вот может быть с этой второй причиной связано? Может какое-то нервное напряжение? – В. Это связано может быть с артериальной гипертензией // Пока вы ее не исключите что-то другое искать // Вы понимаете / есть правило / что частые причины встречаются часто / редкие редко // То есть искать сейчас какую-нибудь опухоль мозга / допустим / которой у вас нету ни симптомов / ни возраст не предполагает / ни анамнез / ничего / сейчас не имеет смысла // Сейчас нужно исключить самую возможно очевидную причину / то есть артериальную гипертензию // Для этого пока может быть достаточно просто ведения дневника).*

Являясь инструментами воздействия, эти жанры дополняют коммуникацию, делают общение врача и пациента более персонализированным. В большинстве случаев использование этих жанров является удачным приемом достижения комплаенса (согласия, терапев-

тического альянса), при котором врач и пациент способны продуктивно сотрудничать, что гарантирует выполнение пациентом рекомендаций врача, повышает эффективность лечения [Асриян 2016: 93].

Среди жанров, которые могут навредить успеху коммуникации, может оказаться и жанр жалобы. Этот жанр, характерный для речи пациента, является экстернальным, невозможным в данном типе дискурса [Пономаренко 2019: 107] для речи врача. Рассмотрим фрагмент диалога: В. *У меня самой насморк – П. Да / да / я слышу // А как вы боретесь?* – В. *Эмм / да тоже сосудосуживающие капаю до поры до времени // Честно / никак не борюсь // Вот вам рекомендую / а сама нет.* Мы видим, как использование жанра жалобы в речи врача способно дискредитировать врачебный совет. Происходит нарушение статусно-ролевой модели институциональных жанров, что лишает врача статуса, заложенного в ней лидера общения и профессионала в медицине.

Чтобы обеспечить успех коммуникации, речь врача должна быть инициативной. Пациенты, не пожелавшие больше работать с консультировавшим их специалистом, в анкетах, которые им предлагалось заполнить сразу после онлайн-консультации, отметили следующие недостатки коммуникации: *«Врач не представился; паузы, неуверенность»; «Врач был не заинтересован в общении со мной. Большие паузы во время разговора».* Как мы видим, именно пассивность в общении является одной из основных причин низкой оценки врача как профессионала.

Опираясь на выделенные О. В. Лунёвой базовые функции коммуникативной инициативы [Позитивная ..., 2020: 68–72], рассмотрим их применительно к речевому поведению врача. Контакт-устанавливающая функция коммуникативной инициативы связана с социальным воздействием, которое настраивает пациента на общение в условиях медицинской консультации. Эмоционально-экспрессивная функция предполагает оказание эмоциональной поддержки пациенту, регулятивная – контроль за развитием диагностической стратегии. Информативно-ориентирующая и директивно-прескриптивная функции реализуются в рекомендующей стратегии. Использование коммуникативной инициативы в оценочной и презентационной функциях может дополнять диалог, например, если врач хвалит пациента или, при необходимости, говорит о своем профессиональном опыте. Как мы видим, на каждом этапе общения врача и пациента коммуникативная инициатива обязательна для «жизни» и развития аудиоконсультации.

Однако причины проявления инициативы различны по своей природе и не всегда ориентированы на поддержание кооперативного диалога. О. В. Лунёва отмечает, что инициатор общения может стремиться продемонстрировать как альтероцентричное поведение, направленное на создание благоприятной ситуации общения, так и

свое профессиональное или личностное доминирование, которое не способствует позитивной коммуникации [Позитивная ..., 2020: 61]. В ходе успешных консультаций реплики врача показывают его заинтересованное и уважительное отношение к пережитому пациентом опыту болезни и лечения: *Кроме промывания соляными растворами / которое вы уже пробовали без особенного эффекта / промывали же / да? Такое говорилось // Эффекта особенного нет / да?* В неудачных консультациях встречаем реплики врача с негативной оценкой, например, констатация недостаточной информированности пациента: *Ну / от капель ничего не будет // Вы что?*

Неудаче диалога также способствовало неумение врача внимательно слушать пациента, работать с его переживаниями. В анкетах пациентов: *«Нужно было спрашивать несколько раз, чтобы получить ответ. Врач не очень реагировала на мои переживания и страхи, не старалась успокоить»*. Приведем в пример часть диалога из этой консультации: П. *Ну / гормональные препараты звучит как что-то страшное такое / нет?* – В. *Гормональные препараты // Ну они // Только вот они помогут // То есть их использовать в течение семи дней*. На наш взгляд, это обратная сторона иницирующей роли, когда врачу тяжело выйти за рамки аутентичных жанров, позволить пациенту участвовать в диалоге на равных. После разговора с врачом пациенту должно стать легче. Но, не получив ответы на волнующие вопросы, пациент остается недоволен консультацией. Подобное речевое поведение врача может восприниматься как некомпетентность или грубость.

Интересно отметить, что врач редко регулирует передачу инициативы. Обычно такая мена коммуникативных ролей происходит при нулевой номинации, т. е. благодаря активным действиям коммуниканта, самостоятельно перехватившего инициативу [Позитивная ..., 2020: 79]. Подобные примеры мы встречаем как в успешных, так и в неудачных консультациях: *Смотрите / может быть / вот это началось год-полтора назад / да? // А где-то полгода назад я вот переболел что-то вроде синусита / по-моему даже так врач и ставил / это когда из носа / такая коричневая жидкость потом выливалась / типа гноя / ну в большом огромном количестве / но я довольно быстро вылечился / там за недельку-полторы / ну как начал лечение / да / Поэтому не знаю // Может быть это последствия уже – В. Угу / Да / может быть это даже и связано // Может быть здесь имеется хронический синусит какой-то; П. А еще хотела спросить // Ну / мне просто всякие ужасы понарасказывали на самом деле // И я из-за этого очень переживаю // Ну / там у кого-то рак обнаружился // Что / вот постоянно нос заложен / потом пошли / а там рак // Или что потом тоже подсели на эти капли / и потом начали там кровью что-то из носа // Ну всяких ужасов слушала – В. Ну / в любом случае / если / эм / чувствуете / да / эм / как*

сказать / какие-то симптомы / да / опасения / можно сделать / эм / из полезного исследования только рентген носовых пазух для исключения именно синусита / исключения гайморита // Вот это вот самое полезное при долгой заложенности носа // Но нос-то периодически дышит на каплях / верно? <...> Вот // С другой стороны / вот он при выделении из носа / если они белые и незначительные / тогда ничего страшного. В записанных нами аудиоконсультациях взятие инициативы пациентом и ответная реакция врача сохраняют кооперацию между коммуникантами. Это может свидетельствовать о том, что даже если врач хочет использовать коллегиальную модель общения, часто в его речевом арсенале не хватает инструментов делегирования инициативы.

Таким образом, можно заключить, что даже в ситуации опосредованного общения после диалога с врачом у пациента формируется представление об уровне профессионализма врача, в данной ситуации основанное исключительно на речевом поведении консультирующего специалиста. Профессия врача всегда была одной из самых лингвоактивных, но в режиме телемедицины речь является единственной формой взаимодействия. Для достижения успеха аудиоконсультации врачу необходимо соблюдать последовательность цепочки аутентичных жанров, а также уметь эффективно использовать комплементарные жанры, соблюдать определенные нормативные и композиционно-стилистические формы каждого жанра, сохранять инициативность речи, при этом уступая пациенту в тех ситуациях, когда тот хочет озвучить еще не решенные вопросы или свои опасения, давать вербальную реакцию на жалобы пациента, его сомнения и переживания. Нужно избегать экстернальных жанров, разрушающих гармонию институционального общения, долгих пауз, растянутого произнесения звуков. Наши наблюдения, конечно, недостаточны для исчерпывающего заключения. Но очевидно, что компетентное знание особенностей речевого воздействия играет очень большую роль в эффективности работы врача, и в режиме телемедицины его значение усиливается.

ГЛАВА 3. ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ

3.1. Вводная к главе (О. Б. Сиротинина)

Для сферы делового общения характерна самая многовариантная коммуникация. В ней имеется огромное количество вариантов, как правило, она почти во всех своих вариантах гибридная. Чаще всего профессионалом является только основной адресант, а адресат или все население страны (законодательная разновидность), или вообще неизвестен (особенно в интернет-общении), или это все члены какой-то корпорации (внутривузовская разновидность и аналогичная ей какому-либо научного института, а также фирмы, ЖСК, многоквартирного дома и т. д.), где могут быть как носители официально-делового стиля, так и публицистического (журналистского) и даже разговорного, а иногда и нелитературных вариантов.

Чаще всего при этом создается гибридная коммуникация, носитель деловой речи только основной адресант, а адресат может быть носителем любого другого функционального стиля, но тоже участник коммуникации, нередко выступающий и в роли адресанта.

Единственная разновидность, в которой адресант всегда один и является (должен быть) носителем официально-делового стиля составляет законодательная разновидность, как правило, в основном в письменной форме (законы и указы, корпоративные приказы). В устной форме речи в наше время возможно только их устное воспроизведение в ответах на вопрос адресата (см. о специфике этой разновидности в [Сиротинина 2019с]).

Таким образом, гибридность и корпоративность становятся главными факторами, влияющими на особенности в достижении эффективности всех вариантов деловой коммуникации.

В некоторых вариантах корпоративной коммуникации (еще типичнее это для сферы СМИ и научно-популярной разновидности научной сферы общения) гибридность свойственна и речи основного адресанта, особенно при адаптации к возможностям понимания его речи адресатом.

Во второй книге коллективной монографии представлены в соответствующих параграфах только некоторые варианты корпоративных коммуникаций (одни – с анализом обучающей речи в корпорации юридического вуза, другие – в корпорациях бизнес-фирм, и две – внутривузовские разновидности).

Только в законодательной разновидности с использованием официально-делового, функционально-стилевого литературного русского языка в речи адресанта, адресат этой речи, во-первых, все население страны или члены какой-либо корпорации и потому гибриден (в Интернете СМИ может быть носителем научной речи или художественной, во-вторых, он очень редко в своей речи является носителем

того же функционального стиля, что у основного адресанта, в третьих, адресант и адресат редко являются профессионалами в данной области знания. Как правило, адресант таковым не является. В сфере научной речи в основном гибриды только учебная и научно-популярная разновидности, а в СМИ теперь уже, по мнению Н.И. Клушиной, вообще не соблюдаются нормы, это не литературный, а медийный язык [Клушина 2018].

В деловом общении огромную роль играет тип корпоративной речи (внутривузовская или близкая к ней внутри научного института, банка, ЖКХ и т. д.), внутри корпорации возможно и даже преобладает использование одного и того же функционального стиля разными участниками коммуникации, за пределами одной корпорации это редкость: большинство деловых коммуникаций гибридно к многовариантности

В данной главе будут представлены только параграфы о юридической консультации внутривузовской разновидности делового общения, медицинская коммуникация рассмотрена как гибридная в сфере научной речи и собственно внутривузовское общение руководителя и подчиненных.

В законодательной разновидности используется фактически только письменная ее форма. Адресат – все население страны или региона, адаптация к нему фактически невозможна, так как он неизвестен адресанту, но он должен учитывать расположение страны или региона, климат и ландшафты (горы, река, море, лес и т. д.).

В корпоративной коммуникации все варианты гибриды и очень разнообразны. Во всех вариантах корпоративной разновидности очень многое зависит от особенностей корпорации: тот или иной вуз, научный институт, вид базовой компании, какого-либо союза, уровня управления (российского, регионального, муниципального и т. д.), но все корпоративные организации гибриды и по участникам коммуникации, и ее формам (сейчас всюду огромную роль играет интернет-общение).

Во внутривузовской коммуникации она гибридна с собственно-научной и учебной разновидностями у адресанта, а у адресата еще и с парциальной и у того, и другого – возможна и письменная, и устная как основная, а сейчас и интернет-форма общения.

В нашей монографии представлены в параграфах только варианты президентской пресс-конференции, внутривузовской учебной коммуникации юридической академии и бизнес-компаний, расположенных в разных городах и потому осуществляющей общение в устной форме, но через Интернет, и 2 параграфа чисто деловой внутривузовской гибридной с неофициальной речью коммуникации.

3.2 Эффективность речевой коммуникации в президентском медиадискурсе и средства её достижения (Т. С. Боц)

С развитием информационных технологий и расширением сферы СМИ жанр публичного диалога претерпевает изменения, появляются его разновидности (беседа за круглым столом, политическое ток-шоу, «прямая линия» с президентом и др.).

Л. Берлин и А. Фетцер считают, что «политический диалог в СМИ представляет собой сложное явление, обладающее характеристиками институционального дискурса, медийного дискурса и опосредованного политического дискурса» [Berlin, Fetzer 2012: 6]. Авторы отмечают, что политический диалог отличается от бытового диалога, подчиняясь институциональным целям и регламенту. Политический диалог является публичным дискурсом, адресованным массовой аудитории. В результате смешения новых медийных форм и / или демократических и интерактивных процессов, обнаруживаются отклонения от ожидаемого хода политического диалога, когда члены аудитории берут на себя роль интервьюера и задают политику вопросы. Это происходит или напрямую, или опосредованно при помощи профессионального журналиста [Berlin, Fetzer 2012: 8].

Интервью с главой государства (и пресс-конференция как его разновидность) служат медийной площадкой общения президента с массовым адресатом. Президент подводит итоги и отвечает на вопросы, организуя свою речь таким образом, чтобы оказать воздействие на аудиторию и упрочить доверие граждан. Эффективному достижению этих коммуникативных задач способствует построение речи с учетом социальных, профессиональных, и, по возможности, индивидуальных особенностей адресата.

Учет адресата является одной из наиболее важных составляющих эффективной коммуникации как устной, так и письменной [Сиротинина 2018б: 61]. В ставшей уже классикой работе «Фактор адресата» Н. Д. Арутюнова утверждает, что «всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата», а «обработка речи происходит под давлением адресата», хотя «и многое дурное в языке стимулировано адресатом» [Арутюнова 1981: 357–359].

Понятие и роль адресата стали тематической основой монографии [Эффективность ..., 2019]. Авторы разработали «кодекс» поведения адресанта по отношению к адресату, включающий, к примеру, необходимость заботиться о понимании адресатом вопроса и учитывать различия в возможностях восприятия адресатом разных форм речи [Эффективность ..., 2019: 109]. Думается, эти параметры соответствуют понятию коммуникативной адаптации. В коллективной монографии [Позитивная ..., 2020] под общей редакцией профессора О. А. Леонтович раскрываются элементы коммуникативного поведения, составляющие основу эффективного межличностного общения.

Дифференцирующей особенностью термина *позитивная коммуникация*, в отличие от терминов *успешная коммуникация* и *эффективная коммуникация*, являются «конструктивность, окрашенность положительными эмоциями и эффективность, проявляющаяся в том, что она приносит удовлетворение всем участникам интеракции» [Позитивная ..., 2020: 19]. Особую роль среди конститутивных признаков позитивной коммуникации, на наш взгляд, играет способность говорящего к коммуникативной адаптации, «которая означает приспособление, детерминированное возрастом, гендерной принадлежностью, социальным статусом и культурной идентичностью партнера по коммуникации» [Позитивная ..., 2020: 21]. Способность к коммуникативной адаптации является важным навыком межличностного общения при обращении говорящего к разным типам адресата. Умение адаптироваться к адресату особенно важно для эффективной коммуникации представителей институционального дискурса (преподавателей и учителей, политических деятелей, медицинских работников), где необходимо найти подход к разным представителям общества и убедить их в чем-либо. Говоря о необходимом уровне коммуникативной компетентности для руководителей власти, М. А. Кормилицына и О. Б. Сиротина отмечают важность умения «общаться с малознакомыми людьми в непосредственном контакте и придавать этому общению как можно более непринужденный, персонально адресованный характер» [Кормилицына, Сиротина 2003: 14].

Совместные речевые действия адресанта и адресата формируют коммуникативное единство, сопровождаемое общим “конвоем” [Николаева 2015: 16], под которым в современной лингвистике понимается очень широкое значение: «не военное, не только контекстное, но и экстралингвистическое (кто, кому, зачем, в каких случаях)» [Сиротина 2016: 11].

От того, как адресат проявит себя «в условиях коммуникативного творчества» [Логинов 2009: 49], зависит успешность коммуникации. Однако, по мнению Е. В. Сидорова, роль адресата не ограничивается его непосредственным участием в акте речевой коммуникации. Ещё более значима роль адресата в «согласовании <...> коммуникативной деятельности говорящего с образом коммуникативной деятельности адресата (и его личности) в целом и с образами ее отдельных составляющих» [Сидоров 2009: 54]. К числу этих составляющих автор относит способность речевосприятия, психическое состояние, преследуемые при восприятии текста цели, возраст, социальный статус, половую принадлежность, знание языка, ценностные ориентиры, когнитивную базу, стереотипы восприятия, коммуникативный и жизненный опыт и другие, «в той степени, в какой эти и другие свойства реципиента могут быть известными или предполагаемыми говорящим» [Сидоров 2009: 54].

«Образ адресата» коррелирует с типологией адресата, предложенной О. Б. Сиротининой:

1. Персональный адресат – виден адресанту, известна степень его компетентности, то есть способности восприятия обращенной к нему речи;

2. Публичный адресат – виден адресанту, в достаточной мере известна степень его компетентности;

3. Массовый адресат – не виден адресанту, невозможно прогнозировать его компетентность [Сиротинина 2018б: 61–62].

Как нам видится, предложенная типология адресата основана на принципе «коммуникативной дистанции», то есть «показателе территориальности в общении, передаваемом с помощью языка, невербальных средств и коммуникативных стратегий» [Леонтович 2003: 384].

По мнению О. Б. Сиротининой, в современных ток-шоу присутствуют «два массовых адресата: массовый за пределами студии и массово-публичный, присутствующий в студии и реагирующий на высказывания участников ток-шоу аплодисментами» [Сиротинина 2018б: 62].

Президент, как центральная политическая фигура, оказывает влияние и на жанровую составляющую политического дискурса. М. В. Гаврилова отмечает, что «с приходом к власти В. В. Путина в политическом дискурсе расширился жанровый диапазон и частотность выступлений лидера страны» [Гаврилова 2004: 20], а также что «в дискурсивной практике президента наблюдается тенденция к увеличению количества новых жанров, призванных удовлетворить возросшие потребности информационного общества, тенденция к диалогическому открытому общению с гражданами страны, открытость для прессы» [Гаврилова 2004: 24]. Однако развитие жанрового разнообразия политического дискурса зависит не только от коммуникативно-прагматических потребностей главы государства. Жанрообразующим фактором становится информационно-коммуникационная среда. Помимо этого, существенную роль играют факторы внеязыковой действительности. В 2020 году таким глобальным социальным фактором стала пандемия коронавирусной инфекции, послужившая причиной социального дистанцирования и всеобщей цифровизации межличностного общения. Это уникальное общественное явление затронуло и сферу публичного политического дискурса.

Рассмотрим трансформационные преобразования жанра на примере пресс-конференции с президентом. Традиционный формат пресс-конференции Е. И. Шейгал относит к жанрам политической коммуникации на основании признака институциональности и определяет ее как «статусно-индексальное общение на уровне "политик-граждане" через масс-медиа в качестве медиатора» [Шейгал 2000: 314]. Отметим, что за прошедшие 20 лет посредничество масс-медиа ещё более усилилось с развитием информационных технологий и играет ключевую роль в воздействии на массового адресата.

Вследствие сложной эпидемиологической ситуации в мире, ежегодная пресс-конференция В. В. Путина состоялась 17 декабря 2020 года в формате онлайн-конференции, участниками которой стали представители столичных и региональных СМИ. Помимо этого, президенту были переданы распечатанные тексты с обращениями конкретных граждан страны, присланными на сайт <https://moskva-putinu.ru> и через мобильное приложение «Москва – Путину». Тексты обращений В. В. Путин лично зачитывал в ходе пресс-конференции. Таким образом, в пресс-конференции В. В. Путина 2020 года можно выделить несколько типов адресата в зависимости от социального статуса и канала общения:

- журналисты кремлевского пула, присутствующие в студии лично;
- журналисты из регионов страны, участвующие в коммуникации посредством аудиовизуального канала (телемост);
- граждане страны, адресовавшие свой вопрос президенту посредством сайта или мобильного приложения;
- неперсонифицированный массовый адресат.

В этой связи есть основание полагать, что в зависимости от автора вопроса фокус внимания президента смещается и обуславливает использование в речи различных способов и средств аргументации для более эффективного воздействия.

В исследовании, посвященном изучению речи президентов В. В. Путина и Б. Обамы на материале ответных реплик на критические высказывания в рамках диалогического общения, был сделан вывод, что в зависимости от источника критического высказывания В. В. Путин избирает различные способы реагирования. Определяющим критерием становится дихотомия «свой-чужой», и чем дальше от круга доверия находится субъект критики, тем интенсивнее в речи президента проявляются элементы противостояния и борьбы. В тех случаях, когда критика исходит от представителя иностранного государства, она воспринимается как угроза извне и требует более эмоциональной реакции со стороны главы государства, способной оказать воздействие на аудиторию. Критика со стороны «внутренних» оппонентов воспринимается президентом как повод для аргументированной манифестации действий по устранению критикуемых явлений [Боц 2021: 88].

Вернемся к анализу записи ежегодной пресс-конференции 2020 года. Уже в начале пресс-конференции в речи В. В. Путина прослеживается ориентированность на массового адресата. Так, в начале пресс-конференции во вступительном слове президента содержится оценка мероприятия, которое носит разъяснительный характер: *В этой связи хочу ещё раз сказать, что и сегодняшнее наше мероприятие крайне важно, потому что даёт нам огромный поток информации со всех регионов страны, когда мы можем посмотреть, что и как делается*

в конкретном регионе Российской Федерации и соответствующим образом отреагировать, скорректировать наши действия.

По мнению О. Н. Паршиной, подобная «интерпретация политиком реалий действительности часто направлена на нейтрализацию негативного представления адресата» [Паршина 2007: 82]. Оценивая коммуникативное событие, президент реализует в речи тактику разъяснения и тактику указания на перспективу (по терминологии О. Н. Паршиной), предугадывая тем самым вопрос массового адресата о смысле проведения подобных мероприятий. Усиление воздействия на адресат происходит при помощи лексических средств интенсификации (*крайне важно, огромный поток*), а также приема восходящей градации, образованной однородным рядом сказуемых (*посмотреть – отреагировать – скорректировать*).

Президент намеренно использует в своей речи оценочные суждения, предугадывая тем самым эмоциональный настрой массового адресата и демонстрируя понимание его ожиданий: *Я воспользуюсь подсказками (я не хочу утыкаться в цифры, потому что это всегда скучно и тоску наводит), тем не менее что у нас получилось.*

Президент будто бы заранее соглашается с аудиторией в том, что перечисление статистических данных *скучно и тоску наводит*, поэтому он не собирается *утыкаться* в цифры. Просторечное *утыкаться* явно выбивается из общего стилистического фона речи В. В. Путина, свидетельствует об интенциональной направленности на массового адресата. В этом вкраплении элементов разговорного стиля и просторечия в официально-деловую речь проявляется процесс стилистической контаминации, которая представляет собой «смешение, некий сплав высокого и сниженного, старого и нового, разрешенного и запрещенного, официального и неофициального, публичного и обиходно-бытового, устного и письменного общения» [Кормилицына 2015: 24]. Использование лексики разговорного стиля в данном примере служит прагматической цели найти эмоциональные точки соприкосновения с массовым адресатом с самого начала своего публичного выступления.

Попытка президента избежать скучного монотонного повествования и речевая манифестация этого намерения в рассмотренном выше примере являются отражением одной из основополагающих конвенций медийного дискурса – развлекать аудиторию [Карасик 2017: 222], которая распространяется и на сферу медийно-политического дискурса. В рассматриваемой пресс-конференции В. В. Путина от 17 декабря 2020 года одним из признаков развлекательности служит социальный и тематический калейдоскоп, призванный как можно более полно отразить жизнь государства во всем ее многообразии. Возможность задать вопрос президенту получают представители различных социальных групп – журналист кремлевского пула и региональные СМИ, иностранное информационное агентство, ребенок, пенсионер, медийная личность (Сергей Шнуров) и др., а разнообразие тем

регулируется пресс-секретарем президента и охватывает целый ряд вопросов – от злободневных и провокационных (вопрос об отравлении А. Навального, присоединении Крыма) до традиционных финансовых (уровень зарплат в регионах, ценовая политика в стране и т. д.).

Президент стремится создать благоприятный эмоциональный фон и предотвратить возможные отрицательные эмоции массового адресата. Этой коммуникативной интенцией обусловлен и следующий стилистический прием отступления, которым В. В. Путин старается показать, что понимает проблемы страны и видит возможные пути их решения: *Реальная заработная плата (прошу сразу граждан на меня не сердиться, то, что я сейчас скажу, не соответствует ощущениям, с которыми люди сталкиваются в реальной жизни, тем не менее это усреднённая цифра, мы должны тоже на неё ориентироваться), реальная заработная плата, надеюсь, подрастёт у нас до конца года где-то на 1,5 процента, к сожалению, при падении реальных располагаемых доходов населения.*

Отступление представляет собой обращение к массовому адресату и начинается с перформатива *прошу*, вводящего развернутую оправдательную реплику. Президент отдает себе отчет в том, что вопрос зарплат очень чувствителен для граждан, и заранее пытается не допустить ответной отрицательной реакции с их стороны.

Анализ записи текста пресс-конференции от 17 декабря 2020 года позволил выделить традиционные лексические и синтаксические элементы его речевого портрета. Например, среди средств реализации В. В. Путиным стратегии удержания власти (по терминологии О. Н. Паршиной), т. е. внимания адресата, можно выделить использование эмоционального потенциала местоимений. Так, личное местоимение 2 лица единственного числа в именительном и косвенном падежах используется для актуализации тактики солидаризации и единения: *Мы выиграли это время; <...> мы построили 40 центров; <...> при всём огромном количестве проблем, с которыми мы столкнулись, а проблем море, мы, безусловно, будем сегодня говорить об этом, мы ради этого и собрались; У нас промышленное производство «подсело» на 3 процента к данному моменту. Главным образом за счёт нефти, потому что у нас сделка ОПЕК+, мы вышли на сокращение добычи, и это повлияло на общие наши показатели.* Таким образом, «мы»-высказывания (по терминологии М. А. Кормилицыной) позволяют президенту демонстрировать общность интересов, своих и граждан страны, создавать атмосферу содействия и союзничества.

Другим частотным местоимением в речи В. В. Путина является определительное местоимение *все*, которое нередко употребляется в сочетании с местоимением *мы*: *Конечно, этот год связан с проблемой, которая у всех на устах, перед глазами стоит и которая всех нас беспокоит, – это пандемия коронавирусной инфекции; То, что мы все видели, – работа волонтеров, работа медиков, которым ещё раз*

низкий поклон и благодарность; Конечно, мы все будем поднимать тосты за своих близких, за свою семью, за своих друзей, за коллег.

В некоторых типах письменных текстов, например, в дневниковых записях, употребление определительных местоимений «усиливает модусную составляющую смысла текста, служит выражению состояния эмоционального напряжения» [Мякшева 2015: 293]. Приведенные же выше примеры показывают, что в речи президента местоимение *все* выполняет функцию усиления и акцентирования его общности с народом. В сложный для страны период, каким стала пандемия, в связи с введением социальных ограничений главе государства особенно важно показать близость к народу и сопричастность происходящему, и местоимение *все* способствует реализации этой коммуникативной задачи.

Одной из наиболее ярких характеристик речи В. В. Путина являются фразеологизмы и национально-прецедентные феномены, «известные любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу» [Красных 2003: 174]. Приведем примеры: *И я всегда говорил и хочу повторить: мы с грязной водой никогда не должны выплёскивать ребёнка. Мы должны чувствовать, что мы не Ивановы, как у нас говорят, без имени и племени; В каждой среде есть разные люди, в семье не без урода; Обратитесь к известным фильмам, классике советского кино, когда при падении секции батареи на ногу нужно говорить «редиска», а не употреблять ненормативную лексику; Хочется сказать словами кота Леопольда из одного из наших мультфильмов: «Ребята, давайте жить дружно!»* Данные выразительные средства функционируют в речи президента как одно из средств апелляции к когнитивной базе массовой аудитории. Под когнитивной базой здесь понимается «определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества» [Гудков 2008: 405].

Заслуживают внимания такие синтаксические средства выразительности в речи президента, как риторические вопросы (*Ну что теперь сделать?; Так кто белый и пушистый, а кто агрессивный?*) и различные типы вопросно-ответных единств (*Почему я об этом говорю? Потому что на этой анимации воспитываются целые поколения наших детей*). В публицистических текстах подобные средства служат реализации цели «сделать читателя активным участником обсуждения проблемы, ее оценки и принятия решения» [Кормилицына 2015: 26]. В президентском медиадискурсе они способствуют актуализации внимания слушателей, транслированию эмоционального состояния адресанта и солидаризации с его массовым адресатом. Наибольшим эмоциональным потенциалом, на наш взгляд, обладает прием нанизывания вопросов. Показателен в этом отношении следующий пример: *Нам что делать-то? Я не хочу Вам этого вопроса задавать, но нам*

что делать в этой связи? Оставить всё как есть? Значит, вы как страна НАТО будете над нами летать и всё передавать американским партнёрам, а мы такой возможности будем лишены в отношении американской территории? Вы же умные люди, почему вы считаете, что мы придурки? Почему вы считаете, что мы не можем такие элементарные вещи анализировать и смотреть на них?

Стоит пояснить, что подобная эмоциональная реакция президента была вызвана провокационным вопросом британского журналиста. Провокация, по мнению О. С. Иссерс, «побуждает партнера к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия» [Иссерс 2009: 95]. В череде вопросов проявляется эмоциональное возбуждение и негодование, президент даже позволяет себе сниженную лексику (*придурки*), что можно было бы считать «нежелательными последствиями». Однако тот факт, что фраза *Вы же умные люди, почему вы считаете, что мы придурки?* получила широкий отклик в публикациях СМИ и вошла в копилку «путинизмов», свидетельствует об успешности в получении дополнительного канала воздействия на массового адресата. Подтверждение находим в словах В. И. Карасика: «внешняя коммуникативная деятельность в наши дни неизбежно приобретает характеристики развлекательного шоу и смыкается с медийным дискурсом» [Карасик 2017: 221], тем более, что в данном случае она распространяется через СМИ.

Другой отличительной характеристикой публичного общения В. В. Путина с представителями СМИ можно считать обращение к журналисту по краткой форме имени при ответе на вопрос. С одной стороны, это может расцениваться как демонстрация главенствующего положения в коммуникации, а с другой – как знак дружелюбия и приближенности к СМИ (*За то, что Вы обратили на это внимание, Саша, Вам большое спасибо; Смотрите, Лена, здесь нужно эту проблему разделить на две части; Вполне закономерный вопрос, Катя, из Екатеринбурга, имея в виду, что Екатеринбург, вообще Урал – это крупный промышленный центр страны*). В этом прослеживается попытка приблизиться к речевому жанру *разговор по душам*, отражающему основные ценности русской лингвокультуры [Дементьев 2013].

Эти ценности закреплены в идиоматических выражениях русского языка, сокровищнице народной мудрости, и включают дружеское, доброе общение, в основе которого лежит равное положение собеседников. Равенство является предпосылкой доверительных отношений, в которых непременно присутствует искренность, которая часто выступает синонимом правды [Балашова 2003; Дементьев 2013]. Убеждение собеседника в искренности и правдивости своих слов представляется одной из важных задач коммуникации президента не только в ответах российским журналистам, но и в обращении к массовому адресату из народа.

Однако в обращении к гражданам страны В. В. Путин сохраняет полную форму обращения по имени и отчеству (*Анатолий Николаевич, обращаю Ваше внимание на то, что <...>*), в некоторых случаях добавляя нейтральную форму вежливости *уважаемый* (*В этой связи хотел бы вот что сказать, уважаемая Галина Сергеевна*). В этом прослеживается коммуникативная интенция – продемонстрировать уважение и ценность мнения каждого гражданина страны. Это отмечается и самим президентом и может быть проиллюстрировано следующим примером: *Журналист: <...> Есть же ещё и другие производства в городе, птицефабрика, откуда может идти запах, на который часто пеняют. Но я не думаю, что так всё критично, как любят преувеличивать в соцсетях. – В. В. Путин: Да, но это не соцсети, это обращение ко мне конкретного гражданина из Магнитогорска, это не соцсеть.*

В данном фрагменте речь идет о промышленных выбросах в атмосферу в Магнитогорске. Журналист выражает сомнения в реальности существующей проблемы, а президент настаивает на необходимости прислушаться к жалобе на качество воздуха в городе. Его реплика содержит противопоставление коллективного обезличенного адресата в социальных сетях и «конкретного гражданина». Информация, публикуемая в соцсетях, представляется в данном фрагменте искаженной, возможно, даже ложной. А информация, исходящая от отдельной конкретной личности, – заслуживающей доверия. Безусловно, такой прием имеет позитивный эмоциональный отклик у массового адресата и способствует укреплению положительного образа главы государства.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в смешанных диалогических жанрах политического дискурса, где в роли участника общения выступают как журналист, так и представители народа, внимание президента и расстановка интенциональных акцентов в его речи смещаются в зависимости от типа адресата. Это проявляется в использовании языковых и речевых средств, участвующих в реализации коммуникативных тактик единения и указания на перспективу, в разъяснительных отступлениях и актуализации ценностной составляющей.

Используемые В. В. Путиным речевые средства в очередной раз доказывают, что для пресс-конференции, как жанра медийно-политического дискурса, характерны свойства и коммуникативные конвенции как медийного, так и политического дискурса, но у В. В. Путина всегда с проявлением большего внимания к массовому адресату.

3.3. Корпоративная коммуникация: способы и средства формирования эффективности делового общения в крупных (особенно с участием зарубежных) и мелких российских бизнес-компаниях (Т. А. Милёхина)

Основой данной работы являются результаты многолетних наблюдений устной и частично письменной деловой речи конца XX – начала XXI века в России. Изучалась речь представителей малого и среднего бизнеса (1993–2006) и корпоративная коммуникация сотрудников крупных российских компаний (2010–2017). Материалом исследования послужили расшифрованные записи деловой в основном устной речи саратовских предпринимателей общим объёмом 200000 словоупотреблений, проанализированных в ряде статей, а также в монографии Т. А. Милёхиной «Российские предприниматели и их речь. Образ, концепты, типы речевых культур» (Саратов, 2006); корпус (более 40 часов звучания) устной корпоративной речи сотрудников крупных российских компаний, послуживший основой коллективной монографии «Корпоративная коммуникация в России. Дискурсивный анализ» под ред. Р. Ратмайр, Т. А. Милёхиной (М., 2017), а также интервью топ-менеджера компании «Сладко» (Вена, ноябрь 2011 г.), директора по маркетингу, финансовому планированию и анализу «Экспресс-Волга банка» (Саратов, май 2012 г.) автору этой работы и письменные корпоративные документы – инструкции саратовского завода металлических дверей «Торэкс» (Корпоративная ..., 2011), материалы психологического тренинга по технике продаж торговой компании «Манго».

1. Эффективность устного общения в деловой коммуникации: специфика среды

Эффективность устной деловой коммуникации определяется прежде всего особым стилевым статусом устной деловой речи. Это не официально-деловой стиль, поскольку в ней не может быть достигнута необходимая степень точности. Но это и не разговорный стиль, так как сильно влияние готовых письменных деловых документов – штампов и клише делового стиля, его терминологии. «Монологическая деловая речь, представленная такими жанрами, как вступительная, торжественная речь, устное выступление, уже не соответствует требованиям, предъявляемым к языку документов. Вместе с деловой диалогической речью они представляют различные типы гибридных стилевых образований с преобладанием то черт книжности (монологическая речь), то признаков разговорности (диалогическая речь)» [Колтунова 2005: 162].

Помимо особого стилевого статуса необходимо учитывать, что современная деловая коммуникация находится в стадии трансформа-

ции, переживает сложные социально-экономические преобразования. Вхождение в глобальные экономические процессы, формирование частного предпринимательского сектора, возникновение огромных корпораций гибридного частно-государственного характера – всё это обусловило огромное разнообразие различных форм и жанров, получивших распространение в деловом общении. Помимо традиционных жанров устной деловой коммуникации, таких, как совещание, переговоры, собрания, возникли новые, заимствованные западные корпоративные технологии, характеризующиеся гибридным характером, включающие черты публицистического стиля. Да и сами традиционные деловые жанры претерпевают в устных формах различного рода трансформации.

Выбор способов и приёмов достижения эффективности устной деловой коммуникации обусловлен множеством факторов как экстралингвистического, так и собственно лингвистического характера. К экстралингвистическим можно отнести размер, формат, форму собственности предприятия, поскольку для огромной корпорации и маленькой коммерческой фирмы характерно использование различных коммуникативных парадигм. Лингвистическими особенностями выступают устная форма речи непосредственного общения или через Интернет, письменная форма, жанровые параметры, языковая компетенция, черты языковой личности участников общения.

При всём разнообразии названных условий и ограничений, жанров, форм, видов деловой коммуникации существуют, на наш взгляд, и некоторые общие черты, формирующие эффективность устного общения в деловой среде. Среди них можно назвать информационную насыщенность, высокий уровень компетентности говорящего, его коммуникативное лидерство.

Информационная эффективность связана с тем, что деловая коммуникация подразумевает информативную насыщенность, фактологическую наполненность. Эффективное деловое общение – это прежде всего разговор по делу. Отсюда множество выражений, характеризующих в русском языке деловую коммуникацию: *говори по делу, говори по существу, говори главное; что ты предлагаешь, что ты конкретно предлагаешь, что ты хочешь сказать*. Высокий уровень компетенции предполагает владение той областью, о которой идёт речь, т. е. определённый уровень профессиональной компетенции говорящего. Наконец, сущностной чертой эффективной деловой коммуникации является коммуникативный динамизм, коммуникативное лидерство, умение отстаивать свою точку зрения, выразить свой взгляд на проблему. Если говорить коротко, эффективность деловой коммуникации в том, чтобы знать, что сказать, о чём сказать и как сказать.

Важнейшей коммуникативной чертой деловой устной речи является информационная насыщенность. Несмотря на различие форматов, жанров, областей использования деловой коммуникации, деловая речь

строго информативна. Каждое высказывание сообщает определённую информацию.

В корпоративной речи руководителя подразделения – это постановка проблемы, характеристика сложившейся ситуации. Например: *Филипп / значит наша цель / это сейчас обсудить приезд в следующий понедельник / приезжает Ш. //; Давайте тогда просто / есть предложение пробежаться по пунктам / и понять //; Этот вопрос я возьму на себя / и решу его в ближайшие там два дня / три дня / так вот //* (Ратмайр, Милёхина 2017: 216–217).

Информативность, строгая логичность – залог эффективности высказываний сотрудников компаний: *В рамках проекта «Лояльный клиент» / мы планируем мероприятия для повышения лояльности клиента // Первое // В течение 4-8 часов проводится работа с рекламациями // Также мы запустили проект в малом и среднем бизнесе проведения клиентского клуба // <...> Также мы регулярно проводим общение с клиентами в операционном зале //; Безусловно проблемы есть // (Милёхина 2017б: 245). Мы не смогли запустить некоторое количество проектов / один из проектов имеет бюджет / это проект по коллаборейшену / пока у нас не получается масштабно запустить / действительно / не нашли способ внедрения внутренних коммуникаций // Мы ищем / в любом случае будем предпринимать какие-то действия / в том числе и вносить на стратком свои предложения // (Милёхина 2017б: 249).*

Информативное общение с покупателями является одним из важнейших условий эффективной работы продавцов. Приведём пример устной презентационной речи сотрудника магазина электронной техники: *Как раз в нашем магазине есть модельный ряд планшетов / которые выпускаются под нашим брендом // Он дешевле не потому / что хуже // Наша компания заказывает их непосредственно на заводе / мы продаём их без посредников / поэтому стоимость их значительно ниже / чем у конкурирующих фирм // (Милёхина 2017а: 286).*

Насыщена информацией и устная речь предпринимателей. Например: *Мы занимаемся ... / с нами работают 20 московских магазинов // У нас ассортимент от 0 до 16 лет // то есть меньше 0 нет / мы не занимаемся женской одеждой // Костюмчики / комбинезончики // Всё // (Милёхина 2006: 229); Это предприятие было образовано в 35-ом году / на сегодняшний день это достаточно хорошо оснащённый комбинат / один из наиболее нормальных по оборудованию / в России и совсем ещё недавно / года два / полтора назад / он был одним из лидеров отрасли // (Милёхина 2006: 204); В принципе прежде всего себя считаю специалистом в области организации здравоохранения / вот / ну по западному / это в чистом виде называется менеджмент / а в России это в общем называется гигиена и организация здравоохранения // На эту тему у меня диссертация написана*

кандидатская / по вопросам организации здравоохранения // (Милёхина 2006: 166).

Отсутствие информативности делает деловую речь неэффективной, что приводит к конфликтам и непониманию. Так, например, в речи предпринимателей встречаются прямые высказывания о важности информативного целевого общения. Так поступает, например, бизнесмен, обращаясь к страховому агенту, предлагающему услуги своей компании: *Юрь Виталич / давайте / э / как бы / как бы / э / обсудим / зачем нам эта нужна встреча / потому что / как бы **время / время ограничено** / вот / и мы / мы / как бы / **праздно встречаться ни мне / ни вам неинтересно*** // (Милёхина 2006: 259).

Отсутствие информативности в деловой речи работника банка воспринимается клиентом как существенный недостаток работы. Приведём отрывок из интервью так называемого «тайного покупателя», с целью проверки эффективности работы менеджера оформлявшего фиктивную заявку на кредит: *Банк Б / это нечто / просто работает девушка-психолог / которая навязчиво втюхивала свой кредит / вытаскивала информацию всю / где я живу / с кем работаю / <...> смогу ли я платить <...> неприятно очень <...> в личную жизнь залазят и выворачивают наизнанку* // (Милёхина 2017а: 289) с явно ненормативным *залазят*.

Однако в деловой речи существуют ситуации, когда информативность нарушается, намеренно затушёвывается. Такой пример можно наблюдать в интервью радио «Эхо Москвы» генерального директора одного из крупных частных предприятий: *<...> концерт «К» начал попытки / скажем так / недружественного захвата этого предприятия* // *Кстати / хотелось бы здесь заметить / что есть масса технологий / как / э / скажем так / теми или иными способами / вроде как законными / не пускать людей на предприятие* // (Милёхина 2006: 117).

Сложная современная реальность вынуждает и предпринимателей среднего уровня овладевать новыми видами делового общения, в том числе и в жанре разрешения конфликтных ситуаций с криминальными элементами. В качестве примера приведём запись телефонного разговора предпринимателя и криминального авторитета: *Алло! Андрей? Привет / С-в А. // Вопрос касается / вот / события / которое произошло / вот / у казино «Космос» / во дворе / две / две недели назад // Ты в курсе там? Ну / там какой-то / э-э / твой / не твой / там эт самое / э / молодой человек / который владелец чёрной машины БМВ / вот / э / подрал / другую машину / будучи в наркотическом или / или / или просто в алкогольном опьянении / не имеет значения // Как бы этот вопрос корректно завершить / просто / ты приедешь / отрегулируй с ним вопрос* // (Милёхина 2006: 119).

Главные приёмы, характеризующие этот жанр, – умолчания, замалчивания, недоговорённости, объяснения сути дела полунамёками,

которые собеседник прекрасно понимает. Например, умолчание: *Если они скажут / што мы мы мы / эт самое / ну / тогда по-другому будет / тогда / эт / мм ...* Иносказание: *твой / не твой / там эт самое / э / молодой человек / который владеец чёрной машины БМВ //*. Подразумевается – член криминальной группировки. Скрытая угроза: *люди / как бы / говорят / ну / будем атаковать //* <...> *Ты же понимаешь / мало ли / адекватные / неадекватные меры / эт никому не нужно //* (Милёхина 2006: 120).

Эффективной деловой коммуникации свойственен высокий уровень компетентности говорящего, что выражается в использовании терминологии, профессионализмов. Деловая речь насыщена терминологией. Например, термины банковской финансовой области: *окупаемость, демотивация, лояльность, процентная маржа, инвестиционный портфель, движение по пассивам, клиентоориентированность, достижительность, ки-пи-ай* (ключевой показатель эффективности); *ВКС* (видеоконференция); *ДРБ* (дивизион розничного бизнеса) и т. д. (Милёхина 2017б: 216).

Рядом с терминами в деловой речи используются и их устные аналоги – профессионализмы: *Постформированность этого пластика влияет на улучшение трудногорючести //*; *Вопрос в том числе и по компактам / которые имеют свойство негорючести //*; *Я всё-таки не до конца понимаю / какая нужна степень нестираемости //* (Милёхина, Ратмайр 2017: 219).

Эффективность деловой речи предпринимателей также предполагает компетентность, т. е. владение, возможно, не терминологией маркетинга и менеджмента, но профильным профессиональным лексиконом. Таким, например, который присутствует в речи продавцов детской одежды: *возможности возврата одежды; возрастная группа; продажа с колёс; образцы висят; брать по размерному ряду; отбирать по каталогу; пересортица; идёт чистый хлопок* и т. д. (Милёхина 2006: 202).

Эффективная деловая коммуникация динамична, для неё характерен высокий темп общения, жёсткие временные рамки. Вот как представлен, например, коммуникативный динамизм в условиях устных переговоров директора саратовской торговой компании (Д.) с представителями производителей – производителей одежды (П.): Д. *Условия / как / условия оплаты? <...> А возможности возврата одежды? А у вас какой объём годовой примерно? <...> Какие проблемы при поставке товара? <...> Какой / вы проводили анализ / какой процент брака? – П. Меньше процента / очень редко //* По браку тоже проблем нет // – Д. *Есть у вас раздаточный материал какой-то? //* – П. *Мы даём сайт в Интернете //* (Милёхина 2004: 75).

Коммуникативный динамизм проявляется и в речи коммуникативного лидера коммуникации. Должен быть целый ряд коммуникативных особенностей, свойственных деловому человеку: строгая ло-

гичность, последовательность изложения фактов, динамичность, лидерская позиция. Именно ему принадлежит инициатива в диалоге, даже если общение инициировано другим человеком, прямое представление своих интересов, чёткая формулировка собственных позиций. Так, например, лидерство в диалоге предпринимателя с представителем страховой компании, предлагающим свои услуги и деловую встречу для обсуждения этих услуг проявляется в список вопросов, которыми предприниматель буквально бомбардирует собеседника – страхового агента, предлагающего свои услуги: *Я так понимаю / что ваша основная / э / деятельность это страховая //; Вы один из / кто представляет интересы своей ка... / компании в Саратове?; Сколько официальных сотрудников в Саратове?; Вы работаете в автономном режиме или у вас есть подчинённые / как вообще то есть?; А как строится работа в Саратове? Мне просто хотелось бы понять //* (Милёхина 2006: 270).

Как видим, предпринимателю свойственно умение организовать разговор в соответствии с решением собственных задач. Отличает его речь и всегда чётко сформулированная личная позиция по любому вопросу. В структуре делового диалога он показывает себя безусловным лидером, человеком, определяющим ход разговора, единолично формирующим его.

Отличие деловой устной коммуникации от неофициальной заключается в отсутствии эмоциональных рефлексий, нежелательности личностных ассоциаций, минимализме речевых красот. Отвлечение от темы не приветствуется, воспринимается как демагогия, оценивается как некомпетентность, нерешительность. В русской деловой традиции не приветствуется излишняя утончённость или этикетность коммуникации в деловой ситуации, мягкость и ритуальность, соблюдение куртуазных манер также воспринимается как проявление слабости. Учёт руководителем личностных ситуаций конкретных сотрудников, внимание, забота о них имеет определённые границы.

Характерны в этом смысле выводы, к которым приходят исследователи, сопоставлявшие коммуникативный портрет русского и немецкого руководителя. По их мнению, коммуникативная модель поведения русского руководителя отличается от русской обобщённой коммуникативной модели по целому ряду параметров – по более высокой степени эмоционального самоконтроля и коммуникативной сдержанности, более последовательному соблюдению формально-этикетных отношений, высокому уровню вежливости, толерантности к молчанию – оказывается более близкой к обобщённой немецкой коммуникативной модели [Кирсанова 2017: 139]. Близость к национальной обобщённой коммуникативной модели сохраняется в таких характеристиках, как высокий уровень императивности и категоричности, интенсивность оказываемого коммуникативного давления, относительно высокая степень конфликтности общения односторонне-

менно с неизменным присутствием юмора как действенным способом её снижения, искренность и доброжелательность общения и в той, и в другой модели [Кирсанова 2017: 140].

2. Способы и средства формирования эффективности делового общения в крупных (особенно с участием зарубежных) и мелких российских бизнес-компаниях

Одним из основных условий достижения эффективности устной деловой коммуникации в крупных компаниях является владение правилами и нормами корпоративной коммуникации [Милёхина 2012a: 16].

Крупный бизнес, характеризующийся ориентацией на западно-европейский и американский образец, внедряет на своих предприятиях корпоративную культуру, главной составляющей которой является корпоративная коммуникация. Корпоративная или организационная коммуникация является одним из типов устной деловой речи, которая представляет собой устное общение сотрудников крупных компаний и корпораций между собой, а также с потребителями корпоративной продукции [Корпоративная ..., 2017: 9–10].

Человек, впервые устроившийся на работу в крупную компанию, испытывает языковые трудности, сталкивается с языковым барьером непонимания и необходимостью языковой адаптации. Эффективность устной деловой речи работника крупной компании связана прежде всего с освоением такой коммуникации.

Корпоративная коммуникация вовлекает нового сотрудника в особую культурную среду, право на причастность к которой он должен доказывать. Отсутствие соответствия корпоративным нормам строго порицается. Так, например, в одном из выпусков корпоративного киножурнала «Voogol» финансовой группы «Лайф» прямо декларируется: *Финансовая группа «Лайф» строит уникальную культуру // Что же делать с теми / кто не демонстрирует инновационную культуру / не стремится к дифференциации и вау-сервисам? Они попадают в угол!* (Милёхина 2014a: 93). Уже само название ежемесячного корпоративного киножурнала бренда «Лайф» – «Voogol», т. е. «В угол», говорит о том, что речь в нём пойдёт прежде всего о тех, кто плохо работает, задача журнала – выявить плохо работающих членов корпорации.

Специальные консалтинговые компании разрабатывают для сотрудников корпораций так называемые технологические инструкции, содержащие корпоративные стандарты поведения и эффективные речевые модули. Во введении одной из таких инструкций, разработанной ООО «Торэкс» и консалтинговой компанией «Персонал-Профи», указывается (сохранён стиль и пунктуация оригинала): *Приведённые здесь рекомендации являются результатом долговременной работы персо-*

нала компании, отредактированы с учётом психологии восприятия и отшлифованы годами тренировок и практики, **поэтому не очень то предполагают свободной трактовки и вольного использования** (Корпоративная ..., 2011: 25). Как видим, в качестве основы речевого поведения сотрудника выступает примитивное следование инструкции, речевой шпаргалке. Весьма оригинальны и разрабатываемые для сотрудников корпоративные стандарты поведения. Так, в уже цитированном алгоритме работы с претензиями присутствует тактика «заезженной пластинки», смысл которой заключается в том, что клиенту вновь и вновь доводится одна и та же мысль [Милёхина 2012б: 290].

Так, например, технология и эффективность продаж, продвигаемая в рамках тренингов и обучения контингента сотрудников крупных торговых сетей, включает в себя несколько информационно-смысловых блоков, в том числе типологию клиентов сети магазинов и этапы продаж: установление контакта, выявление потребностей клиента, презентацию товара, работу с возражениями, завершение продажи. Коммуникативная компетенция продавца крупной торговой компании «Манго», по мысли западных маркетологов, в первую очередь связана с умением правильно определять тип клиента – покупателя. Для этого в инструкции предлагается типология клиентов сети магазинов компании, которую составляют деловые женщины, туристы-разведчики, пенсионеры, модницы-мажоры, так называемые «семейные», «мангоманы», средний класс, буржуа (богатые пенсионеры) [Милёхина 2011б: 285].

Особым приёмом, обеспечивающим эффективность корпоративного общения является знание внутрикорпоративного словаря, в основе которого – территориальное расположение отделений финансовой группы (*группа; отделения группы; карта группы*); временные реалии (*С этим знанием группа пришла в новый очередной год своей стратегической жизни*); общее идеологическое пространство (*25 ноября прошлого года все сотрудники банка получили очередное обращение от президента / говорилось там о 4-х критериях дифференциации бизнеса в группы //*); общее время препровождения (*Ну а вечером традиционно / игра в футбол / кубок финансовой группы «Лайф» по минифутболу / будут встречаться команды «Нереал» и «Лайф-сервис» //*); некие шуточные символы (*... для тех / кто сейчас отгадает / что / какое слово здесь зашифровано / ждёт подарок / фотография с бигдилом //*) (Милёхина 2012г: 420). В таком корпоративном тезаурусе получают распространение переосмысленные литературные слова: *дивизион* (дивизион малого среднего бизнеса – ДМСБ, дивизион розничного бизнеса – ДРБ); *индикатор* (с точки зрения карты мы добавили один новый индикатор – нашу прибыль: заработать 1 миллиард); *карта* (график, на котором разными цветами регистрируется то или иное достижение). Создаются специальные корпоративные словечки («Нефитиль»; «Нереал»; *вау-сервис*); новые понятия (*кли-*

ентский клуб; совет лидеров; комната сопутствующих услуг; бигдил (от английского Bigdeal – большой шеф); («стратегическая сессия» финансовой группы «Лайф», декабрь 2012 г., Москва) (Милёхина 2014в: 218).

Корпоративная коммуникация на предприятиях малого и среднего бизнеса пока ещё не сложилась. Приёмы и средства эффективного общения в торговом дискурсе окрашены национальной спецификой. Приведём, по крайней мере две, на наш взгляд, наиболее распространённые русские коммуникативные тактики успешных продаж. Одна из них – тактика выбора конкретного человека: *Только для вас //; Будете брать / уступлю //; Идите / вот в первый ряд / место 41-42 / там отличная свинина / скажете / от 12-го стола / они вам отличное мясо продадут //; У нас акция / своим-то мы обязательно говорим //* (Милёхина 2012б: 290). Такая коммуникативная тактика невозможна в крупной компании, для которой характерна некоторая отстранённость персонала от руководства. В подтверждение приведём пример диалога продавца крупной сети ювелирной торговли Саратова с покупательницей. Покупательница: *Девушка / Вы вчера сказали мне / что у вас скидка 20 процентов к цене / да?* – Продавец: *Да // И ещё 10 процентов //* – Покупательница: *Как / ещё 10? Вы не говорили вчера //* – Продавец: *Мы сами не знали // Нам сегодня сказали //* (записано в ювелирной сети магазинов Саратова 9.10.2021).

Вторая специфически русская тактика, распространённая в небольших магазинчиках и частных салонах – тактика личностного ориентирования: *Я сама ношу такие же / нет / не промокают / очень удобные / тёплые / мягкие // (об обуви); Я и мужу такие же купила //; ... вот у меня у сына мужская / точно такой же коллекции / это наш Санкт-петербургский завод //; Нет / издали на себя посмотреть / там в зеркале не видно // Издали // Очень хорошо // Супер // И фирма ... / моя самая любимая // Эска очень хорошо / ровненько / хорошо всё село // Значит / серые берёте и это / и синие / с картинкой //* (Милёхина 2012б: 292).

Одним из условий эффективности коммуникации представителей крупного бизнеса является владение ими английским языком, образование, полученное за границей, на западе, в Америке: *... потом наши поехали / поехали по «Фулбрайту» / прежде всего / в США / по бизнес-школам / то есть чего в России не хватало / в девяностом году / в девяностых годах / это бизнес-образования //; Я являюсь экспертом по лояльности клиентов / я учился этому в Штатах // Существует такая компания / мировой лидер в области управления лояльности клиентов / называется «Садметрикс» / и собственно говоря мы с моей коллегой из Москвы / были первыми русскими / которые приехали в Штаты мы там успешно отучились / потом успешно сдали здесь экзамены и теперь уже русских стало побольше / теперь*

уже / я думаю / человек 20 в России / это лидирующая такая технология // Ну да // Вот мы были первыми // (Милёхина 2012в: 326).

Английский язык является деловым языком общения топ-менеджеров, а лексикон топ-менеджмента представляет собой международный маркетинговый тезаурус, включающий и терминологию, и жаргон. Об этом свидетельствуют материалы интервью одного из бывших топ-менеджеров компании «Сладко», записанного в ноябре 2011 года в Австрии. По его мнению, ... *западные компании / западная деловая среда однозначно сформировала всю деловую среду современной России / нравится это кому-то или не нравится / то есть это на 100% / не на 90 / на 100 // Всю деловую среду / всю / понимаете / вот как мы говорим / как мы выражаемся / как мы и язык сформировали / и определённые коды / ценности / знаки //; ... сегодня в корпорации ... в корпоративном мире без английского языка просто тебя не возьмут / то есть на том уровне на котором я говорю / а я говорю об уровне более-менее крупных компаний / такого национального масштаба // Английский необходимо просто знать, но не в целях общения или просто разговора: Не то что мы переходим на английский язык говорить / часто не находится какого-то русского ... ну легче применить значит более английское выражение // Ситуациями использования английского языка являются жанры делового общения: деловая беседа; совещания; советы директоров: *И когда даже я говорю по бизнесу / на своём русском языке / то я / у меня очень засорена речь / говорю я это / ... выступаю на конференции ... а уж тем более работа на внутренних совещаниях / советах директоров // (Милёхина 2012в: 327).**

Словарь русского топ-менеджера содержит многочисленные заимствования из английского языка: ... *вся эта терминология / она пришла из маркетинга / ... знаете / вот это бизнес-образование / оно / собственно / в Англии / в англо-саксонских странах зародилось / там уже выработался этот вот этот тезаурус / какие-то определения ёмкие / и эти определения / они без перевода зашли в нашу жизнь / деловую // [Милёхина 2012в: 327].* К необходимости использования английской маркетинговой терминологии приводит отсутствие специальных выражений на русском языке: *А вот хороший пример / кешфло – отчёт о движении денежных средств – 5 слов / а кешфло / это одно // И кешфло / оно понимаете / оно уже в голове у нас как-то отражается / мы уже понимаем / что кешфло / это конкретное что-то // (Милёхина 2012в: 328).* Но даже если необходимое понятие и есть в русской деловой, ну, например, торговой традиции, скажем, – *розничная торговля* – то по каким-то причинам оно всё равно не используется: *Мы никогда не говорим розничная торговля / мы говорим ритейл // То есть что-то когда мы обсуждаем / мы должны зайти в сеть супермаркетов / мы говорим / мы должны зайти в организованный ритейл // Зайти / значит начать продавать / то есть встать на*

полку //; *И вот это слово / менеджмент оно / собственно говоря / у нас ведь есть слово управление / правильно / но кто ж сегодня его использует / никто //* (Милёхина 2012в: 328).

Владение английским или другим иностранным языком – не только признак определённого статуса и положения в корпоративном мире, но в некоторых отраслях – необходимое знание и для рядовых сотрудников. Устная профессиональная речь в таких сферах деятельности, как электронная торговля, интернет-коммуникация, маркетинговая коммуникация, интернет-реклама, банковская отрасль, изобилует иноязычными вкраплениями разного характера [Моряхина 2012: 80]. Некоторые из них, произнесённые с разной степенью правильности, сохраняют близость к оригиналу: *джентал* (англ. *Gental*) *подходы*; *прекрасный профайл*; *начать брейнсторминг*; *рынок экоммерс*; *пик пойнт раскачивается*; *неожиданный аблифт* и т. д. Подавляющее большинство переживает процессы русификации [Маринова 2008: 113]: склоняется, изменяется по падежам, родам и числам (*хеллоуинов*; *с диджиталом*; *в бэкофисе*; *с фулскринами*), выступает как производящие основы: *пиар – пиарить – пиарней*; *бренд – брендировать – забрендировать – брендированное*; *топ – топовые*; *диджитал* (англ. *digital*) – *диджитально*; *таргет – таргетировать* [Ратмайр, Милёхина 2017: 218].

Корпоративная лексика переполнена кальками с английского, такими, например, как *лояльность* (*клиентов*), *достижительность*, *клиентоориентированность*, *модерации*. Для корпоративной коммуникации характерно создание новых корпоративных слов-уродцев [Крысин 2010: 578] наполовину русских, наполовину английских: *WOW-сервис*, *WOW-отношения*, *WOW-истории*, *WOW-акции*. Название финансовой группы «Лайф» многократно обыгрывается во внутренней коммуникации банковского объединения: корпоративная газета называется «*ПроЛайф*», корпоративная жизнь получает название *лайф-среда*, футбольная команда называется «*Лайф-сервис*», одно из банковских подразделений – *факторинговая компания «Лайф*». В корпоративном языке привычные для русского человека коммерческие наименования вытесняются иностранными: отдел банка – *дивизион*; объединение банков – *финансовая группа, холдинг*; центральное помещение банка – *хедофис* (Милёхина 2017б: 255).

В отличие от предприятий крупного бизнеса, для владельцев небольших фирм знание иностранного языка не является необходимым условием успешного эффективного делового общения. Роль заимствований в лексиконе региональных предпринимателей сравнительно невелика: заимствованная лексика присутствует в устной речи предпринимателей, но не в таком большом объёме, как можно было бы ожидать. В устной речи предпринимателей заимствованная лексика употребляется преимущественно в нескольких семантических областях. Это название самого дела (*бизнес*), группа слов, называющих че-

ловека-деятеля (*бизнесмен*), наименования новых специальностей и профессий (*менеджер, менеджмент, промоутер, риелтор, дилер, спонсор*), семантическая группа *деньги (доллары)*; технические новшества (*компьютер; сервер; винчестер; факс, ламинатор*), названия западных компаний, предприятий, с которыми работают предприниматели: косметические компании: *«Лореаль»; «Орифлейм»; «Ревлон»; Unilever* (произносится как *«Юниоливер»*); фирмы обуви и одежды: *«Габор»; «Рибок»; «Дизель»*; а также названия товаров, которые они продают: алкогольная продукция: *«Ожье»* (произносится как *«Ажье»*); *«Курвуазье»* (произносится как *«Кравуазье»*); *«Хенесси»; «Иксо»*; сами номинации *фирма, компания, холдинг*; экономические термины (*конъюнктура, конвертация, калькуляция, реинвестиции, спецификация, олигополия, бренд, бизнес-план, бонус*) (Милёхина 2006: 221). В основном это лексика, свойственная не только предпринимателям, но и обычным жителям современной России.

Эффективность речи региональных предпринимателей формируется на основе иных лексических пластов, среди которых важнейшее место занимает жаргонная лексика. Так, например, *оплатить бутербродом* (оплатить часть суммы безналичным путём, а часть – наличными деньгами), *снять шапку* (обналичить), *засада* (трудное экономическое положение), *уйти в ноль* (продать с убытком), *узбекский бизнес* (купить за 5 рублей, а продать за два); *пожениться* (по словам самих предпринимателей, *взять товар / а он не продаётся*); *жировая прослойка, убитая позиция эта майка, мёртвая майка* (товар, который не покупают по какой-либо причине) (Милёхина 2006: 212).

Эффективность деловой речи региональных предпринимателей обеспечивается также специализацией значений нейтральной лексики, в частности, для наименования осуждаемых обществом явлений (*рэкет, рейдерство*); приватизации: *человек / там / нашёл на улице рубль / остальное / там / остальной миллион заработал / если вспоминать ему тот рубль / который / говорят / он подбирается на улице ... //* (Милёхина 2006: 148).

Разумеется, также одним из основных приёмов эффективности устной деловой коммуникации является использование профессиональной лексики. Профессиональное наименование товара: *позиция, линейка, партия, поставка, линейный ряд, объём, опт.* Наименования людей, работающих в торговле: *алкогольщик* (владелец торговой компании, торгующей алкоголем), *чепешник* (владелец частного предприятия), *продажник* (менеджер по продажам), *жвачечник* (менеджер компании «Орбит»), *говорун* (гид – экскурсовод в туристическом бизнесе), *мешочник, оптовик* [Милёхина 2006: 201].

Эффективность деловой коммуникации в крупной корпорации и на предприятиях среднего и мелкого бизнеса достигается различным соотношением устной и письменной форм коммуникации. В крупных

компаниях важная роль принадлежит письменной коммуникации, работе в сети Интернет, для которой необходимо владение правилами цифровой вежливости, цифрового этикета.

По свидетельству одного из топ-менеджеров компании «Сладко», в компаниях с западным капиталом преобладает невербальное общение: <...> американцы / прежде всего / приучили нас первое / минимизировать вербальное общение / всё общение в компаниях / всё идёт через и-мэйл // Вот мы сидим в соседних кабинетах / мы не говорим / мы пишем друг другу //; Вот чем отличались компании западные / где западный капитал / от чисто русских компаний / что в русских компаниях гораздо больше было вербального общения (имеется ввиду устная форма речи) / то есть совещаний / встреч // (Милёхина 2016: 277).

С этим мнением согласен и руководитель банка: Я в последнее время стараюсь придерживаться стратегии / что большинство задач я стремлюсь решать письменно / потому что это лишняя возможность зафиксировать какие-то договорённости да // <...> если правильно структурировать свою постановку задачи / э в письменном виде / так чтобы была однозначная интерпретация твоих требований / то это / вот как я убеждаюсь / это работает лучше / и я стремлюсь максимизировать именно письменную коммуникацию // <...> и я проверяю почту два раза в день / это крайне удобно / кстати можно всегда вернуться к / и-мэйл / скайп / там тоже моментальные сообщения / которые одновременно хранятся в архиве / это реально очень распространено / да // (Милёхина 2016: 278).

Устная коммуникация в среднем и малом бизнесе также демонстрирует использование ресурсов письменной речи, Интернета и электронной почты, но в пределах необходимости. Так, например, менеджер по продажам мебели использует интернет-программы для того, чтобы совместить размеры мебельного гарнитура и габариты квартиры. Важно отметить, что в условиях пандемии формы письменной коммуникации существенно активизировались. Приведём пример такого общения в WhatsApp фирмой по доставке цветов в Саратове: Доставка будет стоить 149 рублей. Вас устроит это? Благодарим за заказ! Ожидайте фото готового бокса. (22.06.2021) Какие цветы у Вас в приоритете? Спасибо, что выбрали нас! Цены на ёлочку, к сожалению, повысились, теперь 1640 Р, поставщики повысили цены (29.12.2020). Здравствуйте! Хотим Вас предупредить, что курьер чуть задерживается из-за большого количества заказов и пробок в городе в связи с новогодними праздниками. Торопимся как можем! (29.12.2020). Однако объёмы и функции интернет-коммуникации в крупных компаниях и небольших организациях несопоставимы. В крупных преобладает интернет-коммуникация в письменном виде.

Следующий приём эффективности устной деловой коммуникации крупных коммерческих структур – владение основами деловой

риторики, теорией аргументации, конвенциональными стратегиями и тактиками, присущими институциональному публичному общению.

Корпоративная коммуникация – это коммуникация, предполагающая более широкий спектр форм и видов общения. Топ-менеджеры, руководители среднего звена являются публичными фигурами, дают устные интервью в СМИ, выступают на корпоративных мероприятиях. Руководитель крупной коммерческой компании – это и администратор, и организатор, и человек, владеющий основами ораторского искусства. Это человек, который рекламирует свой бизнес: *Мы действительно банк номер один в регионе / я имею ввиду из местных / По масштабам мы уступаем только «Сберу» // но «Сбер» / это и не саратовский банк / Из саратовских банков мы крупные //* (Милёхина 2012в: 327).

Деловое общение мелких и средних предпринимателей носит преимущественно неофициальный характер. Владение маленьким магазином или парикмахерской не вынуждает предпринимателей развивать в своей речи риторические умения, навыки публичного выступления, привычку ведения собрания крупного рабочего коллектива. Приведём пример начала собрания коллектива одной из саратовских фирм, занимающихся перевозками. Владелица фирмы говорит, обращаясь к менеджеру компании: *Володь / значит / вот / твоим ребятам / вот малейшее жужжание / я не поеду туда / не отвезу то / малейшее жужжание / штраф //* Реальные будут штрафы вот за этот период / на стоимость заказов // То есть иногда бывает жужжание от водителя / каждый день отчёт по этому вопросу // Ирин / ты контролируешь каждый день как маленький ребёнок / поели они / не поели // (Милёхина 2013: 107).

Деловое общение мелких и средних предпринимателей неофициально или полуофициально, поскольку бизнесом занимаются, как правило, родственники, близкие друзья. Всё это приводит к тому, что сугубо официально-деловая лексика на важных и ответственных переговорах практически не используется, обсуждения ведутся в узком кругу доверяющих друг другу лиц и зачастую, наоборот, официально-деловой тон выступает сигналом «непричастности», «недопущенности» человека к «делам». Об этом свидетельствуют и высказывания самих предпринимателей, о том, что объяснение с вышестоящим чиновником часто происходит вообще без слов, так как в словесном выражении нет нужды: *Пришли, говорят: это мы, мы пришли, вот. Мы здесь.* Не называется суть проблемы, обе стороны знают, о чём разговор. Ответ: *Ну, хорошо, понятно, в чём суть дела.* Если коммерсант знает, что у него есть влияние, личные связи, он идёт к «своим» чиновникам: *В принципе / до... / договариваются / опять же чиновники с коммерсантами // Только в том случае / если у коммерсанта какие-то проблемы / он снизу вверх идёт / и тогда он начинает / вы / там /*

и так далее ... // Если он достиг определённой планки / он идёт через своих // [Милёхина 2006: 119].

Успешность устной деловой коммуникации во многом определяется владением различными жанрами, пониманием и учётом особенностей жанровой специфики. Крупные компании и мелкий бизнес различаются составом жанров устной деловой коммуникации. Наряду с традиционными жанрами, такими, как совещание, переговоры, деловая беседа, корпоративная коммуникация характеризуется целым рядом новых специфических жанров. К ним относятся, например, *стратегическая сессия, модерация, презентация, «тайный покупатель», промо-мероприятия, перформансы, благотворительные акции* [Корпоративная ..., 2017: 10].

Большое собрание представителей различных региональных представительств финансовой группы получает наименование стратегическая сессия. Мероприятие проходит в комфортабельной гостинице вдали от региональных офисов. Представители регионов имеют возможность не только отчитаться о проделанной работе, получить новые знания, но и общаться в непринуждённой обстановке, участвовать в спортивно-развлекательных мероприятиях – соревнованиях по минифутболу, а также в культурной программе. Эффективность обеспечивается за счёт создания особой атмосферы непринуждённого общения. Стилистическая специфика корпоративной коммуникации связана с широким распространением элементов разговорной речи, художественного и публицистического стилей. Эффективным является допустимость эмоций, творческого отношения к делу, языковой игры. Традиционные формы отчётности хотя и имеют место, но чаще уступают место другому подходу, в котором ценится оригинальность изложения или общая метафора, объединяющая презентацию-отчёт. Например: *Привет всем // очень рад вас видеть / сегодня пятница / день хороший и поэтому / я думаю / что и настроение будет классным // Не буду скрывать / что наша презентация должна была сегодня быть в той самой любимейшей всем форме видеоролика с озвучкой / которая вам всем очень понравилась // Помните / вы себе всё записывали в журнальчики и скачивали нашу презенташку //* (Милёхина 2012г: 417). Эффективно в устной корпоративной речи проявление личностного индивидуального начала, рассказов о семейных делах, о личных эмоциях.

Жанр собрания в небольшой логистической компании, владельцами которой являются муж (М.) и жена (Ж.), скорее напоминает характер домашней ссоры на кухне, свидетелями которой становятся, однако, работники фирмы. М. (хозяин фирмы) *Я представляю / как к клиентам относятся! Я тоже как ни подойду / да что это / да сами / да что хотите // Что / мальчик что ль здесь / Бегать что ль за всеми я буду тут? – Ж. (хозяйка фирмы) Ты о чём / я не пойму? – М. Да о том / об отношении! – Ж. Дим / давай это / прекрати! Меня устраи-*

вает / как он работает! – М. А меня не устраивает! – Ж. Отстань / бесить уже начинает // [Милёхина 2016: 280].

Эффективность деловой коммуникации напрямую связана с тем, как разрешаются в деловой среде конфликты.

В крупном бизнесе, где руководителями являются менеджеры высшего эшелона, имеющие специальное образование, получили распространение так называемые кросскультурные конфликты, т. е. выстраивание коммуникационных и поведенческих барьеров между людьми [Российская ..., 2010: 70]. Кросскультурный конфликт возникает между высшим и средним менеджментом на российских предприятиях, купленных или созданных зарубежными компаниями. Первыми лицами на таких предприятиях обычно являются иностранцы, а средний менеджмент имеет российские корни. На чисто российских предприятиях почву для конфликтов создают различающиеся поведенческие стереотипы российских менеджеров, которые относятся к разным возрастным группам, или менеджеров, которые вышли из разных организационных культур (например, силовых и предпринимательских).

Любой кросскультурный конфликт базируется на двух основных проблемах – нарушении эффективных кросскультурных коммуникаций и столкновении поведенческих стереотипов, которые базируются на разных ценностных системах. Нарушение эффективной кросскультурной коммуникации выступает причиной для 60–70% конфликтов на предприятии. Люди говорят и не слышат друг друга. Термины понимают по-разному. Подчинённые не возражают, потому что не считают нужным это делать, а руководители считают, что с ними согласны; переводчики переводят не то, что сказано, а то, что поняли. Мониторинг коммуникаций на предприятии показывает, что коммуникативными нарушениями обычно выступают следующие: плохое знание иностранного языка, низкая квалификация переводчиков, незнание молодыми менеджерами профессионального языка, «искусственная геттоизация» высшего менеджмента (привычное их общение только в узком кругу, неучастие в мероприятиях, где можно наладить с коллективом и средним менеджментом неформальные связи, на спортивных соревнованиях, вечеринках, выездах на природу) [Российская ..., 2010: 70–72].

Для решения конфликтных ситуаций в крупных компаниях используется широкий диапазон коммуникативных стратегий – от самых мягких: *Ребята / давайте не будем / вернемся в конструктивное русло беседы //; Это сейчас другая составляющая дискуссии / давайте не будем углубляться //* – до более явно выраженных оценок плохой работы: *То есть / к сожалению мы фиксируем / что вчера мы потеряли изрядное количество звонков (клиентов) / потому что не справились //; Очень плохо / ну прям очень плохо // Так / а что мы можем сделать для оперативной коррекции ситуации //*, до содержащих

поиски конструктивного решения производственной проблемы (Милёхина 2015: 145).

Помимо таких стратегий выхода из конфликта в крупных корпорациях появились и новые способы решения конфликтов: *В современной России или во всяком случае в тех компаниях / где я работал / разносов не было / как таковых // Появились какие-то инструменты / Советы директоров / там / не знаю / комитет какой-то / всё это структурировалось просто так / а что / зачем орать / просто так / нервы свои тратить / вообще очень здорово изменилось это //* (Милёхина 2015: 145); *У нас есть технология / она направлена на то / чтобы в результате создания некоторого эмоционального дискомфорта через критику / но безболезненную критику / стимулировать изменение каких-то поведенческих характеристик человека / то есть / например / сотрудник что-то не сделал / ему неправильно было бы задать вопрос / Петя / ты дурак / почему я в очередной раз должен всё переделывать за тебя //* *Правильнее было бы сказать с точки зрения технологии обратных связей / что когда ты в прошлый раз сделал то то / то / то / неправильное действие / ты глубоко меня расстроил / из-за того / что я считал тебя в этом плане уже состоявшимся менеджером //* <...> *У нас вот эту технологию очень сильно насаждают те люди / которые занимаются выстраиванием в нашем банке корпоративной культуры / поэтому я бы сказал / что в нашем банке не орут //*; *У нас есть технология обратной связи / я вообще никогда не кричу / но у меня есть такая стратегия / что можно без крика ввести человека в такой ужас / что ... нет ну это технология / это стили лидерства на самом деле / нас тоже этому учат / но я как-то никогда ни на одного сотрудника не кричал //* *да / железобетонно / я ни на кого не кричал //* *во-первых / ругать за что / если сотрудник ошибся / это в том числе твоя вина //* (Милёхина 2015: 148).

Конфликты в небольшой компании носят иной характер. Предприниматели в диалоге с подчинёнными ведут себя эмоционально, повышая тон речи до уровня скандальной разборки, используют тактику прямого поучения. Приведём пример из записи устной речи директора фирмы, производящей минеральную воду. Не скрывая своего раздражения, он по слогам проговаривает отдельные слова: ... *понимаешь / он должен клеить мар-ку / клеить марку дол-жен!*; иронизируя, насмехается над объяснениями подчинённого и навязывает своё видение ситуации, употребляя и начальный звук грубого обсценизма: *Да? Поэтому он и сидит на компьютере / играет / потому что ему делать не ** // Характерна не только грубость выражения, но и неуважение к людям, заносчивость хозяина: *Курят они там в помещениях / выгоняй всех на фиг на улицу / будут курить в складе / надо просто гнать вообще оттуда / если порядка нет / вот видно / что нет порядка / все слоняются как сонные мухи / единственно / кто работает / эт грузчики / вот они могут выгружать / это / товар / и таскать*

его карами там на н ... места / это вот получается / а больше вообще ничё не получается / девки сидят там в отделе сертификации курят / чё мы их офис построили для того / чтоб они закурили што ль / пускай место для курения будет на улице / выходят и курят по свистку // (Милёхина 2006: 203).

В конфликтной ситуации в коллективе руководитель допускает использование не только грубых, оскорбительных, но и нецензурных выражений, что свидетельствует о его коммуникативной безграмотности, о том, что он не может убедительно аргументировать свою точку зрения и поэтому прибегает к таким средствам. Крайней демонстрацией его беспомощности как руководителя выступают угрозы в адрес подчинённых. Типичная угроза – это угроза увольнения. Раздражает предпринимателей и слишком самостоятельная, отличная от их собственных взглядов точка зрения подчинённого, а больше всего – высказываемая в их адрес критика. Например, диалог хозяина и работника в одной из логистических фирм Саратова: Хозяин: *Дим / а почему вы масло не купили до сих пор / вот если оно дороже / я вычту из твоей зарплаты / вы и свою машину не планировали / у нас масла нет ни хрена / Бл...ть / ты чё споришь / Да ты вопросы даже не задаёшь / бл...ть / эт чё за х...ня / бл...ть / прекрати / бл...ть / прекращу / на х...й / бл...ть / чё за отношение такое стало / на х...р / бл...ть / не нравится тебе работать / не работай / не тяни кота за хвост // – Работник: *Да если чё не устраивает / я заявление / могу написать // – Хозяин: *Да пиши // (Милёхина 2013: 107).***

В речи предпринимателей широко используется обценная лексика даже в ситуации делового профессионального общения. Конечно, это связано с уровнем культуры речи конкретных людей. Но всё-таки представить себе такое в крупной компании трудно.

Таким образом, средства и приёмы эффективности устной деловой коммуникации различаются в зависимости от масштаба и характера предприятия, в котором она осуществляется.

Собственно лингвистической основой достижения эффективности устной деловой коммуникации является коммуникативная компетенция сотрудников. Коммуникативная компетенция прежде всего связана с уровнем речевой культуры. Как показывает анализ, речевая культура руководящих сотрудников крупных корпораций может быть определена как высокая. Об этом свидетельствует анализ интервью топ-менеджеров крупных компаний. Приведём примеры речевых ошибок, отклонений от литературной нормы, зафиксированных всё же в их речи: *Когда мне она была интересна / эта тема / я почёрпывал знания / у меня была энциклопедия дипломатического этикета / могу вам сказать / что (смеётся) редко я пользуюсь чем-то оттуда //; Ну смысл позиционирования это чёткий абсолютно тЭрмин из области мАркетинга //; ... и вся эта тЭрминология она пришла из маркЕтинга // (Милёхина 2012в: 326).*

В отличие от предпринимателей, которые в большинстве своём непрофессионалы, топ-менеджеры – профессионалы высокого уровня, в активе у которых нередко два образования, даже учёная степень. В их речи широко распространена терминология маркетинга и менеджмента: *компания с большой дифференциацией на рынке; расслоение клиентов является способом адаптации продуктового ряда банковского //; выстраивание корпоративной культуры; клиентоориентированность должна быть на первом месте при любом раскладе //; эксперт по лояльности клиентов.* Интересно мнение самих топ-менеджеров об их речи: *Я хотел сказать / что / на самом деле / э есть большой разрыв между реальной коммуникацией и э эталонно – рекомендуемой и более того каких-то источников / которые бы например там формализовали речь банковских сотрудников / либо там финансовых каких-то там консультантов / да? Она отсутствует //* (Милёхина 2012в: 326).

Предприниматели, как показывает наш материал, разные с точки зрения типа речевой культуры. Носителей полнофункционального типа очень мало. Представители неполнофункционального типа речевой культуры также составляют немногочисленную группу. Большинство наблюдаемых нами предпринимателей обладает среднелитературной речевой культурой [Милёхина 2006: 218].

Выбор способов и приёмов достижения эффективности устной деловой коммуникации обусловлен множеством факторов как экстралингвистического, так и собственно лингвистического характера. К экстралингвистическим можно отнести размер, формат, форму собственности предприятия, поскольку для огромной корпорации и маленькой коммерческой фирмы характерно использование различных коммуникативных парадигм. Лингвистическими особенностями выступают устная форма речи непосредственного общения или через Интернет, письменная форма, жанровые параметры, языковая компетенция, черты языковой личности участников общения.

Важнейшими факторами, формирующими специфику деловой устной коммуникации, являются экстралингвистические факторы. Способы и приёмы достижения эффективного делового общения в крупной корпорации отличаются от приёмов эффективного делового общения, присущего коммуникации, характерной для мелкого регионального бизнеса.

3.4. Факторы, влияющие на эффективность сетевого делового общения (А. В. Дегальцева)

Современное деловое общение претерпевает изменения как в своей форме, так и в содержании. Качественные трансформации проявляются, прежде всего, в тесном сближении институционального общения с общением межличностным; ориентации на западные речевые традиции [Ратмайр, Рисинзон 2017]; тенденции к деофициализации деловой коммуникации и документации [Голев, Сологуб 2007; Колтунова 2005] и широком проникновении «принципов неофициального общения в традиционно официальные сферы» коммуникации [Байкулова 2015: 8]. Такое общение характеризуется «сниженным уровнем контроля», размытостью ролевых характеристик, «избирательно-ситуативным принципом соблюдения норм» делового общения [Колтунова 2005: 182], в связи с чем его иногда называют полуофициальным [Бобарыкина 2003; Колтунова 2005]. А. Н. Байкулова справедливо полагает, что между коллегами могут возникать особые разновидности неофициального общения: рабочее и межличностное деловое. Первое связано с решением «деловых задач без излишней формализованности, т. е. при возможном ослаблении статусно-ролевых позиций коммуникантов и некотором усилении фактора их личных взаимоотношений» [Байкулова 2015: 23]. Второе представляет собой неформальное избирательное общение, носящее «частный, добровольный, более непринуждённый и эмоциональный характер, чем рабочее общение». Это деловая коммуникация, «отражающая речевое взаимодействие сотрудников в периоды незанятости и направленная на укрепление личных связей коммуникантов» [Байкулова 2015: 23].

Следует отметить, что снижение официальности делового общения во многом зависит от формы его воплощения. Например, в деловом общении, опосредованном интернет-технологиями, наблюдаются такие тенденции, как усиление коллоквиализации (разговорности), экспрессивизация, тенденция к глобальному снижению и огрублению речи [Интернет-коммуникация ..., 2012]. Эти тенденции, безусловно, могут негативно сказываться на эффективности деловой коммуникации. Между тем использование интернет-технологий способствует оперативности решения рабочих задач при охвате всех сотрудников. Это оказывается особенно актуальным для корпораций, отделения которых находятся в разных регионах России и зарубежья. Очевидно, что сетевое взаимодействие работников стало наиболее востребованным в период пандемии коронавируса: для решения деловых задач они вынуждены были взаимодействовать друг с другом дистанционно.

Эффективность устной деловой интернет-коммуникации достигается, прежде всего, за счёт использования средств и способов выражения информации, которые способствуют понятному изложению ра-

бочих вопросов, позволяют устанавливать и поддерживать бесконфликтное взаимодействие сотрудников, а также экономить время.

Предметом нашего исследования является общение малой профессиональной группы – специалистов технической поддержки программного обеспечения (далее – ПО) «OpenText», работающих в одной из известных и крупных промышленных российских организаций. Группа состоит из 6 человек, средний возраст которых составляет 30 лет. В её обязанности входит оказание помощи более чем 1300 сотрудникам из 30 городов России, а также поддержание работоспособности ПО. Все члены данной профессиональной группы работали в одном офисе, однако в период пандемии коронавируса стали осуществлять свою деятельность дистанционно: посредством интернет-программы Skype. К исследованию привлекается устное речевое общение членов этой рабочей группы друг с другом и с пользователями ПО «OpenText». Среди сделанных нами записей деловой коммуникации встречаются речевые образования разных жанров (обращения, собеседования, видеоконференции и под.). Общий объём проанализированного материала составляет 59477 словоупотреблений. На материале расшифровок наших записей рассмотрим некоторые факторы, влияющие на эффективность деловой сетевой коммуникации в малой профессиональной группе IT-специалистов.

Как показывают наблюдения, эффективности делового общения в данной малой профессиональной группе способствуют, во-первых, особый внутрикорпоративный этикет; во-вторых, употребление языковых средств, позволяющих оперативно решать рабочие задачи; в-третьих, снижение уровня официальности и ослабление статусно-ролевых позиций коммуникантов, благоприятствующие сплочению коллектива и установлению приятельских отношений между его членами. Рассмотрим каждый из факторов подробнее.

Кооперативному общению сотрудников способствует использование особого внутригруппового речевого этикета. Наши наблюдения показывают, что сотрудники компании, работающие в одном отделе и принадлежащие к одной возрастной категории, преимущественно обращаются друг к другу на *-ты*, даже если находятся на разных ступенях социальной лестницы, и по имени – полному или сокращённому (нередко англонизированному: *Дэн, Макс* и под.). К людям старшего поколения специалисты техподдержки, как правило, обращаются на *-Вы* и по полному имени. По-видимому, это связано не только с довольно молодым возрастом IT-специалистов, но и с глобальным влиянием на современное деловое общение традиций англоязычной культуры. В свою очередь, представители старшего поколения обращаются к IT-специалистам на *-Вы* и по полному имени. В качестве примера приведём начало разговора главного специалиста техподдержки, мужчины 32-х лет, с бухгалтером, женщиной, недавно

вышедшей на пенсию: *Здравствуйте / Галина // Это я Вам снова звоню по поводу Вашей проблемы // – Здравствуйте / Виктор //*

Для установления и окончания контакта с собеседником в деловом интернет-общении используются и особые формулы приветствия и прощания: *Доброго времени суток!; До связи!; На связи!* Активное употребление таких этикетных выражений началось ещё в 1990-х гг. и было связано с повсеместным распространением интернет-технологий как нового и весьма оперативного средства связи [Пахомова 2012]. Поскольку сотрудники корпорации живут в разных часовых поясах, в их речи довольно часто встречается получившее широкое распространение в сети приветствие «Доброго времени суток!» [Пахомова 2012; Кронгауз 2018]. М. А. Кронгауз так иронизирует над данной формулой приветствия: «Первоначально» это «воспринималось как шутка или по крайней мере шутливое, а потому бодрое приветствие. По мере употребления шутливость стёрлась, переродившись в некоторую фамильярность, раздражающую многих. <...> Возможно, раздражающим фактором становится некий условный образ, стоящий за ней: бодрый, фамильярный и неухоженный сисадмин из эпохи девяностых» [Кронгауз 2018]. Наблюдения показывают, что специалисты в области информационных технологий до сих пор используют эту этикетную формулу в деловом общении.

Среди сотрудников-мужчин в данной организации получила широкое распространение ещё одна формула установления речевого контакта: «Приветствую!». Как отмечают лингвисты, такое этикетное обращение носит несколько архаичный характер и уместно в официальной или торжественной обстановке [Михина 2014]. Согласно нашим наблюдениям, именно такую этикетную формулу приветствия выбирают руководители отделов в разговорах с подчинёнными или во время собеседования с кандидатами на ту или иную должность. По-видимому, такой способ установления контакта более приемлем в деловой обстановке, нежели «Доброго времени суток!», дружеское «Привет!» или нейтральное «Здравствуйте!». Как показывают наши наблюдения, новые этикетные формулы являются разновидностью конвенций, принятых в корпоративном общении.

Интернет-общение позволяет членам малой рабочей группы не только решать деловые задачи, но и беседовать на различные темы. Например, если адресант и адресат знакомы друг с другом и находятся примерно в одинаковых статусно-ролевых отношениях, они могут обсуждать личные или бытовые вопросы. Таким образом, в деловом общении ИТ-специалистов появляются фрагменты межличностного общения. Это благоприятно влияет на психологический климат в коллективе и, в свою очередь, способствует эффективности коммуникации между его членами. В качестве одного из примеров приведём разговор, который незадолго до начала совещания по Скайпу начинают двое сотрудников службы техподдержки, женщина (А.) и мужчина

(Б.) из разных городов: А. *Привет!* – Б. *Привет, Катя!* – А. *Как дела у тебя? Что делаешь?* – Б. *Да работы по горло / а так всё норм // Штас вот собираюсь чаю попить / а то вообще не продохнуть!* – А. *А я тоже себе чайку заварила! У тебя какой? Чёрный или зелёный?* – Б. *Чёрный / Ахмад //* – А. *А у меня зелёный // Я больше зелёный люблю // Он бодрит так!* В качестве другого примера можно привести разговор главного специалиста техподдержки (А.) с заместителем начальника отдела (Б.) о семейной жизни: А. *А у тебя сейчас жена с тобой / в Москве?* – Б. *Нет / она штас дома с ребёнком //* – А. *А-а-а! Понятно //* – Б. *Ну мы квартиру хотим в ипотеку брать // Возьмём / и они смогут приехать // А пока она со своей матерью // Мать с внуком сидит //* – А. *А у тебя жена / когда придет / будет в декрете сидеть или на работу выйдет?* – Б. *Она у меня визажист // Работает так что на себя // Мы думаем угол снять / под салон красоты // Она девочек наймёт // Будет бизнес // Но надо ещё подкопить чуток / конечно / а там видно будет //* – А. *Это понятно //*

Такое общение на свободные темы способствует созданию непринуждённой атмосферы, помогает сплочению сотрудников центра обслуживания и даже установлению между ними приятельских отношений. На наш взгляд, это особенно важно для IT-специалистов, проводящих большую часть своего времени за компьютером.

Поскольку в деловом мире одним из важнейших ресурсов является время, для его экономии в общении используются такие средства сжатия информации, как аббревиатуры, усечения слов и словосочетаний [Барт 2014]. Сокращаться могут как русские, так и английские слова и словосочетания.

Если говорить об употреблении аббревиатур в устной речи IT-специалистов, то следует заметить, что среди них встречаются как универсальные (*зпэ* – заработная плата, *тэдэ* – трудовой договор, *тэка* – трудовая книжка и под.), так и специфические для сотрудников, работающих с системой документооборота OpenText (*отэ* – OpenText, *узэ* – учётная запись, *элтэ* – линия поддержки, *зэнэи* – запрос на изменение данных, *зэнэо* – запрос на обработку данных, *арм* – автоматизированное рабочее место, *бэе* – балансовая единица, *цод* – центр обработки данных, *шэка* – штрих код, *пээнэр* – пусконаладочные работы, *эсэлэй* – (от англ. SLA: Service level agreement) – соглашение об уровне услуг и под.). Нам стало известно, что в компании, речь сотрудников которой привлекалась к анализу, для новых работников были созданы специальные словари сокращений с целью облегчения коммуникации с коллегами. Такие словники, однако, не учитывают всего реального многообразия аббревиатур, функционирующих в деловой речи специалистов техподдержки.

Если относительно универсальные аббревиатуры понятны подавляющему большинству работников, то узко профессиональные знакомы только специалистам в сферах документооборота и компью-

терных технологий. Поэтому при общении специалистов с неспециалистами, а также с сотрудниками, недавно устроившимися на работу, использование сокращений затрудняет общение. Приведём в качестве примера несколько ситуаций общения IT-специалистов (А.) с сотрудниками компании, которым они оказывают техническую поддержку (Б.): А. *У Вас принтер шэка не работает / правильно я понимаю?* – Б. *А что это такое шэка? Модель? У меня Хьюлетт-Паккард //* – А. *Нет //* *Это принтер штрих-кодóв //*; А. *У Вас чё / какая БЭЕ?* – Б. *В смысле?* – А. *Балансовая единица какая у Вас? ТэХа например / или что?* – Б. *ТэХа эт чё такое?*

Очевидно, что аббревиатуры проникают в устную речь сотрудников из письменной. Например, название руководителя подразделения аббревиатурой *эпэ* стало возможно благодаря тому, что в конце служебных писем он сам подписывается, используя аббревиатуру «РП»: *Звонил эпэ / спрашивает / как у нас дела с зэнэ //*

В деловом общении сотрудников техподдержки друг с другом или с теми работниками, которым они оказывают помощь, помимо аббревиатур, активно употребляются универбаты и усечения самых распространённых в коммуникации слов. Это, во-первых, слова используемые для поддержания обратной связи с собеседником: *ок (О'кэй), норм (нормально), пэжээл (пожалуйста), сэпэсэ (спасибо)* и под.: *И меня копией укажи в письме / пэжээл //*; *Ну / как у нас дела? //* *Всё норм //*; *Ну ок / свяжусь с ним //* Во-вторых, лексемы, так или иначе связанные с профессиональной деятельностью: *винда* (система Windows), *гиг* (гигабайт), *клава* (клавиатура), *оперативка* (оперативная память компьютера), *электронка* (электронная почта), *мат* (материальная помощь), *комп* (компьютер), *ноут* (ноутбук), *инфа* (информация), *учётка* (учётная запись), *фин* (финансы), *финархив* (финансовый архив) и мн. др.: *Прикинь / у меня ноут сам в сон ушёл / тупое животное!*; *Тут у нас просто / просто не была добавлена одна группа – мат!* *А / нет! Вот вижу / материальная помощь!*; *Ну / с четырьмя гигами оперативки я представляю / как у неё ком пашет!*; *Скинь мне по электронке эту инфу //*; *Когда будет время / займись финархивами //* В-третьих, сокращаться могут также номинации локусов (отделов, подразделений, городов и под.), метонимически используемых для обозначения сотрудников компании: *миддл* (от *миддл-офис* (англ. *Middle-Office*) – группы подразделений или процессов, отвечающих за проверку и непосредственную обработку клиентских операций), *фронт* (от *фронт-офис* (англ. *Front-Office*) – отдел взаимодействия с клиентами), *бэк* (от *бэк-офис* (англ. *Back-Office*) – отдел, который занимается администрированием и контролем за работой системы); *эйчар* (от англ. HR–HeadResorses) – отдел кадров, *Энэн / Нижний* – *Нижний Новгород*, *Эспэбэ* – *Санкт-Петербург* и др.: *Это надо с миддлóm связываться Вам //*; *Из Эспэбэ прилетела заявка <...> //*

Сокращаются также номинации профессий или должностей. Чаще всего такие номинации образуются от аббревиатур с помощью добавления иноязычного суффикса *-er* (от англ. *-er*) или русских суффиксов: ай + ти (от англ. *it = information technology*) + ш + ник = айтишник, и + бэ (информационная безопасность) + ш + ник = ибэшник и т. д. Подобные образования нередки в бизнес-коммуникации: эйч + ар (*hr = human resources*) + ов + ец = эйчаровец; и + пэ (индивидуальный предприниматель) + ш + ник = ипэшник. По-видимому, такие номинации лица связаны с отмеченной В. Г. Костомаровым современной тенденцией образования «имён лиц от буквенных аббревиатур, чего строго избегала <...> речь предшествующего периода, практически не допуская слов типа: ГАИшник, МИДовец, кагэбэшник» [Костомаров 1997: 201]. Изучая словообразовательные особенности номинаций наподобие «айтишник», М. В. Барт наблюдает в них «отход от установившихся издавна моделей образования аббревиатур», заключающийся в побуквенном произношении заимствованной аббревиатуры с добавлением к ней русского суффикса [Барт 2014: 46]. Использование в таких номинациях русских суффиксов связано с тем, что «языковое сознание словно не позволяет слову ничего не значить и не иметь никаких коннотативно-оценочных возможностей. Поэтому иноязычные аббревиатуры приобретают русские диминутивные суффиксы, что тут же погружает их в систему национальных «языковых привычек» выражать определенные культурно значимые эмоциональные и ценностные приоритеты: USB становится юэсбишкой CD-ROM превращается в сидюк» [].

Следует также заметить, что IT-специалисты всячески приспосабливают англоязычные морфемы к русской «почве», «обыгрывают их, искажая, сближая с русскими словами» [Полозова 2008: 37]. Так, суффикс *-er* превращается в *-ёр* в метафорической номинации *санёр*, т. е. специалист по работе с SAP / САП-системой автоматизированного управления.

Подобные номинации, однако, могут образовываться и без добавления суффикса, путём аббревиации или универбации: *эрнэ* – руководитель проекта; *админ*, *сисадмин* – сокращение от словосочетания *системный администратор*, *разраб* – разработчик. Как справедливо полагает М. В. Барт, «семантика усечённого деривата равна семантике производящего слова, отличие состоит в стилистической характеристике: производное имеет сниженную стилистическую окраску по сравнению с производящим. Далее при присоединении суффикса к уже усечённой производящей основе <...> лексическая единица спускается ещё на одну ступень по стилистической шкале» [Барт 2014: 43].

Следует отметить, что в речи информантов обозначения одних и тех же реалий рабочей действительности нередко оказываются вариативными. Во-первых, для номинации одного объекта могут использо-

ваться как аббревиатуры, так и универбаты (*узэ / учётка* – учётная запись, *оэс / операционка* – операционная система компьютера и под.). Во-вторых, номинация может осуществляться с помощью аббревиатур, произносимых и по-русски, и по-английски (*итэ / айти* – от «информационные технологии» и «information technology»); в-третьих, – с помощью жаргонизмов, мотивированных русскими или английскими лексемами: к таким словам относятся, прежде всего, самономинации и номинации пользователей (*компьютерщик / айтишник, техподдержка / саппорт* (в метонимическом употреблении используется для называния сотрудников), *ибэшник / секьюрити* (специалист по информационной безопасности); *кадровик / эйчаровец, пользак / юзер* и под.).

В деловой речи IT-специалистов активно употребляется жаргон: профессиональный, молодёжный и общий. Среди причин употребления жаргонных лексем можно назвать, прежде всего, относительно молодой возраст работников, а также снижение уровня официальности делового интернет-общения и желание коммуникантов эмоционально и экспрессивно обрисовать сложившуюся рабочую ситуацию (как правило, негативную): *Я знаю / что у нас щас косяки в работе двух фронтов //; Слушай / прикольно получается / мы должны и за себя и за них батрачить!; Ничё не пойму / какая-то лажа вообще!*

В последние десятилетия в связи с компьютеризацией и интернетизацией разных областей деятельности человека компьютерный жаргон и компьютерная терминология активно проникают во многие сферы жизни [Крысин 2000]. Очевидно, что современная IT-коммуникация невозможна без использования англицизмов, позволяющих именовать различные процессы и явления. В связи с этим в общении с коллегами специалисты техподдержки активно и регулярно употребляют англицизмы. По-видимому, это не является специфичным для представителей данной профессии. По наблюдениям Р. Ратмайр и С. А. Рисинзон, «английский язык для собеседников из успешных российских компаний уже давно стал «lingua franca», т. е. чем-то само собою разумеющимся для осуществления эффективных бизнес-коммуникаций» [Ратмайр, Рисинзон 2017: 84].

Ряд англицизмов-профессионализмов замещает собой номинации целых фрагментов действительности, для репрезентации которых понадобилось бы несколько русских слов. Употребление таких лексем, на наш взгляд, является вполне оправданным, поскольку позволяет специалистам в области компьютерных наук и информационных технологий экономить речевые усилия и рабочее время: *веб-репорт* (от англ. *web-report*) – система формирования отчётов; *скрипт* (от англ. *script*) – сценарий, в котором определена последовательность действий для автоматического выполнения задачи; *тайм-аут* (от англ. *time-out*) – время ожидания, как правило, предназначенное для оценки завершения процесса за определённое время; *трейс* (от англ. *trace*) – маршрут, по которому проходит сигнал от одного компьютера

до другого; *эзешник* – исполнительный файл формата *exe*; *конне́ктить* (от англ. *to connect*) – устанавливать интернет-соединение; *пингануть*, *пропинговать* – (от англ. *to ping*) – запустить процесс, который позволяет проверить скорость прохождения сигнала до определённого сервера; *ребутнуть* (от англ. *to reboot*) – перезагрузить компьютер и под.: *Давай / рестарт делай /; Странно! Он не выходит в тайм-аут //; Надо бы ребутнуть //*

Часть данных лексем используется IT-специалистами в сферах жизни, не касающихся работы. Это связано с тем, что в их картине мира в силу некоторой профессиональной деформации общение людей друг с другом выглядит примерно так же, как взаимодействие человека с каким-либо устройством. Так, слова *пингануть*, *пропинговать*, *отклик* (в значении ‘ответ компьютерной программы’) могут использоваться в контекстах, связанных с ожиданием ответа собеседника. В качестве примера приведём фрагмент неформальной беседы, в которой IT-специалист рассказывает своему коллеге о знакомстве с девушкой: *И вроде так она мне понравилась // Норм вроде // Вчера её в киношку пригласил / все дела // И щас короче / я ей эсэмэску послал // Пинганул её // – Ну ок! Жди отклик //*

В данном контексте глагол *пингануть* означает примерно следующее: ‘проверил, ответит ли она мне, и если да, то за какое время’.

Большинство профессионализмов не является простыми кальками с английского. Форма и значение этих слов, как правило, претерпевают различные трансформации [Крысин 2000; Аджемова, Гарстенауэр 2017]. Чаще всего к английским корням присоединяются русские аффиксы. Например, при образовании глаголов добавляются аффиксы, указывающие на совершенный или несовершенный вид: *чэкать* – проверять и *чэкнуть* / *прочэкать* – проверить (от англ. *to check*). Существительные же присоединяют к себе русские флексии: *траблы* (от англ. *trouble* – различного рода проблемы, возникающие при работе ПО), *багги* (от англ. *bug* – ошибка или недоработка в компьютерной программе). От английских корней легко образуются причастия и прилагательные по русским словообразовательным моделям: *забагованный* – содержащий ошибки и неисправности, *зазипованный* – сжатый с помощью Zip-архиватора и под.

Бум англицизмов приводит к тому, что IT-специалисты начинают употреблять английские слова по привычке, без необходимости. Это однако в большинстве случаев не вызывает непонимания у коллег, поскольку те также владеют базовыми навыками английского языка: *У Вас был фул* (от англ. *full* – полный) *комплект?*; *Пишет / что тру //* (от англ. *true* – правда); *Вы можете мне выслать сэмпл?* (от англ. *sample* – образец); *Тогда напишите мне / плиз* (от англ. *please* – пожалуйста) / *ещё раз / всё что Вы щас сказали / это в электронку мою / чтобы я не забыл //*; *Это не есть гуд //* (калька с англ. – *It isn't good*) и под. В некоторых случаях низкое качество воспроизведения

звука из-за недостаточно хорошего интернет-соединения может вызывать затруднения в распознавании англицизмов в речи коллег. Приведём пример из разговора начальника отдела (А.) с главным специалистом (Б.): А. *И ты мне завтра нужен будешь ещё / собеседоваться с архитектором // А он уже приходил к нам на собеседование раньше / элайв* (от англ. *alive* – вживую, не онлайн) // – Б. *Не понял // Куда приходил?* – А. *Сам говорю приходил // В офис к нам // До карантина //* – Б. *А-а! Да тебя чё-т слышно не очень //* – А. *Ну ты понял про собеседование? // Завтра к семи по Москве //* – Б. *Да понял всё // Буду //*

Следует заметить, что широкое и повсеместное употребление иноязычной лексики затрудняет коммуникацию с неспециалистами или сотрудниками компании, не владеющими английским языком.

Иногда в общении IT-специалистов англицизмы, не изменяя своей формы, претерпевают трансформации значения. Так, слово *юзер* (от англ. *user* – пользователь) нередко получает в речи иронически-пренебрежительный оттенок. При употреблении данного слова в таком значении звук [з] чаще всего произносится мягко (как [з']): *Не знаю / чё там эти юз'еры наюзали / но всё полетело теперь //*; *Эти юз'еры криворукие опять чё-т напортачили!* На вопрос лингвиста о том, отличаются ли юзеры от пользователей, некоторые из специалистов техподдержки дали такие ответы: *Пользователь – это как бы рядовой пользак // Обычный // Он немножко как бы чё-то там шарит //* *Юзер – это колхозник обычно //* Таким образом, *юзер* – это такой пользователь, который часто испытывает затруднения при работе с ПО. Он создаёт много проблем, которые приходится решать сотрудникам технической поддержки.

В речи сотрудников службы техподдержки, по нашим наблюдениям, активно используется метафора движения. Это объясняется тем, что сам процесс электронного документооборота – это непрерывное перемещение потока документов из одной точки в другую. Приведём конкретные примеры: *Я могу подсказать / как **ходит** этот документ // Так / давайте посмотрим / как они вообще **ходят** // Они **ходят** ... / четвёртый маршрут у них //*; *Ты не посмотрел веб-репорт / и место / на которое он **вываливается**?; Скажите / а Вы сразу в карточку **проваливаетесь**?; Он (компьютер) ругнулся и **высочила** ошибка // А-а / нет / смотри теперь пишет / что **ушла** ошибка //*; *Карточка **приехала** из Сапа //*; *И просто будет к нам **прилетать** номер этого обращения //*; *Да / он (компьютер) **раскидал** всё / а я не пойму / как он мог **раскидать** / если у неё не было групп?; Надо выяснить / какой фронт у нас **отвалился** //*; *Путь к папке указать надо //*

Как показали наши наблюдения, при общении IT-специалистов друг с другом употребление профессионализмов, в том числе аббревиаций и усечений, в целом является эффективным, поскольку позволяет сжато передавать информацию, экономя рабочее время коммуникантов. В качестве примера приведём фрагмент, в котором главный

специалист техподдержки отвечает на вопрос своего начальника, попутно приводя некоторые разъяснения. В этом отрывке встречается обилие профессионализмов, не затрудняющих коммуникацию IT-специалистов, а наоборот, упрощающих её, повышающих её эффективность:

– *Профиль в Цитриксе настраивается под конкретный сканер и под конкретную / там / папку?*

– *Нет // Профиль настраивается / он не то что под конкретную папку / просто профиль он ... / будет там // Но место откуда подбирать скан-образы ... // Ну там путь к папке надо указывать // А этот путь к папке разный у всех //*

– *А это в настройках где хранится? //*

– *Это в настройках хранится / в Энтерпрайс Скане / там / в конфигурациях // Но это к профилю не имеет отношения? //*

– *Не имеет? //*

– *Нет конечно // То есть это просто то место / откуда он будет подтягивать скан-образы // И оно у всех может быть разное // То есть если мы / ну / например / сейчас я работаю / у меня там диск Цэ / юзер Петров / там / папка один-два-три условно // А я переехал на другое место / естественно у меня там этой папки один-два-три там уже может не быть // Понимаешь?*

– *Да //*

– *А он будет думать / что ... //*

– *А можно сделать / чтобы автоматически всё было?*

– *Не / ну это можно сделать в теории // Если бы у нас был условно на всех площадках некий сетевой диск / подтягивался бы пользовательский / то мы могли бы задать там условно переменную какую-то типа юзер / там / сетевой диск и / там / какая-то папка // Но это мы не сделаем массово / потому что на разных площадках свои админы // Где-то они в домене / где-то не в домене //*

– *Ну понятно //*

Употребление IT-специалистами профессиональных жаргонизмов в общении с неспециалистами, напротив, вызывает у последних непонимание, нередко приводящее к коммуникативной неудаче. В качестве примера рассмотрим фрагмент общения сотрудницы бухгалтерии (А.) со специалистом техподдержки (Б.): А. *А я Вам решила на мобильный позвонить / а то по скайпу Вы почему-то всё время недоступны //* – Б. *Да у меня просто мать умерла!* – А. *О ... // Соболезную! Вам наверно сейчас тяжело / не до работы ... //* – Б. *Не до работы? А как Вы представляете / мне теперь на сломанном ноуте работать?* – А. *(растерянно) Ой ... / простите ... / Я не поняла // Вы про компьютер что ли говорите?* – Б. *Ну а про чё ж ещё?*

В данном случае под словами *мать умерла* IT-специалист подразумевает, что материнская плата ноутбука оказалась неисправной (в

компьютерном жаргоне слово *мать* обозначает материнскую плату, а глаголы *умереть* или *сдохнуть* употребляются в значениях ‘сломаться’, ‘перестать работать’). Собеседница вполне естественно воспринимает его слова в прямых, общеупотребительных значениях. Поэтому она спешит выразить соболезнования, неожиданные для специалиста техподдержки. Таким образом, употребляя незнакомую для адресата лексику, адресант снижает эффективность коммуникации.

Согласно современным социологическим и психологическим исследованиям, люди, выбирающие профессии, связанные с компьютерными технологиями, нередко испытывают проблемы с точностью выражения мысли. Большинство из них является интровертами, у некоторых может развиваться социофобия [Касьяненко, Алабин 2017; Забара 2018 и др.]. Очевидно, что «высокая степень погружённости в цифровую среду в ущерб остальным составляющим человеческой жизни, а также набор навыков, позволяющих эту среду понимать и конструировать, формируют» у так называемых «айтишников» «совершенно особое чувство общности, искать которое нужно в виртуальном пространстве, за пределы которого оно распространяется крайне редко» [Касьяненко, Алабин 2017: 103]. Именно поэтому такие люди предпочитают проводить свободное время за экранами мониторов, а не в дружеском кругу. В сети же IT-специалисты «чувствуют себя более свободно и уверенно, всё вокруг им понятно и знакомо, они являются хозяевами положения. В связи с этим их нежелание взаимодействовать с реальным миром, который нельзя «просчитать», «перезапустить» или «удалить», становится по-человечески понятно и определённо является сильнейшим основанием для возникновения даже не профессиональной, но некой «виртуальной» идентичности» [Касьяненко, Алабин 2017: 103].

Подтверждение тому, что общение с неспециалистами в области компьютерных технологий бывает затруднительным для «айтишников», можно обнаружить в их общении с коллегами. Так, во время онлайн-собеседования один из кандидатов на должность разработчика ПО с оказанием техподдержки говорит следующее: *Я думал / Вы чисто разараба ищите / а Вам ещё надо чтобы на поддержку // Просто знаете / я раньше с пользаками работал ведь уже / все нервы убил себе // Я откровенно скажу / иногда раздражает тупость человеческая // Ой как раздражает! Вы знаете / никаких денег вот не надо // Пусть меньше я буду лучшие получать / но токо не с ним работать // Нет //*

Главный специалист техподдержки (А.) выражает своему начальнику (Б.) похожее недовольство по поводу обучения коллег из других отделов основам работы с ПО: А. *Это чё получается / я их всех обучать должен? – Б. Ну / я думаю / у тебя время найдётся // – А. Да откуда у меня время-то? На мне висит большие ста бэе! Большие ста! Ты вкуриваешь? А там этих пользаков штук четыреста / прости Господи // И им всем расскажи / объясни ... //* – Б. *Ну чё ты им не*

расскажешь что ли? Часика на полтора каждой группе / а потом пусть вопросы задают // – А. Эт чё / я ещё должен им на пальцах на вопросы отвечать? У них же учебный ролик есть / там / вот пусть его и смотрят // – Б. Слушай / ну нам под них деньги выделили // – А. Да они некоторые вообще есть деревянные // Если они ролик / условно / смотрели и не поняли / я тут как бы бессилён //

Работники IT-сферы гордятся своими навыками и знаниями, поэтому нередко идентифицируют себя с магами или великими наставниками, о чём свидетельствуют самономинации «маг», «волшебник», «гуру», а также слова «вуду» (западноафриканский сплав религии и чёрной магии), глаголы «колдовать», «поколдовать» и под.: *Юзер – это колхозник обычно / а админ / он как волшебник //; Слушай / теперь всё пашет / ты прям маг и волшебник! //; Так / щас мы поколдуем тут немножко над эгзешиками //; Это прям сап-вуду какая-то получается //; А я тебя щас представлю нашему айти-гуру / он на связи //*

Если коммуникацию IT-специалистов друг с другом в целом можно считать эффективной, то в их общении с сотрудниками, которых они консультируют, наблюдаются трудности. По нашим наблюдениям, одним из ключевых факторов, снижающих эффективность общения IT-специалистов с неспециалистами, является нарушение этики общения.

Нам встретились случаи, когда специалисты техподдержки, подчёркнуто демонстрируя свою высокую профессиональную компетентность, допускали насмешки или издёвки над работниками, обращающимися к ним с техническими проблемами. В большинстве случаев объектом критики становился недостаточно высокий уровень компьютерной грамотности пользователей ПО, которым IT-специалисты оказывают поддержку. В качестве примера можно привести фрагмент обращения женщины (А.), готовящейся к выходу на пенсию (о чём она сама сообщает в разговоре), к специалисту техподдержки, мужчине 32 лет (Б.): *Б. Вот теперь делайте / как я говорю // Заходите в адресную строку и вбиваете там ... – А. А где эта адресная строка находится? – Б. Сверху // – А. Где это сверху? – Б. Ну / куда Вы все адреса вбиваете / когда что-то ищите // – А. А я ищу через токо Яндекс всегда // – Б. Хорошо / Ну вот вам присылают ссылку / и куда Вы её / условно / вбиваете? – А. В Яндекс // – Б. Я понял // Ну вот как же Вам объяснить-то? // Вот смотрите / наверху экрана есть длинная строка // Видите? – А. Нет // – Б. Господи / как тяжело-то с Вами / а ... // – А. молчит. – Б. Ну / отдавайте мне экран / я Вам покажу / где это? – А. А как? – Б. Что как? – А. Как отдать? – Б. Поделиться экраном // Не знаете как? – А. Нет // – Б. А Вы Скайпом вообще как пользуетесь? Просто я к тому / как Вы вообще работаете? – А. молчит. – Б. Слушайте / Вы хоть знаете / где кнопка «Пуск» / там / или как компьютер вообще включается? Вы вообще хоть чё-то можете / я имею в виду? – А. (раздражённо) Знаю! – Б. А у меня такое*

ощущение складывается / что Вы вообще ничё не знаете // – А. молчит. – Б. Ну что / делиться экраном будете или как? – А. молчит. – Б. Го-осподи ... // Как тяжко-то ... // Как Вы / блин / вообще работаете-то / а? Вот скажите мне на милость? – А. (всхлипывая) Старая я наверно ... / для этой работы // На пенсию мне пора // – Б. Ну Вам виднее // – А. (плачущим прерывающимся голосом) Я не могу с Вами сейчас разговаривать / простите // Мне ... / надо в себя прийти // Я Вас позже ... / наберу // Когда смогу // – Б. Ой / женщина! Да чё ж вы плачете-то сразу? Зачем так реагировать? Да как же Вы работаете / если Вы сразу плачете? – А. Простите / простите! Мне надо отдышаться немного // Простите меня // (прерывает видеозвонок).

Как видим, в разговоре с коллегой IT-специалист не использует этикетных формул, просьб и косвенно – с помощью риторических вопросов («Как Вы вообще работаете?; Вы вообще хоть чё-то можете <...>?») – заявляет о её некомпетентности. Несмотря на то, что имя и отчество сотрудницы, обратившейся в службу техподдержки, отображается на мониторе ноутбука IT-специалиста, он несколько раз использует фамильярно-просторечное обращение к ней («женщина»). Не смущает его и почтенный возраст сотрудницы, которая вполне могла бы подать жалобу на IT-специалиста его руководству.

Специалисты техподдержки любят демонстрировать своё ролевое превосходство, поучая коллег, которым они оказывают помощь. Примером может служить такой диалог: А. *Нам бы ещё провели обучение по Опэн Тексту // Было бы неплохо // – Б. Так с Вами должны были обучение проводить? – А. С нашим департаментом нет // Не было полноценного // Только ролик обучающий скинули // Даже некому было вопросы задать // – Б. А Вы скажите своему руководству / чтобы Вам провели обучение // Мы ведь со всеми не справляемся // Только у меня одного больше ста БЭЕ // – А. Да как мы можем сказать руководству? – Б. Как? Очень просто! – А. Ну Вы же понимаете / что это деньги // Это не бесплатно же всё будет // А руководство не хочет лишних денег платить! – Б. А как Вы работаете / если не умеете разговаривать с руководством? – А. Да кто же нас послушает? – Б. Ну надо уметь договариваться! Иначе так и будете всю жизнь бояться //*

Нежелание специалистов службы технической поддержки выслушивать пространные жалобы пользователей ПО объясняется психологическими перегрузками из-за плотного графика работы. К сожалению, IT-специалисты нередко не задумываются над тем, что их резкие ответы задевают чувства собеседников. Приведём пример фрагмента обращения сотрудницы транспортного холдинга (А.) к главному специалисту техподдержки (Б.) посредством видеозвонка: А. *Вот у меня знаете что / Вот два дня назад у меня все ещё работало прекрасно / печать чёткая была / никаких обрезанных углов! А потом пришёл наш айтишник / мне в компьютере программку новую устанавливать / и всё сломалось // Он знает вот как ... //* – Б. (перебивая)

Да не надо мне всё это расписывать! Мне не интересно это всё // Рассказы Ваши! Я понял уже / в чём у Вас проблема / Уже решаю // – А. Да / ну тогда ... // – Б. (перебивая, раздражённо) Да всё! Налаживаю! Ждите! Через минуту всё заработает у Вас ... // – А. (обиженно) Ну ладно ... //

Через два дня у А. снова возникает проблема и она обращается к тому же IT-специалисту. Общение начинается так: Б. *Добрый день! – А. Добрый // Я опять к Вам вынуждена обратиться // Помните меня? Вы мне пару дней назад сказали / что я Вам не интересна // – Б. Помню // Да ладно Вам! Я сказал / что не Вы / а проблема ... // – А. Ну вот-вот // Теперь у меня опять принтер не печатает //*

Как видим, работник транспортного холдинга затаила обиду на специалиста техподдержки, поэтому косвенно выразила своё недовольство его речевым поведением.

Итак, эффективности общения IT-специалистов друг с другом способствует ряд факторов. Во-первых, употребление языковых средств, формирующих их профессиональную идентичность (корпоративный этикет, профессиональные термины и жаргонизмы) и позволяющих оперативно решать профессиональные задачи (речевая компрессия), во-вторых, создание и поддержание психологически благоприятной рабочей атмосферы (ослабление статусно-ролевых связей). Эффективности деловой коммуникации IT-специалистов, испытывающих сложности в общении с коллегами-неспециалистами в области компьютерных технологий, должны способствовать, прежде всего, повышение уровня их коммуникативности и стремление к заботе об адресате. Эти два базовых навыка, на наш взгляд, позволят им почувствовать себя полноценной частью макроколлектива и выполнять рабочие задачи более продуктивно. К сожалению, сами IT-специалисты зачастую не отдают себе в этом отчёта и не стремятся к совершенствованию своих коммуникативных навыков в работе с менее профессионально подготовленным к этой работе сотрудниками, что снижает эффективность общения с ними.

3.5. Баланс официальности / разговорности как критерий эффективности юридической консультации (О. В. Никитина)

Эффективность как достижение желаемого результата является определяющим принципом современного профессионального общения. Независимо от категории профессионального сообщества (медицинское, политическое, педагогическое, юридическое и т. д.) важность коммуникативных способностей (получить информацию, договориться о чем-либо, организовать совместную деятельность или поддержать отношения) трудно переоценить. В связи с этим большое внимание уделяется описанию особенностей профессионального дис-

курса, поскольку он является важным фактором социализации [Кочемасова, Воронина 2018], обеспечивающим общение профессионалов между собой или позволяющим специалисту решить профессиональную задачу в отношении неспециалиста. Профессиональный дискурс «обычно основывается на некоторых изученных репертуарах» [Кочемасова, Воронина 2018: 150], поэтому описание и изучение жанров дискурса, которые традиционно определяются как способы организации взаимодействия между субъектами в определенной ситуации с конкретными целями и коммуникативными средствами, позволяет человеку не только стать полноправным членом дискурсивного сообщества (доказать, что я педагог, юрист, программист), но и выполнить свой профессиональный долг (врачу – поставить диагноз и назначить лечение, юристу – оказать необходимую правовую помощь).

Интерес к общению в правовой сфере закономерен: потребности современного общества в правовых знаниях и юридически грамотных действиях чрезвычайно велики. Этим и обусловлено исследовательское внимание к жанрам правового (юридического) дискурса.

Обзор основных работ этой тематики позволяет выделить публикации, в которых представлена общая характеристика юридического дискурса [Косоногова 2015], сделаны попытки классификации и систематизации жанров [Палашевская 2012; Дубровская 2010; Крапивина 2014] и проведены исследования, посвященные анализу конкретного жанра: жанр «обвинение» (обвинительная речь) [Анисимова 2000], исковое заявление [Сологуб 2005], допрос и протокол допроса [Татарникова 2006], консультация [Гимпельсон 2010], судебный допрос, решение, приговор суда [Дубровская 2010] и др.

О. В. Косоногова определяет юридический дискурс как «особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых субъект, адресат или содержание (или хотя бы одна их этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции и / или встречаются в рамках пересечения» [Косоногова 2015: 66].

Отмечая разнообразие видов и жанров профессиональной юридической коммуникации – юридические документы (тексты законов, приговоры, судебные решения, протоколы допросов), публичная речь (обвинительные и защитительные речи, научные доклады и лекции по вопросам права), исследователь обращает внимание на смешение статусно-ориентированных и личностно-ориентированных характеристик дискурса. На примере речи судьи О. В. Косоногова показывает влияние институциональных дискурсов, в которых ограничиваются коммуникативные стратегии его участников (судья, истолковывая закон, руководствуется соответствующими принципами и правилами, осуществляет связь с личностно ориентированными дискурсами, так как стремление

к воздействию на судей и присяжных заседателей порождает эмоциональность высказывания [Косоногова 2015: 64]). Как видим, расширяя границы статусно-ориентированного, целенаправленного и стереотипного по своей сути общения, юридический дискурс включает в себя и эмоционально-личностное начало. О. В. Косоногова убедительно иллюстрирует это положение на примере судебного монолога: речь судьи, как и его профессиональное поведение, ограничивается и регулируется определенными принципами и правилами, она рациональна, но реализация воздействующей функции, которая признается главной в судебной риторике, невозможна без психолого-риторической, эмоционально-окрашенной аргументации [Косоногова 2015: 64].

Для классификации жанров юридического дискурса исследователи используют разные основания.

И. В. Палашевская считает, что жанры юридического дискурса можно классифицировать, опираясь на статус участника и его коммуникативную цель (для следователя актуальны формы допроса, запроса, постановления, поручения, повестки, ходатайства; «к жанровым формам правоприменительных актов относятся решения суда в форме постановлений, определений, приговора, судебные приказы, постановления следствия и дознания» [Палашевская 2012: 148]); основные дискурсивные связи между участниками взаимодействия правовых субъектов, обозначенные жанрообразующими речевыми актами (например, вопрос-ответ, требование-возражение, приказ-исполнение); сценарии коммуникативных событий: от речевого акта к сложным жанровым макроструктурам, в основе которых лежат цепочки взаимообусловленных речевых событий.

И. В. Дубровская, определяя соотношение юридического и судебного дискурса как целого и части, рассматривает жанр судебного допроса с позиций его участников, каждый из которых преследует свои цели, и обращает внимание на роль судьи в этом речевом процессе. Основанием для систематизации жанрового материала служит речевое взаимодействие судьи и допрашивающего, судьи и допрашиваемого, судьи и присяжных заседателей (напутственное слово) [Дубровская 2010].

О. А. Крапивина выстраивает типологию, опираясь на сам жанр как критерий классификации. Согласно этому положению, выделяются жанры законодательного дискурса (закон, конституция, указ), жанры судебного дискурса (жалоба, судебное решение, особое мнение судьи), жанры частного дискурса (завещание, договор). Характеризуя обозначенные жанры, ученый приходит к выводу, что «юридические дискурсивные практики, балансируя между полюсами "институциональность – персональность", делают границы юридического дискурса размытыми, а не жестко очерченными, как полагают некоторые исследователи. Помимо чисто институциональных (закон, конституция, судебное решение, договор), юридический дискурс включает

персонализированные жанры с присущей им диалектикой институционального и персонального (указ, особое мнение судьи, завещание, жалоба)» [Крапивина 2014: 225].

В работах, посвященных описанию конкретного жанра, анализируется ситуация общения, автор (говорящий или пишущий), составляется «портрет» аудитории, обозначается цель (или сверхзадача), обращается внимание на типичное содержание и способы его воплощения (композиционные, языковые и стилистические особенности).

Так, например, исковое заявление, по мнению О. П. Сологуб, имеет конкретную коммуникативную цель – информирование судебных органов о правовой ситуации нарушения прав или законных интересов для дальнейшего ее урегулирования. Образ автора обладает сложной структурой: и истец, и юрист-консультант, составляющий этот документ, являются его авторами. И этот список не исчерпывающий. Характер аудитории (или образ адресата) – официальная инстанция – судебный орган, который должен разрешить правовую проблему истца (одного из авторов документа). Фактором прошлого выступают определенные события, негативные по своей сути для адресанта, а образ будущего выступает в виде юридических документов, являющихся ответными по отношению к исковому заявлению (определение суда, встречный иск или мировое соглашение). Тип диктумного (событийного) содержания может быть обозначен как информативный нарратив, обладающий «футуральной перспективой». Особенности языкового воплощения продиктованы жесткими требованиями официально-делового стиля: строгая регламентированность текста, обязательный набор содержательных элементов (реквизитов), их последовательность и пространственное расположение [Сологуб 2005].

Одним из распространенных жанров правового дискурса можно считать юридическую консультацию, о специфике которой и пойдет речь в этом параграфе.

Обратимся к описанию жанра, предложенному в работе Е. Г. Гимпельсон «Консультация в деятельности юриста» [Гимпельсон 2010]. Следует согласиться с мнением исследователя, считающего юридическую консультацию речевым событием, в котором выделяется речь-консультация как главный, но не единственный жанр. Основными характеристиками ситуации, в которой происходит общение, Е. Г. Гимпельсон считает «спонтанность, дефицит времени, незнание клиента», т. е. она является сложной. В связи с этим исследователь предлагает не ограничиваться чтением соответствующего закона, а рекомендует показать, как «безличностное юридическое знание действует в конкретной ситуации и позволяет людям решать их проблемы» [Гимпельсон 2010: 63]. Участники юридической консультации – юрисконсульт и клиент – вступают в диалог, основой которого является речь-консультация. Ее задача – «сформировать устойчивую потребность (желание) следовать совету (так как окончательное решение

клиент выбирает сам), совершить грамотные юридические действия в конкретном случае, что должно привести к положительным результатам, и, шире, повысить уровень правовой культуры» [Гимпельсон 2010: 64]. Предметное содержание – правовые нормы по запрашиваемой проблеме. При этом важно не только описать клиенту алгоритм действий для отстаивания им своих прав и разъяснить его (клиента) правовое положение, но и показать реальные последствия предлагаемых вариантов, спрогнозировать развитие ситуации. Особого внимания заслуживает, по мнению ученого, язык речи: «язык консультации должен соответствовать, с одной стороны, содержанию нормативных текстов, с другой – уровню компетенции адресата, чтобы реализовалась задача речи и информация воспринималась и усваивалась слушателем» [Гимпельсон 2010: 65].

Итак, юридическая консультация представляет собой речевое взаимодействие коммуникантов в деловой сфере, предполагающее диалоговую форму общения, всегда учитывающее характер адресата речи (возрастные, социальные, культурные, поведенческие, речевые и этикетные особенности собеседников), степень подготовленности обоих участников к освоению сложной речевой ситуации, совмещающей разные функционально-стилевые особенности русского языка.

В работах Л. А. Введенской и Л. Г. Павловой [Введенская, Павлова 2002] и пособия «Профессиональные навыки юриста» [Профессиональные ..., 2001] юридическое консультирование (не консультация!) определяется как процесс взаимосвязанных речевых действий (этапов), объединенных коммуникативными интенциями участников общения (юриста-консультанта и гражданина, обратившегося за помощью).

В профессиональном юридическом сообществе понятие «юридическая консультация» соотносится с терминами «юридическая помощь» и «услуга»: «это деятельность, в ходе которой происходит взаимодействие между субъектом, который оказывает юридическую помощь, и субъектом, который обратился за данной юридической помощью в форме консультации для решения своих вопросов, которые затрагивают его интересы, правовыми методами и средствами [Правовые ..., 2019: 10].

Следует обратить внимание на омонимичный термин «юридическая консультация» – некоммерческая организация на территории одного судебного района, занимающаяся оказанием правовой помощи населению [Об адвокатской ..., 2002].

Как видим, ни терминологические разногласия (консультация или консультирование), ни понятийная неопределенность (речевой жанр (гипержанр), речевое событие, процесс) не влияют на практический интерес к этому жанру: во всех пособиях, касающихся адвокатской деятельности (см., например, [Адвокат ..., 2006; Навыки ..., 2006; Шевченко 2013]), умение консультировать является одним из

основных навыков адвоката. Студенты юридических вузов приобретают эти знания и умения в рамках практико-ориентированного обучения [Иванова, Никитина 2020a]. Следовательно, и сам жанр *юридическая консультация*, и критерии его эффективности являются чрезвычайно актуальными, однако мало представленными в научной и методической литературе.

В целях настоящего параграфа определимся с понятиями.

Под **юридической консультацией** будем понимать сложный гибридный жанр, отражающий непрерывный процесс развертывания речевого события, состоящего из относительно самостоятельных в смысловом и структурном отношении речевых актов: опроса (расспроса) – вопросно-ответного диалогического общения с целью уяснения характера правовой проблемы и интенций участников взаимодействия и (или) повествовательного нарратива, отражающего фактуальную информацию, цепь реальных событий, приведших к обращению за правовой помощью; речи-консультации, задача которой сформировать потребность (желание) следовать предложенному совету. Подчеркнем, основанием для обозначения гибридности коммуникации являются не только «полюсные» различия участников: специалист-неспециалист, но и характеристика речи адресанта (юриста), использующего вместе с официально-деловым разговорный стиль для адаптации к собеседнику.

Термин **«консультирование»** будем использовать для обозначения процесса речевых действий (адвокат занимался консультированием, т. е. информировал доверителя (клиента) по поводу решения правовой проблемы в рамках юридического консультирования).

Независимо от вида юридической консультации – устная, письменная, реальная или виртуальная (интернет-консультация), простая (ответ на один вопрос) или сложная (информирование по комплексной правовой проблеме) – это всегда взаимодействие специалиста с непрофессионалом, ответственность за результат такого общения в большей степени возлагается на первого. Именно он в соответствии со своей языковой и речевой компетенцией структурно организует собеседование, выбирает соответствующие стратегии и тактики речевого поведения, заботится о доступности и понятности используемых языковых средств.

Охарактеризуем юридическую консультацию с позиций результативного взаимодействия. Несмотря на активный интерес исследователей к проблеме эффективности профессионального юридического общения, именно этому жанру уделено мало внимания. Анализируются коммуникативные качества документных текстов законодательного (юридического) подстиля [Павлова, Кашаева 2018], рассматриваются общие принципы речевой коммуникации в профессиональной деятельности юриста [Усманова 2007] и частные вопросы, например, снижение рискогенности законодательного текста [Никитина 2019] или приемы

стилистической трансформации текста в целях повышения его доступности и правильного истолкования [Марьева 2016]. Заслуживают внимание и работы по проведению допроса, например, лингвиста-эксперта [Власова, Попова 2019]. В ней исследователи характеризуют проблемы, обусловленные недостаточным знанием участниками судебного процесса основ проведения лингвистических судебных экспертиз, и приходят к выводу, с которым нельзя не согласиться: современному юристу для осуществления профессиональной деятельности необходимо обладать не только юридической, но и лингвистической компетенцией. Это важно и для юридического консультирования.

Что повышает эффективность юридической консультации?

Основными критериями эффективности общения, обозначенными в коллективной монографии [Эффективность ..., 2019], следует считать интерактивность (умение вести гармоничный диалог, постоянную заботу об адресате речи, коррекцию речевого поведения адресанта с учетом возможностей понимания адресантом его намерений, уместная эмоциональность и коммуникативная компетентность). Дополняя и углубляя представления об эффективном общении, которое авторы другой монографии называют «позитивной коммуникацией» [Позитивная ..., 2020], обозначим важные составляющие этого процесса, способствующие и затрудняющие достижение эффективности:

- коммуникативная инициатива (наличие интенции у участников общения);
- вовлеченность в интеракцию и, как следствие, эмпатия, сопереживания участников;
- коммуникативная адаптация к собеседнику;
- социальная поддержка: приветствуется комплимент, похвала, утешение, сочувствие и, наоборот, равнодушие и псевдоподдержка имеют деструктивный эффект;
- конгруэнтность (соответствие внешнего коммуникативного проявления внутренним целям и мотивам, иными словами, искренность и открытость общения).

Все эти принципы априори должны быть реализованы в жанре юридической консультации. Безусловно, эффективной можно считать юридическую консультацию, в которой нивелированы коммуникативные риски (понятие *рискогенности* [Рискогенность ..., 2015] противопоставлено *коммуникативной компетентности*, отвечающей за организацию и результат общения). Коммуникативные риски, которые можно разделить на организационные и собственно коммуникативные, снижают эффективность юридической консультации [Иванова, Никитина 2020б]. Преодолению организационных рисков способствует знание юристом структурной модели речевого жанра и следование им. Собственно коммуникативные риски, порожденные «неодинаковой способностью юриста и клиента излагать, понимать и

оценивать предложенную информацию» [Иванова, Никитина 2020б: 10], могут быть сглажены, если юрист придерживается норм и правил коммуникативного поведения в данной ситуации общения. Эффективное взаимодействие участников юридической консультации, как нам кажется, невозможно без соблюдения **баланса официальности / разговорности** как определяющих основ статусно-ориентированного устного общения. Оговорим: наши рассуждения об эффективности речевого взаимодействия затрагивают устные консультации, при которых, участники, во-первых, непосредственно взаимодействуют друг с другом; во-вторых, реализуют определенную цель – дать разъяснения по сложной проблеме, требующей анализа исходного материала и поиска вариантов решения (материал исследования – записи юридических консультаций, проведенных студентами Юридической клиники ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»). Имена собственные, даты изменены).

Традиционными элементами институциональности, характерными признаками официально-делового стиля можно считать стандартизованность и точность речи [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 326–327]. Эти параметры проявляется на структурно-содержательном и лексико-семантическом уровнях организации жанра *юридическая консультация*.

Относительно устоявшаяся композиционная структура жанра: начало консультации (формально-этикетные формулы приветствия и знакомства, расспрос (интервьюирование), резюмирование, собственно консультирование и завершение беседы) – позволяет организовать продуктивное общение между участниками. Между тем неоправданное «ускорение процесса», пропуск одного из элементов консультирования может привести к нежелательным последствиям. Особое внимание следует обратить на резюмирование – пересказ юристом информации, предоставленной клиентом. Это повествование, или нарратив, выстраивается по особому принципу: из рассказа клиента вычлениваются юридически значимые факты, учитывается их временная последовательность и взаимообусловленность. Игнорирование данного элемента коммуникации затрудняет качественную передачу фактуальной информации, следовательно, негативно влияет на эффективность консультирования.

Официальность выражения обуславливается использованием клише – стандартных речевых формул, характерных для юридической разновидности официально-делового стиля. По мнению Т. В. Ивановой, «употребление клише совершенно оправдано в текстах документов; они передают ту или иную семантическую информацию (преимущественно мотивацию действия, констатацию фактов или указание на причинно-следственные связи) и тем самым способствуют унификации юридического документа» [Иванова 2016: 129]. Поскольку участниками речевого взаимодействия в рамках юридического

консультирования являются, во-первых, незнакомые или малознакомые люди, во-вторых, люди разных профессиональных и культурно-образовательных сообществ, употребление речевых клише должно быть мотивированным.

– Студент-юрист: *Иван Иванович, поскольку вам услуга была оказана ненадлежащим образом* (плохо отремонтировали квартиру), *то согласно статье ...*

В приведенном примере клише *ненадлежащим образом* употреблено уместно, так как его значение пояснено адресату речи – плохо.

Точность речи достигается использованием специальной терминологии и однозначностью нетерминологической лексики. Эффективность юридического консультирования напрямую зависит от знаний и умений говорящих целесообразно включать в речь лексику деловой сферы, учитывать ее синонимические, паронимические и другие типы связей [Авдевина 2020]. Как справедливо отмечает О. Ю. Авдевина, предложенная в ее статье классификация лексики деловой сферы «помогает системно представить не только тезаурус дискурса, но и предметную его сферу, текстовый корпус и даже специфику картины мира и соответствующий ей тип социального мышления, сформированного в деловой сфере» [Авдевина 2020: 8], что особенно важно для начинающих юристов.

Без сомнения, эффективному коммуникативному результату в жанре *юридической консультации* будет способствовать «коммуникативная дистанция как определенная шкала между предельно лично ориентированным и предельно статусно ориентированным общением» [Карасик 2016: 28]. Коммуникативное поведение участников общения, во-первых, должно быть этически и этикетно корректным; во-вторых, доверительность отношений не должна переходить в навязчивость, а информированность – в любопытство. Не следует забывать: сведения о частной жизни охраняются не только этикетными, но и правовыми нормами.

Как видим, обозначенные параметры официальности юридической консультации являются эффективными, если коммуниканты обладают коммуникативной и лингвистической компетенцией.

Вместе с тем устный характер жанра «диктует» свои правила. Без включения в речь разговорных элементов невозможно достижение желаемого результата. Поясним: под разговорными элементами в рамках настоящего параграфа будем понимать все, что делает профессиональную (строгую, официальную) речь комфортной для понимания неспециалистом, помогает достижению адекватного смыслового восприятия передаваемого сообщения.

Одним из главных элементов разговорности можно считать диалогическую форму общения. Именно в ней, как отмечает О. Б. Сиротина, «даже в официальной обстановке обнаруживается очень большая близость к разговорной речи» [Сиротина 2010б: 29]. Диа-

логичность, основанная на сотрудничестве (паритетности) говорящих, предполагает мену ролей говорящий / слушающий, что оказывается очень важным при организации общения в рамках юридической консультации. Сначала, во время расспроса (или интервьюирования) клиента, юрист демонстрирует навыки активного слушателя (не перебивает говорящего, однако руководит конструктивным диалогом, задает уместные вопросы, тем самым демонстрирует профессиональную и личную заинтересованность в совместном обсуждении проблемы клиента), а клиент в своих ответах выступает адресантом речи. Затем, наоборот, отправителем речи является юрист, а клиент – ее адресатом.

При организации диалога юристу необходимо владеть техникой продуктивного вопроса. Во-первых, использовать разные типы вопросов. В начале консультации вполне уместными оказываются информационные вопросы фактического характера: *Чем Вы сейчас занимаетесь? Работаете? С кем Вы сейчас проживаете?* На этапе выяснения характера правовых проблем нельзя пренебрегать и другими описанными в специальной литературе вопросами, например, уточняющими (*Что еще Вы можете добавить?*) или зеркальными (переспросами), начинающимися со слов: *Если я Вас правильно понял, Вы утверждаете ...* Такие вопросы основаны на повторении ответа собеседника и необходимы для проверки информации, уточнения деталей обсуждаемой проблемы.

Во-вторых, в беседе с клиентом абсолютно недопустимы так называемые «наводящие» вопросы, подсказывающие ответ (*Вы ведь точно знаете, что это произошло после покупки квартиры?*). Они считаются некорректными, так как предлагают нужный ответ, с которым клиенты часто легко соглашаются, хотя это не соответствует фактам. Поэтому нецелесообразно начинать консультацию с вопросов уточняющего характера: во время выслушивания проблемы клиента необходимо использовать зондирующие вопросы (*Что произошло? Как это событие связано с Вами?*). Они настраивают на общение и дают возможность клиенту продемонстрировать свое видение ситуации.

Наконец, нельзя не обозначить действенность контрольных вопросов, целью которых является оценка достоверности полученных ответов. Подобные вопросы позволяют определить, насколько собеседник искренен, установить скрытую информацию. Методика контрольного вопроса основана на умении об одном и том же спросить другими словами. Например, основной вопрос: *Вы довольны, что живете вместе с родителями мужа;* контрольный: *Хотели бы иметь отдельное жилье?*

Важным аспектом разговорности является эмоционально-личностное начало. Эмпатия, т. е. осознанное сопереживание эмоциональному состоянию собеседника, способность распознать, что он чувствует, и выразить сострадание, помогает создать доверительную

атмосферу, расположить клиента к обсуждению не всегда приятных ситуаций и поступков. Эмпатическое слушание неслучайно выступает формой обратной связи в процессе коммуникации: его цель – оказать поддержку собеседнику, дать понять, что его проблема важна и значима не только для него самого. Обратим внимание: юрист консультирует женщину, которая ведет себя беспокойно, нервничает.

– *Студент-юрист: Татьяна Сергеевна, вы очень взволнованы, я вижу, что эта проблема Вас очень волнует. Мы всегда переживаем, когда дело касается нас и наших близких. Предлагаю успокоиться и вместе разобраться в вашем вопросе. Как я понял, Вас интересует проблема наследства? Вы вступаете в наследство или Вас волнуют наследники вашего имущества?*

В приведенном примере адресант оценивает эмоциональное состояние собеседника (*вы очень взволнованы*), ставит себя на его место (*мы всегда переживаем, когда дело касается нас и наших близких*), создает обстановку конструктивного диалога (*предлагаю успокоиться*), высказывает заинтересованность в совместных действиях (*вместе разобраться в вашем вопросе*).

В завершение обратимся к такому аспекту разговорности как стилистическая трансформация текста. Прием «упрощения» используется на протяжении всей юридической консультации, но наиболее показателен он во время именно консультации. Как уже говорилось, цель этой речи – не только предложить варианты решения проблемы, но и убедить клиента следовать предложенному совету. Поэтому, чем проще и понятнее будет объяснение, тем быстрее клиент примет его вариант решения.

Вопросы стилистической трансформации юридического текста подробно изложены в работе М. В. Марьевой [Марьева 2016]. Автор вводит в терминологический оборот два вида трансформации – «трансформацию восходящую (от просторечных и сниженных форм к книжным) и нисходящую (от официального стиля документа к популярному изложению, разговорному литературному языку)» [Марьева 2016: 100]. Как полагает исследователь, именно нисходящая трансформация необходима в практике юридической консультации, так как «нормы закона должны быть доступно истолкованы, подкреплены примерами» [Марьева 2016: 99]. Каким образом осуществляется нисходящая трансформация? Для этого книжный текст лишается всего того, что придает ему «книжность»: упрощается лексика (слова с конкретными значениями употребляются активнее, чем с абстрактными), сокращается число отглагольных существительных в пользу глагола, избавляется от цепочек однотипных падежей, минимизируется количество причастных и деепричастных оборотов, отдается предпочтение простой структуре предложений. Покажем это на конкретном примере:

Исходное предложение: *Согласно пункту 10 статьи 32 Жилищного кодекса Российской Федерации признание в установленном Пра-*

вительством Российской Федерации порядке многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции является основанием предъявления органом, принявшим решение о признании такого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, к собственникам помещений в указанном доме требования о его сносе или реконструкции в разумный срок. Стилистически трансформированная конструкция: *Если дом признан аварийным в соответствии с пунктом 10 статьи 32 Жилищного кодекса РФ, то собственники помещения должны в разумные сроки снести или реконструировать его.* Без сомнения, второе высказывание будет более компактным и понятным адресату.

Не менее значительные изменения касаются прагматики текста. «С этой точки зрения при нисходящей трансформации существенными становятся средства привлечения и удержания внимания, речевого этикета, элементы риторики (используют, хоть и умеренно, риторические вопросы, вводные слова, содержащие оценочный и эмоциональный элемент, другие экспрессивные средства); в устной консультации – так называемые метатекстовые скрепы, позволяющие не потерять логику развития мысли, и т. п.», – замечает М. В. Марьева [Марьева 2016: 103].

– Студент-юрист: *Анастасия Петровна, сейчас я выделю из вашего рассказа важные, на мой взгляд, факты. Послушайте меня внимательно, уточните и исправьте, если нужно.*

– Клиент (Анастасия Петровна): *Да, хорошо.*

– Студент-юрист: *XX.XX.200.. года вы вступили в брак с ФИО, от этого брака у вас есть несовершеннолетний ребенок ФИО XX.XX.200.. года рождения. Сейчас брак не расторгнут, но проживаете вы раздельно, совместное хозяйство не ведете. Правильно?*

– Клиент (Анастасия Петровна): *молча кивает головой.*

– Студент-юрист: *Далее. Отношения с мужем не складываются, так как у вас разные взгляды на жизнь. Муж живет один и денег на содержание дочери, к сожалению, вам не дает, а вы в данный момент не работаете. Находитесь в декретном отпуске.*

В приведенном примере используются средства привлечения внимания (*послушайте*), вопросы (*правильно?*), оценочная лексика (*к сожалению*), метатекстовые единицы, подчеркивающие логику развития мысли (*далее*).

Нельзя не остановиться и на преобразованиях композиционного уровня. М. В. Марьева подчеркивает: «Нисходящая стилистическая трансформация ориентирована на конкретного адресата, а композиция может выступать в качестве средства управления внимания» [Марьева 2016: 103]. Вследствие этого, например, обязательные, унифицированные части закона могут быть изложены в последовательности, удобной говорящему.

Например, при обращении к популярному среди клиентов Юридической клиники Закону «О защите прав потребителей», сначала обсуждается содержание интересующей статьи (*в отношении технически сложного товара написано, что вы можете вернуть его и по истечении 15 дней со дня покупки, если обнаружили в своем телевизоре существенные недостатки*), а потом, при необходимости, обращаются к преамбуле Закона, в которой даются определения терминам (*согласно Закону, существенным недостатком товара считается неустранимый недостаток или недостаток, который не может быть устранен без несоразмерных расходов или затрат времени, это недостаток выявляется неоднократно, или проявляется вновь после его устранения*).

Итак, снижение официальности в сторону разговорности можно считать фактором, способствующим достижению эффективности юридической консультации, а излишняя строгость, официальность будет вредить ее эффективности.

Таким образом, как и любая дискурсивная форма, юридическая консультация имеет определенный сценарий речевого события, включающий официальную ситуацию общения, участников с их статусно ориентированными отношениями, целевыми установками, определенными типами и моделями коммуникативного поведения. Эффективность юридической консультации не только зависит от правовой и коммуникативной компетенции ее участников, но и определяется тем, насколько уместно была снижена официальность в сторону разговорности и как это проявилось в выборе языковых элементов в их речи. Все это позволяет говорить о дискурсивной периферии юридической консультации и предположить, что ее, по аналогии с околополитическим (термин Ю. А. Антоновой и Н. Б. Руженцевой) [Антонова, Руженцева 2017]), можно считать околоюридическим жанром в структуре юридического дискурса.

3.6. Непонимание в речевом взаимодействии руководителей и подчиненных (И. А. Вороновская)

Эффективность коммуникации, ее результативность, как подчеркивает О. Б. Сиротина, зависит прежде всего от умения адресанта этого достичь, которое в любой сфере общения предполагает соблюдение в речи языковой точности и учет фактора адресата [Сиротина 2019а]: его апперцепционной базы, речевой культуры, психологического состояния, социально-демографических характеристик (возраста, пола, уровня образования, профессиональной деятельности, семейного положения) и других работающих факторов.

Если в вертикальном общении адресант-руководитель, от него ожидаются задания, понятные адресату-подчиненному(ым) и соответ-

ствующие его (их) возможностям. Однако наблюдения за речевым поведением участников вертикального общения в организации высшего образования показывают, что руководители не всегда способны четко сформулировать поручаемые задания и не всегда стараются обеспечить их правильное толкование, а подчиненные по тем или иным причинам не переспрашивают, не уточняют непонятное им сообщение. Такое взаимодействие вполне может не только оказаться неэффективным, но и даже повлечь убытки.

Руководители часто осложняют понимание своей речи. Во-первых, «речевым препятствием» понимания является использование руководителями напрямую не связанных со сферой деятельности организации (не всегда необходимых) и неосвоенных широкими слоями населения заимствованных слов (например, в сфере образовательной деятельности: *коворкинг, нетворкинг, лофт, кампус, фасилитатор, ритейл, форсайт, брендбук* и т. п.) [Вороновская 2017; Эффективность ..., 2019], тем более без объяснения их значений, хотя не все из них включены в словари иностранных слов. Как верно заметил, М. А. Кронгауз, речь с недавними заимствованиями кажется в лучшем случае неестественной, а в худшем – откровенным издевательством [Кронгауз 2012]. Безусловно, в результате такой речи может возникнуть негативная реакция подчиненного(ых) (например: *Пора заводить словарь N; Давайте писать отчет словами N*), которая связана с последующими затруднениями в выполнении им (ими) поставленных задач. Значения каких-то заимствований можно посмотреть в Интернете, но для этого потребуется потратить некоторое время, вместо чего можно было бы выполнить часть работы или из-за чего можно упустить фрагмент последующего, не исключено, что важного высказывания руководителя (например, во время совещания).

Возможны и случаи, когда руководители даже препятствуют правильному пониманию содержания их высказываний, сами не владея точным значением используемых заимствований. Например, после высказывания *С целью увеличения объемов платежей через эквайринг нужно на территории института разместить плакаты* руководитель пояснил, что эквайринг – это система оплаты онлайн. В действительности значение данного слова немного иное, эквайринг – прием к оплате банковских карт в предприятиях торговли и обслуживания (<https://kartaslov.ru/>). Вместе с тем, исходя из приведенного высказывания, подчиненные пришли к неверному выводу, что через эквайринг уже осуществлялась оплата образовательных услуг, потому что интонационно как рема (новое) высказывания выделялось *нужно на территории института разместить плакаты*.

Во-вторых, полному или частичному непониманию речи руководителей способствуют неправильно сформулированные высказывания, с неудачным / неправильным выбором слов или с пропусками слов, что напоминает упомянутый О. Б. Сиротининой характерный

для современной речи процесс сокращения умственных усилий, когда вместо сознательного выбора слова или его формы используется первое пришедшее в голову [Сиротинина 2019б, 2020]. Рассмотрим несколько примеров.

1. *Посмотри ваковские журналы по юриспруденции / куда можно направить электронную статью.* Что обозначает словосочетание *электронную статью*? Электронный вариант статьи? Если это так, то во все журналы авторские материалы не просто можно, но нужно отправлять в электронном варианте. Переспросить у руководителя не представилась возможность, поскольку озвучив свое поручение, он сразу ушел в свой кабинет. В результате подчиненный подготовил многостраничный список журналов, ориентируясь на расположенный на сайте Высшей аттестационной комиссии перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Подчиненный пребывал в полной уверенности, что выполнил все верно. Однако попытки истолковать высказывание адресанта по-своему нередко, как и в данном случае, приводят к несовпадению ожидаемого руководителем с реальным. В своем высказывании адресант в какой-то мере нарушил порядок слов: расположил определение (*электронную*) не в том месте и согласовал его не с тем определяемым словом. Несмотря на то, что приведенное высказывание не конфликтное, но неправильно сформулированное в результате оно послужило причиной последующих конфликтных высказываний этого же автора: *Это что ты мне даешь? Я как должна выбирать из этого списка? Ты на что рабочее время потратил? Каждый раз тебе говоришь одно и то же / но ты все делаешь по-своему // Я просила электронные ваковские журналы.* Чтобы избежать подобных конфликтных рисков, руководителям следует интересоваться, все ли понятно подчиненному(ым), и в случае необходимости повторить медленнее и внятнее или перефразировать свое сообщение, а также дать возможность подчиненному(ым) переспросить, а подчиненному(ым) нужно уточнять непонятные ему(им) поставленные задачи, задавать наводящие вопросы, переспрашивать.

2. *Кто по какой защите* – это задание, письменно выраженное и переданное через секретаря на листе со списком лиц (фамилиями, именами и отчествами). Опять же уточнить его смысл возможность отсутствовала, поскольку секретарь не владел информацией. К сокращенной манере говорения (в данном случае письма), по словам А. Мустайоки, приводит убежденность в наличии «общего языка». Из-за иллюзии общего ментального мира и потребности избегать лишних усилий игнорируются возможные различия в мышлении, а это дополнительный риск для возникновения недопонимания речи [Мустайоки 2011: 82]. Все сказанное или написанное должно, согласно одной из максим Грайса, содержать необходимую и достаточную для понима-

ния полноту информации [Сиротинина 2013a: 63]. Неполное предложение без предыдущего контекста и тем более в письменной форме – одно из «речевых препятствий» достижения цели адресанта. В такой ситуации от адресата требуются дополнительные усилия для его интерпретации, но они еще не гарантируют успех. В итоге только знание, что руководитель готовит к защите аспиранта, позволило подчиненному, предположить, что адресант имел в виду, кто по какой специальности имеет право оппонировать. Выполненное задание от исполнителя к руководителю было передано тоже через секретаря. Верно ли оно выполнено, подчиненному руководителю так и не сообщил, не учитывая, что таким образом их дальнейшее взаимодействие может быть осложнено.

3. *Коллеги / прошу свой план прислать на лето // Командировки / промоакции / праздники / посещение предприятий и организаций и так далее.* В данном сообщении у подчиненных возникли трудности в понимании двух слов: *промоакции* и *праздники*. Непонимание первого было связано с незнанием его значения (промоакция – это чуждое сфере деятельности профессорско-преподавательского состава маркетинговое понятие, обозначающее совокупность действий, направленных на продвижение и популяризацию продукта или услуги (<https://kartaslov.ru/>). Второе слово никак не укладывалось в контекст, подчиненным предстояло подготовить план профориентационной работы, а праздники с работой, как правило, не связаны. В результате неверного выбора слов, как отмечают авторы коллективной монографии [Рискогенность ..., 2015: 23], нарушается адекватность смысла речи при ее восприятии, из-за ее полного или частичного непонимания искажается или даже меняется на противоположный смысл высказывания. Реакция руководителя на подготовленные подчиненными планы была конфликтной: *Вы не ставьте меня в позу постоянно упрашивающего! Это все не то // Идите передельвайте! Вы меня берете измором / раз сказала / два сказала // Вы все несете и все не то.* Выяснилось, что в планах исполнителей не хватало мероприятий (круглых столов, мастер-классов, олимпиад, конкурсов и т. п.), которые адресант назвал праздниками.

4. *Коллеги, прошу обратить внимание на изменения в программе ДОД* – это письменный текст, направленный всем исполнителям на электронную почту, и пример неудачного сокращения. Непонимание вызвала неизвестная никому, использованная впервые для адресатов и без расшифровки аббревиатура *ДОД*. Такое, по общему мнению исполнителей, языковое творчество руководителя они стали возмущенно обсуждать, так как не понимали, о какой программе идет речь, и, соответственно, не могли обратить внимание на изменения в ней. Обратившись к словарю сокращений, подчиненные узнали, что это близкое их профессиональной деятельности понятие – Дни открытых дверей. Таким образом, аббревиатуры, используемые в том или ином

коллективе впервые, необходимо расшифровывать, чтобы не провоцировать негативную реакцию адресатов.

Ситуации, в которых адресат частично или полностью не понимает сообщение или понимает его иначе, чем предполагалось адресантом, многие исследователи (О. Н. Ермакова, Е. А. Земская, Ф. Басевич, А. Мустайоки и др.) называют коммуникативной неудачей. Коммуникативные неудачи, способствующие неэффективной организации труда, подобные приведенным выше, иногда бывают намеренными, если руководители сознательно идут на конфликт, или иногда воспринимаются так подчиненными. Нечетко сформулированные задания могут напоминать один из приемов «психологического моббинга», под которым понимается целенаправленный психологический террор на рабочем месте, деструктивное поведение руководства или подчиненных по отношению к одному из сотрудников [Шелехова 2016], поскольку не выполнив задание или выполнив его неправильно, подчиненные могут подвергаться со стороны руководителей обвинениям, упрекам, угрозам и даже оскорблениям (иногда и публично), тем более что конфликтогенные высказывания руководителям свойственны (см. об этом, например, в [Вороновская 2018]).

Старание адресанта тщательно приспособить свою речь к адресату, как показали психолингвистические эксперименты, это только идеал [Мустайоки 2011: 77]. Однако это не означает, что руководителям, как, впрочем, и всем адресантам, не стоит стремиться к этому идеалу. Заботясь о своем речевом поведении, руководители могут добиваться поставленных целей. Свои цели преследует и адресат. Для их достижения подчиненным, в свою очередь, необходимо преодолевать боязнь или нежелание переспрашивать, задавать уточняющие вопросы руководителям.

3.7. Конфликтогенные риски в официальном вертикальном общении (адресант-подчиненный) (И. А. Вороновская)

В коллективной монографии [Эффективность ..., 2019] при анализе фактов эффективного и неэффективного речевого поведения руководителя и подчиненного во взаимодействии друг с другом основное внимание уделялось именно речи руководителя как того, кто в соответствии с выполняемой коммуникативной ролью (распорядительной) и сильной коммуникативной позицией занимает больше коммуникативного пространства. Хотя, бесспорно, речевое поведение подчиненного в этом взаимодействии не менее важно. Дальнейшие наблюдения позволили нам дополнить данные о причинах малоэффективного или неэффективного речевого взаимодействия в официальном вертикальном общении.

Речевое взаимодействие в организации оказывает значительное влияние на результаты деятельности ее сотрудников, поэтому в процессе такого взаимодействия важно учитывать должность, функции, обязанности, потребности, цели, а также психологическое состояние, возраст и количество адресатов, не забывая при этом о такой неотъемлемой составляющей эффективного речевого поведения, как речевой этикет. Вне сомнения, тональность общения и психологическая обстановка в организации в большей степени зависят от руководителя, который обязан не просто иметь представление о возможных конфликтах, но избегать конфликтогенного речевого поведения по отношению к своим подчиненным и уметь в случае возникновения конфликта грамотно управлять им. Однако современному руководителю это не всегда удается. Более того, в вертикальном общении руководитель заметно чаще прибегает к высказываниям, создающим конфликтогенные риски [Вороновская 2018].

Если говорить об эскалации конфликтогенов, под которой понимается ответ адресата на конфликтоген более сильным конфликтогеном [Шейнов 1996], то в общении руководителя с подчиненным это крайне редкое явление. Эскалация может возникнуть только тогда, когда автор первого конфликтогена – подчиненный. Как показывает практика, подчиненные в процессе общения с руководителями сравнительно редко создают речевые конфликтогенные риски и тем более конфликтные коммуникативные ситуации, поскольку они не заинтересованы в этом из-за своего более низкого статуса в организации, им больше свойственно соблюдение описанных И. А. Стерниным принципов бесконфликтного общения: принципа терпимости к собеседнику, принципа благоприятной самоподачи и принципа позитива (минимизации негативной информации) [Стернин 2012]. Замечено, что если такие риски все же случаются, то подчиненные ведут себя более сдержанно, чем руководители, которые прибегают к оскорблениям и даже угрозам.

На примере речевого поведения подчиненных в организации высшего образования покажем, что вызывает ответную конфликтогенную реакцию руководителя.

Основным принципом официальной сферы делового общения, залогом его эффективности является соблюдение учета отношений «начальник – подчиненный», т. е., как правило, вынужденного неравенства [Сиротинина 2019а]. Одна из основных проблем во взаимодействии подчиненного с руководителем заключается в том, что подчиненный не всегда учитывает статус своего собеседника и в речевом взаимодействии с ним нарушает субординацию. Обычно это проявляется в конфликтогенных высказываниях следующих типов:

1. Прежде всего, конфликтогенными являются высказывания, в которых подчиненный, используя частицу *не* при глаголе, категорично отказывается от выполнения каких-либо поручений (*Я не буду ...*;

Я не сделаю ...; Я не собираюсь это делать ...; Я не хочу ...), что не соответствует ожидаемому от него исполнительскому речевому поведению, или демонстрирует профессиональную некомпетентность, подчеркивая отсутствие знаний, умений, возможностей (*Я не знаю ...; Я не понимаю ...; Я не справлюсь ...; Я не умею ...; Я не смогу ...; Я не успею ...*). Подобные высказывания, адресованные другим лицам и в других сферах общения, например, в обиходно-бытовой или в той же деловой, но равному по социальному положению собеседнику, обычно не провоцируют конфликтную коммуникативную ситуацию. Но адресат-руководитель, как правило, в большинстве случаев на такого рода ответы подчиненного реагирует довольно резко: *А что Вы тогда будете делать?; Зачем мне тогда такой работник?; За что такому работнику платить?; Не хотите / пишите заявление / уступите место тому / кто захочет; Я Вас не спрашиваю / а отдаю распоряжение // Можете или нет – это Ваши проблемы* и др.

2. Конфликтогенны также высказывания, в которых подчиненный делает попытки перераспределить задание, возложенное на него, тем более если объектом этого перераспределения становится его руководитель (пример смотрите в пункте 3). Для этого подчиненный использует как неприятие задания неявное отрицание, целью которого, согласно В. Е. Ершовой, является скрытое воздействие на партнера по коммуникации [Ершова 2012]. Например: *Пускай этим займутся молодые; С этим лучше справится Наталья Александровна; Мне всегда помогала составлять эти планы Елена Васильевна // Может / она сама сейчас все сделает? Так будет быстрее; Опись в документов и материалов для аккредитации лучше заполнят заведующие кафедрами* и др. Такими высказываниями подчиненный косвенно отклоняет свою кандидатуру как исполнителя и выражает свое несогласие с руководителем. В ответ руководитель начинает указывать подчиненным на их недостатки, обвинять и даже оскорблять: *Вас там трое в отделе // Вы сидите / штаны протираете // Что Вы сделали? То Вам рук не хватало / мы взяли Вам человека // Вот что Вы там делаете? Да ничего // Этим Вы должны заниматься // Это Ваша работа // Не перекладывайте ее на заведующих / Я не знаю / как еще с Вами разговаривать / чтобы Вы поняли / что это серьезно // Никто ничего не делает.*

3. Увеличивает конфликтогенный риск и сочетание *как хотите* особенно в соединении с другими конфликтогенными для руководителя высказываниями (с отказом, перераспределением и угрозой, не упомянутой выше среди конфликтогенов подчиненных, поскольку она больше свойственна руководителям [Вороновская 2018]). Например, высказывания, обращенные к заведующему кафедрой:

1) *Вы как хотите / я сказала / что это только формально // Я не буду исполнять обязанности / ходить на совещания // Сразу предупредила // Нет / так уволюсь.* В данном примере *как хотите* – сигнал нарушения должностной иерархии, пренебрежительного отношения к

мнению руководителя, усиливающийся другими конфликтогенами: отказ *я не буду ...* и угрозу *Нет / так уволюсь*, которая, очевидно, означает намерение подчиненного, по словам В. С. Ли, ввести адресата в такое состояние, чтобы он выполнил что-либо в интересах адресанта [Ли 2013];

2) *Как хотите / но мне проще уволиться / чем выполнить такие планы*. Усиливается косвенно выраженная угроза (примерно такая: *Если передо мной поставите задачу выполнить такие планы, то я уволюсь*);

3) *Вы как хотите / но в следующий раз сами будете руководителем такой большой секции // Это невозможно / очень долго / я устала // Мы послушали только семнадцать докладчиков // Некоторые по двадцать минут выступали // Регламент не соблюдали*. В приведенном примере адресант-подчиненный, выполнявший функции руководителя секции конференции, в грубой форме словами *сами будете* перекладывает работу на своего собеседника – заведующего кафедрой, явно не учитывается его статус и подчеркивается, что это не зависит от желания руководителя. Одновременно с этим подчиненный даже не обращает внимания, что тем самым подтверждает не соответствующее руководителю секции научной конференции поведение: заседание секции закончил, прежде чем выслушали всех участников конференции; не дал возможности выступить другим, обосновывая это затянутыми выступлениями некоторых, хотя, если выступающие не соблюдают регламент времени, руководитель секции сам должен был их остановить. Неудивительно, что заведующий кафедрой после такого сообщения остался недовольным и от него последовали ответные конфликтогенные высказывания: *Вы слышите / что говорите? Не первый год Вы руководитель секции // Что случилось в этом году / что Вы решили подпортить имидж института?*

4. Способен побудить ответную отрицательную реакцию и повтор (ежедневный) одного и того же слова *завтра* при самостоятельном и необоснованном переносе сроков выполнения работы. Например: в первый день – *Мне еще немного осталось доделать* (про рабочие программы) // *Я завтра их принесу*; во второй день – *Я сделала рабочую программу по философии только для экашек* (направление подготовки Экономика) // *Для остальных вечером дома сделаю и завтра принесу*; в третий день – *Ой // Еще надо было для эвэшек* (направление подготовки Сервис)? *Я уже завтра сдам*. В третий раз руководитель уже не выдерживает и предпринимает ответное речевое действие: *Нет / сегодня не уходите домой / пока не сдадите*.

5. Спровоцировать конфликтную ситуацию могут также высказывания, нарушающие субординацию, адресованные непосредственному руководителю, в которых подчиненный сообщает о какой-либо договоренности с вышестоящим руководителем. К примеру, на SMS-сообщение заведующего кафедрой с текстом *Напоминаю: совещание в*

15.15 в 202 ауд. один подчиненный отвечает: *У Ирины Валентиновны отпросилась и отчиталась*; другой отправляет следующий ответ: *Я уехала на мероприятие со студентами / декан отправила*; или на устный вопрос *Когда сдадите фонды оценочных средств по читаемым дисциплинам?* звучит следующая реплика: *Я все сдала начальнику УМО (учебно-методического отдела)*. Естественно, непосредственному руководителю не может понравиться, что его подчиненный не считает нужным отпроситься у него или донести какую-либо информацию сначала именно ему. Высказывания, похожие на приведенные, могут создать впечатление, что подчиненный воспринимает себя равным непосредственному руководителю или не считает его значимым и уважаемым. Таким образом подчиненный может подорвать авторитет непосредственного руководителя в глазах других подчиненных или вышестоящего руководства.

б. Конфликтогенным потенциалом обладают также высказывания, в которых содержатся отрицательная оценка приказов, распоряжений руководителей; оправдания подчиненных за невыполненную работу; некорректно выраженные просьбы, условия для выполнения (с примерами можно ознакомиться в коллективной монографии [Эффективность ..., 2019]).

В заключение отметим, что согласно результатам наблюдения неоптимального речевого поведения подчиненных по отношению к руководителям можно сделать вывод: чем меньше дистанция между подчиненным и руководителем, тем больше вероятность использования подчиненным конфликтогенов. В адрес непосредственного руководителя – заведующего кафедрой – подчиненный позволяет себе больше, чем с начальником УМО, проректором, и тем более ректором. Тяжело также руководителям, в подчинении которых находятся их друзья или родные, которые, к сожалению, не считают обязательным соблюдать субординацию. Личное в их взаимоотношениях преобладает над профессиональным, поэтому они могут себе позволить обратиться к руководителю на *ты*, что в деловой сфере общения недопустимо, как и перечить, спорить с руководителем; использовать все приведенные выше конфликтогены даже в присутствии других.

3.8. Изменения в повседневном общении, вызванные развитием новых средств связи: групповая виртуальная коммуникация и существующие риски (А. Н. Байкулова)

Эффективность коммуникации в разных сферах общения невозможно исследовать вне рассмотрения тех цивилизационных изменений, которые происходят буквально на наших глазах. Речь идет о широкомасштабном распространении опосредованного общения через Интернет. Если говорить о сфере повседневной коммуникации, то основной формой речи во всех разновидностях неофициального общения (о разновидностях неофициального общения см.: [Байкулова 2014]) всегда была устная. Однако в XXI веке повседневное общение претерпевает существенные изменения: неотъемлемой частью жизни каждого человека становится Интернет, который повлиял на нее так, как ни одно другое явление (см.: [Тошович 2018: 29, 45; Клушина 2018]). Опосредованное им общение приобрело еще недавно немыслимые масштабы. Технические устройства, позволяющие осуществлять коммуникационные процессы, становятся необходимостью не только для взрослых, но и для детей (смартфоны родители начинают приобретать детям с наступлением школьного возраста, с 6–7 лет, иногда раньше). «Всемирная паутина» стала тем коммуникативным каналом, где стал развиваться и формироваться новый стилистический материал (см.: [Николаева 2016, 2019]), в том числе групповое общение, нередко объединяющее профессиональное и неофициальное (даже семейное).

Современные устройства связи, оснащенные различными программами, мессенджерами, способны удовлетворять все потребности человека: получать и передавать информацию, выстраивать маршрут, читать литературу, слушать музыку, фотографировать, создавать фильмы, покупать, продавать, записываться на прием к врачу и получать от него консультацию, контролировать работу техники (например, робота-пылесоса), осуществлять связь с родственниками, которые проживают на другом конце Земного шара, и с членами семьи, которые находятся в той же комнате, и многое другое. В этом смысле эффективность новых возможностей коммуникации безусловна, и она обусловлена научно-техническим прогрессом. Вместе с тем, как отмечалось ранее (см.: [Эффективность ..., 2019]), понятие эффективности общения надо связывать не только с сиюминутным результатом, но и с результатом отдаленным: важно учитывать то, что создает угрозы для жизни человека. Этот ракурс представляется нам очень важным и требующим размышлений.

Одной из особенностей современной коммуникации стало стремительное распространение групповых текстовых чатов, в которых знакомые и незнакомые люди могут отправлять мгновенные электронные сообщения. Такая коммуникация носит поликодовый харак-

тер: в ее основе не только текст, но и видеоизображение, фотография, система пиктограмм. Письменная форма текста дополняется графическими средствами, отражающими специфические особенности устной речи. Стало допустимым фонетическое письмо; об эмоциях сигнализируют грамматические и графические средства: уже существующие в языке и новые междометия, а также эмотиконы, эмодзи и др. Например: (фрагмент чата, объединяющего продавцов магазина одежды с покупателями. Т. (покупатель) *Здравствуйте скажите размер брюк* – П. (продавец) *Здравствуйте, 1200, 42–50. На Тархова белые джоггеры есть*). Обратим внимание на *скажите*, а не *напишите*, пропуск знаков препинания (в сообщении покупателя они отсутствуют), сокращение фраз до уровня минимального понимания (*1200* – цена, *42–50* – размеры, *на Тархова* – магазин на улице Тархова в Саратове); смайл «лицо со звёздами в глазах», как объясняет сайт «Большой вопрос», «выражает такую эмоцию, такое впечатление, от которого вы теряете дар речи, теряете ориентацию в пространстве, впадаете в эйфорию, высшую степень восторга» (<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3724321-chtooznachaet-smajlik-so-zvezdami-v-glazah.html>.), а закрывающая скобка в конце сообщения передает радостную эмоцию. Все это говорит о том, что используется устно-письменная форма коммуникации, с одной стороны, упрощающая язык, а с другой, обогащающая его новыми средствами. Развивается индивидуально-авторское творчество. Б. Тошович предложил даже выделять сетевой разговорный функциональный стиль – Сет-РФС (см.: [Тошович 2018: 171]).

Общение с помощью различных технических устройств изменило характер всей сферы повседневной неофициальной коммуникации и стало оказывать существенное влияние на жизнь людей. Опосредованное общение привело к восстановлению утраченных по разным причинам связей с родственниками и друзьями, бывшими одноклассниками, однокурсниками, коллегами; стали развиваться отношения с незнакомыми людьми (в реальной коммуникации общение с незнакомыми нежелательно, а на расстоянии было просто невозможно). Стало привычной необходимостью участие людей в специально создаваемых социальных группах мгновенного и не ограниченного временем доступа: чаты и форумы соседей (см.: [Байкулова 2015]), родителей детей одного класса, одной детсадовской группы, покупателей той или иной продукции, членов спортивных секций или фитнес-центров и т. п.

С целью выявить степень участия людей в опосредованном групповом общении был проведён опрос 10 молодых женщин (средний возраст – 30–40 лет), которые имеют семьи, состоящие из 4 человек: мать, отец и двое детей (проживают в новых микрорайонах Саратова). Выбор информантов связан с тем, что, по нашим наблюдениям, создание многих виртуальных групп так или иначе связано с детьми, их воспитанием, пребыванием в детских учреждениях (школа и детский сад), посещением кружков, спортивных секций, а доля участия

женщин в этом процессе традиционно больше доли мужчин. В результате опроса было выявлено, что количество малых виртуальных групп, в которых участвуют матери, колеблется от 5 до 30. Наши респонденты представили и названия групп. Номинации отражают тематику общения, в них могут быть представлены обозначения самих коммуникантов или тех, ради кого осуществляется общение, названия социальных объектов и др. Наибольшее количество групп связано с детьми, их обучением и досугом. Например: «Информация от учителя», «Испанский язык. Espanol», «Гимнастки средняя группа», «Гимнастки младшая группа», «Родители 1Г1», «Родители "Чемпионов"», «Родители гимнасток», «Родители фигурное катание», «Одногруппники», «Принцессы», «Чемпионы» (с воспитателем)», «Класс 1а», «Класс 1Г1», «Класс 1 а (сольфеджио)», «3 Б», «Рисование с ИН», «Воскресная школа», «Садик группа Радуга», «Выпуск 2000»; «ДШИ 11 (хор)», «Аниматоры Капитошка 64» (в основе номинаций часто используются метафорические и метонимические переносы). Некоторые названия групп свидетельствуют об увлечениях мам: «Симпатушки для макушки», «Чтение акафиста», «glamourrussia». Часть групп посвящена общению с соседями (эти группы создаются обычно на этапе строительства дома или его заселения): «ЖСК Северный обманутые», «Ерёмина 9», «Ерёмина 9 подъезд 2», «Тархова 31 А ПВ 3», «Из рук в руки Еремина 9» (обсуждается обмен вещами между соседями). [Байкулова 2020].

Для того чтобы более наглядно представить коммуникативное пространство, занятое общением в малых виртуальных группах, приведем данные, полученные от членов одной из семей (случайный выбор), состоящей из 4 человек: мать / жена (в дальнейшем – М., 37 л.), муж / отец (37 л.) и две дочери (одна – школьница, 9-лет; другая, 6 лет, посещает детский сад). Кроме персонально адресованного опосредованного общения по телефону, три члена семьи – мать, отец и старшая дочь-школьница (младшая дочь не имеет смартфона) имеют доступ к общению в Интернете в социальных группах, охватывающих массовую аудиторию: «ВКонтакте», «Одноклассники», «Фейсбук», «Instagram» и др. Из разговора со взрослыми членами семьи было выявлено, что постепенно их интерес к этим контентам стал угасать, поскольку появилось множество новых площадок для общения, где обсуждаются актуальные события, касающиеся непосредственно этой семьи, т. е. произошло переключение членов семьи на общение в других специально созданных малых группах, очерчивающих круг родственников и / или друзей, круг знакомых (соседи, родители одноклассников или одногруппников дочерей, учителя, воспитатели, тренеры, члены родительского комитета, члены групп по интересам), а также круг незнакомых (люди, проживающие в одном многоэтажном и многоподъездном доме, не знакомые друг с другом).

В таблице представлены виртуальные малые социальные группы, в которых ежедневно общаются члены этой семьи.

Содержание таблицы показывает, что наибольшую степень коммуникативной активности проявляет М. (мать / жена), которая постоянно вовлечена в 14 виртуальных групп (есть ещё и временные группы), тогда как муж состоит только в 3-х, а дочь – в 4-х группах.

Таблица

Виртуальные малые социальные группы, в которые вовлечены члены одной из саратовских семей

Член семьи	Семейно-родственное и дружеское общение	Общение знакомых	Общение незнакомых
М. (мать / жена)	1. Группа родственников и друзей со стороны жены (8 чел.) 2. Группа родственников со стороны мужа (14 чел.)	Школа: (около 40 чел.) 1. Р. – Р. 2. Р. – Р. – У. Садик: (42 чел.) 1. Р. – Р. 2. Р. – Р. – В. 3. Родительский комитет (5 чел.) Спортивные секции детей: а) гимнастика (более 100 чел.) 1. Р. – Р. 2. Р. – Т. б) плавание (15 чел.) 1. Р. – Р. 2. Р. – Т. Временные (ситуативные) группы (создаются для подготовки к праздникам, поездкам на соревнования и т.п.) Хозяйственные дела 1. Подъезд дома (30 чел.) 2. Из рук в руки (около 100 чел.)	Хозяйственные дела 1. Дом
Муж	1. Группа родственников со стороны мужа (11 чел.) 2. Рыбалка		Хозяйственные дела 1. Дом
Ребенок школьного возраста	1. Группа родственников и подруг мамы (7 чел.) 2. Группа близких подруг (6 чел.)	1. Группа по интересам (гимнастика) (20 чел.) 2. Группа одноклассников (10 чел.)	

Условные обозначения: Р. – родитель, У. – учитель, В. – воспитатель, Т. – тренер; Р. – Р. – группа родителей; Р. – Р. – У. (В., Т.) – группа, куда входят родители и учитель (В. – воспитатель, Т. – тренер).

Семейно-родственное и дружеское общение реализуется в двух группах: группе родственников и друзей со стороны жены и группе родственников со стороны мужа. Общение в этих группах нацелено на поддержание контакта для информирования о важных семейных со-

бытиях, поздравлений с официальными и семейными праздниками, обмена фотографиями и видео. Здесь активно используется поликодовость виртуальной коммуникации: родственники и друзья обмениваются креолизованными текстами, содержащими как вербальный, так и невербальный (преимущественно открытки, фотографии, видеофайлы, эмодзи) компоненты, и рефлексиируют по этому поводу, отправляя сообщения в основном оценочного содержания.

Для М. наибольший интерес представляет группа ее друзей и родственников. В неё входит 7 человек: сама М., ее дочь, мать, свекровь, две подруги и мать одной из них. Общность интересов и затрагиваемых тем влияет на гендерный состав группы: сообщениями обмениваются только женщины, проживающие в одном городе и часто вступающие в реальную межличностную коммуникацию. Центром общения является сама М., поскольку в группу включены именно её родственники и друзья. Приведем в качестве примера фрагмент общения в этой группе (орфография и пунктуация здесь и далее сохранены, текст передан курсивом): М. отправляет свекрови изображение табеля дочери (внучки) с оценками из школьного электронного дневника – Б. (бабушка) *Отличница? Молодчинка!* – М. ☺ – П. (подруга М.) ☺ – М. отправляет фотографию дочери – П. ☺ – Б. *Принцесса!* – М. ☺. Эффективность в высокой степени креолизованного дискурса (сплошь смайлики), очевидно, связана с возможностью молниеносной обратной связи, экономией умственных и физических затрат коммуникантов: не надо набирать текст, достаточно одним движением активировать знак ☺ – и адресат поймет главное: фотография нравится. Кроме того, важен и этикетный фактор: есть эксплицитно выраженная положительная реакция на реплики адресанта. Вместе с тем этикетные особенности проявляются своеобразно. Коммуниканты могут обмениваться сообщениями ежедневно, в любое время и в неограниченном количестве, поэтому обычно посты не содержат этикетных формул приветствия и прощания, в отличие, например, от сообщений в чате продавцов и покупателей (доступ к этому чату есть у автора работы): там этикетные формулы, в основном *Здравствуйте*, гораздо реже – *Добрый вечер* и *Добрый день*, используются преимущественно для вступления в общение.

Главными факторами, способствующими развитию группового опосредованного общения, являются не только мгновенное распространение информации, но и ее доступность сразу для многих участников, поликодовость и позитивный настрой коммуникантов. Анализ коммуникативной активности участников исследуемой группы за период с марта по май 2020 г. показал, что всего отправлено более 224 сообщений (часть сообщений была удалена самими коммуникантами). Из них 93 текстовых (22 текстовых сообщения включают позитивные смайлы), 42 поста содержат только смайлы, 20 – видеоизображения и 69 – фотографии. Таким образом, преобладают визуальные послания,

а текстовые сообщения отражают преимущественно реакцию на них. Сложные проблемы и проблемы интимного характера решаются в межличностной непосредственной и опосредованной устной коммуникации.

В группе родственников со стороны мужа гораздо меньше сообщений, очевидно, влияет фактор степени близости отношений и дистанции общения: родственники живут в разных городах. Общение происходит эпизодически, его можно назвать желательным, но необязательным.

Иное значение для М. приобретают группы, где реализуется общение знакомых (ОЗ). Группы ОЗ включают родителей одноклассников и одноклассников дочерей М., учителей, воспитателей и тренеров, а также знакомых по увлечениям, соседей по подъезду и дому. По составу коммуникантов это группы преимущественно от 5 до 100 человек. В зоне ОЗ могут возникать и временные группы, связанные с проведением различных мероприятий, поездками на спортивные соревнования и т. п.

Рассмотрим общение в группах М., объединяющих родителей, школьных учителей и воспитателей. Потребность участия в таких группах определяется информационно-организаторской целью, которая лежит в основе их создания. Представляется важным, что группы разделены по принципу с учителем / без учителя, с воспитателем / без воспитателя, с тренером / без тренера (например, «Родители "Чемпионов"» и «"Чемпионы" (с воспитателем)»). Это объясняется тем, что получателями сообщений в группе одновременно являются все участники сообщества без исключения, но есть темы, к которым, с точки зрения родителей, доступ учителя, воспитателя или тренера был бы нежелателен.

Родительским группам не свойственна анонимность: родители вступают в общение под своими именами: в нашем материале это паспортное имя и фамилия (*Светлана Иванова* и др.), только имена (*Татьяна, Наталья, Денис* и др.), имена с сокращенными отчествами или фамилиями (*Галя М.*); редко встречаются разговорные (*Светик*) и уникальные самоименования (например, *Вероника (медали, кубки)*, *Учителя, воспитатели, тренеры* в группах обычно ведут переписку под паспортными именем и отчеством (*Елена Игоревна*). В этом проявляется фактор знакомства и статусно-ролевого общения в группе.

Коммуникация с учителем начальной школы (ребенок – второклассник) и воспитателем детского сада проходит фактически ежедневно. Родители получают информацию от учителя о важных событиях: *Учитель: Доброе утро. Жду температуру и сведения по отсутствующим* (речь идет о необходимости в ситуации коронавирусной эпидемии измерять перед школой температуру ребенка и сообщать показания учителю); *Напоминаю об акциях. С 28 по 29 октября принимаем корневища пионов*. Есть фотографии классной доски с напи-

санным на ней сообщениями, например: *понедельник 5.10. англ. яз.* Обычно это кратко переданная информация в жанре объявления (характерны неполные предложения). Однако бывают и развернутые сообщения. Например: *Учитель. Добрый день, уважаемые родители! Детям раздала анкеты для родителей по питанию. Анкета анонимная. Писать фамилию и класс не нужно. Просто ответьте на вопросы и передайте завтра назад мне.* То, что раньше учитель сообщал на родительском собрании, теперь выносится в родительский чат. Эффективность коммуникации обусловлена результативностью и экономией времени: учитель реализовал свои намерения передать информацию и при этом ему не пришлось приглашать родителей на собрание.

Связь родителей с учителем в рабочие дни начинается приблизительно с 7 часов, а заканчиваться может поздно вечером. Утром родители оповещают учителя о приходе / не приходе ребенка в школу: 7.55. *Доброе утро! Сергей придёт к первому, но в бассейн не идёт – Диаскин* (ребенок проходит «Диаскинтест» – А. Б.); 8.12. *Здравствуй-те! Смирнов придёт ко 2 уроку;* 8.18. *Доброе утро! Полина Т. заболела;* 8.44. *Доброе утро, Иванов придёт ко 2 уроку.* Информация родителей о посещении ребенком школы или детского сада содержится в большей доле сообщений, которые поступают всем участникам в течение часа. Например, скриншоты за 10.03.2020 только в одной из групп, куда входят родители и учитель, свидетельствуют о том, что с 7.34 до 13.40 все участники получили 52 сообщения. Обратим внимание на то, что обмен информацией осуществляется в рабочее время и нередко требует от коммуникантов немедленного реагирования. Такие посты начинаются обычно с приветствия, но иногда этикетная часть опускается; далее указываются: фамилия ребенка (применяются сокращения) и сведения о том, когда он придет / не придет в школу, причина неявки (см. предыдущие примеры). Это своего рода неформальные заявления или объяснительные записки от родителей, в которых информация передается единообразно: текст строится на основе принципа отбора языковых единиц и речевых конструкций, минимально достаточных для понимания. Аналогично строится общение родителей с воспитателем детского сада: *Саша ходит* (т. е. Саша будет на этой неделе ходить в детский сад – А. Б.); *Здравствуй-те! Макару ходить не будет;* *Добрый день! Егор в понедельник придёт;* *Добрый день, скажите, пожалуйста, Макару чтоб одевался* (просьба, чтобы ребенок был одет к тому моменту, когда его будут забирать из детского сада – А. Б.); *Даша пьет* (о кислородном коктейле – А. Б.); *Тимур пьет;* *Я пыталась Амира кодировать, но он говорит, что пил и пить буду* ☺

В течение дня, и даже во время занятий, общение родителей между собой и с учителем или воспитателем не прекращается. Родители школьников выясняют и уточняют домашнее задание, хотя оно фиксируется на специальной интернет-площадке школы и класса, за-

прашивают информацию о тех видах проверочных работ, которые учитель планирует проводить на следующий день. Например: Р. *Наталья Петровна, подскажите по окружающему миру всем до весны* (до темы «Весна» – А. Б.) *учить? Завтра будет что то* (контрольная, проверочная работа, тест – А. Б.) *по окружающему* (по предмету «Окружающий мир» – А. Б.) – У. *Да, небольшой тест по берёзовой роще и ельнику* (темы «В березовой роще» и «В ельнике»); – Р. *Напишите пожалуйста, домашнее задание* – У. отправляет фотографию доски с написанным на ней домашним заданием – Р. *Спасибо* – У. *пожалуйста*; Р. *Здравствуйте. Подскажите по ИЗО надо рисовать цветочный узор, как написано в эл. дневнике* (электронном дневнике – А. Б.)? – У. *Нет, не нужно, просто эл. дневник по всем предметам обязывает давать д.з.* (домашнее задание – А. Б.) – Р. *Спасибо*. Последний пример объясняет волнение родителей и их обращение к учителю: задания в электронном дневнике не соответствуют реально заданному. В этой ситуации родители предполагают, что учитель непременно должен ответить. Отсутствие ответа воспринимается ими негативно, что отражается в материалах переписки. В текстах заметна ориентация на разговорный стиль, вырабатывается речевая гомогенность, которая позволяет строить общение по принципу минимализма, использовать эллиптические конструкции и понятные всем сокращения (д.з., эл. и др.). Постепенно формируется общая стилистика подобных текстов.

Большая доля сообщений приходится на подготовку к различным мероприятиям (праздники в школе и детском саду, обсуждение проведения досуга, медицинские мероприятия и др.). Обычно для этого создаются отдельные группы, общение в которых имеет тематическое ограничение. Например, через общение в группе учитель (воспитатель) имеет возможность получить за короткий промежуток времени сведения от всех родителей о возможности допуска детей к прививкам. При этом в условиях виртуального группового общения начинают вырабатываться способы быстрого речевого реагирования, эффективные приемы создания текста. Как показывает наш материал, в одной из групп сформировался навык составления единого списка посредством личных сообщений: в каждом новом сообщении добавляется фамилия ребёнка и сведения о нём (если в классе 30 человек, каждый родитель получает 29 сообщений). Такие списки возникают при подготовке к различным мероприятиям: родители указывают свою фамилию и их возможный вклад в проведение мероприятия.

Однако общение в родительских группах имеет и свою негативную сторону: значительная часть сообщений, которые должен прочитывать адресат, оказывается ему совершенно ненужной и лишь засоряет память электронного устройства. Возникает информационный завал. Такая ситуация вынуждает искать способы защиты: выключение звука телефона (сообщения приходят с молниеносной быстротой

и могут отвлекать от важных, в том числе и профессиональных, дел); установка автоматического *я согласна / согласен*, чтобы не читать множество сообщений. Наличие информационного «мусора» заставляет участников группового общения вырабатывать правила коммуникации в мессенджерах: например, на одном из сайтов для современных мам (см.: <https://4mama.ua/>), предлагается выбирать модератора; повышать роль родительского комитета, чтобы не отвлекать всех родителей для решения школьных проблем; проводить голосование по конкретным пунктам без учета частного мнения; писать по существу, уважая других. А это значит, что есть стремление к повышению эффективности группового опосредованного общения.

Не всегда общение родителей и учителей (воспитателей) идёт в гармоничном русле: ссора в родительском чате может иметь криминальные последствия в реальной жизни (см.: v1.ru от 27.10.2020 «"Можешь заранее взять больничный": из-за чего волгоградцу проломили череп в Сбербанке – полная переписка из чата»).

Необходимым для существования семьи оказывается и общение знакомых и незнакомых в группах жильцов (см.: [Байкулова 2015]).

Итак, виртуальное общение в малых социальных группах с помощью гаджетов можно считать эффективным и во многих ситуациях просто необходимым. Эффективность такой коммуникации обеспечивается каналом передачи информации, его широкой распространённостью (телефоны есть почти у всех городских жителей) и характеристиками: скорость передачи сообщений, достаточный объем оперативной памяти устройств, наличие видеокамер и др. Общение в мессенджерах позволяет очень быстро решать различные задачи, касающиеся как отдельного человека, так и групп людей.

Однако нельзя не отметить и негативные факторы такой коммуникации: каждый из участников общения получает огромный объем избыточной и не всегда нужной ему информации (а если учесть, что некоторые люди входят в 30 групп, то положение усугубляется), которая, по мнению наших респондентов, заставляет их в любых жизненных ситуациях (на работе, в магазине, в транспорте, в поликлинике и т. п.) постоянно находиться с гаджетом, следить за сообщениями и отвечать на них (из семейного разговора дочери с родителями: *Вы мне не разрешаете в телефоне сидеть / а наша учительница весь урок с ним не расстаеться / сообщения пишет*). Многих людей такая ситуация начинает раздражать, но выйти из отдельных групп они просто не могут: это ведёт к информационной изоляции и негативным последствиям.

Таким образом, время неофициальной коммуникации во многих семьях ежедневно стало поглощаться общением в гаджетах. Это общение можно назвать добровольно-вынужденным, так как человек, вступая в виртуальные группы добровольно, уже не может выйти из них: смартфоны и другие устройства стали необходимым инструмен-

том коммуникации. Например, в ситуации дистанционного обучения вследствие пандемии коронавируса, начавшейся в 2019 г., виртуальные малые группы родителей детей одного класса, студентов одной группы и др. сыграли огромную роль: без них согласованные действия участников образовательного процесса были бы невозможны.

Привычка человека XXI века общаться в интернет-среде изменила характер использования языка: экономия речевых усилий (постоянные сокращения), технические возможности набора текста предполагают употребление стереотипных речевых заготовок и спокойное отношение к опечаткам, ошибкам, несоблюдению пунктуационных и других норм. Снижение уровня этикетности коммуникации (сообщения могут поступать в любое время суток без ограничения, этикетные формулы используются, но уже не всегда и не всеми, анонимность порождает допустимость грубости и хамства) закономерно порождает и снижение уровня культуры не только виртуального, но и реального общения, в том числе статусно неоднородного. Как следствие – развитие эгоцентризма: человек перестаёт думать об адресате и его восприятии текста.

В связи с этим лингвисты не перестают поднимать вопросы, касающиеся изменения качества общения и речи, работы мозга. «Мы создаем из нашего мира ад, – пишет С. Гайда, – и мы либо принимаем его, становясь его частью, либо выбираем побег из этого мира, либо предпринимаем меры исцеления» [Гайда 2019: 18]. Исследователь выдвинул идею позитивной стилистики, задача которой – «заботиться не только об идеале хорошей речи в целом, но и формировать хорошую речь в различных сферах и жизненных ситуациях. Это будет способствовать созданию жизненного пространства, в котором моральная ответственность играет решающую роль» [Гайда 2019: 18]. На наш взгляд, это плодотворная идея.

Техническая революция существенно изменила жизнь современных людей и, соответственно, жизнь семей, волей или неволей вовлеченных в виртуальное коммуникативное пространство. Пока еще единичны факты, когда членами семьи становятся запрограммированные роботы, но это дело времени, хотя роботы-пылесосы, с которыми осуществляется реальное общение, уже есть во многих семьях: (из разговора хозяйки (Х.) с роботом-пылесосом Кузей (К.), осуществляющим в том числе и влажную уборку помещения) К. *Я успешно перемещаюсь // Возвращаюсь на док станцию для подзарядки // Х. Ну давай Кузя // А там помыл?* Искусственный интеллект начал вмешиваться в реальные коммуникационные процессы. Так, например, голосовой помощник Яндекс Алиса уже сейчас может активироваться и подключаться к общению без специальной команды владельца мобильного устройства, и это становится раздражающим фактором. Например: муж (М.) говорит жене о своём самочувствии: *Ходить стало легче, давление меньше //* – голосовой помощник Алиса: *Согла-*

щусь // Это прекрасно! – М. Да заткнись ты! Тебя не спрашивают! Для того чтобы предотвратить такое вмешательство, требуются специальные технические действия.

Выполняя фатическую, информационную и организационную функции, опосредованная коммуникация в малых виртуальных группах стала потребностью семьи. Такая коммуникация упрощает или сводит на нет многие привычные коммуникативные практики, и в этом её эффективность, но и опасность для человечества. Возникают социальные риски: развивается психологическая зависимость от девайса, без которого человек утрачивает необходимые ему связи и оказывается в важных для него сферах (семейно-родственной, профессиональной, образовательной и т. д.) в информационном вакууме; сокращение времени на обдумывание влияет как на использование языка, так и на развитие мышления (наблюдается примитивизм мыслительных процессов), между членами семьи снижается доля реального визуального и слухового контакта (человек ничего не видит и не слышит вокруг). В результате возникают благоприятные условия для развития эгоцентризма, снижается внимание к другим людям, меняется традиционный уклад жизни: члены семьи обмениваются СМС-сообщениями, находясь в одном локусе, смартфоны используются повсеместно и в любых ситуациях (во время принятия пищи, в постели, в ранее неприемлемых для коммуникации местах, например, в уборной). А ведь В. Е. Гольдин писал: «Чтобы верно оценивать и тонко чувствовать этикетные особенности поведения (своего и чужого), нужно прежде всего научиться замечать их. Да, замечать! Трудность в том, что все обычное, постоянно встречающееся, даже будучи важным, как правило, все реже привлекает к себе внимание, чем необычное. Это относится и к речевому этикету, и к другим общепринятым формам поведения» [Гольдин 1983: 2].

Минимализм в употреблении речевых средств приводит к актуализации неполных синтаксических конструкций и ограничению в использовании общеупотребительной лексики языка.

Участие в групповом виртуальном общении требует от его участников наличия современных многофункциональных средств связи (а это существенные затраты, влияющие на семейный бюджет), постоянного реагирования на поступающие сообщения (прочитывание, фильтрация, ответное сообщение). Ни на что другое уже не остается времени.

Общение в виртуальных группах способствует формированию новых стилевых норм, intersубъективных стилей различных сообществ, появлению текстов с новыми вариантами допустимого.

Время реальной коммуникации в семье сокращается. Как уже отмечалось, зафиксированы даже факты опосредованного общения членов семьи с помощью телефона в пространстве одной комнаты. На почве развивающегося привыкания к постоянному общению со

смартфонами возникают семейные конфликты, в которые вовлечены и дети. Появляется необходимость в специальных, предусмотренных разработчиками, функциях родительского контроля, ограничивающих для детей использование устройств, угрожающих их психическому и физическому развитию.

Конечно, нельзя не отметить, что новые вызовы, перед которыми стоит человечество, например, эпидемии, порождают необходимость (пусть временную) дистанционного общения. В этой ситуации виртуальное общение в малых социальных группах со всеми негативными факторами, которые неизбежно сопровождают его, всё-таки выполняет свою очень важную роль во всех сферах жизни, в том числе и в семейной, но тревога за последствия этого все нарастает.

РАЗДЕЛ 2. НЕОФИЦИАЛЬНАЯ СФЕРА И ЕЕ РАЗНОВИДНОСТИ

ГЛАВА 1. БЫТОВАЯ СФЕРА И РАЗНОВИДНОСТИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

1.1. Вводная к главе (О. Б. Сиротина)

Естественно помещение в главе параграфы не исчерпывают всех ее вариантов и во многом они тоже гибриды: играет роль не только уровень языковой грамотности говорящих и характер их образования (или его отсутствие), но то же в отношении адресата.

В одном параграфе (О. С. Незнаевой) это речь студентов разных факультетов, в другом (А. Н. Байкуловой) речь в семейном общении (гибридность с профессиональным общением). Ее параграф новых видов общения был размещен в главе о деловом общении из-за преобладания в нем официального общения.

1.2. Факторы эффективного использования прецедентных феноменов в студенческом общении (О. С. Незнаева)

Студенческое сообщество представляет собой постоянно меняющийся «организм», в котором происходит коммуникация людей от 17 до 25 лет, обучающихся на разных факультетах. Общение внутри него характеризуется необычностью средств выражения, экспрессивностью, желанием коммуникантов выделиться, быть оригинальными. При этом, несмотря на ярко выраженный индивидуализм студенческой коммуникации, внутри этого коммуникативного пространства можно обнаружить культурно значимые объекты, популярные явления, знакомые всем его представителям или отдельным группам.

Одним из средств, с помощью которых студенты стремятся достичь своей коммуникативной цели, являются прецедентные феномены (далее ПФ). Под ПФ мы понимаем особые знаки, известные носителям одного лингвокультурного сообщества (лингвокультурной группы), которые при использовании в речи приводят к актуализации знаний, связанных с прошлым культурным опытом этого сообщества [Караулов 2010; Красных 2003].

В. В. Красных в своей работе «"Свой" среди "чужих": миф или реальность?» представляет классификацию ПФ, основанную на степени известности ПФ среди носителей языка:

1. **Универсально-прецедентные** – феномены, входящие в общую когнитивную базу и понятные любому среднему образованному жителю Земли. По мнению В. В. Красных, этот тип ПФ носит на сегодняшний день гипотетический характер, так как для того, чтобы гово-

речь о существовании универсальной когнитивной базы, необходимо всестороннее изучение различных национальных когнитивных баз. Однако ученый делает попытку выделения гипотетически универсально-прецедентных феноменов и относит к нему число π , *Наполеон*, *Адольф Гитлер*, *Гамлет*, *Шерлок Холмс*, *доктор Ватсон*, *Вильгельм Телль*, *Спартак*, *Санчо Панса*, *Ромео*, *Казанова*, *Геракл*, *Микеланджело*, *Робин Гуд*, *Джоконда*, *Иуда*, *Колумб* и т. д.

2. **Национально-прецедентные** – феномены, известные любому среднему носителю той или иной этно-лингво-культурной группы, входящие в национальную когнитивную базу. Такие ПФ без соответствующей интерпретации не будут понятны представителям другой нации, поэтому при переводе они часто расшифровываются и приводятся с обширными комментариями.

3. **Социумно-прецедентные феномены** – феномены, знакомые каждому среднему представителю определенной социальной группы (конфессиональной, профессиональной и т. д.), входящие в коллективное когнитивное пространство и не зависящие от национальной культуры [Красных 2003].

Студенты в разных ситуациях общения прибегают к использованию этих видов ПФ. Интересным кажется рассмотрение факторов, которые влияют на эффективность коммуникации при употреблении ПФ.

В каком случае можно говорить о том, что коммуникация действительно успешна? М. А. Кормилицына, отвечая на этот вопрос, отмечает, что «эффективной может быть только продуктивная коммуникация, в процессе и в результате которой все ее участники смогли достичь взаимопонимания, если не полного, то хотя бы достаточного для реализации тех коммуникативных целей, которые поставил инициатор коммуникации – адресант» [Кормилицына 2019: 6–7].

Многие исследователи, говоря о неформальном общении, утверждают, что добиться эффективности в таком виде коммуникации несложно, так как непосредственно в контакте с собеседником всегда есть возможность переспросить непонятую информацию. Однако когда речь включает в себя использование таких единиц как ПФ, на наш взгляд, достижение коммуникативной цели может быть осложнено. Ведь ПФ не просто помогают передать какую-либо информацию, но и являются средством выразительности, делают речь ярче. Непонимание адресатом ПФ в некоторых случаях может привести к коммуникативной неудаче, поэтому интересным кажется изучение студенческого общения с позиций тех факторов, благодаря которым достигается коммуникативная цель говорящего при употреблении ПФ.

Для анализа мы рассмотрели расшифровки диктофонных записей устной речи студентов Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, в которых были использованы прецедентные феномены (1024 микродиалога общим объемом 14657 словоупотреблений).

Г. Г. Слышкин утверждает, что для успешного использования ПФ в коммуникации должны соблюдаться несколько условий, а именно: понимание адресантом, что он совершил реминисценцию на определенный ПФ, знание адресатом исходного ПФ и осознание отсылки на него [Слышкин 2000].

Рассмотрим эти факторы, влияющие на употребление ПФ в разговорной речи, более подробно.

Понимание адресантом того, что он использовал в речи ПФ.

Анализ материала показал, что студенты чаще всего употребляют ПФ как средство самопрезентации, чтобы украсить речь, сделать её ярче и выразительней. Они могут использовать ПФ в исходном или трансформированном виде:

1. Друзья встретились после каникул: *Ну как дела? – Да все смешалось в доме Облонских* // (Л. Н. Толстой «Анна Каренина» – здесь и далее указание источника ПФ);

2. Студенты рассуждают о том, чем займутся после лекции: *Я хочу есть! – А я хочу жить / чтоб мыслить и страдать!* (А. С. Пушкин «Элегия»);

3. Молодые люди репетируют танец, партнер постоянно наступал девушке на ноги: *Почему ты меня обижаешь? – Я тебя люблю // – Да / но странную любовью* // (М. Ю. Лермонтов «Родина»).

В большинстве проанализированных микродиалогов использование ПФ является уместным, благодаря ПФ формируется особый смысл высказывания. На этом основании, как нам кажется, можно говорить о том, что студенты, как правило, осознают, что они совершили реминисценцию и понимают глубинное значение ПФ.

В процессе коммуникации адресант всегда должен думать о собеседнике, делать свою речь более понятной для него, чтобы достичь своей коммуникативной цели. Многие ученые рассматривают способы межличностной адаптации, которые направлены на гармонизацию общения. В частности, М. С. Соколова в коллективной монографии «Позитивная коммуникация» выделяет среди них ориентацию адресанта на возрастную, гендерную, социальную и национально-культурную принадлежность адресата. Исследователь отмечает, что в коммуникации является важным выявление внешних характеристик, интеллектуальных способностей собеседника, а также «восприятие собеседника согласно месту в системе социальных взаимоотношений» [Позитивная ..., 2020: 183]. В. В. Красных, рассматривая факторы достижения успешной коммуникации, выделяет в качестве основного наличие общего фонда знаний коммуникантов [Красных 2003].

Анализ записанных микродиалогов показал, что приведенные способы межличностной адаптации играют важную роль и при использовании ПФ в процессе коммуникации. Ведь если адресат сообщения не узнает ПФ, то он может воспринять всю реплику неверно. В этом случае с большой долей вероятности может произойти коммуни-

кативная неудача. Переспрос, так часто помогающий в процессе коммуникации, в подобной ситуации может только навредить: необходимость объяснения ПФ не позволит говорящему достичь своей коммуникативной цели. В связи с этим, на наш взгляд, важными факторами, благодаря которым достигается коммуникативная цель говорящего при использовании ПФ в студенческой речи, **являются учет фонового уровня культуры адресата и его принадлежность к какой-либо социальной группе**. Но не всегда адресат склонен выдавать своё непонимание ПФ.

В процессе анализа было выявлено, что студенты используют в речи разные с точки зрения известности среди носителей языка ПФ. Выбор вида ПФ во многом зависит от степени знакомства с собеседником: чем ближе и чаще общаются коммуниканты, тем специфичней ПФ, используемые в речи. При этом основное различие в общении студентов в рамках разных групп связано с употреблением социумно-прецедентных феноменов [Незнаева 2019]. Рассмотрим это на примере малых социальных групп, в которые входят студенты.

Реже всего ПФ встречаются в речи студентов, входящих в **ситуативно обусловленные** группы, т. е. группы, которые объединяют незнакомых или малознакомых людей (например, на студенческом форуме или конференции).

Такие неформальные группы характеризуются коротким сроком существования: их участники объединены на ограниченное время. Возможно, при общении в таких группах реже всего используются ПФ в связи с тем, что студенты, не знающие или плохо знающие своего собеседника, не в состоянии точно определить, что будет прецедентным для малознакомого им человека, а что – нет. Если использование ПФ все же происходит, то в основном коммуниканты употребляют универсально-прецедентные и национально-прецедентные феномены, а также социально-прецедентные феномены, источником которых являются наиболее популярные среди молодежи современные фильмы, песни и рекламные ролики:

1. Организатор собрания (аспирант) просит студентов 1 курса активнее участвовать в обсуждении проблемы: *Задавайте вопросы / не надо стесняться* (пропевает)! // (смех аудитории) (песня И. Дорна «Не надо стесняться» – песня, популярная в молодежной среде). Употребление этого ПФ способствует разрядке обстановки на собрании. При этом адресант, используя понятный для молодежной аудитории ПФ, стремится продемонстрировать свою принадлежность к той же социальной группе, что и студенты, которые сидят перед ним. В результате ему удается наладить контакт с аудиторией, расположить ее к себе, добиться своей коммуникативной цели.

2. Студентка просит знакомого дать ей карандаш, но он не слышит её, поэтому она старается привлечь его внимание: *Илья / Илья / дай карандаш // Избушка-избушка / повернись к лесу задом / ко мне*

передом // Студентка использует ПФ из русской народной сказки. Его можно отнести к национально-прецедентным феноменам, поэтому использование такого ПФ сводит риск возникновения коммуникативной неудачи к минимуму.

3. Юноша во время студенческой интеллектуальной игры реагирует на понравившийся ему вопрос: *Ну вот и тепленькая пошла!* // (смех других участников игры). Студент употребляет фразу из известного фильма «Ирония судьбы, или С легким паром». Этот фильм ежегодно транслируется на всех телеканалах, сцена, в которой произносится эта фраза, уже стала хрестоматийной. На наш взгляд, этот ПФ можно отнести к национально-прецедентным.

При анализе студенческой коммуникации было замечено также использование ПФ при общении в рамках **формальных групп**. Примером таких объединений можно считать академическую группу, состоящую из людей, которые были объединены на основании формальных признаков (например, баллов при поступлении) или студентов одного курса, обучающихся на одном направлении подготовки. Участники такой группы находятся вместе в течение учебного дня, общаются на практических занятиях и лекциях, но при этом не всегда знают подробности жизни своих одногруппников. Такие группы можно назвать стабильными, так как они существуют практически в неизменном виде на протяжении всего срока обучения (4 года для бакалавриата или 2 года для магистратуры). Студенты таких групп чаще, чем представители ситуативно-обусловленных, употребляют при общении ПФ (16% от общего числа употреблений ПФ в студенческой речи). На наш взгляд, это можно объяснить тем, что долгая совместная деятельность формирует внутри группы общие традиции и набор специфических для неё языковых средств, которые употребляются в процессе коммуникации. При этом используются не только универсально-прецедентные, национально-прецедентные и социально-прецедентные феномены, которые знакомы молодежной аудитории в целом (преимущественно ПФ, отсылающие к произведениям популярных фактов культуры), но и те, источником которых являются изучаемые студентами науки. В частности, они часто прибегают к использованию ПФ, услышанных на недавних лекциях и семинарах:

1. Студент спрашивает одногруппника, собирается ли тот идти на вечеринку: *Ну что / ты пойдешь с нами? Или ты как Гейзенберг еще не определился?* – *Да нет наверно* (улыбается) // Этот диалог происходит между студентами механико-математического факультета. Имя В. Гейзенберга связано с принципом неопределенности, часто используется, когда кто-то не может принять решение. Этот ПФ встретился только в микродиалогах, записанных при общении студентов технических специальностей.

2. Студентка пытается прочесть лекцию, которую её знакомая записала на предыдущем занятии: *Ну у тебя и почерк ... Как у Скафф-*

тымова // Красиво / но ничего не поймешь // Диалог происходит между студентами-филологами. Студентка сравнивает почерк подруги с почерком А. П. Скафтымова, известного литературоведа, рукописи которого им показывали на занятиях по русской литературе.

3. Студент института физики приходит на лекцию после бессонной ночи: *Я в подвешенном состоянии / как кот Шредингера // Студент, употребляя этот ПФ, показывает, насколько он плохо себя чувствует (не жив, не мертв). Обычно этот ПФ используется студентами (чаще всего технических специальностей) в ситуациях, когда что-то или кто-то находится в неопределенном состоянии.*

Неформальные группы образуются на основе общих интересов и взаимных симпатий. Эти группы, как правило, меньше по численности, чем формальные и ситуативно обусловленные. Коммуникация внутри таких групп характеризуется продолжительностью, доверительностью в разговорах, осведомленностью о подробностях жизни друг друга. Все эти факторы являются основой для образования некой базы ПФ, характерной для данного объединения. В материале было выявлено наибольшее количество ПФ в рамках общения студентов в таких группах (78%). При этом нами было замечено, что в неформальных группах наблюдается использование не только перечисленных ранее видов ПФ, но и тех, источником которых являются прочитанные ими книги или просмотренные фильмы и передачи:

1. Друзья обсуждают новый состав команды: *Если никого нормально не будет / мы точно проиграем в сезоне // – Ага // Когда Бирнамский лес пойдет на Дунсинан // – Точно // Студент, используя этот ПФ, как бы «предсказывает» поражение команды в том случае, если они не смогут найти хороших игроков. Данный ПФ знаком коммуникантам по экранизации драмы У. Шекспира «Макбет», которую они вместе смотрели несколько дней назад.*

2. Девушка поднимает маленькую на вид, но тяжелую сумку: *Блин / что-то у меня сумка как у Гермионы // (Дж. Роулинг серия книг о Гарри Поттере). Студентка общается с подругой, которая хорошо знает подробности фэнтези-вселенной о Гарри Поттере, поэтому рассчитывает на то, что использование такого атрибута, как сумка, принадлежащая главной героине, не вызовет затруднений: у Гермионы была маленькая сумка, которая может вмещать любые по весу и размеру предметы. Вообще ПФ, источником которых является серия книг о Гарри Поттере, являются очень частотными при общении студентов в рамках разных социальных групп. Однако упоминания атрибутов ПФ, апелляция к эпизодическим героям были записаны только при общении в неформальных группах, участники которых хорошо знакомы друг с другом.*

3. Девушка ударила палец о ручку двери и пожаловалась на это юноше: *Я ударила палец // – Как? – Когда выходила // О ручку // – По ручку двери? Как там дальше? – Как не сказано ниже, по крайней*

мере // – (девушка начинает улыбаться) (И. Бродский «Ниоткуда с любовью...»). В данном случае коммуникация происходит между хорошими друзьями. Упоминание ручки рождает в сознании молодого человека строчку из стихотворения И. Бродского «Ниоткуда с любовью,надцатого марта...», которое очень любит девушка. Употребление такого ПФ является для собеседника показателем внимательного отношения. Важно отметить, что при общении близких друзей студенты часто используют такие ПФ, которые могут быть абсолютно непонятны для окружающих. Рассмотренный диалог без понимания ПФ будет казаться нелогичным.

Таким образом, анализ ПФ, употребляемых студентами в рамках разных социальных групп подтверждает гипотезу о том, что коммуниканты стараются предугадать, какие ПФ будут известны собеседнику, они адаптируют свою речь в зависимости от фонового уровня культуры адресата и его принадлежности к какой-либо социальной группе. Нам кажется, что при выборе ПФ важную роль играет ориентация на пережитый вместе опыт (как в случае со студентами одной группы и близкими друзьями) или на общий культурный уровень (как в случае с малознакомыми людьми). Кроме того, наблюдается закономерность: чем ближе знакомы коммуниканты, тем активнее они прибегают к разнообразным реминисценциям. Получается, что студенты в процессе коммуникации не только учитывают уместность использования ПФ и соответствие его контексту, но и стараются предсказать, какие именно ПФ будут понятны собеседнику, ведь риск остаться непонятым велик.

Анализ материала показал, что помимо учета фонового уровня культуры собеседника адресант иногда акцентирует внимание на том, что был употреблен ПФ, стремится выделить его из контекста. Это может происходить несколькими способами. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Адресант **помимо использования ПФ приводит его источник**. Чаще всего это наблюдается в случае с прецедентными высказываниями:

1. Студент, расставаясь со знакомой на каникулы, просит ее привезти ему икру из Астрахани: *Оль / поедешь в Астрахань / привези мне черной икры // Помнишь / как в Иване Васильевиче / икра черная / икра красная / кабачковая* // (к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»);

2. Студенту достается в настольной игре фишка с белым кроликом, его подруга реагирует на это: *Ой / у тебя белый кролик // Давай следуй за белым кроликом как Алиса в стране чудес* // (Л. Кэрролл «Алиса в стране чудес»);

3. Студентка жалуется подруге на предстоящие им на следующей неделе контрольные работы: *Ох / столько всего будет // Не хочу! Надо готовиться // – Давай в понедельник // Как говорит Скарлетт*

О'Хара / подумаю об этом завтра // (М. Митчелл «Унесенные ветром»).

На наш взгляд, использование названия произведения-источника (Иван Васильевич, Алиса в стране чудес) и указание на главную героиню (Скарлетт О'Хара) помогают адресату понять, что данное высказывание не придумано собеседником, а содержит ПФ (студенту не нужно вспоминать, где именно он слышал данную фразу, и при условии знакомства с источником произойдет быстрое понимание значения высказывания).

Студент **выделяет голосом** используемый **ПФ** (например, пропевает часть фразы). Это является для адресата маркером, помогающим определить, что совершена реминисценция на известную адресату песню:

1. Девушка успокаивает подругу, которая не сдала экзамен: *Хорошо / все будет хорошо // Я это знаю* // (песня В. Сердючки);

2. Студенты жалуются, что их прогоняет вахтер и они нигде в корпусе не могут репетировать песню: *Может пойдете в атриум? – Вахтер ведь услышит / вахтер ведь придет* // (мультфильм «Мама для мамонтенка»);

3. Две девушки идут по улице: *Я замерзла! – Маленькой Полечке холодно // весной* // (песня «Маленькой елочке холодно зимой»);

4. Друзья разговаривают о подготовке к Новому году: *Ты будешь снежинки делать? – Конечно / праздник к нам приходит* // (реклама «Кока-колы»). Студенты, используя эти фразы, пропевают их, а не говорят как обычное предложение. Тем самым, как нам кажется, студенты хотят выделить используемый ПФ. Даже в том случае, если адресат сообщения не узнает цитату из песни, общее значение сообщения адресанта будет ему понятно.

Таким образом, мы считаем, что фактор учета фонового уровня культуры адресата при использовании ПФ проявляется, с одной стороны, в тщательном подборе таких единиц при общении с разными собеседниками, а с другой – в стремлении адресанта сообщения указать на используемый ПФ, выделить его в потоке речи.

Третий фактор достижения эффективности использования ПФ – знание адресатом исходного ПФ и осознание отсылки на него.

Как же понять, что коммуникация удалась, и использование ПФ достигло нужного эффекта? В проанализированных диалогах было выявлено несколько видов реакций на использование ПФ собеседником. Рассмотрим вид реакции, когда собеседник, услышав ПФ, решает продолжить «игру в предлагаемых обстоятельствах» и использует другой ПФ, относящийся к тому же источнику:

1. Девушка вытягивает вперед руки и предлагает подруге выбрать одну из двух конфет: *Какую выберешь ты: красную или синюю? – Давай вот эту, Морфеус* // – (смех). Фраза говорящего о

выборе между красной и синей связана в сознании адресата сообщения с ПС из кинофильма «Матрица», в котором один из главных героев (Морфеус) предлагает другому выбрать таблетку: красную или синюю. Выбрав цвет, главный герой определит свою дальнейшую жизнь. Успешность коммуникации подтверждается тем, что адресат сообщения использует ПФ *Морфеус* в ответной реплике.

2. Девушка рассказывает подруге, путающей Архангельск и Астрахань, о своем старом знакомом: *Да ты его знаешь / я тебе сто раз рассказывала! – А / это тот / который из Архангельска? – Да / из Астрахани! Ты как **Обломов** // – Ага / дайте мне мой **халат**!* – (смех). Использование прецедентного имени *Обломов* рождает в голове адресата сообщения предмет, часто упоминающийся при описании этого героя в романе И. А. Гончарова «Обломов», – *халат*. Употребление этой детали является для собеседника показателем того, что адресант узнал ПФ.

3. Студенты разговаривают о том, что допуск к экзамену можно получить только при сдаче трех зачетов: ***Три зачета дают вам право на две шкатулки!** – Я выбираю деньги //* В этом примере можно увидеть диалог, состоящий из двух прецедентных высказываний. Вначале студент использует трансформированную фразу, часто повторяющуюся в телепередаче «Поле чудес» (*Три правильно отгаданные буквы дают вам право на три шкатулки*). Затем его собеседник включается в «игру» и формулирует свой ответ тоже при помощи ПФ, источником которого является та же передача. При этом видно, что ответ *Я выбираю деньги* не просто является еще одной фразой из «Поле чудес», но и отражает мысли адресата (студент не хочет поступать так, как предлагает преподаватель, а готов придумать другой выход из сложившейся ситуации).

Во всех приведенных примерах можно увидеть, как адресат сообщения старается продемонстрировать собеседнику свое понимание ситуации. Этот вид реакции характерен для 15% собранного материала. На наш взгляд, диалоги такого плана являются наиболее успешными, потому что оба коммуниканта уверены в эффективности использования ПФ.

Реакция, которая чаще остальных встретилась в студенческой речи (78%), выражена смехом со стороны адресата коммуникации или согласием с собеседником при помощи лексем *ага, точно, угу* и т. д. В этом случае, как нам кажется, можно говорить лишь о том, что собеседник заметил использование ПФ, однако, знает ли он его и может ли определить значение в контексте, не всегда становится сразу понятным адресантом:

1. Девушка удивляется, что фраза «Бабочка крылышками бяк-бяк-бяк-бяк» впервые прозвучала в фильме про гражданскую войну: *Почему в фильме про гражданскую войну учитель фехтования? // Почему фехтования? // Почему не // Не // **Почему нужно следовать за***

науками? // *Почему нельзя следовать за бабочками?* – (смех) (серия книг о Гарри Поттере Дж. Роулинг).

2. Студентка жалуется подруге на контекстную рекламу: *Достала реклама! Вечно что-нибудь купишь и потом это в соцсетях появляется* // – *Большой брат следит за тобой* // – *Ага* // (Дж. Оруэлл «1984»).

3. Студентка делится с подругой впечатлениями о поездке в Санкт-Петербург: *На одной станции в Питере есть памятник оптимизма // Станция сделана как кольцевая / а кольца нет* // – *9 и 3 четверти* // – *Ага* // (серия книг о Гарри Поттере Дж. Роулинг).

В подобных диалогах остается неясным, действительно ли адресанты понимают, что имел в виду собеседник или только хотят продемонстрировать это, чтобы сделать коммуникацию более гармоничной.

Интересной для рассмотрения кажется ситуация (молодой человек рассказывает подруге о своей поездке в другой город): *И тут на меня вылетает кот / как в Капитане Марвел такой / я думал / сейчас тоже без чего-нибудь останусь* // – (смех девушки) – *Ты смотрела уже? – Нет еще / но примерно поняла* // – *Ммм ...* (к/ф Капитан Марвел). В данном случае видно, что реакция девушки (смех) не гарантирует знакомство коммуниканта с используемым ПФ. Возможно, если бы не последовал дальнейший вопрос (*Ты смотрела уже?*), заданный, вероятно, с целью обсудить новый фильм, юноша так и не узнал бы, что собеседница не поняла в полной мере его слова.

Самые редкие виды реакции, зафиксированные в нашем материале, – это непонимание собеседником использования ПФ и переспрос: (Девушка спрашивает у знакомой, нашла ли она письмо, которое должно было прийти вчера) – *Ты нашла письмо? – Нет* // – *Странно // А был ли мальчик? – Что? Какой мальчик? – Насть / ну ты чё / фраза такая есть!* – *А ...* (М. Горький «Жизнь Клима Самгина»). Как видно на примере, использование вопросов (*Что? Какой мальчик?*) демонстрирует непонимание собеседником ПФ. При этом, если обычно в разговорной речи уточняющие вопросы помогают избежать коммуникативной неудачи, то в данном случае именно они являются её причиной (студент осознает, что его отсылку не поняли, объяснения разрушили эффект, которого адресант хотел добиться). Стоит отметить, что такой тип реакции является самым редким, он зафиксирован лишь в 2% собранного материала. Нам кажется, это связано с тем, что собеседник не хочет показаться неосведомленным в чем-то, разрушить гармонию общения. Примеры, в которых слушатель прибегал к переспросу, показывают, как нам кажется, что человек не только не понимает, какое отношение данная фраза имеет к диалогу, но и не осознает наличие ПФ.

В 5% записанных диалогов наблюдается реакция адресата общения, выраженная молчанием. Вероятно, это говорит о том, что собеседник не заметил использование ПФ (это может быть связано

как с его незнанием, так и с невнимательностью в процессе разговора): (Студент во время педагогической практики разговаривает со школьниками перед проведением контрольной работы, в классе также находится его однокурсница) – *Представьте / что вы евреи / а я Геринг //* – (смех девушки, молчание класса). Отсутствие реакции класса, скорее всего, говорит о непонимании ПФ: школьники еще не изучали период истории, посвященный второй мировой войне и не знают, какую роль сыграл Геринг в этот период. На наш взгляд, использование ПФ было направлено скорее на студентку, чем на школьников: она явно поняла отсылку и поэтому засмеялась.

Таким образом, рассмотрение студенческой речи с точки зрения факторов, влияющих на успешность коммуникации при использовании ПФ, позволяет сделать несколько выводов.

1. Адресанту сообщения прежде всего необходимо осознавать при использовании в речи ПФ его значение и употреблять в подходящем контексте и социальной группе.

2. Студенты стараются предполагать прецедентную базу своего собеседника, выбирая более подходящий в данной ситуации ПФ.

Это проявляется в том, насколько различается использование ПФ в малых группах: чем ближе знакомы коммуниканты, тем чаще употребляют эти единицы и тем больше количество социально-прецедентных феноменов встречается в их речи. Кроме того, для адресанта важно быть понятым, вовлечь собеседника в диалог, демонстрируя свою творческую индивидуальность, поэтому студенты стараются акцентировать внимание на использовании ПФ (указывают источник, выделяют ПФ во фразе). Это помогает уменьшить риск того, что адресат сообщения не поймет отсылку к ПФ.

3. Самым сложным для анализа, на наш взгляд, является третий фактор успешного использования ПФ – знание адресатом исходного ПФ и осознание отсылки на него.

В исследуемом материале практически отсутствовали случаи явных коммуникативных неудач: адресат сообщения лишь в нескольких ситуациях продемонстрировал свое непонимание. Рассмотрение видов реакций адресата показало, что чаще всего собеседник понимает, что фраза содержит ПФ, и демонстрирует это утвердительным ответом, смехом, однако не всегда можно с уверенностью сказать, что он знает ПФ и понимает его значение в контексте разговора. Подобные виды реакции, на наш взгляд, больше говорят о стремлении собеседника к гармонизации общения.

1.3. Новое в семейно-родственной коммуникации

(А. Н. Байкулова)

В 2014 г. вышла монография автора статьи «Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан» [Байкулова 2014]. В ней рассматривалась неофициальная коммуникация, в том числе семейно-родственная: была зафиксирована и проанализирована семейная речь и речь родственников, отражающая реалии конца 80-х годов XX в. до 2014 г. Но очень скоро мы стали свидетелями серьёзнейших изменений в этой сфере, касающихся использования языка. Во многом они связаны с изменением быта современной семьи, произошедшими событиями, информационно-технологическим развитием общества.

В семейный быт россиян вошли компьютеры, ноутбуки, сканеры, принтеры, смартфоны, айфоны, микроволновые печи, посудомоечные машины и другие технические приспособления. Когда-то автором были записаны семейные разговоры о том, как школьники мылом и молоком оклеивали окна в городской школе (это было важным занятием перед наступлением зимы), об электрическом чайнике (тогда они только начали появляться в семьях). Сейчас такие темы если и возникают, то, на наш взгляд, гораздо реже. В активном употреблении членов семей, особенно молодых, появились такие слова, как: *пластиковые окна*; *микроволновка*; *посудомойка* (посудомоечная машина), *сушилка* (приспособление для развешивания выстиранного белья) и *сушилка* для овощей и фруктов; *робот-пылесос*; *утюжок* (выпрямитель для волос); *мантышница* / *мантоварка*; *йогуртница* (ёмкость для приготовления йогурта); *ноутбук*; *флешка*; *степлер*; *компьютер* / *комп.*, *эсэмэс* / *эсэмэска*; *отксерокопировать* / *отксерить*; *скачать* (с Интернета); *файл*; *лайфхак*; *селфи*; *лайк*; *Вай-фай*; *зарядка* (для телефона); *видик* (видеоизображение, видеофильм); *мышка* (приспособление для компьютера); *сканер*; *скотч*; *гаджет*; *кэш*; *кэшбэк* и многие другие.

Вошли в обиход новые средства ухода за предметами быта: (муж жене) *Купи крота* (средство для прочистки труб «Крот») / *надо раковину* (трубы) *прочистить*; *Я силилбэнком* *стёкла* *чистила* (средством Cillit Bang); *Ты возьми пропер* (чистящее средство «Mr. Proper») *в туалете* / *я им обычно мою* и др.

За последние годы введены в строй новые социально-бытовые объекты (поликлиники, кинотеатры, магазины, торговые центры и т. д.), и их названия не могли не войти в семейную речь: *Мы вчера в Сову* (в поликлинику «Сова») *ходили*; *А где смотрели* (фильм)? – *В Синем ките* (торговый центр «Синий кит»); *Я в Айсе* (торговый центр ICE) *покупала*; *Свинятина?* *Ты в Тавре* *покупал?* (в магазине «Тавр»); *Это именно лентовская?* (из гипермаркета «Лента»); *Мы в хэпик* (торговый центр Нарру Молл) *сейчас поедем*.

Повседневный семейный обиход постоянно пополняется названиями новых фирм и лекарств: **Я авентовские** (фирма «Philips Avent») соски только покупаю; **А // сульфангином** (мазь «Сульфаргин») – **Но я баниацином** (мазь «Банеоцин») // ... **Юльке говорю / «Купи банацин» // Димон мажется салкасерилом** (гель «Солкосерил») // (примеры из [Анохина, Кравченко 2018]); **А ты живокост купи** (бальзам «Живокост»); **На / корнем помажь** (бальзамом «Корень»); **В Сибирском здоровье продают?** (корпорация «Сибирское здоровье») и др.

С развитием индустрии моды и косметологии связано появление в семейной речи новых названий одежды и обуви: *леггинсы; балетки; толстовка; худи* (толстовка с капюшоном); *памперсы* и др.; номинаций косметических приспособлений, средств гигиены, ухода за лицом: *мицелярка* (мицеллярная вода), *спонж* (губка для нанесения на кожу крема), *хайлайтер; консилер; бронзер; корректор; праймер* (косметические средства) и др.; косметические процедуры – *шугаринг; татуаж; эпиляция* и др.

В семейной коммуникации реализуется новая тема, которую условно можно назвать «Интернет-покупка / продажа». Возможность покупать и продавать товары в интернет-магазинах, на специальных интернет-сайтах обусловила появление в семейном общении названий этих сайтов: (из разговора мужа М. и жены Ж.) М. **Я на алиэкспрессе** (сайт AliExpress) *посмотрю, есть там гриндер* (шлифовальный станок, от англ. *grind* – молотить; точить) *или нет // – Ж. А этот ты где нашёл? – М. На авито* («Авито» – интернет-сервис для размещения объявлений, а также услуг частных лиц и компаний); *надо посмотреть штаны на ламоде* (интернет-магазин «Lamoda») и др.

Расширение межкультурных связей, появление на экранах телевизоров и кинотеатров продукции иностранной киноиндустрии способствует проникновению в речь семьи номинаций героев зарубежных фильмов, а также персонажей мультипликации (*Шрек, Пикачу, свинка Пеппа, Стич, Губка Боб, кукла Лол, Рапунцель, Диззи, Донни, Рокки, Сюзи, Джордж* и др.), многие из которых получили воплощение в детских игрушках. Из речи ребёнка 2-х лет и 8 месяцев: *Нету маленькой Диззи на даче; Пони Педро пришёл, Кэнди нашлась и Сюзи нашлась, где Ребекка?* (из материалов Т. А. Милёхиной [Милёхина 2017]). Появление новых детских игрушек вызвало закрепление в семейной речи и таких номинаций, как *слайм-смузи* (от английского *slime* – слизь) или *лизун* (игрушка из вязкого материала); *скрепыш* (небольшая резиновая игрушка); *магнитик* (сувенир и игрушка); *антистресс; пупырка; сквиш; попит (popit); симпл димпл* (игрушки для снятия напряжения, развития пальцев рук) и др. Анализируя речевой портрет двухлетней девочки, Т. А. Милёхина отмечает, что особое положение в словаре ребёнка занимает ЛСГ «гаджеты»: *телефон; планшет; Интернет; Вайфай; Мегого* (сайт Интернета, где демонстрируются мультфильмы). Активный словарь детей пополняется номинациями блокнотов разных

видов: *скетчбук*; *артбук*; *крафтбук*; *планер*; *элдэ* (личный дневник). И уже не всегда родственники разных поколений могут понять друг друга: новые номинации создают риски недопонимания: Б. (бабушка внучке 5-ти лет) *Ты кем хочешь быть?* – В. (внучка) *лайкером / или тиктокером* – Б. *Что ты сказала? А кто это?*

Начавшаяся в 2019 г. пандемия коронавируса Covid-19 способствовала актуализации в семейной речи тематики, обусловленной этим событием, и таких номинаций, как: *корона*; *ковид* (о коронавирусе); *ковидники* (больные, заражённые вирусом Covid-19 или медицинские учреждения, где лечат от этого вируса); *удалёнка*; *дистанционка* (о дистанционной форме обучения или работы); *космонавты* (о врачах в специальных противовирусных костюмах); *спутник* (о вакцине «Спúтник V»); *ПЦР-тест*; *антитела* и др. И это, конечно, далеко не полный перечень тех номинаций, которые вошли в жизнь современной семьи.

Часть такой, ставшей уже общеупотребительной, лексики приобрела свои семейные аналоги: *А нам надо хену* (фильтр для пылесоса НЕРА) *купить / потому что те тогда мы с тобой заказывали на симе* (интернет-магазин «Sima-land») (пример из [Анохина, Кравченко 2018]).

В целом, семья, являясь частью общества, не отгорожена от него и впитывает всё, что происходит в жизни, в том числе и в коммуникации в семейном общении. Но особую роль в изменение быта современной семьи и семейной речи внесли информационно-коммуникационные технологии, Интернет: появление названий социальных сетей и мессенджеров «Одноклассники»; «ВКонтакте»; «Мой мир»; «Фейсбук» (Facebook); «Инстаграм» («Instagram»); «Ютуб» («YouTube»); «Вотцан» («WhatsApp»); Вайбер («Viber») и др.; новых программ для организации видеоконференций, которые вошли в семейный быт вследствие введения дистанционной формы обучения и работы: «Зум» (Zoom); «Скайп» (Skype) и др.

Развитие техники и внедрение новых технических устройств в семейный быт привело к широкому распространению опосредованной коммуникации. Члены семьи стали больше общаться с помощью имеющихся почти в каждой семье ноутбуков, смартфонов, электронных планшетов и т. п. В связи с этим изменились, или расширились, ассоциативные поля отдельных лексических единиц. Например, если кто-то из членов семьи скажет, что надо написать письмо родственнику или отправить поздравительную открытку, это уже не значит, что он напишет его на бумаге и отправит типографскую открытку: скорее всего человек напишет сообщение в чате мессенджера и отправит электронное письмо с электронной открыткой. А если скажет, *давай вечером поговорим*, то это не обязательно означает, что человек придёт или приедет для разговора: общение может состояться в виртуальном пространстве.

Если раньше мы отмечали, что в пределах квартиры или дома (в разных комнатах) может работать одновременно несколько телевизоров (причём включенных на одном и том же канале), и это было показателем разобщённости членов семьи, то теперь наблюдения показывают, что домочадцы для связи из разных комнат просто по привычке используют свои сотовые телефоны. Серьёзной проблемой в жизни многих семей стала вовлечённость в виртуальное коммуникативное пространство: наблюдается уход от непосредственного межличностного семейного общения, необоснованная трата времени на общение в социальных сетях. Обеспеченность многих семей компьютерной техникой привела к тому, что в семейный локус прочно вошла рабочая коммуникация: время для выполнения семейных обязанностей и семейного общения уходит на решение рабочих задач, что не лучшим образом влияет на существование семьи.

Следует отметить и то, что и поле семейного общения расширилось, и теперь уже оно выходит за рамки семейного локуса и за рамки только (или преимущественно) устного непосредственного интимного общения: семейные разговоры по сотовой связи (или обмен репликами), нередко без учёта присутствия окружающих, происходят в транспорте, в магазине, в поликлинике, в театре, т. е. повсеместно, если в этом возникает потребность. Появились новые коммуникативные возможности: использование печатного знака, звука, изображения, нередко в их сочетании; только устной формы или устно-письменной (набор текста в чатах мессенджеров). В устно-письменной форме общения, которая всё больше заменяет письменную (записки, письма на бумаге), невербальный компонент подменяется не его названиями, а различными смайлами или эмодзи.

Нельзя не отметить и то, что общение членов семьи и родственников с помощью Интернета приобрело важные для существования семьи функции: информационную, объединяющую и регулирующую. Информационная функция связана с возможностью в любую минуту получить информацию от члена семьи: (муж М. жене Ж. из больницы): (орфография и пунктуация сообщений здесь и далее сохранены) М. *Катя, передай завтра мне две батарейки ААА (мизинчиковые), ложку столовую, Амлотол – Ж. Хорошо, привезу; М. Галя, скинь тел. Максима Викторовича. – Ж. (отправляет номер телефона); М. (отправляет фотографию) Корнев прислал – Ж. (об изображённых на фото) Красавцы; (дочь пишет в мессенджере матери-филологу, проживающей в другом городе) Мне всё-таки нудно (опечатка: нужно – А. Б.) от тебя мини исследование на тему слова приоритизация. У нач (у начальника – А. Б.) сейчас в бизнесе постоянно это используется, но все пишут, кто как хочет. И ещё вопрос: как проектному менеджеру мне приходится. Запятая нужна? Можешь 2-3 предложения написать, что думаешь по этому поводу? Приоритизация задач – настоящее искусство. Как проектному менеджеру, мне посто-*

янно приходится этим заниматься. Все верно? Затруднение у дочери вызывает постановка запятой перед *как* и написание слова (*приоритизация* или *приоритезация*), но она имеет возможность быстро получить консультацию от матери, что является, безусловно, доказательством эффективности коммуникации.

Объединяющая функция позволяет членам семьи, не проживающим совместно (при их позитивном настрое, гармоничных отношениях), не только получать информацию, но и в формате мгновенной связи осуществлять психологическую поддержку, выражать свои чувства в телефонных переговорах, голосовых сообщениях, СМС-сообщениях: (из СМС-переписки родственниц, проживающих в разных странах) *Таня, ответь пожалуйста, я беспокоюсь*☺; *Хочу тебя видеть и слышать*; *Напиши что-н. Я жду. Целую*; *Душа моя согласна с тем что пишешь мы очень похожи по сути и разуму целую*; *Спасибо моя дорогая хорошо что есть ещё кому об этом напомнить*; *Мне сегодня грустно а это (о песне) очень хорошо спасибо тебе целую*. Технические возможности удовлетворяют желания человека: *хочу видеть и слышать тебя*. В интернет-коммуникации работает принцип экономии языковых средств: постоянно встречаются сокращения, участники общения пренебрегают постановкой знаков препинания, упрощают речевые конструкции, передают в письменной форме особенности устной речи.

Регулирующая функция позволяет на расстоянии обеспечивать контроль за местоположением членов семьи и их действиями: (разговор мужа (М.) и жены (Ж.) с помощью СМС-сообщений) М. ***Ты где?*** – Ж. *В магазине* – М. ***Не забудь веснушки*** (булочки – А. Б.) *купить*; (разговор брата (Б.) и сестры (С.)) Б. ***Ты во сколько с работы выезжать будешь?*** – С. *Я до 17.30* – Б. *Ну а выезжать?* – С. *Ну в 17.50, Не знаю* – Б. *Понял ...*; ***Ну позвони как закончишь*** – С. *Ок*; С. *Вов ...*, *Ну мы будешь роллы заказывать?*, *Вов Вова!* – Б. *Чё* – С. ***Зайди в аймеседж*** (iMessage – один из сервисов Apple – А. Б.)! – Б. *Захожу ...*, *Ты хочешь на двоих заказать?* Приведённые примеры показывают новый пласт иноязычной лексики, которая входит в семейный обиход: *роллы*; *Ок*; *аймеседж* и др.

Подвергаются изменениям семейные обиходные и речевые традиции, в том числе и этикетные. Уже никого не удивляет (но часто раздражает), если в транспорте кто-то громко разговаривает по телефону, во всеуслышание обсуждает свои семейные проблемы. Регулярно стали выходить телевизионные передачи, где семейные ссоры в их самом неприглядном виде выносятся на всеобщее обсуждение.

В целом исследование показало, что в последние годы в семейной коммуникации и семейной речи произошли существенные изменения. Во многом они связаны с процессами формирования нового быта современной семьи, проникновением в него интернет-

технологий. Не могло не отразиться на семейной коммуникации и событие планетарного масштаба – пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. В результате в общении актуализируются новые темы, появляется новая лексика, которая приобретает семейные аналоги. Изменения особенно заметны в речи молодых семей, а также в семьях, где подрастают дети, с самого раннего возраста активно осваивающие иноязычные заимствования и интернет-общение.

Прочно входит в семейную коммуникацию устно-письменная форма речи (общение с помощью Интернета), позволяющая информировать членов семьи, объединять родственников, проживающих в разных городах и странах, регулировать семейно-родственные отношения.

Меняются культурные традиции: семейная речь перестала быть принадлежностью только семейного локуса: семейные разговоры посредством сотовой связи можно услышать теперь повсеместно.

РАЗДЕЛ 3. СФЕРА ДЕТСКОЙ РЕЧИ

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ РЕЧИ ДЕТЬМИ РАЗНОГО ВОЗРАСТА

1.1. Вводная к главе (О. Б. Сиротинина)

В главе размещено только одно исследование становления речи одного ребенка с включением ссылок на аналогичное или отличающиеся от становления речи близких родственников мальчика (родной сестры и двоюродного брата, растущих в одних и тех же условиях и постоянного взаимодействия). Доказывается, что наряду с общими закономерностями становление речи у каждого ребенка проходит своеобразно.

1.2. Онтогенез детской речи: на пути к полноценному и эффективному общению (О. В. Мякшева)

В статьях «Наблюдения за речевым развитием детей от года до двух» [Мякшева 2017] и «Формирование речи и языковой личности у детей от 2 до 5 лет» [Мякшева 2020] на основе почти каждодневных записей речи двух детей, внуков автора этих строк (они почти ровесники, мальчик и девочка) делались некоторые выводы об особенностях их речевого становления под влиянием речевой среды их окружения. Продолжим свои наблюдения, теперь объектом нашего интереса будет третий внук, Анатолий. (При воспроизведении на письме его речи будем обозначать только индивидуальную артикуляцию слов, все другие естественные речевые изменения в звуках не указываем, ударный гласный обозначаем прописной буквой, в диалогах для авторов реплик используем следующие сокращения: Толик – Т., мама – М., Вarya (сестра Толика) – В., папа – П., бабушка – Б.).

Толик, пока самый младший внук в семье, удивил с самого рождения тем, что категорически не разрешал держать себя горизонтально, только «столбиком». Редко плакал и спокойно рассматривал мир своим внимательным и совсем взрослым взглядом. Он единственный из внуков левша.

Едва начав ползать, Толик самозабвенно играл в машинки, изображая на выдохе губами работу мотора. С полутора лет ходит со старшими детьми в театр, очень внимательно смотрит театральные спектакли, смиренно сидит и внимательно следит за действием, по ходу спектакля уместно улыбается, смеется, хмурит брови и т. д. До двух лет почти не говорил, обходился обращениями *мама, папа, Няня*

(сестра Варя), *деть* (дед), *баба* (*nana* и *баба* у него почти неразличимы, всегда думаем, к кому обратился). Практически все просьбы понимает: *вытри нос; высморкайся; почеси пальчик; поцелуй маму; подуи, горячо; потопай ножками; снимай штанишки; возьми у деда платок* и многое другое. В общении в основном употребляет, наряду с обращениями, жесты, мимику, междометия. Например, если хочет, чтоб с ним поиграли, берет за руку, ведет в детскую, насильно тянет вниз и сажает рядом с собой, мимически, жестами и междометиями реагируя на правильность действий взрослых.

По отношению к речевому «старту» Толика соглашусь с мнением американских психологов, что на ранней стадии речевого развития ребенок понимает приблизительно в 5 раз больше единиц, чем сам может воссоздать (цит. по: [Лепская 1997: 38]). Однако его сестра, Варя, напротив, уже к полутора годам выражала словесно все, что воспринимала (см. в названных выше статьях).

В 2 года, по нашим просьбам, Толик четко повторяет: *кап-кап* (дождь идет), *пупО* (пупок), *дом*, *зук* (жук) и некоторые другие слова, но ими в речи не пользуется. В общении обходится междометными фразами-«просьбами» *Пи* (пить, вода); *Ням* (хочу есть) и т. д.

Ученые утверждают, что «момент осознания себя как субъекта действия» фиксируется с появлением местоимения *я* [Лепская 1997: 64]. Толик стал идентифицировать себя раньше старших внуков, к двум годам: *Ня* (я). Н. И. Лепская же утверждает, что осознание собственного *я* на первых порах происходит собственным именем [Лепская 1997: 45]. Старшие внуки отчасти это подтвердили (см. в статьях), наблюдения за речевым развитием младшего внука этот вывод опровергают. На просьбу сказать о себе *Толик* он с самого начала общения отрицательно качает головой и говорит – *Ня* (я).

Если просим назвать еду конкретно (хлеб, банан, яблоко и т. д.), говорит – *ням*. Выбор блюда регулирует жестами, отрицательно или утвердительно кивает головой, улыбается или выражает недовольство. Типичная ситуация: бежит к пустой вазе, в которой обычно лежат яблоки, обращается ко мне *Баба* и бьет по вазе, неодобрительно ворча. На вопрос *Яблоко хочешь?* радостно кивает. Когда яблоко у него в руке, привлекая внимание жестом и звуком, напоминающим скрип, режет по нему ребром ладони, что означает – *И порежь*.

В 2 года и 3 месяца удивил следующим: подводит к косяку двери, показывает на белую пуговку-ограничитель в ней и говорит – *Вань*. Радуюсь, но не могу понять, откуда такое обозначение. Подвожу к микроволновке, показываю на белую кнопку-включатель и предполагаю – *Вань?* Толик отрицательно качает головой – *Ууу вань* (Это не вань), *пИка*. Зять помогает: «*Пика* – потому что пищит». Почему *вань* – так и не поняли.

Если раньше общался больше бессловесно, за исключением уже названных выше обращений, то к 2 годам и 4 месяцам начал «гово-

ритель», но больше сам с собой, старательно интонируя свои «фразы». Мы воспринимаем это как попытку включиться в общение, но ничего не понимаем, наобум отвечаем на вопросы словами *да* или *нет*, но его это раздражает.

По мнению большинства исследователей детской речи, «возраст от 2 до 3 – самый продуктивный в мыслительно-языковой деятельности ребенка, хотя и на этом этапе его когнитивное развитие продолжает опережать языковое [Лепская 1997: 45], это утверждение особенно показательно на мыслительно-языковой деятельности младшего внука. Он с удовольствием показывает цвета (красный, синий, черный и т. д.), животных (бегемот, рысь, слон), имитирует их звуки, довольно точно, особенно трубное у слона. Знает названия многих диких животных, включая носорога, зебру, суриката и т. д., практически всех домашних птиц, насекомых, фруктов, овощей, легко находит их на картинках. Выполняет все команды, реагирует на все просьбы. Междометия четко соотнесены с понятиями и предметами, например: спать – произносит *xpp*, а свинку называет *xp-xp*.

За старшими братом и сестрой повторяет все элементы игр и движения: танцует, играет в прятки, прыгает, забирается на диван, все мимические реакции, междометия, звуки, кроме слов и сказанных старшими фраз, бормочет что-то свое, интонируя, как будто произносит предложение, например: *Гау еу као по* и подобное. Можно предположить, что это действительно содержательные для него фразы, но низкий уровень его артикуляционных возможностей не позволяет нам ничего понять. Хотя, возможно, это пока просто тренировка артикуляционного аппарата.

Со временем Толик становится более активным в речевом взаимодействии, «говорит», имитируя интонацию и употребляя слова типа *упа* (упал), *фа* (горячо), *гунь* (гулять), но безадресно, сам с собой, четко произносит только обращения: *Мама, папа, дедя, баба, няня*; упорно на вопросы – *Это корова, кошка, собака, тигр?* – отвечает звукоподражаниями: *му, мяу, гаф, ыыы*.

Кстати, Н. Н. Носов утверждал, что «*тпруа* на языке почти всех малышей означает "гулять"» [Носов 1982: 259]. По мнению А. Н. Гвоздева, его сын произносил *пруа* в год и 4 месяца [Гвоздев 2005]. Ни один из внуков (их на данный момент четыре) в период своего «речевого старта» такую речевую единицу не использовал. Ее, по воспоминаниям, произносили бабушки и дедушки наших детей. Если упорно просим повторить, например, названия еды: *суп, плов, хлеб*, Толик обобщает – *ням*, на любой напиток – *пи*. И вода в ванной тоже *пи*. Толик просит жестами налить ему воды в чайник для полива цветов. Настаиваем: *Толик, скажи, дайте водички*. – Т. *Дай пи*. Наверное, данный этап речевого развития младшего внука подтверждает мнение Д. Слобина: «Остается только поражаться сильному стремлению ребенка к обобщению, поиску аналогий и закономерностей – иначе го-

вора, стремлению обнаружить и создать упорядоченность в своем языке» [Слобин 1976: 99].

Вероятно, формирование ментальной матрицы у Толика осуществляется через максимальное обобщение, выделение конкретных предметов замыкается именами близких – *мама, папа, няня, деда, баба, ваф* (домашняя собака лабрадор Байрон). Смеем предположить, что это наблюдение не совпадает с мнением лингвистов-необихевиористов, отстаивающих атомистическое представление о вторичности обобщающих способностей у ребенка.

Толику понравилось говорить при прощании *Ка* (пока) и махать ручкой. Он очень ласковый, любит целовать близких, обнимать. Одной из его первых фраз – попыток содержательного общения с близкими – стало обозначение пространственной локализации: *Папа (деда, мама, няня и т. д.) там, тут*, причем с пониманием отличий: *Няня тут, мама там, дома* (в доме); М. *Где баба и деда?* – Т. *Баба, деда дома, мама, папа дома*.

Д. Слобин считает такие высказывания свидетельством того, что на ранних стадиях существуют единые закономерности когнитивного развития детей, обусловленные особенностью их мышления, социальными взаимосвязями [Слобин 1976]. Н. И. Лепская по этому поводу пишет: «В таких высказываниях вербально обозначаются хорошо известные ребенку компоненты реальной действительности: наличие предмета и места его нахождения» [Лепская 1997: 41].

К двум с половиной годам Толик начал активнее вступать в диалоги. М. *Чей котенок Гаф?* – В. *Мой*. – М. *Толик, скажи мой*. – Т. *Няня Гаф*. Ууу (отриц. качает головой) *ня* (Котенок Гав Варин, не мой). Варя «лечит» лежащего под одеялом Толика, спрашивает, что у него болит, он показывает ей перебинтованную ногу и говорит: *Топ* (нога).

Интереса к общению посредством полноценных фраз к двум с половиной годам Толик как будто не проявляет, но с удовольствием начинает повторять фразы за старшими. С этого момента и далее стала очевидна такая черта речевого развития Толика, как зеркальность, подражательность, которая очень заметна и вполне объяснима (она мать учения!). М. *Толик, скажи бай-бай* – Т. *Бай-бай*; М. *Скажи спать* – Т. *Пась*; М. *Скажи каша* – Т. *Ка, кака*. Как видим, охотно повторяет, но не всегда получается. Захотел спать, берет за руку и ведет к кровати. Прыгают с Варей с дивана, «разговорился»: *Мам, ня ап* (я прыгаю), (отрицательно качает головой) *уу нам* (и не падаю).

Удивляет, насколько четко Толик произносит слова по просьбе и противится тому, чтобы включать их в общение. Однако: М. *Толик, скажи какао*. – Т. *Какао!* На следующий день пьет какао. Мама спрашивает: *Толик, что ты пьешь?* – Т. (четко и с улыбкой) *Какао!* Полюбил «пересказывать» мультики. М. *Что спросила птичка у почтальона Печкина?* – Т. *Кто там?*

«Словарный» запас пополнился: *кукуй* (петух), *ик* (зайчик), *голь* (мяч), *зя* (нельзя) и т. д., но чаще в речевое общение предпочитает включать звукоподражания: *коко* (курица), *туту* (поезд). Т. *Муу тён тён* (коров нет, они ушли). Диалог с мамой. М. *Скажи шляпа* – Т. (показывает и говорит) *Сьяпа*; М. *Скажи щука*. – Т. (показывает на картинке и говорит) *Сика*; М. *Что Варя нарисовала?* – Т. *Так* (танк!); В. *Моя мама* – Т. *Май папа*.

Первыми из глагольных форм появились императивы: *дай*, *зямИ* (возьми) и под. На даче удивил фразой с новым императивом: (пустил вверх самолетик) *Баба, нави* (лови). Круг императивов стал активно расширяться: *Папа, тини* (чини); *Няня, беги!*

После двух с половиной лет начинается процесс общения посредством фраз, состоящих из императивов и номинаций имен-объектов (*Дай какао!*), реакций утверждения и отрицания (типа *угу, ууу, ни*), фраз со значением местонахождения с наречиями *там, дома, туть*: *Няня, ня туть* (Варя, я тут).

На вопрос, поедет ли к бабушке, отвечает: *Нии баба, мама дома* (К бабе не поеду, останусь с мамой дома). Хотя чаще такие фразы употребляются не в непосредственном спонтанном общении, а в искусственном, «по наводке». На вопрос, как зовут папу и маму, с удовольствием отвечает *Папа Пася, Мама Ика* (Паша, Вика), без *л* произносит *баба Оя, деда Тоя*.

Грамматика пока такова: существительные-номинации лиц употребляет в роли обращений, в роли объектов преимущественно тоже именительный падеж, хотя совпадение во многих случаях форм именительного и винительного падежей не дает возможности это утверждать категорически: *Что тебе папа подарил?* – *Фыньки* (машинки). Глаголы – в императиве (хочет взять у сестры книжку: *Няня, дай*) или инфинитиве (*Баба, пать* – спать), правильно употребляет местоимения первого и второго лица. М. *Толик, собирай игрушки!* – Т. *Нии, мама, ти* (ты). Мама просит Толика снять свитер. Т. *Ууу, ти, мама* (нет, ты снимай).

В речи все чаще наблюдаем слова и формы, которые, как полагаем, были в пассивном запасе, их неожиданное появление в речи вызывает у взрослых недоумение, удивление, предположение, что ослышались. Сидит в ванной на горшке и кричит: *Мама, сё* (всё)! Вдруг повторил за бабушкой слово (*мутик*), когда она позвала его на 2 этаж дачного домика смотреть мультик и спать. «Рассказывает» о том, как спал ночью. М. *Расскажи, почему ты ночью себя плохо вёл?* Толик изображает громкий крик. М. *Ну кричал, да, еще крутился.* – Т. (с мимикой испуга на лице) *Там ваф* (собака). М. *Вафы снились?* – Т. *Угу*. Утром на вопрос, что ест, произносит *кася*. Удивил репликой (родители громко разговаривают, а он смотрит мультик): *Тиха!*

В 2 года и 7 месяцев Толик стал чаще говорить *да* и *неть* вместо мимических и междометных реакций (*ууу, ни*). Произносит много

слов, односложные полностью: *нось* (нож), *леф* (лев), *кить* (кит), более сложные – частично, чаще последние слоги, один из которых ударный: *кула* (акула), *ика / мика* (клубника, малина), *як* (рюкзак).

В случае с рюкзаком поясним ситуацию, в которой объектом наблюдения стала и его старшая сестра Варя. Толик ходит за мной и повторяет: *Дай як. Я, к сожалению, его не понимаю. Помогает Варя: Бабушка, Толик рюкзак потерял, наверное, он на веранде.* Рассмешила взрослых фраза Толика: *Дай зинку!* Оказалось – корзинку. Интересно, что безударное в норме *О* в первом предупредительном слоге часто произносится без редукции: *козёй* (козёл); *домой*; *Баба, окоя дей* (Баба, открой дверь).

Появились фразы – оценки состояний и действий, стал к ним часто прибегать. Б. *Как ведет себя Варя?* – Т. *Поха* (плохо) – Б. *А ты?* – Т. *Нетъ.* Ест кашу: *КУся* (вкусно); услышал шорох в кустах: *ТАся* (страшно); ударился: *Не бо* (не больно); пьет коктейль в кафе: *КУтя* (вкусно!); заселились в гостиницу, осмотрелся, оценил: *Къюто* (круто), *мам.* Вдруг заплакал на качелях, останавливаю его, спрашиваю, что случилось. Отвечает – *Быя тася* (было страшно). Получается, что состояние уже может оцениваться ребенком и как актуальное, и как прошедшее. Через несколько месяцев употребил слово, характеризующее состояние, с уточняющим обстоятельством причинной семантики: *Без сета там тинно* (Без света там темно).

В речь во второй половине третьего года жизни активнее включается грамматика падежных форм, сначала у существительных появляется притяжательное значение (Б. *Чья одежда?* – Т. *Мами, папи*), прямой объект: *Что ты хочешь?* – *Касю*; *Что ты ешь?* – *Куичу* (курицу); *Кого любишь?* – *Маму, папу, Няню*; направление движения (но без предлога): *Куда едем?* – *Датю.* *Сю датю* (Хочу на дачу); место: *Ты где?* – *Доми* (в доме). Рассказывает о впечатлениях после поликлиники: *Вьячу бояйся.* Как видим, перепутал формы винительного объекта и дательного адресата.

Творительный падеж (в данном случае совместности) пока недоступен для выражения: *Я тут баба* (с бабой). Однако, предполагаю, понимание падежных значений уже есть. Спрашиваем, из-за чего поссорились со старшим двоюродным братом, отвечает: *Фыньки* (из-за машинок). Предлоги не слышны (или их пока нет?).

Прокомментируем мнения ученых об осмыслении детьми категории падежа. Например, Н. И. Лепская пишет, что в начале третьего года жизни мы можем обнаружить в языке ребенка всю систему значений, передаваемых в русском языке падежными формами: субъектные, объектные, обстоятельственные, определительные, однако из-за отсутствия предлогов и смешения флексий способы их передачи остаются несовершенными» [Лепская 1997: 45]. Наверное, можно было бы с этим согласиться (см. в наших наблюдениях за старшими внуками), но некоторая последовательность в осмыслении и, главное, вы-

ражении падежей есть. И второе: думается, осмысление падежей происходит у разных детей в разное время, варьирование последовательности зависит от индивидуальности ребенка. Например, Варя уже в полтора года произносила вполне полноценные фразы с существительными в разных падежных формах, а Толик стал их употреблять только после двух с половиной лет.

По мнению одних ученых, последовательность такая: дательный, винительный, которые авторы объясняют детским эгоцентризмом: «ему, ребенку, дали что-то». Другие ученые считают, что ребенок начинает усвоение с именительного, далее – винительный, родительный. Затем последовательность варьируется – дательный или творительный (цит. по: [Лепская 1997: 41–54]). Н. И. Лепская видит недостаток в такой интерпретации последовательного освоения падежной системы в том, что падежная система с такой точки зрения будто бы складывается из простой суммы конкретных падежей. Ее собственное мнение основывается на разграничении вопроса о формировании самих форм и их значений [Лепская 1997: 42]. Автор, как мы уже писали выше, утверждает, что на рубеже 2 и 3 лет падежные значения детьми осмыслены, но выражаются они существительными в начальной (референциальной) форме. В доказательство приводятся такие примеры из ее записей детской речи: *Дай кукла Дима; Читать книжку Вова; Не надо чай Катя; Не давай лопатка Боря; Купить ружье Вова; Стучу молоток; Утри нос платок; Кушать кашка ложка; Дай косынка мама; Бери назад совочка Боря* (забери, этот совочек Борин, а не мой); *Сидит там ... забор* (Митя спрятался за забором); *Налей вода кружка; Иди дом* (предлагается идти в дом) и т. д. [Лепская 1997: 43–45]. За этим псевдоименительным, по мнению ученого, на первых порах, по сути дела, стоят значения всех падежей [Лепская 1997: 48]. В нашем материале подобные примеры системно не встретились, тем более в таких семантически сложных структурах, как, например, *Бери назад совочка Боря*. Безусловно, они могли появляться (см. выше в нашем материале: *Я тут баба*), но не как доминирующая тенденция и, в нашем материале, в двухкомпонентных, редко – трехкомпонентных фразах.

Мнение Н. И. Лепской: «В возрасте 3 лет проявляется тенденция замены (выделено нами – *О. М.*) различных падежных флексий начальной формой существительных при сохранении значений соответствующих падежей и употреблении соответствующих предлогов» [Лепская 1997: 47] не выдерживает никакой критики, ведь оно означает шаг назад в речевом развитии, см. примеры автора: *Привести к Андрюша; Ехать на лифт; Иду к папа в больница; Кушать без нож* [Лепская 1997: 47]. Возможно, автор оказался в плену экспериментальной методики, на основании которой обобщал свой материал. Реально, в естественном поступательном речевом развитии ребенка не может проявиться такая, обратная тенденция – утраты приобретенных

в процессе осмысления падежных флексий (пусть не всех падежей сразу, но некоторых) и замены их флексиями именительного падежа. Тем более кажется нелогичной следующая фраза: «К 3,6 годам ребенок начинает использовать флексии различных падежей в соответствии с нормой русского языка. Ошибки становятся редкими» [Лепская 1997: 47]. То есть, исходя из логики этого автора, ребенок, заменив к 3 годам именительной формой косвенные падежи, к 3,6 годам снова возвращается к арсеналу флексий и наконец, добившись гармонии, употребляет систему предложно-падежных значений в соответствии с нормами русского языка. Наши эмпирические наблюдения за естественной речью не подтверждают таких путей в освоении падежной системы. Процесс освоения речи у детей очень гибкий, нередко индивидуальный, но поступательный, они пытаются ухватить систему, в то же время наблюдают за реальными фразами близких, их повторяют, ошибаются, исправляют себя, в чем им помогает окружение, но утрачивать приобретенное, на наш взгляд, не могут.

Чуть позже в речи Толика появились предлоги (не могу утверждать, что их не было в сознании, в ментальной матрице, могло быть и так, что ребенок их осознавал, но не мог произнести). М: *Давай останемся на море* – Толик: *Нет, а дачю* (на дачу).

Возвращаемся к нашим наблюдениям за речевым развитием Толика после двух с половиной лет. В его речи начали употребляться слова со значением количества *мого, мая* (много, мало) и, кроме притяжательного *май* (мой) – *Май ляу* (динозавр), местоимение *нась* (наш) – *Нась папа*. С удовольствием повторяет слова за взрослыми и сестрой, но остается малопонятен в общении, поскольку не выговаривает многих звуков, пока более действенным считает кинетический язык, язык жестов и эмоциональных проявлений. Нередко сложно понять: его фразы – результат сиюминутного подражания или следствие актуализации уже существующих в сознании или внутренней речи фраз и слов.

Стали чаще появляться трехсложные фразы: *Няня дома баби* (Варя дома у бабы или: Варя в доме бабы).

Речевое развитие Толика происходит скачкообразно, во всяком случае так представляется окружающим, поэтому буквально привел в оторопь свою маму таким, например, высказыванием: *Мама, так кутьно* (скучно). М. *Почему?* – Т. *Сю дугой мутик* (Хочу другой мультик). В этот же день во время прогулки в парке спрашивает: *Мам, туть пайк?* (будто идентифицирует существующее в сознании понятие с деноматом, заполняет или проверяет «ячейки ментальной матрицы»).

Наконец у Толика начался период, когда кинетико-междометный способ существования и общения явно перестал его удовлетворять: расширяются запросы и потребности, а его не понимают. Полчаса, терпеливо повторяя фразу *Воть там*, ходил по даче за своим папой, чтоб тот принес из машины трансформер.

В возрасте 2 лет и 7 месяцев хорошо выражает притяжательное значение: *мами, папи, май, насъ*; побуждение: *Мама, сядь, насъ, пать* (спать), активно подключается форма 1 лица: *тю, сю* (хочу), *игаю* (играю), *гу* (могу), в варианте *И гу* (не могу). Заметна активность модальных глаголов желания, возможности (хочу, могу): *И асю игать адинь!* (Не хочу играть один); М. *Иди сюда*. – Т. *Ня и агу* (Я не могу); *Хасю Амок тоить* (Хочу замок строить). Толик собрал кубик Рубика с картинками, Варя ему: *Ты гений, я бы так не смогла*. – Т. *А я мог* (смог).

В приводимом ниже примере, думается, отражается процесс осознания грамматики форм: *Толик, абрикос будешь?* – *Да, буду*. Стал употреблять формы прошедшего времени «по наводке»: *Нашел машинку?* – *Нашёй* (нашел). Другие примеры употребления всех трех времен: *Я мафыни* (в машине), *еду на мОе* (на море); (объясняет, почему взял у брата игрушку) *Это моя бЫя фынька* (это была моя машинка); *Буду дати игать* (Буду на даче играть).

Многие предметы называет настолько по-своему, что трудно понять (аналогично было и у старших внуков, особенно у Андрея), например, самолет называет *ляфИк* (через две недели уже – *амаёт*), попугая – *ибагАй, бабагай*, платочек – *атотик*, бегемота – *аенОт*, петуха – *атух*, черепаху – *апаха*, робота – *бОбит*. Конечно, звуковое сходство очевидно, рассмотрим это на примере пары *робот* и *бобит*: совпадают количество и качество слогов (первый – прикрытый незакрытый, второй – прикрытый закрытый), количество и близкие артикуляционные характеристики согласных и гласных. Попытаемся объяснить артикуляционные изменения в произнесении согласных в слове *робот*: недоступное пока *р* заменяется губным *б*, а далее – согласные по движению в ротовую полость: губной звонкий *б* и переднеязычный альвеолярный глухой (то есть произносимый без напряжения голосовых связок) *т*.

В процессе речевого воплощения своих мыслей Толик нередко прибегает к метатезе и наращению: *Батьетки* для *белятьки* (Таблетки для белочки); *Я вовоси исё бодавки папасю* (Я овощей еще добавки попрошу); *Вафика де у нас?* (Африка где у нас?) и т. д.

В диалогах стал заметен взрыв речевого взаимодействия. М. *Игрушки под столом* – Т. (смотрит под стол) *И визу* (Не вижу); М. *Кто Анатолий?* – Т. *Дедя* (дед); М. *А ты кто?* – Т. *Потё* (просто) *Тоя*.

Настал тот период наблюдений, когда сложно решить: ребенок освоил новое слово или новую форму (морфологическую или синтаксическую), или просто стал более отчетливо произносить то, чего раньше окружающие не понимали. Показываю фигурки животных, говорит: *Это асёк* (носорог), *Это амОт* (бегемот); *Это аяф / дияф* – жираф; *Это ают* (верблюд); *Это аметь* (медведь); *Это зянка* (обезьянка); *Это мысика* (мышка) и т. д. Как видим, его варианты «слов» вполне узнаваемы: передается общий интонационный рисунок слова, предпочтение в произношении отдается гласным, особенно гласной *а*,

вероятно, наряду с *и*, менее сложной в артикуляции, см. примеры из речи несколькими месяцами позже: *АанИт ме* (позвонит мне); *Аинь айАита туй* (Пододвинь, пожалуйста, стул); *Гада Адей адет?* (Когда Андрей придет); *Они падазились* (подружились).

Согласные в словах с их трудными для Толика артикуляционными характеристиками не всегда воспроизводятся в соответствии с нормой (*дияф* вместо «жираф», *мысика* вместо «мышка»), согласные *р*, *ш*, *ж* практически не встречаются. В сознании Толика будто существуют какие-то механизмы, которые позволяют ему произнести слово так, чтоб его поняли, но в то же время не перегрузить свой далеко еще не совершенный артикуляционный аппарат. Только ситуативно можно понять, что фраза *Дём дать деду* означает 'Идем ждать деда', а *асей сон* – 'большой слон'. В произношении слов, как видим, Толик стремится сохранить слоги, ударение и гласные звуки: *ооко* (молоко), *ииУюца* (тренируются).

По воспоминаниям О. Б. Сиротининой, она очень долго не могла произносить звук *р*. Осмотревший родственник-хирург предположил, что причина в слишком короткой «уздечке» языка, и решил её подрезать, сказав, что придёт вечером. Маленькой Оле это так не понравилось, что она весь день тренировалась и, когда пришел хирург, уже легко произносила этот сложный для детей звук. Толик не попадал в такую экстремальную ситуацию, да в его возрасте и не понял бы сути нависающей над ним угрозы, вероятно, не смог бы с ситуацией справиться – так был мал. Но бесспорно то, что всякий ребенок сознательно или интуитивно решает для себя проблему произнесения слов так, чтоб быть понятым или, как в ситуации с маленькой Олей, чтоб избежать «карательных мер».

Продолжаем анализировать речь Толика. Пересказывает мультфильм «Котенок Гав»: *Вафик беий, а ухи тейный* (Котенок Гав белый, а уши черные). Как видим, число у прилагательных еще не освоено, то же наблюдаем по отношению к роду, сначала приоритет у мужского: (ест клубнику, сортирует по размеру) *маинький, басой*; (ест цветную капусту, оценивает соцветия) *маинький, басей, осей басей* (очень большой), чуть позже родовые различия начинают проявляться. Употребляет прилагательные цвета: *Адюся, я дома видел волка серого* *сея* (Андрюша, я дома видел волка серого); *Аетовый цеток* (Фиолетовый цветок), в основном по отношению к машинам – *чёна, бея, синя, кася*, размера (см. выше), оценки, как физической, например тактильной: *Тё-то ипкое* (липкое), так и психологической: *Адюся зой, я хаёсый; Зайтик бьидёт, он хаёсый, отайные все пахие* (Зайчик придет, он хороший, остальные все плохие). Интересно употребление прилагательного, свидетельствующего о ступени социализации: *Эта обсяи игуски* (это общие игрушки). Своеобразно выражается у Толика (кстати, как и у старших внуков) притяжательное значение: *Это маманаи тапки* (ср.: тапки мамы), *бабатьканаи тапки* (тапки бабушки); *Это дедыная, это*

ваиная лоска (ложка деда, Вари); *На ваиная день яздения* (На Варин день рождения). Как видим, притяжательные прилагательные *мамина, бабушкина, Варина* и под. у внуков системно нарастили окончание под влиянием флексий первого типа адъективного склонения.

Не отдает старшему брату машинки, в которые играет, аргументируя: *Адюся саи есть фыньки* (У Андрея свои есть машинки), субъект обладания употребляется пока в именительном, а не, в норме для русского языка, родительном падеже. М. *Варя, ешь, а то сил не будет*. Толик пытается использовать более понятную ему личную структуру, но без отрицательной частицы, уплетая суп, спрашивает: *Мам, ня сий будет?* (У меня силы будут?).

Еще один пример отсутствия пока в «ментальной матрице» ячейки с безличными отрицательными конструкциями: (на появляющийся и исчезающий солнечный зайчик) *Айттик есь, айттик нету*. С некоторой долей приближенности можно сказать, что процесс, о котором пишет С. Пинкер («...нерегулярные формы предъявляют права на свои ячейки в ментальной матрице и вытесняют отсюда конкурирующие с ним формы» [Пинкер 2013: 57]), у Толика еще не полностью сформировался, хотя в следующей реплике видим его начало. Толик поливает цветы и говорит: *Баби банька* (У бабы банка). – Б. *Не банка, а чайник*. – Т. (повторяет) *Тяйник*. Кстати, непреклонен, если номинации в его компетенции. Б. *Посмотри, у машинки кран*. – Т. *Ии кан, кюк* (Не кран, крюк). Двумя неделями позже. Б. *Это кран?* – Т. *Не кан, какАтый* (экскаватор). Б. *Возьми карандаш*. – Т. *Майкей* (маркер).

Интересно включение в речь других, кроме личных и притяжательных, местоимений (заметим согласование в числе и роде уже есть): М. *Какими палками?* – Т. *Этими*. Шутит, показывая на сестру: *Моя мама – эта*.

Форма третьего лица лично-указательного местоимения употреблена в наблюдениях впервые так: *Она там, она нету* (Она там, ее здесь нет). Как видим, супплетивная форма местоимения и безличная структура (см. об этом выше) еще не освоены. Но с этого момента местоимение 3 лица стало употребляться активно. Приведем пример связного текста, в котором употреблены анафорические местоимения: Т. *Ты не пей мой тяй*. – М. *Я не пью*. – Т. *Ты мотись* (смотришь) *на него*.

Неопределенные и вопросительные местоимения появляются двумя месяцами позже: *Я видеи какой-то пивидение, видеи какие-то носки* (Я видел какое-то привидение, видел какие-то ножки); *Сто* (что) *ти сотись* (хочешь), *деда?*

Следующий пример ярко демонстрирует выработку у ребенка механизма эффективного речевого взаимодействия. Ждем дедушку, Толик показывает на черную машину во дворе: *Деда абИи фыну*. Я не могу понять, что значит – *абИи*. Он прибегает к раньше выручавшей «кинетике», показывает пальцами движение ног человека и говорит –

тон-тон. Предполагаю: *Забыл машину и ушел?* Радостно кивает. Надеюсь, я его поняла.

По отдельным употреблением обнаруживается довольно широкий лексический круг глаголов, см. примеры выше, а также: бросил игрушку «крокодил» в лужу и говорит: *Он и пьют* (он не плавает); (на море) *Буду воду бьясать камыски* (буду в воду бросать камешки); *Ты тѣ деяешь, Нянь?* (Ты что делаешь, Варь?); *Ня кутЯй* (Я скучал); *Поес* (поезд) *едет*; *И агу паймать* (не могу поймать), имеется в виду мяч; *Я насѣй пуйт!* (я нашел пульт) и т. д.

Употребленный им в этом возрасте, например, глагол *шУюца* (тренируются) относится к словарному минимуму не всякого взрослого человека. Однако Толик произнес его, указывая на шейпинг-зал, ошибка в неправильном истолковании исключена. Что это? Зеркальный повтор того, что услышал в этой ситуации, например, от проходящих мимо людей, или актуализация в речи уже существующей в сознании лексемы, причем в нужной грамматической форме? Толик будто достает из своего ментального словаря, примеривает ранее услышанные, употребленные в окружении фразы к своим сегодняшним речевым потребностям, своим ситуациям.

Толику 2 года 8 месяцев. Новое в его речевом поведении – сложные бессоюзные конструкции с глаголом речи в главной части («сказал») и изъяснительным значением семантически зависимой (или структуры со словами автора и прямой речью?). Впервые эта структура была использована в такой ситуации: забрался на лестницу бассейна, прошу объяснить, почему так сделал. К моему огромному удивлению, спокойно отвечает: *А Адюся казай – мозя* (Андрюша сказал – можно). Кстати, Андрей (напомним, ему в это время чуть больше 5 лет) не стал отпираться: *Да, беру вину на себя, сказал, но на первые две ступеньки*.

В дальнейшем такие структуры в речи Толика стали использоваться довольно часто, будто он упражняется в их употреблении. Создается впечатление, что он занялся апробацией «вывода» из глубинной структуры своего сознания в поверхностную определенного, уже известного ему смысла. В этом отношении процитируем следующее утверждение: «Еще более сильным аргументом против доминирующей роли имитации в овладении языком служит тот факт, что дети, которые вообще не могут говорить, но нормально слышат, приобретают нормальную языковую способность» [Слобин 1976: 113]. Приведем аналогичные фразы, которые стали слышать после впервые произнесенной уже довольно часто. У Толика с Варей тихий час. В. *Пойдем играть!* – Т. *Мама казая пать!* (Мама сказала, что нужно спать). Варя не хочет включать Толика в свою игру, Толик: *Мама казая игать месте* (Мама сказала играть вместе). Плачет, причина: *Няня казая ти и мой батик* (Варя сказала, что ты не мой братик). На даче пытается объяснить, почему старшие ушли к соседу дяде Володе, однако

опорный глагол в семантически зависимой части не найден: *Дядя Володя казай...* (не может сформулировать мысль о том, что дядя Володя обещал показать машинки своего внука, и произносит на выдохе единственное доступное для произнесения слово с объектной синтаксической семантикой – *фыньки*).

В качестве обобщения сказанного приведем мнение Д. Слобина: «Гораздо более вероятно предположить, что ребенок использует имеющиеся в его распоряжении скудные языковые средства для создания новых предложений в рамках своей несложной, но уже структурированной системы. Эта система, безусловно, должна обладать некоторым соответствием с той речью, которую ребенок слышит вокруг себя, но она, разумеется, не является упрощенной копией этой системы» [Слобин 1976: 93].

То, что это освоение именно своей собственной системы, доказывает и факт из воспоминаний Ольги Борисовны Сиротининой о соседской (в коммунальной квартире) девочке, которая в 3 года говорила только одно слово – *чисы* (часы), когда прибежала к соседям и требовала от каждого их показать. В её лексиконе ни одного другого слова не было, она не произносила даже слов *мама* и *папа*. Врачи недоумевали. Вдруг однажды она вбежала в общую кухню и «выдала»: *Как это я мимо Таниной двери пробежала!* Все так и ахнули. После этого случая она стала совершенно нормально общаться.

Толик стал любителем выдумки. Например, так «объясняет» (чтоб посочувствовали), почему якобы остался один дома: *Мама на яботе, папа на яботе, Байин на яботе, баба на яботе, я адинь*. Напомним, что Байрон – домашняя собака, а бабушка живет в другом районе города. Замечу, что неупотребление глагола в данном бессоюзном предложении сразу с несколькими предикативными частями приводит к употреблению предлога, раньше Толик с предлогами не всегда справлялся, ср.: *Сю дачю* (Хочу на дачу). За 3 дня перед поездкой в Крым появилась фраза: *Сю а мое* (Хочу на море), но ее появление можно объяснить частым повторением в окружении ребенка, особенно от старшей сестры, которая без устали ее твердила.

Смена обстановки, предполагаю, может повлиять на прогресс в речевом развитии – семья поехала на машине в Крым, к морю, Толику 2 года 9 месяцев. Однако ребенок испугался сурового моря в первый день (был шторм) и будто снова ушел в себя, хотя некоторые изменения появились. Например, произнес фразу – сложносочиненное предложение с противительным союзом (раньше слышала от него только бессоюзные): *Няня аёт, а я гаяЮ тиха* (Варя орет, а я говорю тихо), добавил в свой арсенал фраз-характеристик состояния такую: *Так дой-го* (долго возвращались пешком от пляжа к отелю).

В основном же на улице больше молчит. Вечером Варя и Толик сидят в номере отеля рядышком, притихшие после похода к штормовому морю. В. *Почему не идешь в воду? Потому что ты боишься уто-*

нуть? Толик молча утвердительно кивает головой. Варя (обнимая и поглаживая брата): *Маленький, ты же на ножках стоишь, маму за ручку держи и не утонешь, я же не утонула. Это не так уж и страшно.*

Перед возвращением домой словоохотливость к Толику вернулась, причем стали активны многокомпонентные сложные структуры с разными смысловыми отношениями между частями, связанные бессоюзной связью: *Мам, принеси мне горшочек, я писать буду конате* (принеси мне горшочек, я писать буду в комнате); (играют с Варей в прятки): *Закрой газа, ага, моза, акивАй* (Закрой глаза, ага, можно, открывай). Чаще стали встречаться и сложные предложения с подчинительным союзом *что* и изъяснительными отношениями: (в зоопарке) *Газа думает, сто я дозе газа* (Коза думает, что я тоже коза).

Что касается заметного к этому времени употреблению звонких вместо парных им глухих, особенно в начале слова (см. выше: *газа, дозе*), то, конечно, это можно объяснить действием процесса регрессивной ассимиляции, но могу предположить, что это и сознательный выбор: так речь более отчетлива и для окружающих более слышна. См. во фразе *Гада я зяду?* (куда я сяду?) звуковой облик *гада* и *зяду* – результат осознанного выбора в связи со стремлением к эффективному общению при ограниченных артикуляционных возможностях. Подобные примеры: *Базиба* (спасибо); *ДаидАдель* (птеродактиль); *Мы бАдаем, они бАдают* (мы падаем, они падают); *Гада баедем а датю, гада?* (Когда поедем на дачу, когда?); *Атю задик* (Хочу в садик); *Там губики* (Там кубики) и т. д.

Д. Слобин, рассматривая особенности освоения детьми фонологической системы английского языка, тоже остановился на проблеме выбора глухой и звонкой согласной. Не углубляясь в его размышления, согласимся с основным выводом: «И снова мы можем только удивляться стремлению ребенка к организации системы своей речи. Ребенок быстро движется вперед не потому, что повторяет, как попугай, и не за счет постепенного обучения. Скорее, он схватывает общие принципы и применяет их ко многим аспектам своей языковой системы» [Слобин 1976: 120].

В наших примерах выбор звонкого вместо глухого не влечет за собой затруднения в понимании речи ребенка окружающими, оставшиеся в слове звуки произносятся согласно норме, контекст помогает правильному пониманию. В этом отношении приведем еще одно наблюдение ученого: «Когда речь идет о фонологии, ясно, что ребенку даже необязательно уметь произносить звуки, чтобы воспринимать необходимые контрасты. Примером этого может служить такой разговор лингвиста с ребенком: *Recently a three year old child told me her name as Litha. I answered «Litha?» – «No, Litha.» – «Oh, Lisa.» – «Yes, Litha.»*. Совершенно ясно, что эта девочка владеет контрастом между *s* и *th*. Она отвергла взрослую имитацию своего произношения, хотя са-

ма еще не умеет выразить этот контраст в собственном произношении» [Слобин 1976: 120–121].

Интенсивная мыслительная деятельность, которая, безусловно, формировалась и в «дословесный» период, теперь стала обозначаться и в речи: *Мам, я думаю, мои фыньки конате* (мои машинки в комнате); *Мам, тё-то тёное* (что-то чёрное), *ме казеца, это пото камик* (мне кажется, это просто камешек); *Дагадайся, какая йиба* (Догадался, какая рыба). Во фразе Толика *Я пьяина гаяю – папа идет?* (Я правильно говорю – папа идет?) отразилась мыслительная способность к анализу своей речи, стремлению сделать ее эффективней.

С. Пинкер в своих исследованиях человеческого сознания оперирует понятием «ментальный словарь» [Пинкер 2013: 49]. Представляется, его формирование у Толика происходило задолго (по меркам детского возраста – до двух с половиной лет) до «словесного периода», думается даже, что потребность сказать у него сформировалась позже, чем возможность размышлять. Активность в его «речевом старте» дискурсивов *думаю, кажется, поняла* и под. (у старших внуков такой активности не замечено) является этому доказательством. Приводимая выше фраза *Газа думает, сто я дозе газа* в этом отношении является ярким свидетельством нашего предположения.

Он стал вступать в общение с незнакомыми людьми, демонстрируя уровень социализации: (у киоска, обращаясь к продавцу) *Моза у вас упить фыньку?* (Можно у вас **купить** машинку?). К номинациям *мама, папа* прибавились ласкательные *мамитька, папитька: Папитька, помнись, мы игали фыньки* (Папочка, помнишь, мы играли в машинки). Бабушку и дедушку, вероятно, на этой же волне формирования в минуты душевного комфорта эмоциональной составляющей в речи, стал называть *дедика и бабика*. Увидел котенка: *Какой маюсенький!* (Какой малюсенький).

Толику 2 года 10 месяцев, он говорит не останавливаясь, охотно отвечает на вопросы, комментирует свои игры, однако оценить уровень его речевых способностей все так же трудно, поскольку, о чем уже писала, слишком несовершенен еще его артикуляционный аппарат. Однако это несовершенство не является для Толика препятствием к употреблению сложных в артикуляционном отношении слов: *А Дима взял за юку вапитатейницу Адезду Аванную* (А Дима взял за руку воспитательницу Надежду Ивановну); *Я ПУноню костотьку* (Я выплюну косточку). Помогают его понять ситуация, общая апперцепционная база – «конвой» высказываний.

Приведем некоторые фразы Толика, которые смогли расшифровать, и попытаемся интерпретировать их в аспекте ступеней овладения языком. Стоит и смотрит, как сестра моется в ванной: *Вода ... Воду а надо пить* (Вода ... Воду не надо пить). Повтор первого слова указывает на определенный этап в овладении падежной системой и типами синтаксических структур: Толик выбрал безличную структуру

и морфологически верно скорректировал форму объекта. «Когда ребенок прерывает свою речь и сам поправляет ошибки, мы можем видеть, что он уже управляет своей речью в соответствии с каким-то представлением о правильности. К трем годам случаи самостоятельного исправления ошибок становятся весьма часты» [Слобин 1976: 104], хотя ошибки в использовании безличных отрицательных структур продолжают встречаться: *Этот нету катый* (Этого нет трактора); *Папа нет, бабителька нет* (папы нет, бабушки нет).

Толик стал заметнее ориентироваться на речевое окружение для достижения более результативного общения. М. *Почему не берешь игрушку? Она грязная?* – Т. *Да. Она газяня*. Здесь, вероятно, мама помогла сформулировать обоснование мнения, предложила образец такого обоснования. Разговор с собой: *Сет кутий, а не кутий* (свет включил, а он не включился). Вероятно, пока мальчику трудно даются залоговые значения. Наконец свет был ребенком включен, однако дедушка попросил: *Толик, выключи свет!* В ответе содержится модальная семантика необходимости: *Ме нузен сет!* (Мне нужен свет!); в другой раз: *Ме нузен зотик* (мне нужен зонтик). Подобный пример, только в безличных отрицательных структурах: *Тю обед, это а надо, тю касю* (Хочу обед, это не надо, хочу кашу).

Играет в любимые машинки, комментируя свои действия: *АвИкка Узоф амайся* (У грузовика кузов сломался). *Абата* (обратно) *едет*. *АвИк амайся, мой папа атинит авИк* (Грузовик сломался, мой папа починит грузовик). *И агу отыть дей, фыны писИ амой, это их гаясь* (Не могу открыть дверь, машины пришли домой, это их гараж).

Обратим внимание здесь на употребление формы средневозвратного залога *амайся* (ср. выше мнение о фразе *Сет кутий, а не кутий*). На наш взгляд, использование формы *амайся* не является осмыслением, обобщением семантики залоговых значений, этот возвратный глагол часто использовали в его окружении (двоюродный брат, папа, дедушка). Аналогично можно рассуждать в отношении его фразы с возвратным глаголом *Купатя а буду, а беегу* (Купаться не буду, останусь на берегу). Здесь в качестве подтверждения уместно воспользоваться мнением С. Пинкера, когда он размышляет о способах овладения языком детьми (правда, оно приводилось в отношении других структур с глаголом, но это в данном случае не существенно): «... Дети вообще не создают никаких правил. Возможно, они в действительности откладывают в памяти только те сочетания глаголов и конструкций, которые они слышали в речи взрослых, и, будучи консерваторами, строго придерживаются именно этих сочетаний» [Пинкер 2013: 52–53]. Кстати, это мнение С. Пинкер не рассматривает как единственно верное, скорее как возможное, не случайно параграф о детской речи назван им «Парадокс детской речи». Приведем пример в подтверждение парадоксальности детской речи, который противоречит только что приведенному мнению С. Пинкера и является доказа-

тельностью существования активного процесса освоения ребенком системных свойств языка, а не простой подражательности. Если употребленные ребенком фразы *Купатя а буду* (Купаться не буду), *Авик амайся* (Грузовик сломался) и подобные можно объяснить подражательностью, влиянием речи окружения, то следующие такого объяснения не допускают, поскольку употребленной ребенком глагольной словоформы в данном контекстном значении просто не существует. Толик просит достать ему игрушку, которая завалилась за диван: *Датань не КепысЯ* (Достань мне Крепыша). После попытки достать он проваливается еще больше. Толик с огорчением: *Тепей Кепысь не да-танется* (Теперь Крепыш не «достанется»). Другой пример экспериментирования со средневозвратным залогом, но уже на базе непереходного глагола: *Я танусь в снегу* (Я тону в снегу). В речи его старшего брата Андрея (в 6 лет) находим аналогичное осмысление синтаксических структур с глаголом в средневозвратном залоге: *Уберите палку, чтобы никто не заделся за край*.

Продолжаем анализировать речевое поведение Толика. На улице дождь, о чем ведут разговор сидящие рядом с ребенком бабушка и дедушка. Т. *Баба, дай зотик*. Зонттик у него в руках. Т. *АкИть* (открыть) *зотик, тут доть* (дождь). Зонттик бабушкой открыт. Т. *Иду зотики* (под зонтиком? с зонтиком?). Т. *Как акИть* (закрывать)? – Б. *Толик, нет же дождя*. – Т. *Ти гаяила там доть* (ты говорила там дождь). Как видим, форма творительного падежа пока недоступна (*иду зотики*). Днем позже она уже была обнаружена, с орудийным значением. Т. *Налей воду гаском* (Налей воду горшком). Фраза Толика прозвучала на даче, наливать воду надо было в ведро, другой емкости, кроме детского горшка, под рукой у бабушки не было. Еще один пример с творительным орудийным: *Бегю юками* (Беру руками). Творительный способа действия: М. *Как ты помещаешься в шкафу?* – Т. *Ногами*.

Творительный падеж существительного, по нашим наблюдениям, оказался для Толика самым сложным при освоении. Иногда трудности вызывало употребление при нем предлога: *Иду мамой домой, десь вок пьятица* (Иду с мамой домой, здесь волк прячется); *Тю касю яхием* (хочу кашу с сахаром), иногда и предлога, и выбора окончания. Толик ест кашу: *Это кася? Миким?* (Это каша? С малиной?). Из вариантов флексий творительного падежа (*ом / ём; ой / ей; ю*) выбрана флексия *им*, т. е. варианты форм творительного у слов разных типов склонения на данном этапе формирования речи пока не поддаются дифференциации: *Тю с исем* (Хочу картинку с рысью). В последнем примере предпочтение отдается флексии творительного падежа для существительных мужского рода 2-го, а не 3-го типа склонения. Вероятно, это связано с тем, что существительные 2-го типа склонения наиболее частотны в речи.

Что касается речевой омонимии глаголов *открыть* и *закрывать* (см. выше, *акить*), то подобное мы наблюдали и в речи сестры Толи-

ка. Конечно, в сознании эти глаголы ими различаются (сравните выше пример Д. Слобина Lisa – Litha), но в речи артикуляционные ограничения пока не позволяют их дифференцировать, см. еще примеры: *Атадинь туй* (Пододвинь стул); *Баба, атени (застегни или расстегни – понятно из ситуации)*.

К этому времени (напомним, Толику 2 года 10 месяцев) в его речи стали более заметны наречия, и местоименные в том числе: *Идет бобит дога-дога* (Идет робот долго-долго); *Они лялико-лялико* (далеко-далеко); *Дыйка там, зади* (Дырка там, сзади); *Тепей я деяю кьасного войка* (Теперь я делаю красного волка); М. *Куда идет робот? – Т. Домой, а аботу, баботьке. Никада босе* (на работу, к бабушке. Никуда больше); *Снатя так деять, потом так, потом сё* (Сначала так делать, потом так, потом всё) и т. д.

Начал демонстрировать включенность в общие семейные дела: (выходят с мамой из подъезда дома) *Ти сё ззя* (Ты все взяла)? Эту фразу обычно повторяют друг другу взрослые, когда выходят из дома. Потеряли пульт от телевизора в детской. Толик идет, держа в руке пульт от телевизора в большой комнате, и спрашивает: *Это какой пуйт?*

Речевое развитие Толика к 3 годам похоже на преодоление: мысль рвется наружу, а язык, тот самый активный орган речи, скорее напоминает плотину, которая пытается сдерживать бурный ментальный поток. Заметных изменений в произнесении звуков, приближения к произносительной норме пока не наблюдается. С удовольствием называет то, что видит: *Я визу батономасайку* (бетономешалку), *акА-тый* (экскаватор), *адоОий* (бульдозер), *кьЯтат* (трактор), но понять это можно только в определенной ситуации. Осознание вкусовых способностей наблюдаем через такое речевое воплощение: *Я и тЮтую катету* (не чувствую котлету). (Взрослые хотели выдать за котлету, которые любит Толик, мясную начинку из пирожка.) Слуховые ассоциации тоже систематизируются. Мама прислушивается к работающей машинке: *Что пищит? – Т. Это её зук* (звук). Стал заметен интерес к социальному взаимодействию через восприятие речи: *Мама, ты меня сУсаис?* (Мама, ты меня слушаешь?).

Ребенок полубил повторять манеру чтения ему книжек: *Ода-то быи аанОвы, они Ымели и появиися то? Какие зей?* (Когда-то были динозавры, они вымерли и появились кто? Какие звери?). Сам сочиняет сказки, выразительно их интонируя: *Беда, беда, пасите ме, цапья хотет его съест. Покомите цапью* (Беда, беда, спасите меня, – цапля хочет его съесть, – покормите цаплю!). Вероятно, это означает формирование у Толика способности использовать язык в эстетической функции.

В целом оценочная картина мира в речевом выражении стала более доступна: *Как поючаица, ме так не наица* (Как получается, мне так не нравится); *Он утонЕт, я буду пеезывать* (Он утонет, я буду переживать); *Не хотю бойсе титать, надоея* (Не хочу больше читать,

надоело); *Дед мне купиь звеи. Я так довоен!* (Дед мне купил зверей, я так доволен!). Воспитатель пожаловалась на поведение Толика во время тихого часа. Толик маме: *Адезда Аванная гаяит непьявду, я пал* (Надежда Ивановна говорит неправду, я спал).

Наконец стал задавать вопрос, связанный с проблемой номинации, идентификации предмета и его образа: *Это то?* (Это что?). Старшие внуки начали задавать этот вопрос, начиная с года (см. в статьях). У Толика, в отличие от старших внуков, этот вопрос совпал по времени с вопросом *ачЕм?* (Зачем?) Показывает на дырочки во врезном замке двери, предназначенные для ригелей: *Это то?* – П. *Это дырочки в замке.* – Т. *Атем?* (Зачем). Слово *почему* как выразитель потребности узнать причину в нашем материале (и у старших внуков в ту же пору взросления) пока не встретилось. Чуть позже его мы обнаружили у Толика на месте наречия *зачем*: *Потему ему второй теефон* (Зачем ему второй телефон).

В 2 года и 11 месяцев замечено первое причастие: *У меня аняты юки* (У меня заняты руки), страдательное, в краткой форме, затем второе: *Диназай побезден узе* (Динозавр побежден уже), месяцем позже – полная форма: *Сет выкьютенный навейху, на кысе* (Свет выключенный наверху, на крыше). Следом – действительное: *Она не етАяся, она не етАя, ходИя* (Она не летающая, она не летала, ходила).

Что касается категории вида глагола, то пока ее речевое воплощение не всегда соответствует норме: *Какую ти будись зять финьку?* (Какую ты будешь взять машинку?). Как видим, неверно используется вспомогательный элемент *быть* для формирования будущего времени у глагола совершенного вида (*взять* вместо *брать*). Подобные примеры из его речи: *Войк идти не будет* (то есть – *не придет*); *Кто войка встретит будет?* (то есть – *кто волка встретит?*). Вероятно, ошибки в употреблении вида глагола связаны с неверно осознанной закономерностью образования форм будущего времени, а именно: для всех глаголов при помощи вспомогательного элемента *быть*. Если глагол несовершенного вида, то употребление соответствует норме: *Адюся, ва то будим игъять?* (Андрюша, во что будем играть?); *Папобуй, и гаятяя? Я дуть буду* (Попробуй, не горячая? Я дуть буду).

Толику исполнилось 3 года, его речь артикуляционно далеко не совершенна, но уже понятна. Возможно, он стал более понятен для окружения, потому что пытается приблизить свое произношение к норме, возможно, его окружение, в свою очередь, приспособилось к «собственному» языку Толика.

Замечены несколько глаголов-новообразований с семантикой способов глагольного действия, например: *Монетки все пьибойсаются и пьибойсаются* (Монетки все прибольшаются и прибольшаются), то есть монеток становится больше. См. у Носова приблизительно в том же возрасте: *Ноги болят, сейчас пойду легну на кровать* [Носов 1982: 315]. В речи стали более частотны сложноподчиненные предложения.

Рассказывает, как прошел День рождения в саду: *Паздьявьяи, зяи стоб бый здаёв, стоб не байной* (Поздравляли, желали, чтоб был здоров, чтоб не больной). Здесь очевидно, что конструкция с придаточным изъяснительным калькирована из только что прозвучавших в садике поздравительных фраз. Другие примеры сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными: *Каёва думает, сто это гойка* (Корова думает, что это горка); *Сати, как я саидиняю* (Смотри, как я соединяю); *Сати, как они ядуюца* (Смотри, как они радуются).

В речи стали активны сложноподчиненные предложения со значением обусловленности, особенно частотны условные: *Еси деитька пидет, надо ей самокат дать. Канесна пидет* (Если девочка придет, надо ей самокат дать. Конечно, придет); *Еси зайтик пьятит, надо съёски вытиять* (Если зайчик плачет, надо слезки вытирать). Стала доступна для выражения такая логическая цепочка размышлений: *Еси папа пиедет, я поеду домой. Папа не пиехал, значит, я у вас атанусь* (Если папа приедет, я поеду домой. Папа не приехал, значит, я у вас останусь).

Употребительны предложения с временной обусловленностью: *Гада я буду у вас, мама будет яботать* (Когда я буду у вас, мама будет работать); *Гада папали, нада кутять мутик, мы так деяем папой* (когда поспали, надо включать мультик, мы так делаем с папой); *Гада мама паходит, я сигда аюбаюсь* (Когда мама приходит, я всегда улыбаюсь). Встречаются фразы с целевым значением: *ПьятьЮ хаядийник, стоб бый титый. Всем помогаю* (Протру холодильник, чтоб был чистый. Всем помогаю).

Интересно осмысление формы сложноподчиненных предложений с придаточным причины. И в этой связи сначала приведем размышление Н. Н. Носова: «Любопытно, что ребенок самостоятельно ищет способы выразить свою мысль, изыскивая для этого какие-то свои средства, которым, кстати, его никто и не учит» [Носов 1982: 261].

Вероятно, поскольку чаще предложения с придаточным причины являются ответными фразами на вопрос (*Толик, почему ты мальчик?*), ответ Толика содержит не союз *потому что*, а наречие, которое было употреблено в вопросе: *Потему я юбу афыньки* (Почему что я люблю машинки). Другие примеры. М. *Почему не отнесешь игрушки?* – Т. *Потему не хочется* (Почему не хочется; *Я не ем, почему хотю игать* (Я не ем, почему хочу играть); *Знаес, потому я сказал гаячий? Потому я его не перемесал* (Знаешь, почему я сказал горячий? Почему я его не перемешал). Как утверждает Д. Слобин, «у ребенка есть какие-то врожденные средства для обработки информации и образования внутренних структур, и, когда эти средства применяются к слышимой речи, ребенку удается сконструировать грамматику своего родного языка» [Слобин 1976: 108]. В данных примерах из речи Толика мы наблюдаем «сбой» в процессе обработки информации и образование структуры с неверным, с точки зрения норм русского языка,

компонентом (*почему* вместо *потому что*), но на данном этапе своего речевого развития такая речь представляется ребенку эффективной. Частотность таких «неправильных» сложноподчиненных предложений в его речи показывает, что они вписаны в его систему языка, а не случайны. «Теперь нам очевидно, что ребенок создает какие-то собственные категории слов, основанные на функциях слов в языковой системе ребенка, и что слова нужно рассматривать в рамках всей языковой системы ребенка, а не системы взрослого, которой ребенок еще не овладел» [Слобин 1976: 86].

В данный период чаще предпочтение отдается все же не союзной, а бессоюзной связи, что вполне объяснимо – ребенок формирует свою речь в условиях непринужденного спонтанного устного общения. Приведем примеры из его речи и их полноструктурные аналоги: *Я гаший папа писёй* (Я говорил, что папа пришел); *Не неудобно, мама непьявийна надея пийтятки* (Мне неудобно, потому что мама неправильно надела перчатки); *АтафОй не яботаает, батаейки сеи* (Светофор не работает, потому что батареек сели); *Дед пьяина, ты непьяина* (Дед правильно, а ты неправильно); *Ты меня не заметия, я бый под стоём* (Ты меня не заметила, потому что я был под столом); *Бык тёная, каёва кавИтяя* (Бык черный, а корова коричневая); *Хьюска непьявина стать ядом с медветем, войк хатий хьюску* (Хрюшка неправильно встала рядом с медведем, поэтому волк схватил хрюшку) и т. д.

Из заслуживающего внимания в начале четвертого года жизни отметим еще, во-первых, изменения в артикуляционном оформлении некоторых слов. Например, вместо *бабуська, дедуська* стал чаще произносить *бабуфка, дедуфка*, вместо *сто – фто*, вместо *дьюк – дыук*, вместо *иба – ыба*. Вероятно, такое «приближение» к правильному произношению является следствием расширения возможностей артикуляционного аппарата. Но сбои, уже в обратном направлении – к неправильному произношению, случаются и здесь. Например, произнес такую фразу: *Бабуфка, дай фок*, но быстро поправил себя – *сок*.

Начали активно использоваться определительные местоимения и близкие к ним слова с обобщающей семантикой: *Сех зией будем иса-ять* (Всех зверей будем рисовать); *Там сякие веси* (Там всякие вещи); *Мафына пасёт юбого чявека* (Машина спасет любого человека); *Люблю маму, папу и астайных* (Люблю маму, папу и остальных) и т. д.

Речь Толика стала изобиловать усилительными частицами: *Козята тока* в сказке пьют маятько (Козлята только в сказке пью молочко); *Папа исё не занИт* (Папа еще не звонит); *Тойко насизда атАнусь* (Только навсегда останусь); *Он дазе на кнопку не назмёт* (Он даже на кнопку не нажмет).

Толику полюбился дискурсив «вообще»: *Ты тотьна видела мою масынку ваансе?* (Ты точно видела мою машинку вообще?); *Он ваансе китит* (Он вообще кричит); *Я ваансе не думаяю* (Я вообще не думаю); *Ваансе атанусь ативАть* (Вообще останусь ночевать) и т. д.

Думается, использование дискурсива зеркально отражает существующую в спонтанной устной речи тенденцию заполнять естественные паузы выражениями «так сказать», «скажем так», «короче», «вот» и под., причем в каждый период времени говорящие отдают предпочтение некоторым из них. Для Толика в конкретный период – 3 года с небольшим – этим словом оказался дискурсив «вообще».

Итак, подведем некоторые итоги своим наблюдениям детской речи в аспекте ее онтогенеза. Непосредственным объектом анализа в данной работе стала речь ребенка, мальчика, в момент наиболее интенсивного речевого развития (от двух до трех лет). Однако все обобщения нами сделаны в опоре на наблюдения еще за двумя детьми (см. в статьях [Мякшева 2017, 2020], а также, безусловно, на основе размышлений и выводов известных лингвистов и детских писателей, занимающихся изучением детской речи.

Исходным для нас положением является то, что дети с самого рождения включаются в речевую среду своего окружения, чтобы полноценно в ней существовать, эффективно с ней взаимодействовать. Жизненная потребность общаться, быть понятым наталкивается на невозможность реализовать эту потребность сразу, поскольку то, что мы называем артикуляционным аппаратом, инструментом общения, находится в стадии зачаточного формирования.

Как происходит осмысление окружающего мира ребенком, как формируется его «ментальная матрица» (и формируется ли она или заложена в нем изначально?), мы можем только предполагать по тем материальным приметам, которые получаем в результате наблюдений за речевым (и не только – двигательным, звуковым, мимическим и т. д.) поведением ребенка.

Безусловно, в речевом поведении детей на первых этапах налаживания речевого контакта с окружающим миром, в первую очередь с близкими, родными людьми, наблюдается много общего. Например, практически все язычные звуки детям на первых этапах формирования речи недоступны, плохо справляются они и с артикуляцией губ. Дети пытаются приспособиться к этому неизбежному факту, выбирают такие способы произнесения, которые, с одной стороны, им доступны, с другой – позволяют их понять. Например, Толик из гласных выбрал для произнесения в качестве слогаобразующего звук *a* (в отличие от других гласных, он не требует работы языка, для его произнесения нужно только слегка открыть рот): *ягаица* (ругается), *амОт* (бегемот); *аЯф* (жираф), *акапАть* (покупать); *Аинь айАита* (подвинь, пожалуйста) и т. д. В отношении произнесения согласных в слове мы обнаружили такие закономерности, как: упрощение состава согласных: *агай* (помогай), *папали* (поспали); замену более сложных звуков на менее для него сложные, но близкие в артикуляционном отношении: *дияф* вместо «жираф» (*д* – переднеязычный зубной взрывной, *ж* – переднеязычный альвеолярный фрикативный); употребление

звонких вместо глухих, вероятно, как результат регрессивной ассимиляции *бадает* вместо «падает»); замену в двух- и более сложных словах согласных таким образом, чтоб их произнесение в составе слова стало возможным. Поясним последнее: ребенку трудно произносить слоги с согласными, в которых меняется место образования (например, в слове «таблетки» последовательность такая: переднеязычный *т*, губной *б*, переднеязычный *л*, *т*, заднеязычный *к*). Толик вместо слова «таблетки» произносит *батыйетки*, в котором наблюдаем, так сказать, «поступательную», менее сложную для ребенка работу языка: губной *б*, переднеязычный зубной *т*, среднеязычный *й*, переднеязычный, зубной *т*, заднеязычный *к*.

Можно обозначить и общий грамматический минимум речевого общения детей на ранних этапах, который находится в жесткой зависимости от прагматики, прагматических потребностей: активность именительного падежа (в звательном значении), винительного объекта, дательного адресата у существительных, инфинитивов и императивов, синтаксических конструкций со значением местонахождения предмета и т. д. На последних этапах формирования связной, близкой к нормативной речи в нее включаются причастия, раньше всего краткие страдательные, деепричастия до 5 лет у всех трех наблюдаемых нами детей не встретились (после пяти лет обнаружены единичные употребления у Андрея).

Однако сравнение на основе почти каждодневных наблюдений «речевого старта» трех детей практически в одном и том же окружении позволило нам прийти к выводу о том, что путь к эффективному и полноценному общению у каждого ребенка свой, в формировании его речи велика роль этого окружения, врожденных способностей, но не в оценочной шкале «хороший» – «плохой», а в значении способов построения своей модели языка.

У Толика отсутствие (почти до двух с половиной лет) потребности вступления в прямой речевой контакт с окружающими связано, на наш взгляд, с тем, что предпочтение в его «речевом старте» отдавалось процессу доречевого обдумывания, возможно, использования внутренней речи вместо речи внешней (*Гога думает, сто я дозе гога*). Допустить использовать звонкие согласные на месте глухих (*базиба* вместо «спасибо», *задик* вместо «садик»), гласный *а* вместо других гласных (*аюбаюца* вместо «улыбаются», *бабагай* вместо «попугай») – своего рода осознанный компромисс между тем, что может произнести, и тем, как произнести, чтоб быть понятным. Ошибки в образовании грамматических форм: *будет идти* вместо *придет*, *Катысь тепей не дотанетса* (Катыш тепер не достанетса, то есть: «тепер его достать невозможно») и под. являются сигналами колоссальной работы мозга по упорядочению системных свойств языка для использования его в общении.

И еще один очень простой пример как иллюстрация нашего мнения.купаю Толика под душем, он пытается ускользнуть от по-

мывки головы и твердо, но сохраняя вполне нейтральную интонацию, произносит: *Басьню а надо мыть* (Башню не надо мыть). Очень трудно было удержаться от смеха. Оказывается, как мне потом объяснили, *башней* голову ребенка во время купания всегда называет его папа. И получается, что Толик на данном этапе формирования своей речи, построения на основе её анализа системы языка внес в свой ментальный словарь слово *башня* как полный синоним слову *голова*.

В заключение поддержим свое мнение таким, на наш взгляд, совершенно справедливым выводом Д. Слобина: «... Речь ребенка отличается от речи взрослого, причем отличается систематическим образом – это заставляет нас предположить, что сам ребенок создает это различие на основе частичного анализа речи взрослых и на основе врожденных познавательных тенденций детского ума» [Слобин 1976: 97].

Заключение (О. Б. Сиротина)

Коллективная монография по инициативному многолетнему исследованию возможностей русского языка в достижении эффективности коммуникации не исчерпывает всех проблем, но **завершает основные** с точки зрения типов речи участников коммуникации, ее среды, сфер общения и учета ее форм (устная, письменная, Интернет). Отсюда, ее название: «Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения» с порядком размещения в ней глав в 3-х разделах: Профессиональное общение (с главами Сфера СМИ, Научная коммуникация, Деловое общение); Неофициальная сфера и ее разновидности (с главой Бытовая сфера и разновидности разговорной речи) и Сфера детской речи (с главой Проблемы освоения речи детьми разного возраста) с предваряющими их важной главы и своеобразными вводными главного редактора.

Неисчерпаемость вариантов возможностей русского языка в достижении эффективности коммуникации в современных условиях жизни страны, все изменяющегося законодательства, новых возможностей в условиях насаждаемой цифровизации, развитием Интернета и вынужденных ограничений из-за пандемии очень многое в русском языке меняет далеко не только в лучшую сторону. От этого страдает и общение, и жизнь людей, что тоже показано в ряде параграфов. Главное, что меняется к худшему в речи говорящих на русском языке – ухудшение их отношения к речи, ее нормам, во многом в результате всё уменьшающейся возможности (из-за роста инфляции и уменьшения доходов населения) обращения к нормативным словарям. Но еще важнее – из-за теперь господствующего отношения к запоминаниям чего бы то ни было – все можно найти в Интернете (следовательно, нечего себя утруждать соблюдением норм, остающихся неизвестными). Это основная беда, во всех письменных текстах современной молодежи и, как следствие, для русского языка. Отсюда же и отсутствие заботы об адаптации к прогнозируемому адресату: «Захочет – посмотрит». В этом очень большая угроза, а «забота» о русском литературном языке остается формально заявленной властью, но реально все еще не реализуемой, что и показало наше исследование.

Библиографический список

Авдевина О. Ю. О подходах к изучению лексики деловой сферы // Проблемы филологического образования : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л. И. Черемисиновой. Саратов, 2020. Вып. 12. С. 3–11.

Адвокат ..., 2006 – Адвокат : навыки профессионального мастерства / под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. М. : ВолтерсКлувер. 2006. 338 с.

Аджемова А., Гарстенауэр Т. «Бум» англицизмов в современном деловом дискурсе // Корпоративная коммуникация в России : дискурсивный анализ / отв. ред. Р. Ратмайр, Т. А. Милёхина. М. : Изд. Дом ЯСК, 2017. С. 173–185.

Андреева С. В. Типология конструктивно-синтаксических единиц в русской речи // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 32–45.

Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 194 с.

Андреева С. В. Вспомогательные единицы речи в лингвистической теории и «интеллектуальных» системах // Труды пятого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи» (АРЗ-2011). СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та аэрокосмического приборостроения РАН, 2011, С. 33–41.

Андреева С. В. Устная речь : Виды информации, единицы коммуникации и их реализация. Germany Saarbrücken : LAMBERT Academic Publishing, 2012. 321 с.

Андреева С. В. Речевые единицы русской речи : Система, зоны употребления, функции. М. : КомКнига, 2018. 192 с.

Андреева С. В. О влиянии языкового сознания коммуникантов на эффективность общения // «Эффективность коммуникации : понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы её достижения» : монография / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : ООО Изд-кий центр «Наука», 2019. С. 21–31.

Аникин В. М., Поизнер Б. Н. Оппонирование диссертации : через букву нормы – к принципам объективной оценки // Известия высш. учебн. заведений. Прикладная нелинейная динамика. 2017. Т. 25, № 6. С. 79–98.

Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 417 с.

Анохина В. С., Кравченко О. В. Стратегические речевые предпочтения жителей южного провинциального города (на материале семейного общения). Таганрог : Изд-во Волошина О. И., 2018. 325 с.

Антонова Ю. А., Руженцева Н. Б. Межнациональный околополитический нарратив в печатных и электронных СМИ // Политическая лингвистика. 2017. № 4 (64). С. 44–51.

Антошинцева М. А. Механизмы адаптации жанра научно-учебной лекции к электронной сфере коммуникации // Изв. Рос. гос. педагог. ун-та им. А. И. Герцена. СПб. : РГПУ, 2010. № 134. С. 41–52.

Апресян Ю. Д. Избр. тр. : в 2 т. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.

Апресян Ю. Д. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3. М., 2003. С. XVIII–XLIX.

Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Йомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса : Взаимодействие грамматики и словаря. М. : Языки славянских культур, 2010. 408 с.

Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. М. : Наука, 1981. № 4. С. 356–367.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Асриян О. Б. Комплаенс как результат коммуникативной компетентности врача // Тихоокеанский мед. журнал / ред. В. Б. Шуматов. Владивосток : «Медицина ДВ», 2016. № 4(66). С. 93–97.

Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с.

Байкулова А. Н. Рабочее общение // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. Вып. 12. С. 127–138.

Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности : повседневная речь горожан. Саратов : ООО ИЦ «Наука», 2014. 216 с.

Байкулова А. Н. Форум соседей как новое явление городской культуры : быть ему или не быть – решают риски // Вестник Омского ун-та. 2015. № 1(75). С. 184–187.

Байкулова А. Н. Групповое общение в мессенджерах и его роль в жизни современной семьи // Языковое сознание. Речевая коммуникация : Материалы междунар. науч. конфер., посвященной памяти профессора В. Е. Гольдина / Отв. ред. О. Ю. Крючкова. Саратов : ИЦ «Наука», 2020. С. 220–231.

Баканова О. С. Особенности выражения положительной оценки в научном тексте (на материале официальных отзывов оппонентов о диссертации) // Мир русского слова. 2019. № 2. С. 37–41.

Баканова О. С., Григорьева Т. В., Родионова С. Е. Особенности интенсификации оценки в научном тексте (на материале отзывов официальных оппонентов о диссертации) // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 3. С. 203–212.

Балашова Л. В. Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. ст. / под ред. В. В. Дементьева, Л. В. Балашовой, К. Ф. Седова. Саратов, 2003. 354 с.

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнеры, 1993. 207 с.

Барт М. В. Модели компрессивного способа словообразования в профессиональном компьютерном дискурсе // Вестник Сыктывкарского ун-та. Серия гуманитарных наук. 2014. № 3. С. 36–54.

Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 5. М. : «Русские словари», 1997. 558 с.

Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка : Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М. : Изд-во МГУ, 2002. 752 с.

Бейлинсон Л. С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград : «Перемена», 2001. 20 с.

Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М. : Тривола, 2000. 248 с.

Бобарыкина Н. А. К Обществу в малой социальной группе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 19 с.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 466 с.

Борисова И. Н. Русский разговорный диалог : структура и динамика. Изд. 3-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.

Боц Т. С. Речь президентов России и США : способы и средства реакции на критику : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2021. 200 с.

БУС Р.Я. – Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. М. Марковкина ; В. М. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая. М. : Словарь XXI века ; Аст-Пресс КНИГА, 2016. 1456 с.

Вареник З. Отражение профессионализма / З. Вареник // Broadcasting [Электронный ресурс] : журнал про телевидение и радиовещание. Москва, 2017. № 7. URL: <http://lib.broadcasting.ru/articles2/content/otrazhenie-professionalizma> (дата обращения : 12.03.2021).

Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Риторика для юристов : учебное пособие. Ростов н/Д. : Феникс, 2002. 576 с.

Вежбицкая А. Антитоталитарный язык в Польше : механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107–125.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Русский язык, 1976. 248 с.

Владимирова Т. Е. Русский дискурс в межкультурной коммуникации : Экзистенциально-онтологический подход. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2018. 320 с.

Викторова Е. Ю. Влияет ли гендер на использование дискурсивов? (на материале письменного научного дискурса) // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. Вып. 3. С. 8–14.

Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса : Монография. Саратов : ООО Изд. центр «Наука», 2015. 404 с.

Викторова Е. Ю. Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED talk (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 254–266.

Викторова Е. Ю. Гендерная специфика в использовании авторизирующих конструкций самоупоминания (на материале жанра TED talks) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 287–294.

Власова Л. А. Попова И. В. К проблеме эффективности допроса лингвиста-эксперта // Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике. Сб. ст. по материалам Всерос. круглого стола. 30 ноября – 1 декабря 2018 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / сост. К. Б. Калиновский, Л. А. Зашляпин. СПб. : ИД «Петрополис», 2019. С. 28–31.

Воеводин Ф. С. К вопросу о специфике языковой личности журналиста // Университетские чтения – 2016 (г. Пятигорск, 14–15 января 2016). Пятигорск : Пятигорский гос. лингвист. ун-т, 2016. С. 81–86.

Войтак М. О жанрах речи и их печатных конкретизациях // Медиалингвистика : междунар. науч. журн. № 3, 2014. С. 53–64.

Войтович И. К. Иностранные языки в контексте непрерывного образования / монография. Ижевск : Изд-во Удмуртский ун-т, 2012. 212 с.

Володина М. Н. Язык СМИ в обществе // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М. : Академический проект, 2011. С. 6–19.

Вороновская И. А. О некоторых «речевых препятствиях» эффективности общения руководителя с подчиненными // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 54–62.

Вороновская И. А. Конфликтогенные риски в вертикальном общении // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. : в 2 кн. / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2018. Вып. 18. Кн. II. С. 101–109.

Гаврилова М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на матер. выступ. В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2004. 26 с.

Гайда С. Стиль – медиа – современное преобразование мира // Актуальные проблемы стилистики, № 4. М., 2018. С. 13–26.

Гайда С. Концепция позитивной стилистики // Актуальные проблемы стилистики. М., 2019, № 5. С. 13–19.

Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса. М. : КомКнига, 2005. 320 с.

Гимпельсон Е. Г. Консультация в деятельности юриста // Материалы XIV Междунар. науч. конф. «Риторика и культура речи : наука, образование, практика», 1-3 февраля 2010 года / под ред. Г. Г. Глинина. Астрахань, 2010. С. 63–67.

Голев Н. Д., Сологуб О. П. Государственная коммуникация (параметры официализации текста) // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. трудов / под ред. М. П. Котюровой. Пермь : Пермск. ун-т, 2007. Вып. 11. С. 46–57.

Головин Б. Н. Основы культуры речи. М. «Высшая школа». 1980. 336 с.

Гольдин В. Е. Речь и этикет : кн. для внеклас. чтения уч. 7–8 кл. М. : Просвещение, 1983. 109 с.

Гольдин В. Е. Обращение : теоретические проблемы. 2-е изд. М. : ООО Книжный дом «Либроком», 2009. 136 с.

Гончаренко Н. В. Сuggestивность медицинского дискурса / Известия Волгоград. гос. пед. ун-та / ред. Н. К. Сергеев. Волгоград, 2008. № 2 (26). С. 12–16.

Гришечкина Г. Ю. Коммуникативный аспект научной рецензии // Образование. Коммуникация. Ценности (Проблемы, дискуссии, перспективы). По материалам круглого стола «Коммуникативные практики в образовании», 19.11.2004 года / под ред. С. И. Дудника. СПб. : Санкт-Петербургск. философск. общ-во, 2004. С. 22–25.

Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академический Проект; Альма Матер, 2008. С. 401–417.

Гумбольдт В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859. 366 с.

Данилевская Н. В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2005. 360 с.

Данилевская Н. В. Научный текст как динамика оценочных действий // Вест. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 2. С. 20–28.

Данилевская Н. В. К вопросу об экспрессии в научном тексте // Вест. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6 (12). С. 30–36.

Данилевская Н. В. Об особом статусе оценки в научном тексте // Вест. Пермского ун-та. Российская зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 37–43.

Данилевская Н. В. Интеллектуальная экспрессия научного изложения : психолингвистический аспект // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. № 6. С. 83–89.

Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры : категория персональности в лексике и прагматике : монография. М. : Глобал Ком, 2013. 338 с.

Дискурсивные ..., 1998 – Дискурсивные слова русского языка : опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Л. Киселевой и Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998. 447 с.

Дискурсивные ..., 2003 – Дискурсивные слова русского языка : опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Л. Киселевой и Д. Пайара. М. : Метатекст, 2003. 447 с.

Дубровская Т. В. Судебный дискурс : речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М. : Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. 351 с.

Ершова В. Е. Отрицание и отрицательная оценка как составляющие речевого конфликта : их функции и роль в конфликтном взаимодействии // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 354. С. 12–15. URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_17385260_66737191.pdf (дата обращения : 29.01.2020).

Жук Е. И. «Не телефонный разговор» : технические средства коммуникации и проблема понимания // Социальные коммуникации в современном мире : сб. науч. ст. по материалам работы Первого белорусского философ. конгресса, Минск, 18–20 октября 2017 года. Минск : Белорусский гос. ун-т, 2018. С. 44–45.

Забара И. В. Предикторы эмоционального выгорания у программистов с ценностным отношением к профессиональной деятельности // Мир науки, культуры и образования. 2018. № 4 (71). С. 325–326.

Зайцева И. Д. Дискурсивные признаки жанра постановления (на материале русских текстов правового дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул. 2011.

Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 23–32.

Иванова Т. В. Слово в речи юриста / Т. В. Иванова // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2016 : сб. трудов Междунар. науч. конф., 25–26 ноября 2016 года / под ред. П. А. Леканта. М. : Московский гос. обл. ун-т, 2016. С. 125–131.

Иванова Т. В., Никитина О. В. Проблемы профилизации преподавания языковых дисциплин в юридическом вузе // Филология и человек. 2020а. № 1. С. 117–126.

Иванова Т. В., Никитина О. В. Юридическое консультирование : коммуникативные риски // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2020б. № 1. С. 5–17.

Ивин А. А. Основы теории аргументации : Учебник. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 352 с.

Интернет-коммуникация ..., 2012 – Интернет-коммуникация как новая речевая формация : кол. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2012. 328 с.

Интернет-коммуникация ..., 2016 – Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2016. 328 с.

Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. М., 2009. № 2 (18). С. 92–104.

Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М. : Языки славянской культуры, 2005. 424 с.

Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : «Перемена», 2002. 477 с.

Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1. С. 17–34. <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursologiya-kak-napravlenie-kommunikativnoy-lingvistiki/viewer> (дата обращения : 25.08.21).

Карасик В. И. Языковая пластика общения. Волгоград : Парадигма, 2017. 462 с.

Карасик В. И. Затемнение смысла речи как коммуникативная практика // Медиакультурное пространство России, Европы и Северной Америки как пространство риска. Саратов : ООО Изд. центр «Наука», 2017. С. 21–33.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. 7-е изд. М. : Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Карта слов и выражений русского языка. URL : <https://kartaslov.ru/> (дата обращения : 01.02.2020).

Касьяненко И. В., Алабин А. Ю. «Айтишники» как современная профессиональная группа // INTER. 2017. № 14. С. 98–104.

Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // «Вопросы языкознания», 2009, № 2. С. 3–6.

Кирсанова Е. М. Коммуникативный портрет русского и немецкого руководителя (сопоставительный аспект) – Корпоративная коммуникация в России : дискурсивный анализ. Кол. монография. М. : Издательский Дом ЯСК, 2017. С. 125–140.

Клушина Н. И. Медиастилистика. М. : ФЛИНТА, 2018, 184 с.

Клушина Н. И. Язык цифровой эпохи // Актуальные проблемы стилистики. № 4, 2018. С. 28–32.

Кобылинская С. В. и др. Правовые основы юридического консультирования : учебник / Краснодар : КубГАУ, 2019. 165 с.

Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986. 92 с.

Кожина М. Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. М. : Флинта, 2003. С. 242–247.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка : учебник. М. : Флинта ; Наука, 2008. 464 с.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка : учебник. М. : Флинта ; Наука, 2011. 464 с.

Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. 261 с.

Колтунова М. В. Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М. : Академия гуманитарных исследований, 2005. 228 с.

Колтунова М. В. Деловое общение : Нормы, риторика, этикет : Учеб. пособие. М. : Логос, 2005. 312 с.

Коньков В. И. Необратимость речи как особенность коммуникативного акта // Междунар. науч. конф. «Стилистика сегодня и завтра : Медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». Тезисы. М. : Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 49–50.

Кормилицына М. А. Рефлексивы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. С. 20–25.

Кормилицына М. А. Актуализация содержания публикаций в современной прессе как способ реализации собственно коммуникативной составляющей компетенции журналиста // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2010. Вып. 10. С. 244–253.

Кормилицына М. А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи / под ред. О. Б. Сиротиной. Изд. 2-е. М. : Едиториал УРСС, 2011. 152 с.

Кормилицына М. А. Стилистическая контаминация в современном медиадискурсе (на материале печатных СМИ) // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 23–37.

Кормилицына М. А. Содержательная неопределённость современных медиатекстов как результат нарушения в них баланса и творчества // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016а. Вып. 16. С. 16–27.

Кормилицына М. А. Влияние печатных СМИ на культуру речевого поведения общества // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования. Материалы междунар. науч.-практ. конф. г. Пенза, 25-26 марта 2016 г. Пенза, 2016б. С. 19–24

Кормилицына М. А. Риски, связанные с нарушениями коммуникативных норм речевого поведения участников официального общения // Медиакультурное пространство России, Европы и Северной Америки как пространство риска. Саратов, 2017. С. 142–148.

Кормилицына М. А. О некоторых изменениях стилистических характеристик современного медийного дискурса в информационную эпоху // Материалы международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра» М., 2019а.

Кормилицына М. А. Определение понятия, критерии эффективности // Эффективность коммуникации : понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения : кол. моногр.. Саратов : Наука, 2019б. С. 6–15.

Кормилицына М. А. Современный институциональный медийный дискурс: содержательно-смысловые и жанрово-стилистические изменения // Языковое сознание. Речевая коммуникация : Материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти профессора В. Е. Гольдина / Отв. ред. О.Ю. Крючкова. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 289–298.

Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Требования к речи лиц, работающих в органах власти и СМИ // *Язык и власть : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. М. А. Кормилицыной.* Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 12–22.

Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Еще раз о структуре разговорного текста // *Традиционное и новое в русской грамматике : сб. ст. памяти Веры Арсеньевны Белошапкиной / сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелева.* М. : Индрик, 2001. С. 312–321.

Корпоративная ..., 2017 – Корпоративная коммуникация в России : дискурсивный анализ. Кол. монография. Отв. ред. : Р. Ратмайр, Т. А. Милёхина. М. : Издательский Дом ЯСК, 2017. 632 с.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи : из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М. : Педагогика-Пресс, 1997. 263 с.

Костомаров В. Г. Наш язык в действии : Очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005. 287 с.

Косоногова О. В. Характеристики юридического дискурса : границы, содержание, параметры // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2015. Т. 7. № 7. С. 61–68.

Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование : учеб. пособие. 6-е изд. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2018. 280 с.

Кочемасова Д. Р., Воронина Е. Б. Профессиональный дискурс // *Вестник Марийского гос. ун-та.* 2018. Т. 12. № 3. С. 146–151.

Кошкарлова Н. Н. Публичное извинение : вчера, сегодня, завтра // *Жанры речи / ред. В. В. Дементьев.* 2020, № 3(27). С. 214–221.

Крапивина О. А. Жанровое пространство юридического дискурса // *Вестник ИрГТУ.* 2014. № 1 (84). С. 218–225.

Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // *Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова.* М. : Филология, 1997. Вып. 2. С. 2–9.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В. В. Красных. М. : Гнозис, 2003. 375 с.

Крейдли Г. Е. Лексема ДАЖЕ // *Семиотика и информатика,* Вып. 6. М., 1975. С. 102–114.

Кронгауз М. Разрешите позаимствовать // *Вокруг света.* 2012. № 1. URL : <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7600/> (дата обращения : 03.07.2017).

Кронгауз М. А. <https://arzamas.academy/micro/etiket/13> (дата создания страницы : 30.05.2018).

Крысин Л. П. Русский литературный язык на рубеже веков // *Русская речь.* 2000. № 1. С. 28–40.

Крысин Л. П. О некоторых новых типах слов в русском языке : слова-кентавры // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского.* 2010. № 4. С. 575–579.

Культура ..., 2000 – Культура русской речи : Учебник для вузов / под ред. проф. Граудиной Л. К., проф. Ширяева Е. Н. М. : Норма, 2000. 560 с.

Купина Н. А. Тоталитарный язык : словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь : Изд-во Урал. ун-та ; ЗУУНЦ, 1995. 144 с.

Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка : учебник для бакалавров. М. : Юрайт, 2013. 415 с.

Купина Н. А. Стилистика современного русского языка : учебник для академического бакалавриата / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. М. : Издательство Юрайт, 2015. 416 с. Серия: Бакалавр. Академический курс.

Кустова Г. И. Синтаксис современного русского языка : курс лекций. М. : ФЛИНТА, 2019. 294 с.

Лабутина В. В. Языковая компетенция современного тележурналиста : курс лекций : учеб. пособие. Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2019. 88 с.

Ларина Т. В. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 38–57.

Лекант П. А. Современный русский язык. Синтаксис. М. : ИЦ «Академия», 2010. 256 с

Леонтьев А. А. Психология общения. М. : Смысл, 1999. 365 с.

Леонтович О. А. Россия и США : Введение в межкультурную коммуникацию : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2003. 398 с.

Лепская Н. И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М. : Изд-во филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова., 1997. 152 с.

Ли В. С. Коммуникативные тактики при речевых конфликтах : лингвистический и социально-правовой аспекты // GISAP : Philological Sciences. No 1 (2013). URL : <https://journals.gisap.eu/index.php/Philological/article/view/150/129> (дата обращения : 27.01.2020).

Логинов А. В. Адресант и адресат в диалогическом пространстве // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия : Русская филология. М. : Мос. гос. обл. ун-т, 2009. С. 49–54.

Лю Сумэй. Национально-культурная специфика обращений в русском и китайском речевом этикете // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2014. № 4. С. 102–107.

Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст / Ин-т рус. яз. РАН. М., 1986. 199 с.

Майборода С. В. Речевые стратегии врача в условиях коллегиальной и авторитарной модели коммуникации доктора и пациента : схождения и противоречия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов : «Экспресс тиражирование», 2021. 22 с.

Маринова Е. В. Грамматическое варьирование новых иноязычных слов в живой русской речи // Язык современного города : тез. докл. междунар. конф. «Восьмые Шмелёвские чтения» / Ин-т рус. яз. РАН. М., 2008. С. 111–114.

Марьева М. В. Стилистическая трансформация текста в юридической практике // Филология и культура. 2016. № 2(44). С. 99–104.

Матяшевская А. И. Сниженная лексика в СМИ: классификация, употребление, этнокультурные различия (на материале российских и британских газет) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014. 213 с.

Матяшевская А. И. Интернет-лекция как особый жанр // Жанры речи / ред. В. В. Дементьев. 2020, № 3 (27). С. 238–245.

Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл – Текст». М. – Вена : Школа «Языки русской культуры», 1995. 682 с.

Милёхина Т. А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур) / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2006. 312 с.

Милёхина Т. А. Корпоративная коммуникация как новый вид городской коммуникации – Язык и культура современного города : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : ПГПУ им. В. Г. Беллинского, 2012а. С. 15–20.

Милёхина Т. А. Национальное и интернациональное в российской корпоративной коммуникации // Русский язык сегодня. Вып. 5 : Проблемы речевого общения : сб. докладов / Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН ; отв. ред. Н. Н. Розанова. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2012б. С. 287–296.

Милёхина Т. А. Стратегическая сессия как гипержанр устной корпоративной коммуникации // Коммуникация. Мышление. Личность. Саратов : Наука, 2012г. С. 416–422.

Милёхина Т. А. Коммуникативно-речевой портрет делового человека // Культура речи и деловое общение : учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Изд-во Юрайт, 2016. С. 250–288.

Милёхина Т. А. Речевой портрет девочки в возрасте двух лет и восьми месяцев // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 171–180.

Михина О. В. Межкультурные особенности выражения приветствия в русском и немецком языках, отражённые в нормативных словарях // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 230–232.

Моряхина Н. В. К вопросу о классификации иноязычных терминов менеджмента в русском языке // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы междунар. науч. конф. М. : Ваш полиграфический партнёр, 2012. С. 79–81.

Мустайоки А. Причины коммуникативных неудач : попытка общей теории // Русский язык за рубежом. 2011. № 4 (227). С. 76–86. URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_16563841_14589211.pdf (дата обращения : 30.01.2020).

Мякишева О. В. «Нарращение» или создание смысла в тексте (на материале функционирования местоимений в текстах одного автора) // Экология языка и коммуникативная практика : междунар. журнал. 2015. № 2. С. 287–302.

Мякишева О. В. Наблюдения за речевым развитием детей от года до двух // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 154–170.

Мякишева О. В. Формирование речи и языковой личности ребенка от 2 до 5 лет // Языковое сознание. Речевая коммуникация : Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова. Саратов : ИЦ «Наука», 2020. С. 557–566.

Нагибина Н. Л., Огаркова Ю. Л. Психологические типы : влияние на коммуникативный стиль телеведущих // Знание. Понимание. Умение. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2014. Вып. 3. С. 235–244.

Навыки ..., 2006 – Навыки юриста : учебное пособие / под ред. Е. Н. Доброхотовой. СПб. : Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та. Изд-во юридического фак-та С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. 304 с.

Нечаева Н. В. Популярная публичная лекция жанра TALK : особенности языка и стиля // Известия Российск. гос. педагог. ун-та им. А. И. Герцена. СПб. : РГПУ, 2016. № 180. С. 17–22.

Незнаева О. С. Прецедентные феномены в студенческом общении : механизмы появления и актуализация в различных речевых ситуациях : 10.02.01 / Незнаева О. С. Саратов, 2019. 188 с.

Нещименко Г. П. Современное речевое поведение и его отражение в электронных медиальных текстах (в сопоставительном аспекте). // Русский язык сегодня. Вып. 5: Проблемы речевого общения : сб. докладов / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2012. С. 296–310.

Никитина Л. Б., Малышкин К. Ю. Речевой жанр научной рецензии через призму категоричности оценки // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 72–79.

Никитина О. В. Жанры юридического дискурса в структуре профессионального обучения // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и медиакультурном пространстве : материалы Междунар. научн.-практ. конф. М. : Перо; Саратов : Амирит, 2018. С. 246–250.

Никитина О. В. Законодательный текст в аспекте коммуникативной рискогенности // Язык : теория, история и практика преподавания : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е. Ю. Балашовой ; [редкол. : Е. Ю. Балашова и др.]; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов : ИП Коваль Ю. В., 2019. С. 64–69.

Николаева А. В. Особенности журналистского текста на современном этапе // Труды кафедры стилистики русского языка. Вып. 4. Медиастилистика. М., Факультет журналистики МГУ, 2013. С. 108–115.

Николаева А. В. Интернет-текст как новый вид коммуникации // Русская речь, 2016, № 3. С. 46–50.

Николаева А. В. Кликбейт : к определению понятия // Актуальные проблемы стилистики. М., 2017. С. 146–152.

Николаева А. В. Стилистика социальных сетей // Актуальные проблемы стилистики. М., 2019, № 5. С. 111–116.

Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании на материале славянских языков. М. : Наука, 1985. 169 с.

Николаева Т. М. О «лингвистике» речи (в частности, о междометии) // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 7–20.

Норман Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура. Доклады. Киев, 1994. С. 53–60.

Носов Н. Н. Собрание сочинений в 4-х т. / коммент. Ф. Эбин. М. : Дет. лит. Т. IV. 1982. 590 с.

Об адвокатской ..., 2020 – Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021)).

Об основах ..., 2011 – Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М. 1972. 564 с.

Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю. Коммуникативные качества документных текстов законодательного (юридического) подстиля // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 103–109.

Палашевская И. В. Речевой жанр жалобы в юридическом дискурсе // Вестник Черепов. гос. ун-та. 2010. № 4 (27). С. 48–51.

Палашевская И. В. Жанровая организация юридического дискурса : социолингвистический подход // Вестник Удмуртского ун-та. История и филология. Вып. 2. 2012. С. 146–151.

Паршина О. Н. Российская политическая речь : Теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 232 с.

Пахомова И. Н. Новые процессы в русском речевом этикете. Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия : Вопросы образования : языки и специальность. 2012. С. 62–66.

Петренко Ю. А. Отзыв как жанр академического дискурса и его основные характеристики (на примере отзывов на диссертации и авторефераты диссертаций) // Электронный ресурс. www.gramota.net/materials/2/2020/11/55.html (дата обращения : 27.11.2021).

Пинкер С. Субстанция мышления : Язык как окно в человеческую природу. Пер. с англ. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОРМ», 2013. 560 с.

Позитивная ..., 2020 – Позитивная коммуникация : кол. моногр. / О. А. Леонтович, М. А. Гуляева, О. В. Лунёва, М. С. Соколова; под общ. ред. проф. О. А. Леонтович. М. : «Гнозис», 2020. 296 с.

Полный ..., 2010 – Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. Ростов н/Д. : Феникс, 2010. 562 с.

Полозова С. В. Лингвосоциокультурный аспект компьютерного жаргона // Записки Горного института. 2008. Т. 175. С. 37–38.

Полонский А. В. Современный масс-медийный текст и его параметры // Труды кафедры стилистики русского языка. Вып. 4. Медиа-стилистика. М., 2013. С. 193.

Пономаренко Е. А. Типологическая классификация речевых жанров институционального дискурса // Жанры речи / ред. В. В. Деметьев. Саратов, 2019. № 2 (22). С. 105–109.

Попова Е. В. Содержание понятия норма : основные смыслы // Вестник Челябинского гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. Вып. 31, 2013 № 38 (329). С. 108–112.

Правовые ..., 2019 – Правовые основы юридического консультирования : учебник / С. В. Кобылинская и др. Краснодар : КубГАУ, 2019. 165 с.

Прибыткова С. А. Семантико-прагматические особенности электронной рецензии как вторичного текста (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 183 с.

Профессиональные ..., 2001 – Профессиональные навыки юриста. Опыт практического обучения / авт. кол. : Л. А. Воскобитова, А. Б. Гутников, В. В. Захаров. и др.; отв. ред. : Л. А. Воскобитова, Л. П. Михайлова, Е. С. Шугрина. М. : Дело, 2001. 416 с.

Радбиль Т. Б. Лингвокультурологическая и когнитивно-дискурсивная интерпретация активных процессов на базе иноязычных элементов в русском языке интернета // Активные процессы в языке интернета : лингвокогнитивный и прагматический аспекты : кол. моногр. / под ред. Л. В. Рацибурской. М. : Нестор-История, 2019. С. 8–64.

Ратмайр Р., Рисинзон С. А. Речевой этикет и вежливость // Корпоративная коммуникация в России : дискурсивный анализ / отв. ред. Т. А. Милёхина, Р. Ратмайр. М. : Изд-кий Дом ЯСК, 2017. С. 77–97.

Рисинзон С. А. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете. Саратов : Изд. центр «Наука», 2010. 419 с.

Рискогенность ..., 2015 – Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении / А. Н. Байкулова, Е. Ю. Викторова, А. В. Дегальцева [и др.] / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2015. 188 с.

Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб. : «Наука», 2005. С. 150–168.

Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. М. : Междунар. отношения, 1994. 559 с.

Российская ..., 2009 – Российская деловая культура : воздействие на модель управления, образовательные стандарты : учебное пособие / С. П. Мясоедов, И. В. Колесникова, Л. Г. Борисова. М. : Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ ; Дело, 2009. 89 с.

Санников В. З. Русский язык в семантико-прагматическом пространстве. М. : «Языки славянских культур», 2008. 624 с.

Сеченова Е. Г. Статистико-вероятностная модель гендерообусловленного авторского «я» в научном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 25 с.

Серю П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа дискурса. М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 337–383.

Сидоров Е. В. Онтология дискурса. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 232 с.

Сиротинина О. Б. О синтаксическом статусе некоторых компонентов дискурса // Oameni și idei. Studii de filologie. Cluj. Napoca: Editura Risoprint, 2005. С. 342–348.

Сиротинина О. Б. Речевая коммуникация : проблемы и трудности ее изучения // Предложение и Слово. В 2-х кн. Кн. 1. Сб. науч. тр. / отв. ред. С. В. Андреева. Саратов : Издательский центр «Наука», 2010а. С. 295–299.

Сиротинина О. Б. Все, что нужно знать о русской речи : Пособие для эффективного общения : учебное пособие. М. : Книжный дом «Либроком», 2010б. 224 с.

Сиротинина О. Б. Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013а. 116 с.

Сиротинина О. Б. Система, узус и риски их изменений / Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкозн. 2013б. № 3(19). С. 7–12.

Сиротинина О. Б. Современная коммуникативная практика и судьба русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. Сетевое научное издание. 2014. № 2. С. 293–307.

Сиротинина О. Б. «Волны» изменений в функционировании русского языка // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 4–23.

Сиротинина О. Б. Что даёт изучению развития лексической системы внимание к «странным» фактам окружающей речи? // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М. А. Кормилицына. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016. Вып. 16. С. 4–15.

Сиротинина О. Б. Что обеспечивает эффективность современного научного текста? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : сб. науч. тр. Вып. 15. Орёл : ООО «Горизонт», 2018а. С. 21–30.

Сиротинина О. Б. Эффективность общения как одна из важнейших проблем современной коммуникативной практики // Экология языка и коммуникативная практика. Красноярск, 2018б. № 1. С. 59–70.

Сиротинина О. Б. Факторы, влияющие на эффективность коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2019а. № 1 (16). С. 39–47. URL : <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2019/05/Sirotinina-O.V.pdf> (дата обращения : 26.01.2020). DOI : 10.17516/2311-3499-047.

Сиротинина О. Б. Изменения в современном русском языке и вклад А. П. Сковородникова в их изучение // Юбилейный сб. «Экология языка и коммуникативная практика» 2019б. № 4 (2). С. 1–7 (Сетевое издание <http://ecoling.sfu-kras.ru>).

Сиротинина О. Б. Есть ли специфика в достижении эффективности научных текстов? // Филология в XXI веке. Пермь, 2019в. № 51. С. 264–270.

Сиротинина О. Б. К вопросу о функционально-стилевых различиях в русском языке и речи в XXI в. // Актуальные проблемы стилистики. Ежегодный междунар. науч. журнал № 5. М. : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019 г. С. 27–39.

Сиротинина О. Б. Дискурс «цифрового» поколения : в чем его угроза / Личность – Язык – Культура : Материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. 27–28 ноября 2019 г. Саратов : Наука, 2020. С. 6–13.

Скрипак И. А. Синтаксические средства экспрессивности в текстах научного дискурса // Известия Российского гос. педагог. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 60. С. 252–256.

Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. Перевод с английского Е. И. Негневицкой / под общ. ред. и с предисловием доктора филол. наук А. А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1976. 336 с.

Словарь ..., 1997 – Словарь структурных слов русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М. : Лазурь, 1997. 422 с.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты преедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. М. : Academia, 2000. 141 с.

Соколова М. С. Адаптация к собеседнику // Позитивная коммуникация : кол. монография / М. С. Соколова. М. : Гнозис, 2020. С. 142–210.

Солганик Г. Я. Язык и культура // Актуальные проблемы стилистики. М., 2017. С. 13–26.

Сологуб О. П. Исковое заявление : жанроведческий анализ // Юрислингвистика – 7 : Язык как феномен правовой коммуникации / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 2005. С. 134–144.

СССРЯ, 2001 – Словарь служебных слов русского языка / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2001. 363 с.

Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. 94 с.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка : Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.

Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1996. 125 с.

Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж : Истоки, 2012. 178 с.

Сурикова Т. И. Журналист, аудитория, власть : лингвоэтические аспекты взаимодействия в политическом дискурсе СМИ // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М. : Изд-во Москов. ун-та ; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 199–245.

Татарникова Н. М. Координация первичных и вторичных речевых жанров в официально-деловом стиле речи : монография. Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2006. 283 с.

Телевизионная ..., 2002 – Телевизионная журналистика : учебник. 4-е издание // Т. 31. Редколлегия : Г. В. Кузнецов, В. Л. Цвик, А. Я. Юровский. М. : Изд-во МГУ ; Изд-во «Высшая школа», 2002. 304 с.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 214.

Тошович Б. Интернет-стилистика, 4-е изд., стер. М. : Флинта, 2018. 238 с.

Тырникова Н. Г. Общие и различные тенденции в развитии русского и английского речевого этикета // Филологические этюды. Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2002. Вып. 5. С. 185–187.

Уздинская Е. В. Неудачные заголовки в современных печатных изданиях // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2007. Вып. 7. С. 86–105.

Уздинская Е. В. Метатекстовые конструкции и особенности их использования в современных газетных текстах // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2014. Вып. 14. С. 54–75.

Уздинская Е. В. Дискурсивы в современных газетных текстах как маркеры норм // Языковое сознание. Речевая коммуникация : Материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти профессора В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова. Саратов : ИЦ «Наука», 2020. С. 356–368.

Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов : Лингвистические данные о деятельности сознания. М. : «Языки славянских культур», 2011. 336 с.

Усманова Е. Ф. Речевая коммуникация в профессиональной деятельности юриста // Юрислингвистика. 2007. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-kommunikatsiya-v-professionalnoy-deyatelnosti-yurista-1> (дата обращения : 27.08.2021).

Харламова Т. В. Текстобразующие средства в устной речи (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. 241 с.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса [Текст] : учебное пособие / В. Е. Чернявская. М. : ФЛИНТА ; НАУКА, 2013. 208 с.

Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М. : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.

Хохловская О. Г. Ученые – тоже люди, и ничто эмоциональное им не чуждо. К вопросу об эмоциональности научных текстов // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 1 (292). С. 141–145.

Царева О. Л. Роль русской поэзии в освоении русского языка иностранцами учащимися : ВКР. Саратов. 2021. 66 с.

Шаховский В. И. Эмотивный код языка // Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград : «Перемена», 2003. С. 5–18.

Шаховский В. И., Солодовникова Н. Г. Экологическая функция языка // Экология русского языка : Материалы 2-ой Всерос. науч. конф. Пенза : Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та, 2009. С. 5–17.

Шведова 2011 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой / РАН Институт русского языка. М. : Азбуковник, 2011. 1174 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... доктора филол. наук / Е. И. Шейгал. Волгоград, 2000. 440 с.

Шейнов В. П. Конфликты в нашей жизни и их разрешение. Минск : Амалфея, 1996. 288 с.

Шевченко И. А. Интервьюирование и консультирование клиента. Техники эффективной коммуникации : пособие для начинающих юристов, 2013. 92 с.

Шелехова Л. В. Моббинг как вид деструктивного поведения в образовательных организациях высшего образования / Л. В. Шелехова, А. В. Нагоев, З. У. Блягоз, В. А. Тешев, К. А. Глебова // Мир науки. 2016. Т. 4. № 3. С. 30.

Шестерина А. М. Основы творческой деятельности журналиста. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2005. 369 с.

Щербакова С. П. Телефонные коммуникации как тип социального взаимодействия // Образование и наука без границ : фундаментальные и прикладные исследования / ред. И. Г. Паршутина. Орёл : «ОрёлГУЭТ», 2016. № 4. С. 139–142.

Шмелёв Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М. : Изд-во «Наука». 1976. 152 с.

Щипицына Л. Ю. Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации // *Жанры речи*. Саратов : СГУ, 2019. № 3 (23). С. 215–226.

Эффективность ..., 2019 – Эффективность коммуникации : понятие, роль адресанта и адресата, основные приёмы её достижения : кол. моногр. / С. В. Андреева, А. Н. Байкулова, Е. Ю. Викторова [и др.] / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : ООО ИЦ «Наука», 2019. 236 с.

Языковая картина ..., 2006 – Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. М. : Языки славянских культур, 2006. 912 с.

A Comprehensive Grammar of the English Language / Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. Harlow : Pearson Education Limited, 2003. 853 p.

Berlin, L. N., Fetzer A. Dialogue in Politics // *Dialogue in Politics / edited by Lawrence N. Berlin, Anita Fetzer.* Amsterdam : John Benjamins publishing company. 2012. 313 p.

Erman B. Some pragmatic expressions in English conversation // *English in speech and writing. A symposium.* Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1986. P. 131–147.

Kim J. H., Glass M., Freedman R., Evans M. W. Learning the Use of Discourse Markers in Tutorial Dialogue for an Intelligent Tutoring System // *Proc. 22nd Annual Meeting of the Cognitive Science Society Cog Sc'2000.* Philadelphia, 2000. P. 262–267.

Longman Grammar of Spoken and Written English / Biber D., Johansson S., Conrad S., Finegan E. Harlow : Pearson Education Limited, 2000. 1204 p.

Louwerse M. M., Mitchell H. H. Toward a Taxonomy of a Set of Discourse Markers in Dialog : A Theoretical and Computational Linguistic Account // *Discourse Processes.* № 35 (3). 2003. P. 199–239.

Rey J. Discourse Markers : a Challenge for Natural Language Processing // *AI Communications.* 1997. № 10. P. 177–184.

Schiffrin D. Discourse Markers : Semantic Resource for the Construction of Conversation. Dissertation. Pennsylvania : University of Pennsylvania, 1982. 484 p.

Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. 364 p.

Schiffrin D. Discourse Marker Research and Theory : Revisiting 'and' // *Approaches to Discourse Particles.* Amsterdam : Elsevier Press, 2006. P. 315–338.

Schourup L. Common Discourse Particles in English Conversation. New York : Garland, 1985. 346 p.

Форумы:

<https://forums.drom.ru/habarovsk/t1151340048-p463.html>

<https://forums.drom.ru/travel/t1152317385-p383.html>

<https://forum.ixbt.com/topic.cgi?id=27:9421-15>

Блоги: https://vk.com/wall-49684148_1545249

https://www.instagram.com/_agentgirl_/?utm_medium=copy_link

https://www.instagram.com/_soloveva_russ/?utm_medium=copy_link

https://www.instagram.com/uunefedova/?utm_medium=copy_link

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: svandreeva@rambler.ru;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0001-8748-5896>.

Байкулова Алла Николаевна – доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: allabay15@mail.ru;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0003-0595-0163>.

Боц Татьяна Сергеевна – старший преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: tatyana.bots@mail.ru;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0001-7062-0158>.

Викторова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и переводоведения Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: helena_v@inbox.ru;

ORCID iD 0000-0002-3989-1897.

Вороновская Ирина Андреевна – кандидат филологических наук, преподаватель филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет» в г. Анапе Краснодарского края.

E-mail: vorona_ira.87@mail.ru;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0001-6634-7945>.

Гвоздюк Алла Алексеевна: документовед кафедры общего литературоведения и журналистики, студентка 1 курса магистратуры по направлению 42.04.02 «Журналистика» – «Системы управления средствами массовой информации и коммуникации»

E-mail: zineal12@mail.ru;

ORCID iD <https://orcid.org/0000-0002-6415-3116>.

Дегальцева Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: deganna@mail.ru;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0003-3791-9777>.

Кисельникова Анна Алексеевна – старший преподаватель ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, соискатель ученой степени кандидата филологических наук по специальности «Русский язык» в ФГБОУ ВО СГУ им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: a.a.kiselnikova@gmail.com;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0001-7016-6872>.

Кормилицына Маргарита Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: margarita-kormil@mail.ru;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0003-3841-3647>.

Макеева Елена Петровна – преподаватель дисциплины «Русский язык как иностранный» подготовительных курсов для иностранных граждан Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова».

E-mail: makeeva368@mail.ru;

ORCID iD <https://orcid.org/0000-0002-6396-3694>.

Матяшевская Ангелина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: angelinacaribe@gmail.com;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0003-4465-2089>.

Милёхина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: tmilehina@yandex.ru;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0002-5931-9700>.

Мякшева Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: myakshev@mail.ru;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0003-2553-8555>.

Незнаева Ольга Сергеевна – ассистент, кандидат филологических наук кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: osneznaeva@gmail.com;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0003-4281-3969>.

Никитина Ольга Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

E-mail : wetlinaow@mail.ru;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0003-1577-3711>.

Сиротинина Ольга Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: skunak@mail.ru;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0002-3258-4536>.

Тырникова Наталия Геннадиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова

E-mail: natalia2371@mail.ru;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0002-7936-897X>.

Уздинская Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: levitzky@mail.ru;

ORCID iD <http://orcid.org/0000-0003-4901-0464>.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Авторский коллектив:

С. В. Андреева, А. Н. Байкулова, Т. С. Боц, Е. Ю. Викторова,
И. А. Вороновская, А. А. Гвоздюк, А. В. Дегальцева, А. А. Кисельникова,
М. А. Кормилицына, Е. П. Макеева, А. И. Матяшевская, Т. А. Милёхина;
О. В. Мякшева, О. С. Незнаева, О. В. Никитина, О. Б. Сиротинина,
Н. Г. Тырникова, Е. В. Уздинская.

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ: ВЛИЯНИЕ СФЕР
ОБЩЕНИЯ НА ФАКТОРЫ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ**

Монография

Под редакцией О. Б. Сиротининой

Компьютерная верстка
Т. Н. Сиротининой

Подписано в печать 27.12.2021. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать RISO. Объем 16,0 печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 235.

ООО Издательский Центр «Наука»
410012, г. Саратов, ул. Пугачева 117, оф. 50

Отпечатано с готового оригинал-макета
ООО «Орион»
410031, г. Саратов, ул. Московская, 62
Тел.: 8 (8452) 23-60-18, +7-902-710-33-03